
Б14 4/191

814 4/101

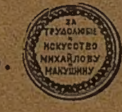
Протоіерей Д. Н. Бѣликовъ.

ТОМСКІЙ РАСКОЛЪ.

(Историческій очеркъ отъ 1834 по 1880-ые годы).

ТОМСКЪ.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина, Благов. пер.

1901.

Протоіерей Д. Н. Бѣликовъ.

ТОМСКІЙ РАСКОЛЪ.

(Историческій очеркъ отъ 1834 по 1880-ые годы).

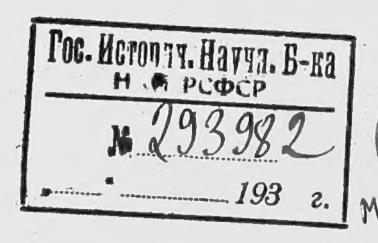

ТОМСКЪ.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина, Благов. пер.

1901.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.
Редакторъ, Ректоръ Университета Проф. *А. Судаковъ.*

Гос. Историч. Научн. Б-ка
Н. РСФСР
№ 293982
193 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе.

Настоящій трудъ составленъ почти исключительно по архивнымъ данным, почерпнутымъ изъ архивовъ Томскаго Губернскаго и Томской Духовной Консисторіи. Трудъ вышелъ бы полнѣе и цѣннѣе въ своемъ содержаніи, если бы послѣдній изъ названныхъ архивовъ сохранился въ цѣлости. Зданіе Консисторіи подверглось пожару въ 1866 году, и хранившееся въ самомъ зданіи консисторское архивное достояніе, накопленное до того года, было истреблено почти все.—Требовались при составленіи этого труда разные печатные матеріалы и обработки, существующіе въ общей литературѣ о расколо-сектантствѣ, но, по мѣстнымъ условіямъ, не всегда можно было найти то, чѣмъ хотѣлось и чѣмъ иногда необходимо было воспользоваться. Сдѣлано нами все, что были въ силахъ сдѣлать. Кто занимался въ архивахъ съ научными цѣлями и при томъ тамъ, гдѣ нѣтъ архивной комиссіи, тотъ пойметъ, какую массу усилій намъ довелось употребить на дѣло собиранія матеріала, раскиданнаго въ многочисленныхъ и полновѣсныхъ самыми разнообразными бумагами связкахъ, и систематическаго распредѣленія добытыхъ отсюда сырыхъ фактовъ. Несомнѣнно, въ сочиненіи найдется не мало неточностей, пробѣловъ, болѣе или менѣе важныхъ недосмотровъ, но эти и подобныя погрѣшности были почти неизбѣжны въ сложной работѣ, совершонной авторомъ при безпрерывномъ исполненіи прямыхъ обязанностей его служебнаго положенія.

Надѣемся, что трудъ и въ томъ видѣ, какъ онъ есть, явится далеко нелишнимъ въ нашей церковно-исторической литературѣ, такъ скудной произведеніями о Сибири.

Дѣла Губернскаго архива, въ цитатахъ помѣченныя №№-ми связокъ отъ 84 до 130-хъ, состояли въ производствѣ Томскаго Общаго Губернскаго Управленія, дѣла, взятыя изъ связокъ 700-хъ, производились въ Губернскомъ Правленіи.

31 декабря 1900 года.
г. Томскъ.

Въ ряду разныхъ русскихъ областей и губерній съ наиболѣе обильнымъ расколо-сектанскимъ населеніемъ Томская губернія занимаетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. Численностію своихъ послѣдователей расколъ представляетъ здѣсь огромную силу. Это чрезвычайно важное и вмѣстѣ мало кому извѣстное обстоятельство нужно объяснить причинами географическаго, топографическаго расположенія названной губерніи и историческихъ условій ея заселенія. Огромная, раскинувшаяся въ центрѣ необъятной Сибири, губернія заключаетъ въ своихъ предѣлахъ болѣе 759000 квадр. верстъ. На этомъ пространствѣ, далеко превосходящемъ величину большого западно-европейскаго государства, дикія, съ безчисленными большими и малыми озерами и топями, степи неоглядны, а дремучіе таежные и черневые лѣса тянутся безъ перерыва на сотни верстъ *).

Алтай, заполняющій южную сторону губерніи, въ массѣ своихъ горныхъ кряжей съ ихъ переплетающимися отрогами, съ ихъ дикими ущельями и доселѣ на своей мощной ширинѣ почти отъ самаго Бійска до китайской границы представляетъ множество мѣстностей еще невѣдомыхъ, еще неизслѣдованныхъ.

Много потаенныхъ угловъ въ предѣлахъ Томскаго края найдется и въ настоящую пору. Но можно себѣ представить, что это была за глушь въ отдаленномъ прошломъ,—въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII в. А это какъ разъ было время, когда въ центральной Россіи раскольникамъ жилось особенно тяжело. Въ виду строжайшихъ противъ раскола постановленій царевны Софьи, тяжестей двойного подушнаго оклада, наложеннаго на старообрядцевъ Петромъ I, въ виду неуклонныхъ преслѣдованій за религіозныя разномыслія въ царствованія Анны Ивановны и Елизаветы Петровны старовѣрцы толпами бѣжали изъ Россіи во всѣ сколько-нибудь безопасные для нихъ концы,—въ томъ числѣ страны сибирскія и въ частности томскую. Нелегко, конечно, бѣглецу было добираться до Богъ вѣсть въ какой дали

*) „Томская губернія по площади своей составляетъ почти 6⁰/₀ всей Сибири, 18⁰/₀ всей Европейской Россіи и до 4½⁰/₀ Россійской Имперіи безъ Польши и Финляндіи. Если же сравнить ея площадь съ величиною другихъ иностранныхъ державъ, то она превосходитъ европейскія владѣнія Великобританіи почти въ 2½ раза, Пруссію въ 3 раза и собственно Францію въ 1½ раза". Томская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 г. изданъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ Министерства Внутр. Дѣлъ 1868. Спб., стр. 1.

закинутыхъ томскихъ пустошей, но онъ брелъ сюда, ободряемый увѣренностію, что въ новомъ краю устроится безъ особаго страха за цѣлость своихъ религіозныхъ убѣжденій и свою личную по поводу нихъ неприкосновенность. Начальства здѣсь было мало, да и какой изъ начальниковъ въ состояніи былъ услѣдить, кто поселился въ такихъ лѣсныхъ или горныхъ дебряхъ, куда можно было дойти только знающему секретныя тропы. Правда, бывали ревизіи—первая въ 1722 и вторая въ 1744—5 годахъ, причемъ всѣ пришельцы обязаны были явиться къ чиновникамъ—ревизорамъ для записи въ подушный окладъ и для заявленій объ избранномъ мѣстожительствѣ. Но, во-первыхъ, въ томской глуши можно было избѣжать ревизской записи гораздо легче, чѣмъ въ какой-либо другой не сибирской области, [1]) во-вторыхъ, у чиновниковъ-ревизоровъ отдаленной и неустроенной страны едва ли могъ возникнуть интересъ доискиваться, кто изъ крестьянъ держался какой вѣры, если только пришлецъ не выдавалъ своего старообрядчества по какому либо особому обстоятельству. Въ продолженіи отъ конца XVII и до 30-хъ годовъ XVIII в не мало набѣжало „раскольщиковъ" къ самому Томску на обширные районы земель, оффиціально причисленныхъ къ вѣдомству Чаусскаго острога на Оби и острога Сосновскаго на Томи. Но еще больше явилось ихъ въ пустынныя пространства, входящія нынѣ въ составъ Барнаульскаго и Кузнецкаго округовъ. Многія изъ деревень, расположенныхъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ близъ Оби (насколько она протекаетъ въ предѣлахъ Барнаульскаго округа) и по рр. Берди, Чумышу съ ихъ притоками были заведены бѣглецами Петровскаго времени, утекшими съ родины по дѣламъ раскола. [2]) Въ ту же Петровскую пору завелись здѣсь первыя раскольничьи пустыни Элунина и Шадрина, преданія о коихъ среди Барнаульскихъ крестьянъ сохраняются и доселѣ. Въ 1733 году Тобольскій митрополитъ Антоній I Стаховскій писалъ о всемъ томскомъ краѣ, какъ о такомъ, который былъ зараженъ расколомъ болѣе, чѣмъ каждая изъ другихъ сибирскихъ областей, подчиненныхъ его обширному архіерейскому вѣдѣнію. Здѣсь, говоритъ онъ, „самое дно раскольничества содержится" [3]).

Кромѣ раскольниковъ изъ бѣглецовъ, приходившихъ въ пространство нынѣшней Томской губерніи и селившихся на немъ сначала потаенно, сюда же посылались раскольники-переведенцы или по волѣ частнаго владѣльца, или по распоряженію правительства. Съ 1730 года началъ разрабатывать руды въ Алтайскихъ горахъ Акинфій Демидовъ и построилъ мѣдно-сребро-плавильные заводы Колывано-Воскресенскій, Шульбинскій и Барнаульскій. Рабочихъ для заводскаго дѣла на Алтаѣ Демидовъ толпами присылалъ изъ

[1]) Д. Бѣликовъ. Первые русскіе крестьяне - насельники Томскаго края. Томскъ, 1898 г, стр. 25.

[2]) Въ одномъ архивномъ документѣ 1719 года читаемъ:.. „въ Бійскомъ, Берскомъ, и Бѣлоярскомъ острогахъ, *которыхъ окрестъ и деревни* свободно *имѣются*, церквей Божіихъ нѣтъ, токмо одни (раскольничьи?) часовни, а въ тѣхъ острогахъ и *окрестныхъ деревняхъ* людства всякаго чина имѣется больше тысячи дворовъ"—Томская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 г. Стр. LXV.

[3]) Д. Бѣликовъ. Старинные монастыри Томск. края. Томскъ. 1898, стр. 29.

слободъ около своихъ Урало-Невьянскихъ заводовъ [1]). Между тѣмъ хорошо извѣстно, что тѣ слободы были исключительно населены раскольниками. Въ 1734 году на пути отъ Устькаменогорска на Кузнецкъ посѣтилъ Колывано-Воскресенскій заводъ извѣстный путешественникъ по Сибири І. Г. Гмелинъ и его вниманіе заинтересовало здѣсь, между прочимъ, то обстоятельство, что всѣ обитатели завода, начиная отъ старшаго Демидовскаго приказчика Кудрявцева держались старой вѣры, были Starowierzi, и эти недавніе переведенцы изъ уральскихъ старовѣрцовъ успѣли уже построить иноческую обитель на р. Чарышѣ въ качествѣ своего вѣроисповѣднаго центра. [2])

Спустя 28 лѣтъ послѣ проѣзда Гмелина, въ предѣлы томскаго края прибыли новыя массы старообрядцевъ. Это были раскольники, выведенные изъ разоренныхъ русскими войсками Вѣтковскихъ и Стародубскихъ слободъ. Повелѣніемъ императрицы Екатерины II они были водворены частію въ Барабѣ, но въ гораздо большемъ количествѣ въ нынѣшнихъ Бійскомъ и Змѣиногорскомъ округахъ по рр. Алею, Убѣ, Ульбѣ, и рч. Бобровкѣ, гдѣ въ ихъ руки перешли лучшія по хлѣбородію мѣста. Насельники длиннаго ряда деревень по указаннымъ рѣкамъ съ ихъ мелкими притоками въ нынѣшнихъ волостяхъ Александровской (прежде Убинская), Владимірской (прежде Крутоберезовская), Бобровской, Алейской и отчасти Ануйской (с. Сибирячиха, д. Топольная и др.) и до сего дня сохраняютъ за собою особенности, отличающія ихъ отъ всѣхъ другихъ Бійскихъ и Змѣиногорскихъ крестьянъ [3]).

Колонизовали томскій край утеклецы и переведенцы не изъ однихъ старообрядцевъ. Здѣсь поселялись и православные пришельцы, приходившіе въ новую дальную сторону или по указамъ государей для разведенія и умноженія царской пашни, или явились сюда самовольно, въ качествѣ бѣглецовъ же, изгнанныхъ съ исконныхъ мѣстъ тѣми тягостями гражданскаго существованія, какихъ для крестьянина было такъ много на Руси особенно при передѣлкѣ ея государственнаго строя, предпринятой гигантомъ—царемъ. Эти элементы томской колонизаціи часто при заселеніи смѣшивались съ раскольничьими. А если даже устраивались особнякомъ, отдѣльными отъ раскольниковъ деревнями, то все-же рано или поздно подпадали подъ раскольническое вліяніе. Дѣло въ томъ, что за все XVIII столѣтіе православ-

---

[1]) „Первые русскіе крестьяне - насельники Томскаго края.“ Стр. 32—34.

[2]) G. Gmelin. Reise durch Sibirien Göttingen, 1751 I. Thl., Ss. 256—258.

[3]) Указываютъ на чистоту и выразительность русскаго типа, сохранившагося среди этихъ польскихъ насельниковъ томской стороны. Въ кругу ихъ бытовыхъ особенностей имѣются, между прочимъ, слѣдующія. Женщины и дѣвицы въ польскихъ селеніяхъ вмѣсто того, чтобы надѣвать шали по обычному шаблону, обертываютъ ихъ вокругъ головы толстымъ неуклюжимъ слоемъ. Вмѣсто ботинокъ женщины имѣютъ на ногахъ небольшія бахилы. Лѣтомъ мужчины носятъ шляпы, зимой четыреугольныя шапки Фуражки избѣгаютъ, какъ еретической новизны. Вообще отъ всего моднаго, что начало проникать въ деревенскій бытъ, оберегаются самымъ тщательнымъ образомъ. „Не увидишь въ польскихъ деревняхъ, писалъ намъ одинъ изъ томскихъ миссіонеровъ, ни городскихъ санокъ, ни городской телѣжки. Вино пьютъ только рѣдкіе. Но за то въ большомъ количествѣ употребляютъ домашнее пиво. Къ свадьбѣ навариваютъ пива отъ 30 до 40 ведръ. Въ страдную пору любятъ работать помочами съ угощеніемъ тѣмъ же пивомъ и медовымъ квасомъ. Зажиточность у названныхъ крестьянъ почти постоянное явленіе. Во всякомъ случаѣ, хлѣбъ у каждаго свой, медъ только у рѣдкаго купленный. Скота у многихъ поляковъ—обиліе“.

ныхъ церквей въ томской странѣ было чрезвычайно мало и поэтому деревни, разбросанныя тамъ и сямъ, часто отстояли отъ храмовъ на 100, 200, 300 и даже болѣе верстъ и притомъ за разными преградами на пути въ видѣ большихъ рѣкъ, топей или таежныхъ, почти не проѣзжихъ лѣсовъ. Такъ, изъ архивныхъ данныхъ намъ извѣстно, что когда въ первый разъ была отстроена Воскресенская церковь въ Колыванскомъ заводѣ, ея приходъ простирался отъ Алейской деревни до деревень за Обью въ нынѣшней Тальменской волости, т. е. съ юга на сѣверъ этотъ приходъ обнималъ пространство около 300 верстъ [1]). Во второй половинѣ XVIII в. на громадныхъ районахъ нынѣшнихъ Бійскаго и Барнаульскаго округовъ насчитывалось не болѣе 10 церквей, между тѣмъ количество приписныхъ къ нимъ деревень состояло уже изъ многихъ сотенъ [2]). Въ какой мѣрѣ на пространствѣ всей западной Сибири и въ частности томской губ. храмы были рѣдки за первую четверть текущаго XIX ст., видно, между прочимъ, изъ донесенія въ св. Сунодъ проѣзжавшаго чрезъ Сибирь на служеніе въ Пекинѣ архимандрита Петра. Архимандритъ писалъ, что имѣются въ предѣлахъ Тобольской епархіи мѣстности обширныя, гдѣ совершенно нѣтъ церквей, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ деревни удалены отъ приходскихъ храмовъ на 500 верстъ. Каинскіе священно-служители употребляютъ „на объѣздъ своихъ приходскихъ деревень по полугоду времени. Множество дѣтей въ сибирскихъ деревняхъ умираетъ безъ крещенія, а изъ умершихъ взрослыхъ только рѣдчайшіе удостоиваются погребенія“ [3]).

Не бывая въ храмахъ по 10 или, какъ говорилъ архим. Петръ, по 20 лѣтъ, вѣрнѣе же, бывая въ нихъ только одинъ разъ въ жизни для бракосочетаній, томскіе крестьяне постепенно отвыкали отъ нихъ и, наконецъ, по отношенію къ православнымъ храмамъ пріобрѣтали полное равнодушіе. Понятно, до какой степени это равнодушіе было благопріятнымъ условіемъ для раскольнической пропаганды. Достаточно было самому не мудрому старообрядческому наставнику забрести въ деревню, чтобы переманить ея жителей на свою сторону розсказнями объ еретичествѣ никоніанскихъ поповъ, о драконѣ, опутавшемъ всю греко-россійскую церковь и т. п.—Достаточно было гдѣ-нибудь въ сосѣднемъ мѣстѣ завестись раскольнической часовнѣ или молельнѣ, чтобы на ряду со старообрядцами туда пошли и православные. Вотъ яркій примѣръ въ подтвержденіе сейчасъ сказаннаго. Въ 1805 году проживавшій гдѣ-то около Змѣиногорска бергайеръ (казенный рабочій горнаго рудника), скучая въ праздники безъ общественной молитвы и безъ дѣла, отправился въ дер. Чарышской вол. Бійск. окр. Усть-Ермилиху. Въ Усть-Ермилихѣ прослышалъ, что остановился здѣсь пришедшій съ

[1]) Это видно изъ отрывка метрическихъ записей церкви Колывано-Воскрес. завода за 1737 годъ. Отрывокъ найденъ нами въ связкѣ дѣлъ Томскаго Дух. Правленія за 1827 годъ.

[2]) См. Списокъ населенныхъ мѣстъ Том. края за 1786 г. въ приложеніи къ нашему очерку: Насельники Томскаго края.

[3]) Указъ Тобольск. Дух. Консисторіи въ Барнаульское Дух. Правленіе отъ 11 октября 1815 г. Въ архивѣ Барнаульскаго Дух. Правленія.

Поморья учитель Сизой Герасимовъ, который въ домѣ крестьянина Власова бесѣдуетъ съ обывателями очень назидательно и трогательно. Демидовъ немедленно пошелъ въ домъ Власова, гдѣ засталъ Сизоя за отправленіемъ вечерни „въ присутствіи многихъ людей". За вечерней послѣдовала новая бесѣда, которую Демидовъ прослушалъ со всѣмъ вниманіемъ. Бесѣда умилила его такъ, что послѣ того онъ ходилъ слушать „учителя" нѣсколько недѣль къ ряду и, наконецъ, сталъ его ревностнымъ ученикомъ. На бесѣдахъ съ Демидовымъ и прочими своими учениками Сизой, „основываясь на старыхъ книгахъ, давалъ наставленіе" въ церковь не ходить, на исповѣди у поповъ не бывать, если не будетъ на то крайняго принужденія,— отъ причастія отговариваться „внутреннею немощію", вѣровать, что антихристъ уже воцарился и что отъ антихриста можно убѣжать путемъ новаго крещенія. Подчинивъ своему духовному руководительству Усть-Ермилиху, Сизой перешелъ въ д. Гилеву, гдѣ въ продолженіи 1805—1806 гг. перекрестилъ въ р. Алеѣ не только мѣстныхъ жителей, но и многихъ крестьянъ изъ сосѣдней Космалинской волости и особенно изъ дер. Воронихи. Зимою не стѣснялся перекрещивать въ проруби. Одновременно велъ расколоучительство и бергайеръ Илья Демидовъ, нашедшій не мало послѣдователей среди змѣиногорскихъ горныхъ рабочихъ изъ мужчинъ и женщинъ. Для довершенія въ наставленіи пріобрѣтенныхъ сторонниковъ Илья отсылалъ ихъ къ старшему учителю,—къ Сизою [1]).

Противодѣйствія широкому распространенію раскола и его мощному вліянію въ деревенской средѣ почти не было. Приходское духовенство, при большой раскиданности приходовъ, навѣщало деревни изрѣдка и торопливо. Да по своему малому образованію оно и не было подготовлено для серьезной борьбы съ расколомъ на почвѣ увѣщаній и убѣжденій. Соблазнительное поведеніе многихъ изъ представителей былого сельскаго, въ Сибири, духовенства тѣмъ болѣе ослабляло дѣло его религіозно-нравственнаго воздѣйствія на православное населеніе, доставляя расколоучителямъ самое острое противъ него, духовенства, оружіе.

Постоянныя сношенія православныхъ со старообрядцами при относительномъ обиліи послѣднихъ въ краѣ—сношенія по разнымъ нуждамъ жизни и быта, частыя родственныя связи между тѣми и другими, устанавливаемыя необходимостію брачныхъ заключеній въ малонаселенной странѣ,— все это довершаетъ рядъ причинъ, почему духовная атмосфера въ томскихъ селеньяхъ и деревняхъ была насыщена старообрядческими вѣяніями.

Впрочемъ, въ настоящей работѣ мы имѣемъ въ виду томскій расколъ не въ его отдаленномъ прошломъ, а въ быломъ сравнительно недавнемъ. Мы рѣшились прослѣдить, насколько позволяетъ намъ матеріалъ, за жизнью расколо-сектантства въ томскомъ краѣ отъ 1834-го (годъ открытія томской епархіи) до 1880-хъ годовъ.

---

[1]) Слѣдственное дѣло за 1807 годъ—изъ архива Барнаульскаго Дух. Правленія, въ г. Барнаулѣ.

I.

Численность томскаго раскола.—Числа по Варадинову и по нашимъ матеріаламъ.—Неточность исчисленій и ея причины.—Признаніе неточности со стороны оффиціальныхъ учрежденій.—Незаписные, т. е тайные раскольники и ихъ большое количество. Типъ тайнаго раскольника.—Къ числу тайныхъ раскольниковъ принадлежали иногда расколоучители.—Раскольники и сектанты изъ переселенцевъ и поселенцевъ.—Раскольники—бродяги.—Общее количество раскольниковъ по Томской губерніи къ 1880-мъ годамъ.

Прежде всего о численности въ томскомъ расколѣ.

Первое на этотъ счетъ показаніе мы встрѣчаемъ у Варадинова въ его извѣстномъ VIII томѣ исторіи министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Оно относится къ 1826 году. Въ исчисленіи послѣдователей расколо-сектантства по всей имперіи количество томскихъ раскольниковъ вмѣстѣ съ духоборами и скопцами выражено у названнаго автора за указанный годъ цифрою въ 26418 душъ обоего пола. Спустя одиннадцать лѣтъ, именно въ 1837 г., томскій расколъ въ его разныхъ развѣтленіяхъ возросъ у него-же до количества 41679 душъ обоего пола. Въ послѣдующіе годы цифры, по Варадинову, падаютъ. Такъ, за 1841 годъ всего раскольниковъ и сектантовъ по нашей губерніи показано 39938, за 1846-ый—35758 и за 1850-ый—25090 душъ обоего пола [1]).

По нашимъ письменнымъ и печатнымъ матеріаламъ раскольниковъ въ предѣлахъ описываемой губерніи насчитывалось: за 1834-й годъ—34143 д.; за 1836-й—41488;—1840-й—31620 (безъ Каинскаго округа; въ 1841 году расколо-сектантовъ въ этомъ округѣ состояло 2389 д.) [2]), за 1850-ый—19844 (и единовѣрцевъ 19068 д.) [3]),—1861-й—14671 и за 1869-ый—28325 душъ обоего пола [4]).

Въ 1878 г. на запросъ по настоящему дѣлу томскаго губернатора консисторія отвѣтила, что всѣхъ раскольниковъ въ томской епархіи имѣется 10048 д.[5]). Въ 1883 г. цифровое о раскольникахъ показаніе поднялось до 34622[6]) и въ 1887 г. до 81069 душъ обоего пола съ такимъ распредѣленіемъ по округамъ:

Бійскому	35000
Барнаульскому	40000
Каинскому	2775
Томскому	1415
Маріинскому	1227
Кузнецкому	652 душъ [7]).

---

[1]) Варадиновъ. Исторія министерства Вн. Д.—VIII-ая дополнительная книга. Спб. 1863, стр. 167, 375, 379, 448, 577.

[2]) Дѣла Губерн. архива съ донесеніями о численности раскольниковъ—въ связкахъ 84, 88, 89.

[3]) Донесеніе въ св. Синодъ томскаго епископа Аѳанасія въ дѣлѣ о постройкѣ церквей въ Томской епархіи. Губерн. арх.; св. 117.

[4]) Дѣло, возникшее въ 1868 г. по предписанію г. Министра Вн. Д. о доставленіи свѣдѣній, касающихся состоянія томскаго раскола.—Въ томъ-же арх., св. 105.—Свѣдѣнія о расколѣ собиралъ чиновникъ Юрченко; записку о состояніи раскола, на основаніи этихъ свѣдѣній, составилъ князь Костровъ.

[5]) Дѣло Томск Консисторіи за 1878—по общей описи I стола № 358.

[6]) Томскія Епарх. Вѣдомости 1884 № 21, стр. 16

[7]) Отчетъ Томскаго Братства святителя Димитрія Ростовскаго за 188^{7}/$_{8}$ г. стр. 6—7. Отдѣльный оттискъ изъ Епархіалн. Вѣдомостей.

Предъ нами рядъ цифръ то повышающихся, то понижающихся, и варіирующихъ такъ неправильно, очевидно, потому, что статистика собиралась только относительно явныхъ, такъ называемыхъ записныхъ раскольниковъ и притомъ составлялась двумя вѣдомствами, каждымъ другъ отъ друга независимо. Неточность исчисленія признавали сами исчислители и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами же и указывали на нее. Въ 1864 году Бійскій земскій судъ писалъ: „по статистическимъ свѣдѣніямъ за прошлый 1863 г. всѣхъ жителей обоего пола въ Бійскомъ окр. 158838 душъ и въ томъ числѣ раскольниковъ 4384 муж. и 4894 жен. пола. Но можно положительно утверждать, что послѣднія двѣ цифры не вѣрны. Въ округѣ есть много такихъ лицъ, которыя по церковнымъ и другимъ документамъ показаны православными, а на самомъ дѣлѣ принадлежатъ расколу. Въ числѣ таковыхъ тайныхъ раскольниковъ имѣются дѣятели, даже судившіеся за расколоученіе. И вообще слѣдственныя дѣла постоянно обнаруживаютъ, что на одного открытаго сектанта бываетъ три или даже четыре тайныхъ.“ [1]) По мнѣнію Бійскаго суда, въ общемъ населеніи подвѣдомаго его надзору округа принадлежала расколу, по крайней мѣрѣ, 1/8 часть. Но мы сказали бы, что и этой 1/8 далеко не исчерпывалось истинное количество бійскаго раскола за 1860-ые годы. Въ запискѣ о состояніи раскола въ Елбанскомъ (бійскаго окр.) приходѣ, поданной епархіальному начальству въ 1865 году, авторъ ея, о. Покровскій, увѣрялъ, что Алтайскій край почти сплошь раскольническій, что православные или, по раскольническому выраженію, „мірскіе“ составляютъ здѣсь рѣдкость, но и они, „если только принадлежатъ къ исконнымъ сибирякамъ, заражены старообрядческой закваской“[2]). Волостное Убинское правленіе въ 1867 году имѣло поводъ засвидѣтельствовать, что въ его большой волости 1/4 населенія раскольниковъ явныхъ и болѣе половины населенія раскольниковъ тайныхъ [3]). Расколоучитель Толстокоровъ въ 1886 году говорилъ о себѣ, что доселѣ онъ долженъ былъ иногда укрывать свой расколъ и что вообще число тайныхъ, незаписанныхъ раскольниковъ далеко переступаетъ за половину всего исконнаго барнаульскаго крестьянства. [4]) Ниже намъ встрѣтятся

Количество общаго населенія Томской губерніи за разные годы XIX столѣтія видно изъ слѣдующей взятой нами изъ Губ. Правленія таблицы:

За 1808	220000
„ 1824	326287
„ 1835	420987
„ 1851	596114
„ 1858	673620
„ 1866	764517
„ 1869	817163
„ 1876	926206
„ 1882	1104908 душъ обоего пола.

[1]) Дѣло Томск. Духовн. Консисторіи о встрѣченныхъ гражданскимъ начальствомъ затрудненіяхъ при производствѣ слѣдствій по дѣламъ раскола. Арх. Томск. Консисторіи по описи I стола № 41 за 1866 г.

[2]) Записка о состояніи раскола въ Елбанскомъ приходѣ, составленная въ 1865 г. свящ. Вас. Покровскимъ. Арх. Томск. Консисторіи по оп. № 19/16 за 1866 г.

[3]) Дѣло Томск. Конс. № 31 за 1868 г.

[4]) Дѣло Томск. Конс. о Толстокоровѣ. Арх. Томск. Конс. по общ. оп. I стола за 1876 г. № 161.

солидныя основанія, по которымъ добрую половину въ населеніи Каинскаго округа за время отъ 1835 и по 1870-ые годы мы также должны отнести къ тайному старообрядству. Разумѣется, консисторія не могла не знать громадную степень тайной зараженности епархіи расколомъ и то чрезвычайно выразительное обстоятельство, что крестьяне почти всѣхъ томскихъ округовъ не бывали у исповѣди и св. причастія по нѣскольку лѣтъ, а иногда десятковъ лѣтъ сряду, члены консисторіи въ 1877 году единодушно объяснили пропитанностію населенія раскольническими воззрѣніями и симпатіями [1]).

Крестьянинъ дер. Ново-Повалихи Кунгурцевъ нашелъ нужнымъ въ 1866 году пояснить судебнымъ слѣдователямъ, что родители его, многочисленные родственники и самъ онъ, хотя крестились и вѣнчались въ православной церкви и въ ней же иногда отпѣвали своихъ покойниковъ, но „настоящимъ образомъ молились дома или въ Шипицинской раскольнической часовнѣ,—что въ домашнемъ быту держались неуклонно по поморской сектѣ *даниловскаго* согласія“ [2]). Въ лицѣ Кунгурцева и его родныхъ мы встрѣчаемъ типичныхъ представителей томскаго незаписнаго раскола. Числясь оффиціально въ православіи или въ единовѣріи, Кунгурцевы и имъ подобные крестились, вѣнчались въ храмахъ, иной разъ исповѣдывались у священниковъ, кое-какъ несли разныя приходскія матеріальныя обязательства и во всемъ прочемъ оставались раскольниками со всѣми раскольническими убѣжденіями, взглядами и обычаями. Въ прежнее, теперь уже давнее время раскольники изъ соображеній бо́льшого для себя спокойствія и удобства сами добивались записи въ духовныя росписи подъ рубрикою православныхъ и, если не бывали у исповѣди, то всетаки во многихъ случаяхъ достигали того, что писались бывшими. Въ 1819 году Бердскіе и Легостаевскіе (Барн окр.) раскольники по возникшему о нихъ дѣлу показывали, что хотя числились православными, но у исповѣди не бывали и за отмѣтку въ духовныхъ росписяхъ бывшими платили по 10 коп. съ каждой души. [3]) Въ 1837 г. Кузнецкаго вѣдомства Бочатскаго села свящ. Всеволодъ Кондаковъ рапортомъ донесъ томскому преосвящ. Агапиту, что „многіе изъ его прихожа́нъ уклоняются отъ христіанскихъ обязанностей и въ великую четыредесятницу у исповѣди и св. причастія не бываютъ, часто являясь съ денежными подкупами, дабы онъ, Кондаковъ, отмѣчалъ ихъ въ исповѣдныхъ росписаніяхъ, что у исповѣди бывали“. Когда Кондаковъ подкупы отъ себя отстранялъ, крестьяне указывали ему на смежные Мунгатскій и Усть-Сосновскій приходы, „гдѣ священники яко-бы отмѣчаютъ небывшихъ на исповѣди бывшими“. Преосвященный написалъ на рапортѣ слѣдующую выразительную резолюцію: „И при моемъ обозрѣніи епархіи подобные слухи о писаніи священниками небывшихъ у исповѣди и св. причастія бывшими, рав-

---

[1]) Архивъ Томск. Губ. Прав. въ связкѣ 116-ой № 152.

[2]) Дѣло о расколо-учителяхъ Ксенофонтѣ и Петрѣ Гутовыхъ.—Архивъ Томск. Конс. за 1866 г. по общ. описи № 8/8, листъ 48.

[3]) Указъ Тоб. Дух. Консист. въ Барнаульское Д. Правл. отъ 23 іюня 1819 г.—Арх. Барн. Дух. Правл.

но какъ некрещенныхъ младенцевъ крещенными доходили до меня. Циркулярно предписать по нашей епархіи съ наистрожайшимъ подтвержденіемъ, чтобы впредь ни подъ какимъ видомъ священники сего не дѣлали. Въ противномъ случаѣ не только на долгое время будутъ запрещаемы въ священнослуженіи съ отрѣшеніемъ отъ мѣста, но и лишаемы сана" [1]).

Замѣчательно, что по оффиціальнымъ документамъ къ православію принадлежали иногда жители такихъ деревень, которыя состояли въ роли передовыхъ, выдающихся для раскола пунктовъ. Въ примѣръ можемъ указать недавно упомянутую многолюдную деревню (нынѣ село) Гилеву. Жители ея ярые раскольники—поморцы находили, однако, возможнымъ крестить дѣтей своихъ въ православномъ Змѣиногорскомъ храмѣ съ тѣмъ, чтобы потомъ перекрещивать ихъ по своей вѣрѣ.

Въ 1873 г. подлежала духовному суду Гилевская дѣвица—невѣста по фамиліи Гилева-же, обвиняемая въ томъ, что по причащеніи предъ своимъ бракомъ выплюнула св. Дары въ платокъ. По метрикамъ Змѣиногорской церкви невѣста значилась съ именемъ Домники, а въ деревнѣ ее звали Татьяной. „Двойственность именъ, разъяснилъ благоч. о. Корольковъ,—самое обычное явленіе въ дер. Гилевой, гдѣ раскольники, окрестивъ дитя въ православной церкви съ такимъ именемъ, перекрещиваютъ его потомъ у себя съ другимъ, которое затѣмъ удерживается между однодеревенцами уже навсегда" [2]).

Въ приходѣ с. Ребрихи (Барн. окр.) по приходскому отчету за 1884 г. значилось раскольниковъ только 7 человѣкъ, между тѣмъ къ этому приходу были и остаются причислены дер. Шарчина и Куликова, горячей приверженностію къ безпоповщинскому расколу извѣстныя не только въ томской губерніи, но далеко и за предѣлами ея [3]).

Мы уже видѣли, что въ числѣ православныхъ состояли иногда даже расколоучители въ родѣ Толстокорова. Бійскій земскій судъ съ своей стороны указывалъ многихъ лицъ изъ числа православныхъ прихожанъ, судившихся за расколоученіе. Но вотъ еще примѣръ. Вначалѣ 1860-хъ годовъ среди бійскихъ раскольниковъ былъ въ большой славѣ старикъ Трифонъ Санаровъ, долгое время скрывавшійся для богомолья въ горахъ и, по выходѣ изъ горъ, носившій тяжелыя вериги въ видѣ двухъ желѣзныхъ полосъ, перекрестно надѣтыхъ на груди и на спинѣ и связанныхъ по животу широкимъ желѣзнымъ поясомъ. Раскольники рѣшительно благоговѣли предъ этимъ старикомъ за его подвижничество. Но, крещенный въ православной церкви, онъ также состоялъ по документамъ въ православіи, что, повидимому, было неожиданностію для него самого. Когда, по выходѣ изъ горнаго ущелья, съ богомолья, его предали суду за *уклоненіе* въ расколъ, при чемъ отдали на увѣщаніе священнику Дагаеву, Санаровъ съ большимъ волненіемъ сказалъ увѣщателю: „никогда я не совращался, всегда

---

[1]) Указъ Томск. д. Консисторіи въ Барнаульск д. правленіе отъ 15 октяб. 1837 г.

[2]) Дѣло томск. конс. за 1873 г. по общ. оп. № 72.

[3]) Приходскій отчетъ с. Ребрихи за 1884 г. въ архивѣ томск. консисторіи.

почиталъ и почитаю іерусалимскую церковь и готовъ потерпѣть за вѣру столько, сколько хватитъ моихъ силъ"[1]).

Кромѣ расколо-сектантовъ изъ мѣстныхъ жителей, въ предѣлы нашей губерніи никогда не переставали приливать раскольники изъ переселенцевъ. Усиленное переселенческое движеніе въ Сибирь началось съ конца 1880-хъ годовъ. Но почти ежегодно тысячами переселенцы осѣдали въ Томской губерніи и ранѣе, и въ этихъ тысячахъ всегда можно было насчитать если не сотни, то многіе десятки семей, принадлежавшихъ расколу, особенно когда переселенцы являлись изъ сѣверо-восточныхъ губерній Европейской Россіи. Покинувшіе родину вслѣдствіе экономическихъ затрудненій, раскольники-переселенцы селились и не перестаютъ селиться по всѣмъ округамъ губерніи, но въ Бійскомъ и Барнаульскомъ по преимуществу. Предпочтеніе двухъ послѣднихъ округовъ нужно объяснять не одною хлѣбородностію бійскихъ и барнаульскихъ полей, но и тѣми соображеніями пришлыхъ сектантовъ—что въ Бійскомъ и Барнаульскомъ округахъ они всего скорѣе попадутъ въ свою вѣроисповѣдную среду, гдѣ найдутъ всяческую для себя поддержку и въ частности матеріальную поддержку въ своей переселенческой нуждѣ. Но не изъ однихъ только обще-переселенческихъ побужденій приходили и приходятъ раскольники въ центральную сибирскую губернію съ партіями новоселовъ. Виды и разсчеты на сравнительно большую свободу въ исповѣданіи своей вѣры и болѣе надежное укрывательство отъ взоровъ начальства не переставали и не перестаютъ манить сюда старообрядцевъ и сектантовъ и во все продолженіе XIX вѣка. Еще въ первой четверти этого вѣка нѣсколько переселенческихъ семей забрались, съ цѣлью полнѣе, удобнѣе жить по расколу, въ такую отдаленную глушь Алтайскихъ горъ, которая до того времени извѣстна была только инородцамъ, да развѣ еще бѣглецамъ съ алтайскихъ казенныхъ заводовъ. Мы разумѣемъ Уймонскую долину, протягивающуюся по р. Кок-су верстъ на 30 въ длину и на 10—20 въ ширину между Терехтинскими и Катунскими бѣлками. Главнымъ образомъ, если неисключительно, благодаря раскольническимъ выходцамъ застроились здѣсь два русскихъ селенія Верхній Уймонъ и Нижній Уймонъ (Мульта-тожъ). Долгое время Уймонцы существовали совершенно изолированно въ разстояніи, за неприступными горами, отъ ближайшихъ сколько-нибудь населенныхъ мѣстъ на 250 или даже на 300 верстъ, но въ сравнительно недавнее время вблизи Уймоновъ (верстахъ 20-ти) появилась раскольническая-же дер. Катанда. Кто завелъ ее, какъ и много другихъ раскольническихъ поселеній по Алтаю, возникшихъ въ первой половинѣ XIX в., въ своемъ матеріалѣ мы не нашли отвѣта. Едвали, однако, ошибемся, если скажемъ, что своимъ появленіемъ въ укромныхъ, окрайныхъ мѣстахъ они обязаны колонистамъ, вышедшимъ изъ Россіи по тѣмъ-же мотивамъ, по какимъ на р. Кок-су явились Уймонцы. По крайней мѣрѣ намъ положительно извѣстно, что дер. Тайна, сосѣдняя съ нею Карагайская и Туманова (Ануй-

*) Дѣло томск. конс. № 41 за 1856 г.

ской вол.) основаны раскольниками, самовольно поселившимися здѣсь по выходѣ изъ Пермской и другихъ губерній [1]).

Такого рода выходцевъ въ Томскую губернію, т. е. выходцевъ съ преимущественною цѣлію найти на ея широкомъ просторѣ относительное приволье для житья по расколу мы находимъ не только въ Бійскомъ, но и въ другихъ округахъ Томскаго района. Переселенческая дер. Песчаная, Хабаринскаго прихода, Барнаульскаго окр.—состоитъ изъ раскольниковъ сплошь. Жители деревень Каинскаго округа—Гжатской и Каминской—сами свидѣтельствовали о себѣ, что ушли первые изъ Смоленской губ., вторые изъ изъ Шадринскаго уѣзда для того, чтобы въ Сибири свободнѣе чувствовать себя въ дѣлахъ, относяшихся къ завѣтной старообрядческой вѣрѣ [2]). Подобные же колонисты прочно усѣлись въ Маріинскомъ округѣ, образовавъ въ лѣсныхъ мѣстахъ деревни: Ново-Подзорную (въ 1848 г.), Тамбарскую (Тамбаръ), Благовѣщенскую, населенную въ 1855 г. крестьянами-выходцами изъ подъ Благовѣщенскаго завода, Оренбургской губ., въ количествѣ 400 душъ об. пола,—Рубину и Примѣткину [3]). По Томскому округу такое-же точно населеніе мы встрѣчаемъ въ дер. Орловой на р. Томи, Никольскомъ поселкѣ близъ р. Чулыма, Ново-Кусковской волости,—дер. Емельяновой Ишимской вол. [4])—и дер. Свѣтленькой (близъ Пѣтуховской тайги) Спасской волости [5]). Въ 1871 г. Пензенская дух. консисторія извѣстила Томскую о крестьянахъ с. Царевщины Мокшанскаго уѣзда, выѣхавшихъ въ количествѣ 66 д. муж. и 69 жен. пола на жительство въ Томскомъ округѣ съ тѣмъ, чтобы изъ тайныхъ раскольниковъ объявить себя здѣсь явными. Но прибыли-ли дѣйствительно сюда эти переселенцы и если прибыли, то гдѣ пріютились,—мы не нашли указаній [6]).

Нашъ списокъ вышелъ-бы слишкомъ длиненъ, если-бы, пользуясь своимъ матеріаломъ, мы захотѣли исчислить во всей полнотѣ переселенцевъ небольшими группами и отдѣльными лицами, раскинувшихся въ Томской области тамъ и здѣсь не только для болѣе легкаго и удобнаго житья по расколу, но даже для учительства въ расколѣ. Ограничимся указаніями только нѣкоторыхъ изъ такихъ выходцевъ. За 1849 г. въ Бійскомъ судѣ производилось дѣло о пріѣзжемъ Рыльскомъ купцѣ, уличенномъ въ многочисленныхъ совращеніяхъ [7]), а въ 1860-хъ годахъ мѣщанинъ изъ Рыльска-же Аркадій Жижинъ, проживая въ с. Спасскомъ Каинскаго округа, не только совратилъ въ бѣглопоповство взятую въ Сибири жену и ея дѣтей отъ прежняго мужа, но пытался увлекать въ свою вѣру и людей постороннихъ [8]). По донесенію свящ. с. Маймы о. Василія Вербитскаго, въ 1857 г. въ Смоленской вол. Бійскаго окр. поселились, между прочимъ,

---

[1]) О дер. Тайнѣ см. дѣло Томск. губ. суда въ губерн. архивѣ, св. 746.

[2]) Дѣла того-же архива въ связкахъ 115-ой и 746-ой.

[3]) Дѣла Томск. консисторіи по общ. оп. I стола за 1867 № 15 и за 1870 г. № 39. См. приходскіе отчеты за 1884 г о приходахъ Итатскомъ и Кайчакскомъ—въ архивѣ консисторіи.

[4]) Дер. Емельянова (Молоканы—тожъ) основана поселенцами - сектантами въ 1815 году (см. А. А. Кауфманъ. Экономическій бытъ государственныхъ кр—нъ Томск. округа... Т. I. Спб. 1892, стр. 30). къ нимъ впослѣдствіи прибывали переселенцы изъ собратій по вѣрѣ.

[5]) Жители д. Свѣтленькой вначалѣ жили на таежной рѣкѣ Яѣ,—отсюда перешли на занимаемое нынѣ мѣсто очень недавно.

[6]) Дѣло Томск. консист. по оп. I ст. за 1871 г. № 42.

[7]) Д. въ Губ. арх.; св. 126.

[8]) Д. Томск. консист. о мѣщ. Жижинѣ за 1869 г. № 49.

раскольники-совратители П. Максимовъ—изъ Вятской губ., Меѳодій Чернышевъ и какой-то учитель, называющій себя попомъ отъ Рогожскаго кладбища,— изъ Московской губ. Богородскаго уѣзда. Около того-же времени прибыли въ г. Барналъ и остановились въ немъ, проживая на квартирахъ, крестьяне изъ подъ Москвы Никол. Митькинъ, Ив. Коноваловъ, Антонъ Черкасовъ, Исаія Ивановъ и Самсонъ Сѣровъ съ семействами. Въ свою очередь и эти выходцы, особенно Митькинъ, были сильно заподозрѣны въ тайной, но оживленной агитаціи въ пользу раскола. Это заставило дух. консисторію просить губернское начальство о воспрещеніи въѣзда въ Томскую губернію раскольникамъ изъ иныхъ мѣстъ, такъ какъ „томскіе жители и безъ того уже заражены расколомъ отъ множества своихъ, мѣстныхъ, расколоучителей“ [1]). 20 сентября 1869 г. томскій архимандритъ Викторъ письменно доложилъ преосвященному Алексію:—отъ прибывшаго въ г. Томскъ богомольца Кайдалова онъ, архимандритъ, услышалъ, что на одномъ съ богомольцемъ пароходѣ „Орелъ“ 14 сентября приплыли къ Томску шесть человѣкъ самыхъ ярыхъ раскольниковъ изъ Верхне-Уральскаго завода Оренбургской губерніи. На всемъ пути отъ Тобольска до Томска, не стѣсняясь пароходной публикой, эти переселенцы вычитывали на общей своей молитвѣ „правило“ и обращались къ одному изъ своихъ, какъ „старѣйшему“. „Старѣйшій“ носитъ вериги. Вериги-же имѣла на себѣ и одна изъ женщинъ. По прибытіи въ Томскъ, эта партія временно остановилась у раскольническаго страннопріимца, мѣщ. Сем. Вас. Быстрова, потомъ направилась въ дер. Батурину (Спасск. в.) и отсюда прослѣдовала къ селеніямъ подзаводскихъ крестьянъ—„къ одновѣрцамъ“ [2]).

„Бійскаго округа и Бійской-же волости въ деревняхъ Горюшиной, Иткулъ, Мостовой поселились и вновь поселяются люди разныхъ сословій и разныхъ сектъ преимущественно изъ Шадринскаго и Ялуторовскаго уѣздовъ. Подъ видомъ заработковъ и торговли они разъѣзжаютъ по разнымъ мѣстамъ, поддерживая и разсѣвая расколъ, начинающій усиливаться не только въ Бійской, но и сосѣдней Уксунайской волости Кузнецкаго округа“.—Такъ писала консисторія губернатору въ 1871 году [3]). Затѣмъ такія-же указанія и жалобы мы слышимъ и отъ многихъ причтовъ сельскихъ приходовъ. Наприм., причтъ Анисимовскаго прихода (Боровлянской вол., Барнаульскаго окр.) въ концѣ 1860-хъ и въ началѣ 1880-хъ годовъ, т. е. неоднократно выражалъ сѣтованія, что въ приходъ вторгаются переселенцы—раскольники пермскіе и московскіе, и изъ нихъ, въ дѣлѣ поддержанія и развитія мѣстнаго раскола, имѣютъ особенное значеніе въ самомъ селѣ Анисимовскомъ—Аѳонины (торговцы), Прямовъ, Мѣдновъ и въ большой приходской деревнѣ Бурановой—Діевы, Князины, Пѣтуховы, Жижелевы и особенно лже-попъ Прокопій Осиповъ Семеновъ [4])—„Среди мѣстныхъ въ приходѣ раскольниковъ, читаемъ мы въ приходскомъ отчетѣ с. Косихинскаго за 1885 г., имѣется много выходцевъ изъ Россіи, преиму-

---

[1]) Изъ дѣла въ губ. арх.;—св. 746 за 1858 г.

[2]) Архивъ Томск. консист.—Дѣло по общ. оп. I ст. № 156 за 1868 г.

[3]) Дѣло объ уклоненіи въ расколъ Сметанина и др. въ губ. арх.; св. 113 за 1871 годъ.

[4]) Дѣло Томск. консист за 1871 № 51. Сн. приходскій отчетъ причта с. Анисимовскаго за 1884 годъ въ томъ-же архивѣ.

щественно останавливающихся въ дер. Полковниковой, Пустыни и Королевой. Пропагандаторскою дѣятельностію со стороны пришельцевъ въ прошломъ году совращено было изъ православія въ расколъ до 170 душъ" [1]). Въ томъ-же родѣ и одновременно писали настоятели приходовъ Котандинскаго, Быстрого Истока, Больше-Рѣченскаго, Баевскаго, Старо-Бутырскаго и др.[2]) Въ числѣ самыхъ главныхъ расколоучителей въ томскихъ селахъ и деревняхъ за 1870 и 1880-ые годы находимъ по Айскому и Шипуновскому приходамъ Бійск. окр. Варлаама Рыжкова. Григорія Шестакова, Степана и Петра Тимоѳеевыхъ Корохтинцевыхъ, Околовскому—Іосифа Ситникова и др. приходамъ Барнаульскаго округа Марка Рябова, Степана Шумихина, Кирилла Романова (всѣ трое австрійскіе попы), лжемонаха Гавріила, Хрисанфа Батуева, въ дер. Кочневкѣ (Каинс. окр.) Егора Родіонова, по томск. округу братьевъ Нифонтовыхъ и Гр. Страхова—всѣ они пришли въ Томскую губернію изъ иныхъ россійскихъ мѣстъ въ качествѣ или подъ видомъ переселенцевъ [3]). Надѣемся, что дальнѣйшее изложеніе выяснитъ намъ еще въ большей мѣрѣ значеніе переселенческаго элемента для умноженія томскаго раскола.

Помимо переселенцевъ томское расколо-сектантство умножали и умножаютъ поселенцы, т. е. ссыльные, среди которыхъ всегда имѣлись не просто раскольники или сектанты, но и лица именно и сосланныя за особыя преступленія по расколу или сектантству. Начало скопчеству въ губерніи положили скопцы, сосланные изъ Тамбовской губерніи. Субботники и молокане въ Маріинскомъ округѣ на первыхъ порахъ также были всѣ изъ сосланныхъ. Поселенцы изъ старообрядцевъ и сектантовъ, какъ вообще всѣ ссыльные, разсѣянно жили въ Томскомъ, Каинскомъ и Маріинскомъ округахъ, какъ такихъ, гдѣ администрація исключительно водворяла ихъ, имѣя въ виду запрещеніе селить „посельщиковъ" въ южныхъ при-алтайскихъ округахъ, причисленныхъ къ Кабинету Его Величества. Но это, конечно, далеко не значитъ, чтобы люди, о которыхъ говоримъ, не могли проникать на кабинетскую территорію окончательно. Они заходили сюда съ разнообразными цѣлями, а поселенцы изъ россійскихъ совратителей являлись для той-же дѣятельности, которая и привела ихъ къ наказанію ссылкою. Ниже вскорѣ намъ доведется встрѣтиться съ посельщикомъ—лже-попомъ, служившимъ для раскольниковъ трехъ округовъ Каинскаго. Барнаульскаго и Кузнецкаго. Сосланный изъ Россіи за расколъ кр. Егоръ Ѳедоровъ, изъ мѣста причисленія въ Енисейской губерніи въ началѣ 1850-хъ годовъ нерѣдко съ своимъ безпоповщинскимъ учительствомъ заявлялся въ селеніяхъ и деревняхъ сосѣдней Томской губ.[4]). Въ то-же время проживавшій въ дер. Старковой старикъ поселенецъ Денисъ Родимовъ имѣлъ большое вліяніе не только на каинскихъ, но и барнаульскихъ поповцевъ, привлекая къ себѣ въ особенности

---

[1]) Приход. отчетъ, составленный свящ. с. Косихинскаго Барнаул. окр. Василіемъ Маминымъ.

[2]) Приход. отчеты за 1884 г.

[3]) Изъ приходскихъ и благочиннических отчетовъ сн. дѣла Том конс. за 1871 г. № 62 о расколоуч. Родіоновѣ.

[4]) Дѣло въ архивѣ губ. пр. за 1851 г. въ связкѣ № 122.

тѣмъ, что могъ причащать хранившимися у него дарами.[1]) Въ 1858 г. благочинный свящ. Невскій указывалъ, что поселенецъ изъ Николаевской волости (Томск. окр.) Игнатій Михеевъ уже болѣе трехъ лѣтъ проживаетъ въ деревняхъ Какшинской и Карасукской Красноярскаго прихода Бійскаго окр. и усиленно разсѣеваетъ здѣсь свои заблужденія, „изрыгая" страшныя хулы на церковь. „Михѣевъ, говорилъ благочинный, не только раскольникъ, но хуже раскольника: въ первый день пасхи не разговѣлся, ни съ кѣмъ не христосовался и пролежалъ ничкомъ цѣлый день. Первымъ днемъ пасхи былъ у него понедѣльникъ. Вообще Михѣевъ воскресныхъ дней не признаетъ, постовъ не соблюдаетъ, иконамъ не молится самъ и другимъ не велитъ" [2]).

Изъ найденныхъ нами случайно реестровъ судебныхъ дѣлъ видно, что посельщикъ—совратитель былъ заурядным явленіемъ въ Томской губерніи. Въ 1857 году судились за усиленное распространеніе раскола изъ поселенцевъ шесть, а въ 1861 г. семь человѣкъ. Проживавшіе за 1860-ые годы въ самомъ Томскѣ поселенцы-раскольники Вавила Онуфріевъ и Василій Петровъ Новиковъ занимались тѣмъ, что первый училъ по своей поморской сектѣ, второй наученныхъ перекрещивалъ [3]). Но еще ранѣе въ Томскѣ насаждалъ поморство ссыльный Кривошеинъ. Поселенецъ Василій Никитинъ, имѣя съ своей сожительницей постоянную квартиру гдѣ-то за Прокопьевской заимкой (Маріинскаго окр.), наѣзжалъ отсюда для требоисправленій въ разныя деревни Баимской и сосѣднихъ волостей [4]). Еще чаще за все время нашего обозрѣнія посельщики встрѣчаются среди сектантовъ—молоканъ, субботниковъ и скопцевъ, хотя разумѣется, и поселенцы изъ старообрядцевъ и даже старообрядческихъ учителей, какихъ мы встрѣтили по своимъ бумагамъ, исчислены здѣсь, какъ увидимъ, далеко, далеко не во всей полнотѣ.

Отъ поселенцевъ мы отличаемъ раскольниковъ—бродягъ, наполнявшихъ собою главнымъ образомъ населеніе таежныхъ раскольническихъ притоновъ и отсюда странствовавшихъ по всѣмъ концамъ губерніи.

Въ общемъ численность томскаго раскола со всѣми раскольниками тайными и явными, съ расколо-сектантами изъ переселенцевъ, поселенцевъ и бродягъ должна быть къ 1880-мъ годамъ никакъ не меньше 100000 душъ обоего пола. По крайней мѣрѣ таково наше убѣжденіе, вынесенное изъ всѣхъ данныхъ изученнаго нами матеріала.

---

[1]) Архивъ Том губ. прав, дѣло въ связкѣ 741 за 1850 г.
[2]) Арх. губ. прав. д. въ связкѣ 746 за 1858 г.
[3]) Дѣло Том. окруж. суда за 1867 г. № 1018 въ архивѣ Том. конс.
[4]) Дѣло томск. конс. по настольн. реестру № 204 за 1870 г.

II.

Мѣстности наибольшаго распространенія раскола по разнымъ округамъ губерніи съ центральными раскольническими пунктами въ сихъ мѣстностяхъ.—Раскольничьи согласія и толки. Поповщина, австрійское согласіе, стариковщина, ея характеръ и происхожденіе. Часовенные. Безпоповщинскіе толки: поморство, ѳедосѣевщина, нѣтовщина. Окнопоклонники (дырники), рябиновщина.—Оховцы (воздыханцы).—Вѣра Бѣлоногихъ. Странники. Тюменское согласіе.

Мы убѣждены, что по количеству раскола изъ всѣхъ округовъ губерніи Бійскій, съ включеніемъ нынѣшняго Змѣиногорскаго, долженъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ, за нимъ идутъ Барнаульскій, Каинскій, Кузнецкій и, наконецъ, Маріинскій и Томскій. Но, почти, въ каждомъ изъ округовъ имѣются полосы особеннаго распространенія раскола и въ той или другой полосѣ его центральные пункты,—гнѣзда его. Огромная часть Бійской стороны, вмѣщающая въ себѣ нынѣшнія волости Александровскую, Владимірскую, Риддерскую, Бобровскую и далѣе къ востоку Алтайскую, Сычевскую, Сростинскую, Ануйскую, Смоленскую со включеніемъ отдаленныхъ Уймоновъ—вся эта обширная часть округа въ сравнительно недавнее время очень мало имѣла православныхъ селеній, но за то здѣсь раскинуты поселенія польскихъ выходцевъ и образовались такіе центры раскола, какъ Выдриха, Секисовка, Быструха, Мало-Убинская, Сибирячиха, Топольная, Солоновка на р. Пещаной, Айское, Тавда, Платова и др. За Риддерскимъ селомъ (рудникъ) среди горныхъ отроговъ расположены два раскольническихъ селенія Стрѣльное и Поперешное и далѣе отъ нихъ по направленію къ востоку на сотни верстъ по мало доступнымъ горамъ нѣтъ селеній, за исключеніемъ пасѣкъ и заимокъ. Но и къ югу отъ Поперешнаго, гдѣ протягиваются бѣлки Ивановскій и Тургусунскій, первая деревня Таловка отстоитъ отъ только-лишь названнаго села на 80 слишкомъ верстъ. Пустынныя горныя мѣста доставляли и доставляютъ самыя надежныя и излюбленныя убѣжища для многочисленныхъ раскольническихъ скитниковъ и пустынниковъ. Съ Таловки начинается благодатный (для Сибири) по климату Бухтарминскій край. Всѣ населенныя мѣста и этой пограничной съ Китаемъ полосы, основанныя „каменьщиками", т. е. укрывшимися за камень бѣглецами *), въ прежнее время были да и теперь остаются раскольничьими сплошь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служили притономъ для всѣхъ, кто желалъ видѣть здѣсь, если не самое Бѣловодье, то, по крайней мѣрѣ, преддверіе его.

Мѣстами наибольшей скученности раскола по Барнаульскому округу мы, руководствуясь указаніями своего матеріала, должны признать на лѣвой сторонѣ Оби всю Кулундинскую степь и въ правую сторону отъ той же рѣки непрерывно идущія волости Косихинскую, Бѣлоярскую, Тальменскую, Боровлянскую, Чумышскую и Верхъ-Чумышскую съ главными гнѣздами раскола по Кулундѣ въ с. Тюменцевскомъ, дер. Ключахъ, Ермачихѣ и Жарковой

*) Снегирева, Тургусунская, Крестовская, Кондратьева, Бобровка, Боготырева, Соловьева, Огнева, Хайрюзовка, Александровская, Бородинская, Мякотиха, Сѣнная, Солоновка на рч. Солоновкѣ, Быкова, Корабиха, Язова, Бѣлая и пр.

и направо отъ Оби въ деревняхъ Шипициной и Безпаловой. Тарсминская и Косминская волости Кузнецкаго округа составляютъ какъ бы продолженіе той раскольнической полосы, которая чрезъ Верхъ-Чумышскую волость идетъ сюда изъ Барнаульскаго уѣзда. Безъ сомнѣнія среди многихъ Кузнецкихъ раскольническихъ селеній и деревень по степени самой лютой раскольнической настроенности дер Желтоногина занимаетъ особенно выдающееся мѣсто. Въ Каинскомъ округѣ расколъ съ особою силою развился и окрѣпъ по верхнему и среднему теченію рѣки Тартаса, гдѣ постоянно черпалъ для себя одушевленіе отъ старообрядцевъ деревень Тычкиной и Кузминой и въ Маріинскомъ окр. по р. Тяжинъ, въ Баимской волости и отчасти Дмитріевской. Деревня Рубина и Прокопьева Заимка съ одной стороны и Тамбарская съ другой связываютъ маріинскій расколъ съ его тайными притонами въ таежныхъ лѣсахъ.

Что касается Томскаго округа, раскольники пріютились здѣсь на отдѣльныхъ заимкахъ, обильно раскинувшихся къ сѣверо-востоку отъ г. Томска въ такъ называемой Томско-Чулымской тайгѣ. Но, кромѣ того, за 1840—1860 годы расколъ коренился на заимкахъ и въ деревняхъ по р. Яѣ, откуда съ недавней поры подъ давленіемъ переселенцевъ старообрядцы начали выходить въ другія мѣста и, между прочимъ, на западной окраинѣ Пѣтуховской тайги завели поголовно раскольническую деревню Свѣтленькую. Въ самыхъ живыхъ отношеніяхъ Свѣтленькая находилась съ другимъ пунктомъ энергичнаго раскола въ дер. Батуриной на Томи.

Въ своемъ содержаніи Томскій старообрядческій расколъ не представлялъ и не представляетъ ничего оригинальнаго. Согласія и толки здѣсь тѣ же, что и въ расколѣ центальной Россіи и изъ нихъ поповщина, стариковщина и поморское согласіе имѣютъ въ предѣлахъ нашей губерніи наибольшее количество послѣдователей.

Поповщина, раскинувшаяся по всей губерніи, съ особою плотностію сконцентрировалась въ селеніяхъ польскихъ выходцевъ или, по мѣстному бійскому выраженію, „поляковъ"; хотя, впрочемъ нѣкоторые изъ „поляковъ" принадлежали и къ безпоповщинѣ, Въ прежнее время поповщина существовала только въ видѣ бѣглопоповщины, но съ конца 1850-хъ годовъ въ Томсьой губерніи появляется согласіе австрійскаго священства, которое, развиваясь постепенно, захватываетъ въ себѣ бѣглопоповщину все болѣе и болѣе и не трудно предсказать, что захватитъ ее окончательно.

Стариковщина представляетъ нѣчто среднее между поповщиной и безпоповщиной. По скольку стариковщина обходится безъ священства, довольствуясь требоисправителями изъ стариковъ и старухъ, она подходитъ къ безпоповству. Но такъ какъ послѣдователи ея не возстаютъ противъ священства или, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ ничего не имѣютъ противъ него, привыкши обращаться къ старикамъ только нужды ради, мы должны отнести этотъ видъ старообрядчества къ толкамъ поповщинскаго характера. Можно съ положительностію утверждать, что стариковщина возникла и развилась изъ бѣглопоповщины вслѣдствіе затруднительнаго положенія при относитель-

ной рѣдкости бѣглыхъ поповъ, а въ Сибири иной разъ и полнаго ихъ отсутствія. Поповщинскій характеръ стариковщины ясно усматривается еще изъ того обстоятельства, что у заправителей стариковщины нерѣдко въ видѣ сухариковъ хранились запасные дары [1]) на случай причащенія опасноболящихъ и умирающихъ или же стариковцы пользовались дарами отъ бѣглопоповцевъ. Въ 1860-хъ гг. на заимкѣ въ черневомъ лѣсу Чумышской вол. проживалъ поповецъ кр. дер. Калиновки Потапъ Шмаковъ—глубокій старикъ. Онъ имѣлъ у себя дары, коими причащался самъ и причащалъ и стариковцевъ, и въ 1866 г. сказалъ о дарахъ, что одну ихъ часть получилъ назадъ тому 40 лѣтъ отъ проживавшаго въ Томскѣ старообрядческаго попа Ивана Михайлова, а другую отъ попа Семена Долгова, уѣхавшаго изъ Томской губерніи въ Красноярскъ въ 1863 г.[2]) Въ 1850 году расколоучитель изъ ссыльныхъ „Непомнящій", бѣжавши изъ Омска, бродилъ между томскими старообрядцами и пользовался среди нихъ успѣхомъ, потому что владѣлъ причастіемъ, за которымъ обращались къ нему не только поповцы, но и стариковцы[3]). На ряду съ поповцами, стариковцы пользовались дарами для причастія и отъ поселенца Родимова.

Весьма близко къ стариковщинѣ подходитъ согласіе часовенныхъ. Вся разница заключается въ томъ, что стариковцы не считаютъ для себя особенно тяжкимъ грѣхомъ въ необходимыхъ случаяхъ обращаться за таинствами и погребеніемъ къ православной церкви,—часовенные относятся къ этому дѣлу гораздо строже и потому прибѣгаютъ къ православнымъ священникамъ сравнительно очень рѣдко. Стариковцы, избирая изъ своей среды наставниковъ, вводятъ въ кругъ ихъ обязанностей безъ всякаго поставленія, часовенные требуютъ, чтобы избранный въ наставники былъ поставленъ на его настоятельское дѣло чрезъ благословеніе отъ другихъ наставниковъ, въ свою очередь преемственно получившихъ благословеніе отъ Иргиза, Рогожскаго кладбища или отъ Екатеринбургскихъ иноковъ, почему и доселѣ томскіе часовенные наставники ѣздятъ для посвященія въ Екатеринбургъ, Самару или же, въ предѣлахъ своей губерніи, на Уймоны. Указываютъ небольшія разности и въ обрядахъ, какихъ держатся тѣ и другіе. Стариковцы, наприм., не освящаютъ воды предъ крещеніями, часовенные освящаютъ ее съ произнесеніемъ словъ: „да сокрушатся подъ знаменіемъ креста твоего вся сопротивныя силы".

Мѣстомъ наибольшей сплоченности стариковщины въ предѣлахъ нашей губерніи слѣдуетъ признать Кулундинскую степь,—часовенные имѣются въ томской тайгѣ, гдѣ изъ послѣдователей этого толка въ недавнее время былъ собранъ и организованъ монастырь, состоявшій подъ начальствомъ

---

[1]) „У стариковцевъ старикъ погружаетъ, старикъ на покаяніе принимаетъ, старикъ святитъ свадьбы, старикъ причащаетъ. Дары, сказываютъ, еще хранятся отъ бѣглыхъ поповъ". Приходскій отчетъ с. Алтайскаго за 1884 г.

[2]) Дѣло въ архивѣ Томск. Конс. за 1866 г. № 51.

[3]) Д. о Непомнящемъ въ арх. Губ. Прав св. 740.

Гос. Историч. Научн. Б-ка Н. . РСФСР
№ ....
„.......“ .... 193 г.

монаха Израиля*), и кромѣ того группируются около своихъ центровъ въ Уймонахъ (Бійск. окр.) и дер. Батуриной (Томс. окр.).

Въ кругу чисто безпоповщинскихъ согласій поморство представляетъ самое обычное явленіе въ томскомъ расколѣ. Всѣ волости Барнаульскаго и Кузнецкаго округовъ, идущія по Чумышу и его притокамъ суть поморскія по преимуществу съ бывшимъ сосредоточнымъ пунктомъ въ Шипицинской часовнѣ. Помимо многихъ другихъ мѣстъ губерніи, поморство издавна пріобрѣло себѣ большія симпатіи въ Каинскомъ округѣ, особенно по р. Тартасу. По указаніямъ своего матеріала, мы всего чаще знаемъ поморщину въ формѣ, такъ называемаго, законо-брачнаго согласія, какъ такого, которое вполнѣ разрѣшаетъ браки, заключаемые съ благословенія родителей и наставниковъ. Но нѣкоторые изъ томскихъ поморцевъ настойчиво утверждали по касающимся до нихъ дѣламъ, что принадлежатъ тому поморству, которое въ неизмѣнномъ видѣ „сохраняется въ странѣ близъ Соловецкаго монастыря“ и которое, короче, нужно называть Даниловщиной. Утвержденіями того рода дается знать, что по разнымъ мѣстностямъ Сибири и доселѣ сохраняется еще старо-поморство, *допускающее* бракъ, но *не дозволяющее* его. Перекрещиваніе приходящихъ въ поморскую среду томскіе поморцы стараются пріурочивать ко дню св. Пасхи и отъ готовящагося къ перекрещиванію требуютъ, чтобы предварительно „несъ канонъ“, т. е. чтобы въ продолженіе шести недѣль усиленно постился и молился, полагая на каждый день до 1000 поклоновъ. Строгость поста и молитвы въ этихъ случаяхъ начинаетъ смягчаться только за послѣднее время. Какъ вездѣ у поморцевъ, такъ въ частности и у поморцевъ въ томскомъ расколѣ требованіе о преемственности наставниковъ является безусловнымъ. Кандидатъ на наставничество, намѣченный той или иной общиной, вмѣстѣ съ представителями этой послѣдней пріѣзжаетъ къ другому прежде благословленному наставнику или нѣсколькимъ изъ нихъ, собраннымъ вмѣстѣ, гдѣ послѣ семипоклоннаго начала и другихъ положенныхъ на этотъ случай молитвъ старѣйшій изъ наставниковъ опрашиваетъ избиравшихъ: любъ-ли избираемый? Вслѣдъ за утвердительнымъ отвѣтомъ ставленникъ, принявъ благословеніе отъ поставляющихъ, кланяется имъ въ ноги и затѣмъ самъ принимаетъ поклоненіе „отъ народа“. Все завершается клятвеннымъ обѣщаніемъ новоизбраннаго предъ крестомъ и евангеліемъ, что будетъ вѣренъ поморству до гроба и врученіемъ ему новаго подручника въ видѣ подушечки.

Издавна возникшее изъ поморства *ѳедосѣевское* согласіе съ наибольшимъ количествомъ его послѣдователей укоренилось въ южныхъ предѣлахъ Томской губерніи въ селеніяхъ около Устькаменогорска: отчасти въ Выдрихѣ, но болѣе всего въ с. Бобровскомъ, Бутачихѣ, Черемшанкѣ и въ нѣкоторыхъ изъ сосѣднихъ деревень. Въ теоретическомъ воззрѣніи „на нынѣшнія времена лютыя и плача достойныя“ томскіе ѳедосѣевцы бракъ отвергаютъ,

*) „Томская тайга“. Рукопись Александра Щербакова, представленная въ томское противораскольн. братство въ 1890 году.

но на практикѣ допускали его всегда, хотя и въ видѣ незаконной брачной связи. Өедосѣевская женщина не перестаетъ мыслиться дѣвицей—дѣвицей, состоящей въ блудномъ сожитіи. Какъ дѣвица, она ходитъ съ одной изъ волосъ косой или, по крайней мѣрѣ, должна являться такъ въ общественныя собранія. Какъ блудодѣйка, она лишена права посѣщать моленную. Послѣ рожденія дитяти мать подвергается 40-дневной эпитиміи съ положеніемъ 100 поклоновъ ежедневно, но и отецъ за это время отлучается отъ моленной. Крещеніе новорожденнаго отлагается до той поры, пока младенецъ не окрѣпнетъ настолько, что могъ бы обходиться безъ материнскаго молока, „ибо омытому таинствомъ питаться отъ груди блудницы грѣховно". По прошествіи многихъ лѣтъ брачнаго состоянія, сожительствующіе даютъ обѣщаніе быть, какъ „братъ съ сестрой". Но если бы „сестра" забеременила и послѣ того, сожитель притворно слагаетъ съ себя вину, указывая, что непраздная пріобрѣла чрево гдѣ-то на сторонѣ. Всѣ, разумѣется, знаютъ, что это обманъ, но всѣ обязаны вѣрить обманному утвержденію, оберегающему виновнаго отъ наказанія, въ видѣ отлученія отъ моленной. Отвергая молитву за царя, тропарь: „Спаси Господи" өедосѣевцы поютъ и читаютъ такъ: „Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояніе, побѣды благовѣрнымъ рабомъ твоимъ на сопротивныя даруй и своя сохраняя крестомъ люди". Если справедливо, что өедосѣевцы въ томскихъ предѣлахъ отвергаютъ Пилатово надписаніе на крестахъ, замѣняя его словами „Іс. Хр.—Царь славы", то исчезаетъ одинъ изъ важныхъ признаковъ, отличающихъ томское өедосѣевство отъ поморства *).

Имѣлись и имѣются въ томскомъ расколѣ представители *глухой нѣтовщины* и болѣе мелкихъ безпоповщинскихъ сектъ *окнопоклонниковъ* (они же дырники), *рябиновщины* и *неполяковъ*. Нѣтовцы раскиданно семьями и деревнями встрѣчаются въ Барнаульскомъ и Кузнецкомъ округахъ, въ дер. Солонечной среди Алтайскихъ горъ и на противоположномъ сѣверномъ углу губерніи въ поселкахъ по рр. Парабелѣ и Чаѣ. Одни изъ томскихъ нѣтовцевъ мыслятъ объ антихристѣ совершенно также, какъ прочіе безпоповцы, т. е. что онъ, антихристъ, воцарился въ мірѣ духовно, другіе увѣрены, что антихристъ еще не явился и его нужно ожидать только въ будущемъ. Однако и тѣ и другіе одинаково убѣждены, что нынѣ уже нѣтъ никакихъ средствъ спасенія, кромѣ обращеній къ Спасу, который самъ знаетъ, какъ насъ спасти. Отсюда наименованіе нѣтовщины спасовымъ согласіемъ. Молитвенныхъ домовъ нѣтовцы не имѣютъ, кажденій не допускаютъ, въ наставникахъ, какъ совершителяхъ общественныхъ моленій и требъ, не нуждаются. Молятся въ собственныхъ, частныхъ домахъ преимущественно по псалтири предъ мѣдными иконами. Каяться, по словамъ нѣтовцевъ, нужно

*) Сотрудникъ томскаго миссіонерскаго противораскольническаго братства свят. Димитрія Ростовскаго Сав. Як. Мальцевъ, до обращенія въ православіе бывшій наставникомъ въ поморствѣ, на томскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ 1898 г. указалъ, что въ Курганскомъ окр. Тоб. губ. есть мѣсто, гдѣ изготовляются мѣдные литые кресты съ надписаніемъ І. Х. Цр. Славы. Съ такою надписью кресты пріобрѣтаются безразлично какъ томскими поморцами, такъ и өедосѣевцами.

только Богу, безъ посредства всякихъ свидѣтелей. Поэтому въ случаяхъ тяжкой болѣзни грамотные, если въ силахъ, сами для себя прочитываютъ скитское покаяніе. За крещеніемъ младенцевъ и вѣнчаніемъ браковъ обращаются къ православной церкви, но всетаки такъ, что каждый разъ при этомъ считаютъ нужнымъ, въ очищеніе грѣха сближенія съ церковью, раздавать усиленныя милостыни. По словамъ томскихъ миссіонеровъ, въ послѣдніе годы замѣчается, что многіе изъ нѣтовцевъ совсѣмъ перестаютъ крестить дѣтей и въ свое оправданіе указываютъ, что креститься слѣдуетъ покаяніемъ и слезами. Нерѣдко и браки заключаютъ только съ благословенія родителей безъ всякаго вѣнчанія. Умершихъ въ малолѣтствѣ нѣтовцы издавна погребаютъ безъ какихъ-бы то ни было обрядовъ [1]).

Рапортомъ отъ 24 сентября 1870 г. свящ. с. Мало-Песчанскаго (Маріинскаго окр.) Александръ Даниловскій донесъ томскому преосвящен. Платону, что въ его приходской деревнѣ Благовѣщенской, состоящей изъ раскольниковъ-переселенцевъ Оренбургской губ., расколъ имѣется двоякаго рода. Одни изъ крестьянъ держатся часовеннаго толка, другіе, какихъ большинство, называютъ себя безпоповцами или, частнѣе и точнѣе, захаровцами (отъ расколоучителя Захара). Послѣдніе моленныхъ не имѣютъ,—для богослуженія собираются въ частныхъ домахъ, при этомъ пѣнія не допускаютъ, а только чинно сидятъ и благоговѣйно слушаютъ чтеніе старопечатныхъ книгъ. Иконы чтутъ, но исключительно древнія и поклоняются только такимъ осмиконечнымъ крестамъ, которые сдѣланы изъ рябиноваго дерева безъ изображенія Распятаго. Такіе кресты приготовляетъ „съ молитвою и постомъ" начальникъ этого согласія 80-лѣтній старикъ Ив. Трофимовъ Козловъ, взимая съ заказчика за каждый крестъ по 3 рубля съ небольшою уступкою для бѣдныхъ. Основатель этого толка Захаровъ изъ какой-то книги вычиталъ про святого, крестившагося семь разъ. Отсюда перекрещиваніе требуется здѣсь, какъ необходимый догматъ толка [2]).— Ясно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ толкомъ рябиновщины, признающимъ крестъ, сдѣланный непремѣнно изъ рябины, будто-бы тожественной съ певгомъ, изъ котораго былъ изготовленъ голгоѳскій крестъ. Нынѣ, кромѣ Благовѣщенской, рябиновцы проживаютъ по Маріинскому округу въ деревняхъ Тамбаръ Кайчакскаго прихода, и Ключахъ прихода Тяжинскаго. Но нынѣ на своихъ богослужебныхъ собраніяхъ они уже начали допускать пѣніе и кажденіе ладономъ. Браки благословляютъ родители, причемъ заставляютъ жениха и невѣсту обмѣниваться кольцами. Младенцевъ крестятъ старики или старухи. Взрослый, приходящій въ секту, можетъ совершить перекрещиваніе самъ надъ собою.

Въ прежнее время окнопоклонниковъ или дырниковъ въ небольшихъ количествахъ указывали въ деревняхъ Усть-Тартасской вол. Каинскаго окр.

---

[1]) При характеристикѣ томскаго поморства, ѳедосѣевщины и нѣтовщины, кромѣ данныхъ изъ своего матеріала, мы имѣли въ виду сообщенія миссіонеровъ томск епархіи на миссіонерскомъ съѣздѣ 1898 г.

[2]) Дѣло Томск. Консисторіи по общ. оп. I стола за 1870 г. № 39.

и с. Зеледѣевскомъ, Томск. окр. [1]). Въ настоящую пору стало извѣстно, что названные раскольники пріютились еще въ д. Язовой Ануйской вол. и Печи Бухтарминской вол. Этотъ безпоповщинскій толкъ отличается тою особенностію, что послѣдователи его иконамъ не молятся и ихъ у себя не имѣютъ, такъ какъ «за неимѣніемъ нынѣ священства» иконъ освятить не кому. Молятся подъ открытымъ небомъ, обращаясь лицомъ къ востоку. Если же молитва совершается въ домѣ, то она возсылается къ небу чрезъ отверстіе, сдѣланное на восточной стѣнѣ. Отверстіе, всегда замкнутое, открывается тогда, когда кто-либо изъ домашнихъ находитъ нужнымъ помолиться. Народное наименованіе окнопоклонниковъ, дырниковъ является отсюда совершенно понятнымъ.

По сообщенію бывшаго начальника Алтайской противо-языческой миссіи протоіерея Ландышева за начало 1860 годовъ въ предѣлахъ Смоленской вол., Бійскаго окр., появилась секта—*оховцевъ* [2]). Свое странное наименованіе оховцы получили за то, что всѣ молитвенныя дѣйствія ограничиваютъ сложеніемъ рукъ на груди и тихимъ произношеніемъ: „охъ, охъ—ты мнѣ!“ Въ послѣдующіе годы оховцы, какъ не имѣющіе въ своихъ домахъ иконъ и крестовъ, какъ никогда не осѣняющіе себя крестнымъ знаменіемъ, чаще всего именуются немоляками [3]). Оховцы и немоляки—это разныя наименованія для послѣдователей одного и того же очень мрачнаго согласія. По крайней мѣрѣ, это такъ въ нашемъ краѣ.

Въ раскольническомъ населеніи Томско-Чулымской тайги хорошо знающій это населеніе сотрудникъ томскаго противо-раскольническаго братства Ал. Щербаковъ, между прочимъ, находитъ воздыханцевъ. Здѣсь, несомнѣнно, нужно разумѣть все тѣхъ же немоляковъ, охающихъ и вздыхающихъ [4]).

По донесенію священника с. Панкрушихинскаго пророко-Ильинской церкви, въ концѣ 1875 г. въ приходской деревнѣ Высокой Гривѣ возникъ подъ названіемъ «бѣлоногой вѣры» новый безпоповщинскій толкъ, основанный крестьяниномъ той-же деревни Савеліемъ Сергѣевымъ Толстокоровымъ. Нѣсколько наивно приходскій священникъ объяснялъ происхожденіе новой вѣры такими обстоятельствами. Толстокоровъ, прежде зажиточный крестьянинъ, отъ лѣни и безпорядочной жизни пришелъ въ большую бѣдность. Съ затаенною цѣлью—выбиться изъ нужды онъ началъ распространять слухъ, что съ новаго 1876 г. во всѣхъ домахъ будутъ отбирать мѣдныя иконы и на ихъ мѣсто ставить иконы «николаевскія», писанныя на полотнѣ и доскахъ, и, кромѣ того, всѣ крестьяне подвергнутся принужденію молиться щепотью, т. е. троеперстнымъ, а не двуперстнымъ сложеніемъ. Слушая подобныя выдумки Толстокорова, многіе изъ приверженцевъ старины задума-

---

[1]) Свѣдѣнія о состояніи томскаго раскола, собранныя чиновникомъ Юрченкомъ. Арх. Томск. Губ. Правл. 1868 г. въ связкѣ 105.

[2]) Тамъ же.

[3]) По благочинническому, за 1884 г., отчету Алтайскихъ миссіонерскихъ церквей благоч. свящ. К. Соколова немоляки имѣются даже въ инородческомъ селѣ Тандощъ.

[4]) „Томская тайга“. Рук. А. Щербакова.

лись: что дѣлать?—Какъ предотвратить грядущее испытаніе? На выручку былъ самъ Толстокоровъ съ своимъ совѣтомъ. Нужно, говорилъ онъ, подать просьбу „вышнему“ начальству о дозволеніи слѣдовать новой бѣлоногой вѣрѣ и „просьбу эту берусь подать я самъ, но съ тѣмъ, чтобы на издержки по сему дѣлу и за хлопоты каждый изъ желающихъ сохранить переходомъ въ новую вѣру старыя иконы и двуперстіе, представилъ мнѣ, смотря по состоянію, отъ 5 до 10 руб.“. Есть слухъ, писалъ священникъ, что этимъ путемъ Толстокоровъ набралъ въ свою пользу до 300 р.

Но что это за бѣлоногая вѣра?—Антихриста, училъ Савелій, не для чего ждать впереди. Онъ уже народился и царствуетъ. Царствованіе его началось со времени царя Алексія Михайловича. Благочестивѣйшій государь Михаилъ Θеодоровичъ, отправляясь однажды въ путешествіе къ Соловецкому монастырю, на прощаньи съ гнѣвомъ сказалъ беременной супругѣ, что если разрѣшится дочерью, онъ къ ней болѣе не вернется. По его отъѣздѣ, супруга разрѣшилась рожденіемъ дочери. Страшно смущенная, въ виду царскаго и супружескаго гнѣва, царица созвала *сенаторовъ* и просила у нихъ совѣта: какъ выдти изъ бѣды? Сенаторы предложили разузнать: не родился ли гдѣ одновременно ребенокъ мужского пола? Послѣ тщательныхъ розысканій было дознано, что въ одно время съ царицей родила мальчика блудная дѣвка-еврейка. У блудной дѣвки-еврейки новорожденнаго отобрали, передали царицѣ, а царю отписали, что государыня родила сына и дочь. Радостно царь возвратился изъ далекой обители и немедленно же объявилъ мнимаго сына своимъ наслѣдникомъ, назвавъ его Алексіемъ. Злонравнымъ оказался сей Алексій, когда занялъ отеческій престолъ, ибо въ лицѣ его воцарился самъ змій, господство коего въ россійскомъ государствѣ и церкви продолжается и доселѣ.—Таинства православной церкви, по Толстокорову, дѣйствія змія, всѣ уставы ея—змѣиныя ухищренія.

Въ ноябрѣ 1876 г. Толстокорова, какъ хулителя церкви и совратителя, засадили на полгода въ Барнаульскую тюрьму. Вернувшись изъ заключенія въ свою Высокую Гриву, расколоучитель еще пуще сталъ поносить православіе, еще фанатичнѣе учить объ антихристѣ. До тюрьмы Толстокоровъ успѣлъ совратить въ Панкрушихинскомъ приходѣ около 40 семей, по выходѣ на свободу количество своихъ сторонниковъ онъ умножилъ вдвое [1]).

Въ отношеніи къ Барнаульскому суду отъ 25 октября 1876 г. Панкрушихинскій причтъ пояснилъ, что бѣлоногая вѣра, распространенная Толстокоровымъ, названа такъ въ подражаніе послѣдователей того бѣглаго раскольническаго архіерея, который, объѣзжая Сибирь въ концѣ 1860-хъ годовъ, вездѣ отправлялъ службу Вел. Четверга съ умовеніемъ ногъ. Кто приставалъ къ архіерею, того онъ называлъ бѣлоногимъ, что означало чистоту души и тѣла предъ Богомъ [2]). Въ ознаменованіе душевной чистоты и непорочности

---

[1]) Дѣло въ арх. Томск. Губ. Пр. о Толстокоровѣ за 1876 г. въ связкѣ № 790.

[2]) Дѣло о Толстокоровѣ въ арх. Томск. Консисторіи по I столу за 1876 г. № 161. Очень возможно, что терминъ „бѣлоногій“ въ приложеніи къ своему послѣдователю Толстокоровъ заимствовалъ не отъ архіерея, отправлявшаго службу В. Четверга, а отъ старообрядцевъ—

сталъ бѣлоногими называть своихъ сторонниковъ и Толстокоровъ. На нашъ взглядъ, въ его ученіи нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго, кромѣ бредней и хулъ, обычныхъ въ поморствѣ, ѳедосѣевствѣ, да и въ любомъ изъ безпоповщинскихъ толковъ.

Съ котомками на плечахъ и съ паспортами отъ новаго Іерусалима или града Вышняго [1]) бороздили и бороздятъ Томскую губернію по всѣмъ ея путямъ и тропамъ и тѣ „рабы Христовы", которые по просту называются странниками или бѣгунами и которые воплощеніе воцарившагося антихриста усматриваютъ въ представителяхъ Верховной Власти. Еще въ 1830-хъ годахъ въ алтайской д. Солонечной у мѣстныхъ крестьянъ Земировыхъ проживали какіе то „иногородніе люди" которые, не открывая своихъ именъ, на допросахъ отвергали монаршую власть и дерзко отзывались объ императорѣ, какъ антихристѣ. Затѣмъ у тѣхъ же Земировыхъ нашелъ пристанище бродяга изъ рабочихъ Златоустовскаго завода Борисъ Орловъ, учившій дѣтей у разныхъ крестьянъ и у самихъ Земировыхъ. Объ императорѣ Петрѣ I Орловъ училъ и писалъ, что онъ «право первый, въ злобѣ осмотысячный первенецъ сатанинъ. Тѣ, кои приняли его—его вѣрноподданные; они поклонялись ему яко помазаннику, а онъ помазанникъ сатаны. Мы же не кланяемся ему, не приносимъ чести и покоренія и нынѣшнему самодержцу... Въ ревизіи вашего императора не хощемъ писатися,—дани двуглавому орлу съ души своей не даемъ» [2]).

поповцевъ вообще. Въ томской поповщинѣ существовалъ между прочимъ такой обычай. Приверженцы этого согласія, крещенные чрезъ погруженіе мірянами, обязаны были хотя-бы чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ явиться къ попу бѣглому или австрійскому для довершенія крещенія. Попъ дополнялъ крещеніе мvропомазаніемъ, при чемъ ставилъ мvропомазуемыхъ въ воду „по ладышки". Отсюда „довершенные" именовались потомъ *бѣлоногими*, а иногда, какъ это было въ Барнаульскомъ округѣ, это названіе простиралось на всѣхъ поповцевъ.-Дѣло о лже-архіереѣ Савватіѣ. Арх. томск. конс по I стол. № 22 за 1867, л. 246.

[1]) Вотъ образчикъ паспорта, съ какимъ весьма часто бѣгуны отправляются въ свое странствованіе, убѣгая отъ антихриста: „Объявитель сего рабъ Ісуса Христа (*имя рѣкъ*) уволенъ изъ Іерусалима-града Божія въ разные города и селенія ради души прокормленія, грѣшному же тѣлу ради всякаго озлобленія. Промышлять ему праведными трудами и работами, еже работати съ прилежаніемъ, а пить и ѣсть съ воздержаніемъ, противъ всѣхъ не прикословить, токмо Бога славословить; убивающихъ тѣла не бояться, но Бога бояться и терпѣніемъ укрѣпляться; ходить правымъ путемъ по Христѣ, дабы не задержали бѣси раба Божія нигдѣ. Утверди мя Господи во святыхъ заповѣдяхъ стояти и отъ Востока Тебя, Христа, къ западу, сирѣчь къ антихристу не отступати. Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой, кого ся убою? Господь защититель живота моего, кого ся устрашу? Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое. Покой мнѣ—Богъ, прибѣжище—Христосъ, покровитель и просвѣтитель—Духъ святый. А какъ я сего не буду соблюдать, то послѣ буду много плакать и рыдать. А кто страннаго мя пріяти въ домъ свой будетъ бояться, тотъ не хочетъ съ Господомъ моимъ знаться. А Царь мой и Господь самъ Ісусъ Христосъ—Сынъ Божій. А кто мя ради вѣры погонитъ, тотъ явѣ себя со антихристомъ во адъ готовитъ.—Данъ сей паспортъ изъ града Бога Вышняго, изъ сіонской полиціи, изъ голгофскаго квартала. Приложено къ сему паспорту множество невидимыхъ св. отецъ рукъ, еже бо боятися страшныхъ и вѣчныхъ мукъ. Данъ сей паспортъ отъ нижеписаннаго числа на одинъ вѣкъ, а по истеченіи срока явиться мнѣ въ мѣсто нарочито—на страшный Христовъ Судъ. Прописаны мои примѣты и лѣта въ радость будущаго вѣка Явленъ паспортъ въ части святыхъ и въ книгу животну подъ номеромъ будущаго вѣка записанъ". Тоб. Епарх. Вѣд. 1885 г., № 21—22. стр. 505.

[2]) Дѣло о намѣреніи нѣкоторыхъ крестьянъ Алтайской вол. бѣжать на Бѣловодье. Въ арх. Томск. Губ. Прав. Связка 217.

Въ 1842 г. Кулундинское волостное правленіе доставило въ Барнаульскій земскій судъ двухъ человѣкъ, взятыхъ на дорогѣ около дер. Верхъ-Кучукской. Одинъ изъ нихъ назвалъ себя Иваномъ Ипатовымъ, 60-ти лѣтъ, и разсказалъ, что «родился въ горахъ, Россійской имперіи не приписанныхъ. Но будучи уже на возрастѣ съ родителями и тремя старцами проживалъ въ другомъ мѣстѣ—въ лѣсахъ, и лѣса тѣ съ сѣверной стороны примыкаютъ къ океану». Вѣры онъ «православной—той самой, которая была передана св. апостоламъ въ Іерусалимѣ, кровію мучениковъ обагрена, семью соборами утверждена и запечатлѣна. Къ церкви принадлежитъ, но церковь эта не имѣетъ ни крова, ни стѣнъ, а окружена только вѣрою и любовію къ Господу. Господствующую всероссійскую церковь признаетъ зловѣріемъ. Угодниковъ, жившихъ до Никона почитаетъ, а новоявленныхъ отрицаетъ. Иконы чтитъ, но не признаетъ иконъ новыхъ, такъ какъ ихъ пишутъ табачники и бритоусцы. Россійскаго царя признаетъ за змія седмиглаваго и антихриста, его законы отвергаетъ и къ подданству ни его, ни какой-либо другой державы принадлежать не желаетъ. Хотя грамотный, но подписать своего показанія не хочетъ по причинѣ, извѣстной только ему одному».

Спутникъ Ипатова—молодой, 19 лѣтъ, человѣкъ, оказался крестьяниномъ томск. губ., космалинской вол. д. Куликовой Семеномъ Ѳедор. Кузнецовымъ. При отобраніи показанія онъ заявилъ, что прежде съ родителями содержалъ поморскую вѣру, но теперь, перекрещенный Ипатовымъ, слѣдуетъ его вѣрѣ и хочетъ ей слѣдовать всегда. Государя и его законы не признаетъ и ихъ отрицается. «Грамотѣ наученъ, но показанія своего не подпишетъ, потому что отъ людей, противныхъ ему по вѣрѣ, перо взять не можетъ, не впадая въ тяжелый грѣхъ».

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ въ земскомъ судѣ открылось, что Ипатовъ долго бродяжничалъ по разнымъ глухимъ мѣстамъ Сибири, пришелъ, бродяжничая, въ Космалинскую волость, гдѣ, какъ странствующій Бога—ради, встрѣтилъ радушный пріемъ въ д. Куликовой у кр. Ѳед. Кузнецова, устроившаго для него въ своемъ домѣ особое подполье. Проживая у Кузнецовыхъ, Ипатовъ обучилъ всю семью хозяина „закону Божію и прочимъ правиламъ вѣры“ и, наконецъ, уговорилъ сына Кузнецова—Семена идти въ горы „для пустыннаго жительства“. Около дер. Верхъ-Кучукской они были схвачены на дорогѣ „въ горы“. При Ипатовѣ нашлось 10 крестовъ, сдѣланныхъ изъ боярскаго дерева (боярышникъ), нѣсколько иконъ и книги: апокалипсисъ, святцы и цвѣтникъ, составленный и написанный имъ самимъ. Земскій судъ призналъ нужнымъ препроводить пойманныхъ въ гошпиталь для освидѣтельствованія ихъ умственныхъ способностей. Лѣкарь далъ заключеніе, что въ умственномъ отношеніи оба они вполнѣ нормальны, но, изслѣдуя Ипатова, онъ усмотрѣлъ, что спина у него изрубцована отъ тяжелаго наказанія кнутомъ и на лицѣ еще неокончательно изгладились слѣды отъ наложенія штемпелеванныхъ знаковъ. Были допрошены всѣ Кузне-

цовы—отецъ, мать съ дѣтьми, не исключая малолѣтнихъ, и всѣ сказали, что, принявъ вѣру Ипатова, о «вѣрѣ россійской» не хотятъ и слышать[1]).

Въ 1847 г. подобные же странникъ и странница захвачены были на пасѣкѣ крестьян. Захара Михайлова среди алтайскихъ вершинъ. Мужчина вскорѣ послѣ поимки успѣлъ бѣжать, женщина назвалась Маріей Непомнящей—„вѣры безпоповщинской". При ней были книги и рукописные цвѣтники, а также фальшивыя кредитки, которыя она принялась было рвать предъ самымъ временемъ ея задержанія и обыска. Пасѣка, по ея словамъ, была случайнымъ мѣстомъ ея пребыванія. Постоянно же она проживала «вмѣстѣ съ братомъ—пустынникомъ» въ горахъ, но гдѣ именно указать отказалась. Несмотря на грамотность, показанія своего подписать не захотѣла по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ не хотѣлъ подписаться Сем. Кузнецовъ [2]).

Въ томъ же году бродившій „учитель" попался въ руки томской земской власти.—„Зовутъ меня, говорилъ онъ, Николай Ивановъ, а фамиліи не помню. Вѣры я православной, но не той, которую исповѣдуютъ никоніане. Царя отрицаю,—законовъ россійской державы не признаю. Бродяжничая, останавливался для отдыха по тайгамъ" [3]).

Странникъ по имени Іоаннъ, задержанный въ 1852 году въ Смоленской вол. (Бійск. окр.), упорно отказывался какъ объяснить свое родопроисхожденіе, такъ и дать грѣховное, по его мнѣнію, рукоприкладство въ слышаніи составленнаго о немъ приговора [4]).

Съ спеціальной цѣлію пропаганды странничества около 1858 г. бродили въ предѣлахъ Томской губерніи вмѣстѣ Иванъ Ивановъ, Іустинъ Непомнящій и Михаилъ Григорьевъ, а въ 1860-хъ годахъ путешествовали совмѣстно же двое мужчинъ, оставшіеся неизвѣстными, и крестьянка изъ Тюменскаго уѣзда Тоб. губ. Анна Шадрина. Когда послѣдніе были задержаны въ деревнѣ Жилиной, Бѣлоярской волости, при нихъ нашли 17 экз. книгъ и рукописей разнаго содержанія и въ ихъ числѣ сочиненіе Аѳ. Пр. Щапова,—„Земство и расколъ", исторія Выговской пустыни Филиппова и рукопись—„сборникъ письменный" съ самыми фанатичными порицаніями Петра В., всѣхъ царскихъ распоряженій о ревизіи, рекрутчинѣ и праздновaніи табельныхъ высокоторжественныхъ дней [5]).

---

[1]) Дѣло въ арх. Губ. Прав. за 1842 г. въ связкѣ 733.

[2]) Д. Губ. Прав. въ св. 736, за 1847 г.

[3]) Д. въ арх. Губ. Прав. за 1847 г. въ связкѣ безъ №-ра.

[4]) Д. Губ. Прав. въ связкѣ № 740 за 1854 г.

[5]) Дѣло Томск. Кон. по оп. № 238 за 1867 г. Ревизія, по воззрѣнію странниковъ, есть сѣть, уловляющая въ царство антихриста,—средство прикрѣпляющее къ антихристу. Въ болѣе смягченномъ видѣ одинъ изъ страннических авторовъ разсуждаетъ о ревизіи такъ. „Міръ—блудница есть и святіи проразумѣша, яко въ мірѣ неудобь можно сохранити добродѣтели и начаша бѣгати міра и жити въ пустынѣхъ. Сколько бысть святыхъ отецъ, устранившихся отъ міра и жившихъ въ пустыняхъ?! Всему тому равноангельскому блаженному житію ревизія полагаетъ препону. Ибо при ревизіи нѣсть мощно укрытися отъ очію міра сего. Ревизія всякаго при своемъ жилищѣ крѣпко ограничиваетъ и нигдѣ жити не попущаетъ.—Сборникъ, написанный Семеномъ Кошаринымъ. Рукоп. Казан. Дух. Академіи № 2122, л. 111 наобор.

По подозрѣнію о пристанодержательствѣ бродягъ томская городская полиція въ 1860 г. произвела обыскъ въ квартирѣ внезапно скрывшагося мѣщан. Александрова и у сожительницы послѣдняго Секосовой, отобрала тетради, отдѣльные исписанные листки и связку писемъ. Все это было препровождено въ консисторію, которая въ свою очередь передала присланное на разсмотрѣніе и заключеніе томскаго свящ. Вакха Гурьева. О. Гурьевъ сообщилъ консисторіи, что изъ числа разсмотрѣнныхъ произведеній раскольнической литературы ни одно не можетъ быть терпимо въ народномъ употребленіи, такъ какъ всѣ наполнены главнѣйшими заблужденіями раскола объ антихристѣ, о не взиманіи пачпортовъ, о незаписываніи въ ревизіи, о перекрещиваніи и т. под. Кромѣ того, изъ переписки раскольниковъ между собою видно, что главнѣйшимъ мѣстомъ раскольническихъ (страннических) сборищъ служатъ пасѣки, находящіяся въ окрестностяхъ г. Томска, и эти сборища, или мнимые соборы, имѣютъ постоянную связь съ таковыми же въ гг. Тюмени, Перми, Казани и Ярославлѣ [1]).

Въ 1867 и 68 годахъ подверглись аресту задержанные въ разныхъ мѣстахъ Маріин. окр. бѣгуны Николай Безпрозванья, никогда въ бродяжничествѣ не разстававшійся съ рукописями противоправительственнаго содержанія [2]), и «пустынникъ» по имени Илларіонъ.

Послѣдній показалъ о себѣ, что онъ, Илларіонъ, по отцѣ Степановъ—25 лѣтъ, грамотный, «вѣры истинно-православной христіанской». Исповѣдуется по своему обряду. Родился въ Россіи, но въ какой губерніи не знаетъ. Уже 13 лѣтъ странствуетъ по разнымъ мѣстамъ, а по какимъ не помнитъ. Считается учителемъ по своей вѣрѣ. Въ послѣднее время проживалъ вмѣстѣ съ братьями въ 10 верстахъ отъ Прокопьевской заимки въ лѣсу, гдѣ, кромѣ богомолья, занимался дѣланіемъ чашекъ, ложекъ, поваренокъ, туясьевъ и другихъ издѣлій изъ дерева, что сбывалъ крестьянамъ въ жилыхъ мѣстахъ. Не смотря на грамотность, показанія не подпишетъ потому, что, во 1-хъ, принятое лѣтосчисленіе признаетъ неправильнымъ, ибо нынѣ не 1868, а 7376 годъ [3]) и, во 2-хъ, прочитанную ему 816 ст. изъ XIV тома св. законовъ считаетъ богопротивной, какъ равно богопротивнымъ признаетъ весь нынѣшній гражданскій законъ. Государя императора называетъ еретикомъ и богоотступникомъ, потому что не содержитъ нашей православной вѣры». Полицейскія власти однако настаивали, чтобы Илларіонъ подписался, и онъ подписался такою оригинальною подписью: «весь чинъ, предсѣдящій въ синодѣ и сенатѣ признаю сонмище богохульное, изданные ими законы полагаю еретическими, яко Ипполитъ, папа римскій ихъ нарицаетъ—волками. Къ сему показанію руку приложилъ

---

[1]) Дѣло по разсмотрѣнію раскольнич. рукописей, принадлежащихъ мѣщ. Александрову. Въ арх Конст. 1866 г. по оп. № 28.

[2]) Д. Том. Конс. № 84 за 1868.

[3]) Годомъ Рождества Христова странники, какъ и многіе изъ др. раскольниковъ, признаютъ не 5508 отъ сотворенія міра, а 5500-й.

истинно-православный христіанинъ Илларіонъ Степановъ — странникъ о Христѣ»*).

Еще болѣе важнаго страннического учителя томскій полицейскій приставъ открылъ въ маѣ 1873 г., натолкнувшись на него почти нечаянно. Застигнутый врасплохъ учитель сначала не хотѣлъ себя назвать, затѣмъ показалъ, что онъ крестьянинъ Казанской губерніи Максимъ Яковлевъ, и наконецъ признался, что истинное его званіе и имя купецъ изъ Казанской губ. заштатнаго г. Арска Никита Ивановъ Вихляевъ. Вихляевъ прибылъ изъ тайги въ Томскъ съ цѣлою грудою книгъ и разныхъ рукописныхъ къ нимъ прибавленій. Видимо онъ явился сюда для какихъ-то собесѣдованій и съ цѣлію путемъ собесѣдованій завербовать новыхъ послѣдователей своей секты. Производившій слѣд-

---

*) Дѣло о пойманныхъ въ тайгѣ кр. Шибановѣ и др. Арх. Губ. Пр. 1868, св. 124. Надо замѣтить что истовые послѣдователи бѣгунства на допросахъ предъ „никоніанскими властями" считаютъ особеннымъ долгомъ вѣры подчеркивать свое православное христіанство и вообще безъ стѣсненій, безбоязненно выражать свои сектантскія убѣжденія. Поступая такъ, они съ большой энергіей укоряютъ сторонниковъ всѣхъ другихъ раскольническихъ согласій за то, что предъ никоніанами соглашаются признавать себя сектаторами или даже раскольниками Въ рукописномъ сочиненіи странника Семена Александрова на вопросъ: „како подобаетъ вѣру христіанскую исповѣдати предъ нечестивыми?—данъ слѣдующій отвѣтъ:

„Всякъ убо иже исповѣсть мя предъ человѣки, исповѣмъ его и азъ предъ отцомъ моимъ, иже на небесѣхъ. А иже отвержется мене предъ человѣки, отвергуся его и азъ предъ отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ (Мѳ. зачало 38).—Иже аще постыдится мене... въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ, и Сынъ Человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца своего со ангелы святыми (Мр. зач. 37).

Толкованіе: Не довлѣетъ въ помыслѣ вѣры, но и усты просятъ исповѣданія, понеже сугубъ человѣкъ, сугубу быти и освященію. Освящается бо душа вѣры ради... Не токмо бо душею вѣровати хощетъ (отъ насъ) Христосъ но и отъ устъ исповѣданія ищетъ ..

„А нынѣ когда спросятъ какой вы секты, то вси отвѣчаютъ и пишутся: поморскія, часовенныя и проч. секты и тако творятъ противно закону. Никоніанъ страха ради (на судахъ и допросахъ) называютъ христіанами. А законъ тако повелѣваетъ: внѣ не сущей, не нарицай еллина скверна или нечестива. Аще же о вѣрѣ его вопрошенъ будеши, отвѣчай, яко скверна и нечестива вѣра его... Вотъ и можно видѣть, что вы, вси сектаторы, за очи никоніанъ укоряете, а при вопросахъ страха ради похваляете. Перстомъ своимъ ереси ихъ указуете, а при вопросахъ христіанъ ихъ своеручно подписуете".

Мало того, что сектаторы, по словамъ Александрова, именуютъ себя предъ никоніаны поморцами, часовенными и т. д., но и соглашаются принимать на себя званіе раскольниковъ:

О, вы помраченіи, св. Духомъ непросвѣщеніи!
Насъ подполниками нарицаете,
А сами 200 лѣтъ еретиками пребываете.
Подполника имя намъ вѣнецъ исплетаетъ,
А раскольника имя отъ Бога отлучаетъ.
Мы и донынѣ противницы звѣревы,
А вы 200 лѣтъ защитницы змѣевы.
Звѣрь насъ паче всѣхъ оскорбляетъ,
А нынѣ васъ въ начальники поставляетъ.
. . . .
Всѣ вы—разные толки
Сотворились бѣсовскіе полки.

Рукопись Казанской Дух. Академіи № 2018. Листы 106 и 112—115

ствіе о Вихляевѣ чиновникъ Эверсъ прослышалъ, что это до такой степени важный по сектантству учитель, что сектанты чествуютъ его, какъ своего „архіерея“. Дознаніе подтвердило слухъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что Вихляевъ состоялъ въ роли главнаго наставника и настоятеля большого бѣгунскаго скита, находившагося въ Нелюбинской, Томск. окр., тайгѣ [1]).

За время, еще болѣе близкое къ настоящей порѣ, среди руководителей и учителей томскаго бѣгунства пользовались и отчасти доселѣ пользуются большимъ авторитетомъ Василій Алексѣевъ Можаевъ, написавшій собственнаго составленія громадный цвѣтникъ, напечатанный затѣмъ въ подпольной типографіи Костромской губ. [2]), Осипъ Семеновъ, слывшій не только въ Сибири, но и въ Россіи въ числѣ главныхъ проповѣдниковъ страннической секты и старецъ Евтихій Маркелловъ [3]).

Мы перечислили отдѣльныхъ странниковъ и нѣсколькихъ страннических учителей, не упоминая о ихъ послѣдователяхъ, проживающихъ въ качествѣ „жилыхъ“ странниковъ по разнымъ деревнямъ особенно Маріинскаго округа и ограничиваясь замѣчаніемъ, что каждый изъ странствующихъ бѣгуновъ не щадитъ ни какихъ усилій, чтобы умножить количество своихъ сторонниковъ. Особенно неудержимою ревностію въ распространеніи секты отличался упомянутый пустынникъ Илларіонъ, перекрещивавшій въ свою вѣру безъ всякихъ положенныхъ по этой вѣрѣ подготовленій [4]). Пока оставляемъ безъ перечня и разные тайные притоны странничества, раскиданные по томскимъ лѣсамъ и горамъ,—притоны, встрѣчающіеся настолько часто, что, судя по этому признаку, нужно думать, что для странниковъ томская губернія является чуть ли не самымъ излюбленнымъ мѣстомъ проживанія и укрывательства. Но необходимо въ настоящемъ мѣстѣ упомянуть что бѣгунство всюду, гдѣ имѣется оно, а слѣдовательно и бѣгунство томское дѣлится на разныя партіи и отдѣльные толки. Есть въ томскомъ странничествѣ «денежники и безденежники», т. е. бѣгуны, дозволяющіе себѣ употребленіе для купли и продажи денежныхъ знаковъ и отказывающіеся отъ послѣднихъ, не принимающіе ихъ въ руки, ибо, по ихъ мнѣнію, деньги—это тоже, что печать антихриста. Безденежники укрываются по р. Чети и за дер. Тамбаръ. «Сами они не принимаютъ денежной милостыни, но своимъ страннопріемцамъ поручили принимать ее для нихъ и на собранныя деньги покупать все имъ потребное» [5]). Это—уловка, но безденежники дѣлаютъ видъ, что ее не замѣчаютъ.

Извѣстно, что въ неособенно давнее время одинъ изъ главныхъ руководителей Ярославскаго странничества Никита Семеновъ при посредствѣ

---

[1]) Дѣло о Вихляевѣ. Арх. Губ. Прав. 1873 г. въ св. 114.

[2]) Томская тайга. Рук. А. Щербакова, стр. 29—30.

[3]) Краткое повѣствованіе о жизни моей въ странничествѣ. Рук. мѣщанина г. Маріинска Том. губ. Степана Тимоф. Васильева, стр. 12, 26.

[4]) См. ту же рукопись, стр. 11.

[5]) Архимандритъ Павелъ. Краткія извѣстія о существующихъ въ Россіи сектахъ. Изд. втор. Спб. 1889 г., стр. 72.

имъ сочиненныхъ и имъ же изданныхъ статей хотѣлъ придать всему страничеству организацію съ градаціей наставниковъ на подобіе іерархическаго устройства въ православной церкви и съ названіями ихъ патріархами, архіереями и пресвитерами. Статьи произвели въ странничествѣ громадный шумъ. Принявшіе ихъ стали называться статейниками или іерархитами, отвергшіе—безстатейниками. Жаркіе споры и словопренія возникли по поводу статей и въ томскомъ странничествѣ. Произошло раздѣленіе и очень острое. Іерархиты принимаютъ къ себѣ безстатейниковъ не иначе, какъ чрезъ перекрещиваніе, какъ и наоборотъ. Изъ страннических архіереевъ, если не былъ архіереемъ Вихляевъ, мы успѣли узнать только объ одномъ—Семенѣ Савельевѣ, поставленномъ соборомъ „томскихъ старцевъ" съ вѣдома ярославскаго патріарха Никиты Семеновича [1]). По своей малоначитанности Савельевъ, не смотря на свой высокій титулъ, въ паствѣ своей большимъ авторитетомъ не пользовался.

Постольку, поскольку послѣдователи *тюменскаго* согласія возстаютъ противъ записи въ гражданскія ревизіи—они сходятся со странниками, но тюменовцы за царя молятся, „словесе дѣвства въ себѣ не вмѣщаютъ", т. е бракъ пріемлютъ и въ этомъ отношеніи, при общихъ безпоповщинскихъ воззрѣніяхъ, ничѣмъ не рознятся отъ поморцевъ, съ коими, однако, не сообщаются. По указанію г. Щербакова, тюменское согласіе имѣется въ Тюмени, Кунгурѣ, въ г. Томскѣ и около него. Здѣсь въ особенности поревновалъ о его поддержаніи и распространеніи Иванъ Фотѣевъ Суриковъ, переселенецъ въ томскую тайгу изъ россійскихъ купцовъ [2]).

III.

Настоятели и руководители въ поповщинскомъ расколѣ. - Попъ Ив. Грузинскій.—Бѣглые попы у „поляковъ" и другихъ старообрядцевъ.—Недостатокъ въ попахъ.—Попъ изъ ссыльныхъ, лишенный сана.—Дьяки и уставщики, замѣнявшіе поповъ —Возникновеніе австрійскаго согласія въ Томской губерніи. - Бѣловодскій лже-архіерей Аркадій.—Австрійскіе лже-епископы: Савватій, Меѳодій, Антоній и Герасимъ.—Попы австрійскаго поставленія.

Отчасти намъ уже довелось коснуться раскольническихъ руководителей и наставниковъ. Въ настоящей главѣ рѣчь о нихъ спеціально. Начнемъ съ главныхъ руководителей поповщинскихъ толковъ. Съ 1822 или 1823 и до средины 1830-хъ годовъ въ Томскѣ проживалъ старообрядческій священникъ Иванъ Михайловъ Грузинскій, отправлявшій богослуженія въ часовнѣ, устроенной въ домѣ купца Мыльникова. Грузинскій прежде священствовалъ въ с. Архангельскомъ Тульской епархіи, Каширской округи, и за усердное служеніе церкви былъ награжденъ набедренникомъ и скуфьею. Въ 1819 году онъ испросилъ у своего начальства увольненіе на одинъ мѣсяцъ для поклоненія святынямъ Троицко-Сергіевской лавры, но обратно въ свой приходъ уже не явился. Старообрядцы успѣли сманить доселѣ почтеннаго іерея въ Средне-Никольскій, на Иргизѣ, монастырь, откуда его вы-

---

[1]) Рукоп. мѣщ. Ст. Васильева: „Краткое повѣствованіе о жизни моей", стр. 28.

[2]) Томская тайга. Рук. А. Щербакова, стр. 3 и дал.

звали къ себѣ иркутскіе раскольники. Доѣхавъ до г. Томска, Грузинскій остановился въ немъ и далѣе слѣдовать не захотѣлъ [1]). Въ 1823 г. многіе изъ крестьянъ Чумышской и Верхъ-Чумышской волостей отказались отъ участія въ постройкѣ приходскаго храма въ с. Бѣлоярскомъ и мотивировали отказъ тѣмъ, что они—старообрядцы и, какъ таковые, не имѣютъ никакого отношенія къ храму, кромѣ того, что вѣнчаются въ немъ. «Мы, писали они, имѣемъ сношенія съ Иргизскими монастырями, изъ которыхъ къ намъ уже прибылъ попъ. Онъ теперь находится въ Томскѣ, но скоро переѣдетъ въ Легостаевскую волость и будетъ жить при часовнѣ въ дерев. Суэнгинской [2])». Попъ, о коемъ говорилось здѣсь, былъ Иванъ Михайловъ, изъ Томска на жительство въ Суэнгинскую, однако, никогда, вопреки выраженнымъ ожиданіямъ, не переѣзжавшій.

Михайловъ, онъ же Грузинскій, явился къ томскимъ старообрядцамъ такъ, какъ вообще являются къ раскольникамъ бѣглые попы, т. е. безъ всякаго съ чьей бы то ни было стороны начальственнаго дозволенія. Приходскій священникъ с. Ярскаго былъ страшно возмущенъ, когда въ 1824 г. Грузинскій вторгнулся для требоисправленій къ старообрядцамъ его приходскихъ деревень. Кудрявцевъ разсматривалъ это вторженіе, какъ «произвольное и беззаконное», и счелъ нужнымъ довести о немъ до свѣдѣнія Томскаго Д. Правленія [3]). Но 20 февраля 1826 г. Томское Губ. Правленіе, выслушавъ прошеніе отъ довѣреннаго крестьянъ-старообрядцевъ Спасской, Пачинской, Тарсминской, Косминской, Чумышской, Боровлянской, Нижне-Кулундинской волостей, постановило: «по состоянію указанныхъ волостей, съ прописаніемъ просьбы сей и приложеніемъ имянныхъ (просителей) регистровъ, предписать указомъ земскимъ судамъ Томскому, Кузнецкому, Барнаульскому:—буде дѣйствительно просители и всѣ означенные въ регистрахъ люди находятся въ старообрядчествѣ, то не препятствовать исполнять между ними всѣ мірскія законныя требы старообрядческому священнику Ивану Михайлову во всѣхъ молитвенныхъ домахъ и часовняхъ, гдѣ только онѣ въ вѣдомствахъ оныхъ судовъ находятся и предоставить тѣмъ крестьянамъ имѣть свободную отлучку до г. Томска въ томскій молитвенный домъ, наблюдая, впрочемъ, строго, чтобы къ числу старообрядцевъ не присоединились тѣ, кои принадлежатъ къ православной греко-россійской церкви. Священнику же Ивану Михайлову чрезъ полицію дать знать, чтобы всѣмъ старообрядцамъ имѣлъ метрическія вѣдомости и представлялъ оныя, куда слѣдуетъ» [4]).

Было бы нѣсколько странно, если бы губернская власть дала изложенное дозволеніе безъ предварительнаго сношенія съ Петербургомъ. Во всякомъ случаѣ Михайловъ могъ теперь являться къ старообрядцамъ вполнѣ

[1]) Въ связкѣ дѣлъ Томскаго Д. Правленія за 1826 г.

[2]) Дѣло Тоб. Д. Консисторіи за 1823 г. въ арх. Томск. Консист.

[3]) Рапортъ свящ. Кудрявцева отъ 9 янв. 1824 г. Арх. Томской Консист., связка дѣлъ за 1824 г.

[4]) Дѣло Горной Канцеляріи Колывано-Воскресенскихъ заводовъ отъ 13 апр. 1827 г Въ архивѣ Барн. Д. Правленія.

свободно и открыто, потому что служилъ легально и количество его прихожанъ возрастало съ каждымъ годомъ. Въ 1830-мъ году къ нему уже обращались за требами крестьяне такихъ отдаленныхъ отъ Томска волостей, какъ Бійская, Алтайская, Чарышская, Колыванская [1]). Отселѣ его приходъ мы должны представлять въ размѣрахъ огромной епархіи и неудивительно, что, несмотря на свои постоянныя разъѣзды, Грузинскій всетаки не успѣвалъ справляться съ нуждами своихъ многочисленныхъ и широко раскиданныхъ прихожанъ. Въ самомъ концѣ 1820-хъ и началѣ 30-хъ годовъ у старообрядцевъ разныхъ деревень Барнаульскаго округа крестилъ, отпѣвалъ и отправлялъ другія требы переселенецъ, проживавшій въ Хмѣлевскомъ станцѣ Тимофей Сидоровъ Максимовъ и при этомъ объяснялъ, что получилъ на требосовершеніе право и благословеніе отъ старообрядческаго попа Ив. Михайлова [2]). Помощниковъ, подобныхъ Максимову, Михайловъ имѣлъ въ деревнѣ Мироновой въ лицѣ крестьян. Сергѣя Борисова и дер. Казанцевой въ лицѣ Ив. Осип. Казанцева [3]). Грузинскій не удержался въ очень выгодномъ для себя положеніи. За противозаконное повѣнчаніе множества браковъ онъ попалъ подъ судъ и былъ приговоренъ къ лишенію сана. Это однако не помѣшало ему перебраться въ Екатеринбургскій уѣздъ Перм. губ. и нѣкоторое время священодѣйствовать у раскольниковъ Шарташскаго селенія [4]).

Въ самыхъ южныхъ частяхъ губерніи у раскольниковъ-поляковъ были свои попы по мѣстному народному названію—„попы польской вѣры". Въ одномъ изъ архивныхъ документовъ мы встрѣтили короткое извѣстіе, что у «поляковъ» Крутоберезовской и сосѣднихъ волостей въ самомъ началѣ XIX в. открыто священнодѣйствовалъ «польскій попъ» Егоръ Алексѣевъ [5]), Егора смѣнили попы Иванъ Ивановъ и Трофимъ Соколовъ. Первый имѣлъ ставленную грамоту отъ астраханскаго архіерея Платона [6]), слѣдовательно вышелъ сюда изъ Астраханской епархіи,—второй чрезъ посредство Иргизскихъ монастырей бѣжалъ въ Сибирь изъ Сызранскаго Вознесенскаго монастыря, куда, по распоряженію Казанскаго епархіальнаго начальства, былъ посланъ подъ эпитимію въ 1820 году [7]). Гдѣ у поляковъ укрывался Ивановъ—неизвѣстно, Соколовъ проживалъ сначала въ д. М. Убинской, затѣмъ при часовнѣ въ с. Секисовскомъ.

Крестьян. д. Куликовой, Космалинской вол. Ив. Рѣчкинъ въ прошеніи къ томскому преосвящ. Агапиту отъ 16 января 1835 года изъяснилъ, что осенью 1824 года его свѣнчалъ въ молитвенномъ домѣ съ крестьянской

---

[1]) Дѣло Тоб. Д. Консисторіи по оп. № 1171. Въ архивѣ Том. Консисторіи.

[2]) Д. Тоб. Конс. по оп. № 1197 въ архивѣ Том. Консист.

[3]) Д. Тоб. Конс. по оп. № 1171 въ томъ же архивѣ.

[4]) Собраніе постановленій по части раскола. Спб. 1875, стр. 149—150.

[5]) Ук. Тоб. Консисторіи отъ 1834 г. 14 февр. Въ архивѣ Барн. Д. Прав.

[6]) Ук. Тоб. Конс. отъ 16 іюля 1823 г. Въ арх. Барн. Дух. Прав.

[7]) Это свѣдѣніе заимствуемъ изъ отношенія том. епископа Агапита къ управляющему Том. губерніей отъ 3 іюля 1840 г. за № 2065. Въ арх. Томск. Губ. Прав., св. дѣлъ № 268.

дочерью Натальей Ситниковой попъ Трофимъ Соколовъ. Рѣчкинъ просилъ или дозволить ему вступить въ другой бракъ, если свѣнчаніе бѣглымъ попомъ будетъ признано незаконнымъ, или приказать, чтобы къ нему вернулась Наталья, которую отобралъ отецъ ея Прокопій Ситниковъ[1]). Такимъ образомъ изъ Мало-Убинской или Секисовки Соколовъ простеръ районъ своего самовольнаго служенія къ сѣверу довольно далеко. Но есть указаніе, что онъ распространилъ его и дальше. Въ томъ же 1824 году, когда былъ повѣнчанъ бракъ Рѣчкина, причтъ с. Малышевскаго (на Оби) печаловался, что въ приходѣ часто наѣзжаетъ попъ Трофимъ и въ продолженіе 1823 г. успѣлъ перевѣнчать многихъ изъ прихожанъ. Соколовъ умеръ въ Секисовкѣ въ 1826 году [2]).

Послѣ Грузинскаго, Иванова и Соколова томскіе старообрядцы на долгое время не имѣли поповъ, которые проживали бы между ними постоянно. Но это не значитъ, чтобы они лишены были ихъ окончательно. Старообрядческіе попы заявлялись въ Томскую губернію съ Иргиза, изъ Екатеринбурга и, затѣмъ, отъ Рогожскаго кладбища, но останавливались здѣсь только временно, наѣздомъ. Исчислить всѣхъ этихъ гостей мы не считаемъ для себя возможнымъ, тѣмъ болѣе, что въ бумагахъ, которыми пользуемся, въ большинствѣ случаевъ говорится о нихъ кратко и глухо—въ такомъ родѣ: тамъ попъ съ Иргиза повѣнчалъ такіе-то браки, въ другомъ мѣстѣ попъ изъ Екатеринбурга оставилъ дары такому то лицу и т. под. Имена и фамиліи такихъ дѣятелей встрѣчаются въ документахъ весьма рѣдко. Въ 1840-хъ годахъ попъ Лука Евтроповъ объѣзжалъ для требоисправленій волости Барнаульскаго окр., и, несомнѣнно, бывалъ и въ сосѣднихъ Каинскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ [3]). Попъ съ Рогожскаго кладбища по имени Марко въ 1850-хъ годахъ ѣздилъ по Бійскому округу, имѣя при себѣ походную полотнянную церковь. Раскинувъ эту церковь близъ р. Алея, Маркъ повѣнчалъ множество паръ и, между прочимъ, обрачилъ крестьянъ Соколова, Печенигина, Караванова, сошедшихся съ женами еще гораздо раньше своего вѣнчанія на р. Алеѣ. Крестьянинъ изъ д. Тайны Григорій Пановъ разсказалъ, что попъ Марко останавливался и въ его деревнѣ, гдѣ также вѣнчалъ мѣстныхъ и окрестныхъ крестьянъ и наскоро вѣнчалъ такъ: „давалъ пить изъ чашечки три раза, водилъ вокругъ стола и вмѣсто вѣнцовъ налагалъ на головы иконы". Въ 1858 г. свящ. с. Маймы Василій Вербитскій донесъ преосвященному, что въ Алтаѣ между раскольниками священнодѣйствуетъ какой-то человѣкъ, называющій себя московскимъ попомъ. Очень можетъ быть, что. о. Вербитскій имѣлъ въ виду все того же Марка, бывшаго въ алтайскихъ деревняхъ не разъ, а можетъ быть попа Фому Егорова, имѣвшаго въ свой проѣздъ пребываніе въ дер. Карагаинской [4]). Выразительна въ донесеніи Вербитскаго та подробность, что вмѣстѣ

[1]) См. предшествующее примѣчаніе.

[2]) Ук. Тоб. Конс. отъ 22 марта 1824 г. Въ архивѣ Барн. Д. Правл.

[3]) Д. Том. Конс. о расколоуч. Гутовыхъ за 1868 г., л. 186.

[4]) Д, Том. Губ. Суда въ арх. Губ. Правл. св. 746.

съ московскимъ попомъ явилось въ Бійскій округъ изъ подъ Москвы много поповцевъ-мірянъ, точно для поддержанія поповщины въ томско-сибирской сторонѣ [1]). Мы уже имѣли случай упомянуть, что старику Потапу Шмакову вручилъ запасные дары попъ Семенъ Долговъ, разъѣзжавшій по Томской губерніи вначалѣ 1860-хъ гг. Но Семенъ Долговъ, кажется, былъ однимъ лицомъ съ попомъ Константиномъ Долгихъ—австрійскаго поставленія.

Какъ ни были часты наѣзды бѣглыхъ поповъ, всетаки томскіе раскольники временами сильно нуждались въ этихъ требоисправителяхъ и только великой нуждой въ нихъ можно объяснить то, что въ 1830-хъ годахъ каинскіе старообрядцы ѣздили за исполненіемъ требъ къ далекому Екатеринбургу, истрачивая на такія поѣздки и много времени и большія деньги [2]). При недостаткѣ въ попахъ, томскіе поповцы готовы были ухватиться за всякаго, кто бы, по ихъ ихъ мнѣнію, съ какимъ нибудь правомъ могъ совершать службы и исполнять требы. Въ 1838 году каинскіе, а за ними барнаульскіе и кузнецкіе раскольники были очень обрадованы, когда узнали, что среди поселенцевъ, причисленныхъ къ д. Басалаевой (Каин. окр.), имѣется бывшій попъ по имени Василій Егоровъ Артамоновъ.

Нѣкогда Артамоновъ былъ дѣйствительно священникомъ въ с. Холму Солигалическаго уѣзда. Костромской епархіи и даже почетнымъ священникомъ, потомучто проходилъ должность благочиннаго. Покинувъ православный приходъ, онъ перебѣжалъ къ нижегородскимъ раскольникамъ, которые, принявъ его съ большою радостію, устроили ему служеніе при извѣстной богатой часовнѣ въ с. Городцѣ. Полиція выслѣдила и захватила Артамонова, послѣ чего его судили за связь съ раскольниками и другія противозаконныя дѣйствія и, съ лишеніемъ сана и правъ, сослали въ Сибирь. Не смотря на то, что поселенецъ былъ „обнаженъ" священства, сибирскіе раскольники увидѣли въ немъ неожиданное и дорогое для себя пріобрѣтеніе. Выслушавъ согласіе поселенца на служеніе старообрядству, они увезли его въ глухую тайгу, въ такъ называемый каинскій урманъ, гдѣ укрывали на пасѣкѣ. Но ѣздить въ урманъ было далеко и неудобно, и потому нашли для Артамонова другое тайное помѣщеніе на пасѣкѣ же за дер. Хмѣлевскимъ станцомъ (Чумышской вол. Барн. окр.). Рьянаго и расторопнаго покровителя для себя Артамоновъ встрѣтилъ въ лицѣ того Тимофея Максимова, который, какъ мы видѣли, помогалъ въ требоисправленіяхъ Грузинскому и который почему-то именовалъ себя «попечителемъ старообрядческихъ обществъ». Максимовъ не затруднился объѣхать множество барнаульскихъ и кузнецкихъ деревень съ цѣлью оповѣстить жителей, что нашелся попъ древняго благочестія,—что отселѣ къ никоніанскимъ попамъ ни за какимъ дѣломъ относиться не должно Священникъ Барнаульской Одигитріевской церкви отправился по деревнямъ, причисленнымъ къ его городскому приходу, для совершенія накопившихся требъ и отъ многихъ изъ деревенскихъ выслушалъ: «ты зачѣмъ къ намъ? У

1) Дѣло въ арх. Губ. Прав., св. 746 за 1858 г.

2) Д. Тоб. Д. Конс. въ арх. Том. Конс. № 1187 за 1631 годъ.

насъ имѣется свой попъ —тотъ, котораго изъ Каинска привезъ Максимовъ». Засѣдателю Куртукову удалось настичь Артамонова въ одной изъ глухихъ деревень Бѣлоярскаго прихода, послѣ чего захваченный содержался въ Барнаулѣ подъ надзоромъ полиціи. Барнаульскій старшій протоіерей, онъ же и первоприсутствующій въ Дух. Правленіи, о. Васильевъ въ одномъ изъ своихъ донесеній преосв. Агапиту очень горько сѣтовалъ на то, что не разъ видѣлъ, какъ въ своей квартирѣ исправникъ Цитовичъ дружески и благодушно бесѣдовалъ съ Артамоновымъ, принимая его у себя „точно пріятеля", тогда какъ пріятелю надлежало бы находиться въ тюрьмѣ или, по крайней мѣрѣ, содержаться въ условіяхъ самаго строгаго домашняго ареста. Цитовичъ видимо находилъ большой интересъ въ разговорахъ съ Артамоновымъ, какъ лицомъ умнымъ, человѣкомъ бывалымъ. Благоволеніе къ нему со стороны начальства придало духу сторонникамъ «попа» и въ особенности «покровителю» Максимову. Этотъ, по отзыву преосв. Агапита, „злѣйшій врагъ православія и самый хитрый обольститель правовѣрныхъ" рѣшился отъ имени старообрядческихъ обществъ представить прошеніе губернской власти о дозволеніи соорудить въ д. Хмѣлевской старообрядческій храмъ съ тѣмъ, чтобы въ немъ служилъ Артамоновъ, а за нимъ попы отъ Иргизскихъ монастырей. Въ просьбѣ, разумѣется, было отказано и куда затѣмъ дѣвался Артамоновъ документы намъ не указали [1]).

Случай прибѣжища къ ссыльному и лишенному сана Артамонову, былъ, конечно, исключительнымъ. Но почти постоянной замѣной поповъ у поповцевъ Бійскаго округа служили дьяки. Наименованіе „дьякъ", равносильное церковному дьячку, вынесено было въ томскій край выходцами изъ Вѣтки, гдѣ эти раскольники имѣли церкви съ причтами, а слѣдовательно съ дьяками. Часто оставаясь въ Сибири безъ поповъ, старообрядцы-„поляки" предоставили дьякамъ право отправленія вечерни, утрени, часовъ и совершенія требъ крещенія и отпѣванія умершихъ. Отъ „поляковъ" наименованіе дьякъ въ приложеніи къ руководителямъ молитвенныхъ собраній или, иначе, къ уставщикамъ перешло и къ прочимъ бійскимъ раскольникамъ поповщинскаго согласія. Мало по малу раздвигая свое значеніе, дьяки присвоили себѣ право не только крестить и хоронить, но и благословлять браки и даже исповѣдывать и причащать тѣмъ болѣе, что на это они „уполномачивались" отъ проѣзжающихъ поповъ, часто снабжавшихъ ихъ запасными дарами [2]).

Въ концѣ 1830 и въ продолженіе 1840-хъ годовъ самыми вліятельными дьяками по Бухтарминской волости были: въ дер. Тургусунской Никита Зеленковъ съ сыномъ Θедоромъ и Абросимъ Ануфріевъ съ сыномъ Аристархомъ, въ д. Кондратьевой Вас. Прокопіевъ съ сыномъ Михаиломъ и въ д. Снегиревой Ив. Пантелѣевъ. Зеленковъ-отецъ объявилъ діакону православной Снегиревской церкви, что для исправленія требъ онъ „рукоположенъ" по древнему чиноположенію священникомъ, пріѣзжавшимъ изъ Иргизскаго мо-

---

[1]) Дѣло о Максимовѣ и Артамоновѣ въ арх. Губ. Прав. связка № 86.

[2]) Отсюда дьяки у бійскихъ раскольниковъ часто именовались „попистами".

настыря и что тотъ же священникъ передалъ и ему, Зеленкову, власть рукополагать другихъ дьяковъ и, кромѣ того, вручилъ ему Дары, хранящіеся „отъ лѣтъ равноапостольнаго князя Владиміра“ [1]). Въ то же время и нѣсколько позднѣе не меньшею, если еще не большею знатностію пользовались по Крутоберезовской и Убинской волостямъ дьяки въ д. Быструхѣ Осипъ Глушковъ, имѣвшій «сосудецъ съ дарами» и отправлявшій служеніе въ своемъ домѣ [2]), въ Плоской Кирьякъ Матвѣевъ, также сберегавшій при себѣ дары, будто бы вывезенные изъ Вѣтковской церкви [3]), въ Старо-Алейской Бодрягинъ, Сусляковъ и Каверинъ—„злѣйшіе расколоучители и упорнѣйшіе распространители ереси“ [4]), въ Верхъ-Убинскомъ Платонъ Гусляковъ—особенноав торитетный дьякъ, къ коему его почитатели подходили даже подъ благословеніе также, какъ подходятъ за благословеніемъ къ священнику [5]), —въ Алтайской волости Паутовъ, Зиновьевъ, Меркурьевъ и въ дер. Топольной Ануйской вол. Маркъ Максимовъ, открыто совершавшій всѣ требы и вліявшій на окольныя селенія по дѣламъ вѣры такъ сильно, что на вопросы о вѣроисповѣданіи раскольники тамъ отвѣчали: «мы вѣры Марковой» [6]). Сотрудниковъ въ своемъ духовномъ руководительствѣ дьякъ Маркъ имѣлъ въ лицѣ крестьянъ Филиппа Максимова и Ив. Архипова. Со многими изъ другихъ дьяковъ—ревнителями и охранителями поповщинскаго раскола—мы еще встрѣтимся въ изложеніи о томскомъ единовѣріи.

Попъ съ Рогожскаго кладбища Марко, побывъ въ д. Тайнѣ и перевѣнчавъ всѣхъ, кто обращался къ нему за браками, на дальнѣйшее браковѣнчаніе «благословилъ» крестьян. д. Половинки Константина (фамилія не названа), возведши его въ званіе дьяка [7]). Въ Бійскомъ округѣ замѣняли поповъ дьяки, въ другихъ округахъ—лица, которыхъ народъ именовалъ уставщиками просто. Изъ нихъ уже много разъ упомянутый Тимофей Максимовъ крестилъ, хоронилъ не только въ бытность попа Грузинскаго, но и послѣ него. Крестьяне дер. Шатуновой (Барн. окр.) заявляли приходскому священнику: „что хотите съ нами дѣлайте, а не дадимъ вамъ дѣтей крестить,—они уже крещены Тимофеемъ Сидоровичемъ“ [8]). Проживавшій въ дер. Кочневой уставщикъ Родіоновъ, пользовался авторитетомъ почти не меньшимъ авторитета попа не потому только, что хранилъ при себѣ дары, а потому что былъ уставщикомъ изъ *Стародубья* [9]).

---

[1]) Дѣло Губ. Прав. за 1843 г. въ св. № 734.

[2]) Отношеніе Томскаго епископа Аѳанасія къ Томскому губернатору Степану Петр. Татаринову 11 февр. 1843 г. въ дѣлѣ Губ. Прав. св. 89.

[3]) Д. Губ. Пр., св. 733 за 1839 г.

[4]) Дѣло по домогательству раскольниковъ о назначеніи имъ священниковъ изъ раскольническихъ монастырей. Губ. Прав. св. 505 № 264.

[5]) Дѣло о П. Гусляковѣ. Арх. Губ. Прав. въ св. 105 за 1869 г.

[6]) Д. Том. Конс. по оп. 1 ст. № 79 за 1873 г.

[7]) Д. Том. Губерн. суда о сводныхъ бракахъ и пр. Св. 746.

[8]) Д. Губ. Прав. о Максимовѣ и т. д. въ св. 86.

[9]) Д. о Родіоновѣ въ арх. Томск. Конс. по оп. I ст. № 62 за 1871 г.

Несравненно обильнѣе томскіе старовѣры поповщинскаго толка начали окормляться священствомъ съ тѣхъ поръ, какъ въ томской дали появились представители австрійскаго согласія. Но еще нельзя обойти молчаніемъ попытки обоснованія въ нашей странѣ священства мнимо-Бѣловодскаго поставленія.

Въ ночь съ 15 на 16 августа 1869 г. томскій окружный исправникъ Стоцкій, прибывъ секретно въ дер. Батурину (въ 25 верстахъ отъ г. Томска вверхъ по р. Томи), явился съ понятыми въ домъ кр. Карпа Яковлева Вагина и здѣсь накрылъ бродягу, называвшаго себя *архіепископомъ Аркадіемъ*, бѣжавшимъ изъ Якутской ссылки. Въ доказательство своего высокаго сана бродяга имѣлъ при себѣ грамоту. Любопытная грамота гласила слѣдующее.

„Божіею милостію азъ, смиренный Аркадій, архіепископъ Туркестанскій, Бѣловодскій, Японскій, Англо-Индійскій, Манджурскій, Россійскій Архангельскій, Олонецкій, Вологодскій, С.-Петербургскій, Новгородскій и Астраханскій.

„По благодати вышняго архіерея Господа и Бога и Спаса нашего Ісуса Христа и по дару Духа святаго сподобился азъ многогрѣшный архіерейскаго достоинства,—хиротонисанъ во епископа Манджуріи и Туркестану Сирскому въ лѣто 1846-ое мѣсяца декабря 25 дня. Хиротонисалъ меня святѣйшій патріархъ Мелетій Сирскій, Бѣловодскій, Исть-Индійскій (sic), Великія и Малыя Ѳіопіи и Великой Индіи, Японскаго царства и Китайскаго государства. Родился азъ въ 1817 году мая 1 дня. Въ сей грамотѣ поясняю мало и кратко о своемъ страданіи,—какія пріялъ Христа ради раны и заточенія и како въ архангельскихъ лѣсахъ разорили нашу обитель. 180 иноковъ и два митрополита убили, меня ранили пулею въ лѣвую руку, а штыкомъ прокололи въ правое бедро. Потомъ представили россійскому царю Николаю. Онъ преклонялъ къ своей вѣрѣ и не могъ.—Передалъ меня судити сенату и той не могъ склонити. Потомъ царь Николай повелѣлъ сослать меня въ крѣпость въ Суздаль на вѣчное заточеніе, а святительства не лишилъ. Царь Александръ II меня освободилъ;—въ 1865 году повелѣлъ сослать въ Сибирь, въ Якутскъ, но я оттоль тайно ушелъ. Паки слѣдую своего престола и свидѣтельствую о себѣ, яко предъ Богомъ, аще едину іоту солгалъ или утаилъ, то буду проклятъ и вселюся съ сатаною въ муку вѣчную.—Всѣмъ истину проповѣдую и за истину пострадалъ“*).

Разумѣется и въ д. Батуриной архіепископъ Аркадій въ поясненіе о Бѣловодьѣ и о себѣ самомъ передавалъ тоже, что любилъ разсказывать и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ ему довелось побывать. „Въ Бѣловодскомъ государствѣ, передавалъ онъ,—царь православный сирскаго языка. Есть тамъ патріархъ и четыре митрополита и больше 120 церквей. Служба отправляется на русскомъ и сирскомъ языкахъ. Благочестіе насаждено тамъ еще апостоломъ Ѳомою и нерушимо сохраняется до сего времени. Антихристъ

*) Дѣло въ арх. Томск. Консист. по оп. I ст. за 1870 г. № 21.

туда не придетъ, ибо земля та сокрыта Богомъ. Ни одинъ человѣкъ туда еще не бывалъ. Только при покойномъ государѣ Николаѣ Павловичѣ снаряжена была въ ту землю депутація изъ 30 князей и генераловъ для розысканія древняго благочестія. Я, какъ княжескій сынъ (изъ князей Урусовыхъ), былъ посланъ туда же. Хотя въ то время мнѣ было только 12 отъ роду лѣтъ, но я уже извѣстенъ былъ государю, какъ ревнитель вѣры и благочестія. Всѣмъ русскимъ князьямъ и генераламъ понравилось въ Бѣловодьѣ и они назадъ не вернулись. Когда я уже выросъ и достигъ степени архіепископа, бросили жребій кому идти возвращать русскую землю къ древнему благочестію Жребій палъ на троихъ, въ томъ числѣ и на меня. Изъ Бѣловодья чрезъ Китай прибыли мы (въ Россію) трое и устроили монатырь въ Архангельскихъ лѣсахъ. Собралось здѣсь 180 иноковъ и четыре митрополита—два изъ нихъ въ схимѣ. Я былъ пятымъ архіепископомъ. Въ первый же годъ скитъ нашъ разорили. Было послано два баталіона солдатъ. Меня ранили въ шею и *львое* бедро, остальныхъ всѣхъ перебили и бросили тѣла ихъ въ озеро. Ледъ подъ ихъ тѣлами до Петрова дня не таялъ. Меня увезли къ самому государю на лицо. Государь меня отпустилъ къ своимъ, такъ какъ я княжескій сынъ, но только приказалъ о вѣрѣ молчать. Я ему отвѣтилъ: если умолкну, то камни возопіютъ. Меня отправили въ крѣпость Динабургъ, а потомъ въ Суздаль"...*).

---

*) Такъ повѣствовалъ Аркадій о Бѣловодьѣ и о себѣ самомъ, проживая въ 1870-хъ годахъ въ Юго-Камскомъ заводѣ Пермск. губ. Здѣсь же онъ показывалъ свою архіерейскую ставленную грамоту съ такимъ содержаніемъ:

„Божіею милостію азъ, смиренный Мелетій, патріархъ Славяно-Бѣловодскій, Остъ-Индійскій, Сирскаго языка и прочихъ острововъ Индійскихъ, Японскихъ и Англо-Индійскихъ.

„Божіимъ изволеніемъ и по благодати небеснаго архіерея Господа и Бога и Спаса нашего Іс. Хр. и по дару святаго и животворящаго Духа и по дарованной власти мнѣ чрезъ святыхъ апостоловъ и ихъ преемниковъ Азъ, апостольскаго престола отъ Антіохіи Сирскія церкви сопрестольникъ, смиренный патріархъ Мелетій хиротонисалъ со священнымъ соборомъ съ четырьмя митрополиты сирскаго языка сего преосвященнаго Аркадія во епископа богоспасаемымъ градомъ славянскимъ Тавридію и Турхилику Остъ-Индскихъ острововъ въ лѣто отъ сотворенія міра 7355-е (1847 г.), а въ архіепископа (онъ, Аркадій) возведенъ въ лѣто отъ сотворенія міра 7358-е и посланъ въ Японское царство, царство острова Беджу-Корану и въ Велико-россійское государство, въ чемъ свидѣтельствую своею властною патріаршею рукою и приложеніемъ патріаршей печати. Напечатася въ лѣто отъ сотворенія міра 7358 мѣсяца маія въ 25 день въ соборной церкви Пресвятыя Богородицы честнаго ея живоноснаго источника.

(Дана) Въ царствующемъ градѣ Славяно-Бѣловодскомъ острова Остъ-Индіи Трапезундскія".

Печать съ какими-то непонятными знаками и фигурами.

См „Моя жизнь въ расколѣ бывшаго лже-попа Самуила Андреева Наймушина". Вятка, 1897 года. Отд. оттискъ изъ Вят. Епарх. Вѣдомостей.

Изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что Аркадій имѣлъ при себѣ не мало другихъ ставленныхъ грамотъ то болѣе, то менѣе подробныхъ, приблизительно съ тѣмъ же содержаніемъ. Въ одной изъ нихъ, между прочимъ, говорится, что сначала онъ былъ поставленъ „во епископа граду Асомціонъ въ Парагваѣ въ лѣто отъ сотворенія міра 7358-ое мѣсяца декабря въ 25 день и черезъ три дня, 28 декабря, возведенъ былъ „на высочайшій престолъ архіепископскій великія Русскія церкви". И. Т. Никифоровскій. „Къ исторіи Славяно-Бѣловодской іерархіи". Самара, 1891. Стр. 13.

У лже-архіепископа при взятіи его въ деревнѣ Батуриной исправникъ отобралъ 15 экземпляровъ книгъ преимущественно до-Никоновской печати и рукописныхъ, нѣсколько мѣдныхъ крестовъ, восемь иконъ, изъ которыхъ выдѣлялась своимъ содержаніемъ икона „Іс. Хр.—Благое Молчаніе", гдѣ Спаситель изображенъ въ архіерейскомъ саккосѣ съ двумя крылами и восьмиугольномъ вокругъ главы вѣнцѣ,—полное, поношенное отъ употребленія архіерейское облаченіе, подручники, наметка для посвященія церковно-служителей, два потира, дискосъ, жестяная коробочка съ узелкомъ чьихъ-то волосъ, свѣчи желтаго воска, десять просфоръ, плащаница и, наконецъ, три подложныхъ указа съ провозглашеніями полной свободы вѣры для старообрядцевъ разныхъ толковъ *).

Началось слѣдствіе. Во время его производства Аркадій содержался въ томской тюрьмѣ. На слѣдствіи „архіепископъ" сначала называлъ себя Иваномъ Тюлюбаевымъ, потомъ измѣнилъ показаніе и настойчиво увѣрялъ, что онъ бродяга—Арсеній Дмитріевъ. Ловкій, изворотливый, видавшій виды человѣкъ, сумѣлъ изъ тюрьмы бѣжать. Онъ бѣжалъ изъ нея 15 марта

Къ титулу Мелетія въ той-же грамотѣ прибавлено, что онъ, Мелетій,—патріархъ Африки, Америки и Террафирмы, и Парагвая, и Зелли-Хили и Магеланскія земли, надъ Патагонами и Бразиліи и Абасніи". Кромѣ Мелетія, эта грамота подписана царемъ и кралемъ Кимбайскаго царства. Инціи и Магеланскія земли Григоріемъ Владиміровичемъ. 38 митрополитами, 50 епископами, въ томъ числѣ и самимъ Аркадіемъ, 24 епископами, 39 архимандритами и 27 игуменами.—Всепод. отчетъ Оберъ-Прокурора свят. Синода за 1890—1891 г. Спб. 1893, стр. 185.

Митрополиты Славяно-Бѣловодскаго патріаршества епископствуютъ, по сказанію еще иной грамоты, въ „Лагорѣ-градѣ, Пунѣ-градѣ, Потозѣ-градѣ, въ Кенгитао-градѣ, въ Банконѣ-градѣ, Кехоградѣ, въ Новомъ-Орлеанѣ-градѣ, въ Циналоѣ-градѣ, Акупалео-градѣ, Бостонѣ-градѣ, Нанкинѣградѣ, Каликутѣ-градѣ, Бенасорѣ-градѣ, Канонорѣ-градѣ, Тофилетѣ-градѣ и т. д. Архіепископы. управляютъ епархіями „въ Санта-Фе-градѣ, въ Верра-Круксѣ, Санте-Фе-Боготѣ, Порто-Белло, Карфагенѣ, Квито, Виларикѣ, Олиндѣ, Тринконамалѣ и проч и проч. Епископы имѣются „въ Делоандо, Сафолѣ, Асомціонѣ, Салваторѣ, Цирихѣ (въ Гельветической республикѣ), въ Коарѣ, въ Аргау, Лейварденѣ, въ Сардиніи, въ Аравіи, Суецѣ, Ашумѣ и т. д. Архимандриты—въ Индіянскихъ пустыняхъ, въ Китайской Тартаріи, Парагваѣ, близъ южнаго моря, на островѣ Терецъ, близъ Тулона града, за великою стѣною Китайскою, въ Бисконіи, въ Мурацы (въ Испаніи) и т. д. Игумены—въ Абассиніи, въ Калифорнѣ, въ Перу, Парагваѣ. на островахъ Бермудскихъ, Лукайскихъ, Фернандскихъ и пр.—См. Никифоровскій. Къ истор. Славяно-Бѣловодской іерархіи, стр. 38.

Всѣ эти и подобныя географическія названія съ передѣлкою и искаженіемъ ихъ Аркадій заимствовалъ изъ найденнаго при немъ въ 1885 году старинннаго учебника географіи на французскомъ языкѣ съ переводомъ на русскій. Противъ многихъ городовъ и мѣстъ, названныхъ въ учебникѣ, Аркадій сдѣлалъ помѣтки крестиками или подчеркнулъ города чернилами. Какъ разъ такіе города и мѣстности и вошли въ его грамоты, какъ мѣста пребыванія Бѣловодскихъ іерарховъ, архимандритовъ и игуменовъ.—Никифоровскій. Тамъ же.

Пользуясь постоянно живущими въ расколѣ мечтаніями о Бѣловодскомъ царствѣ, гдѣ будтобы нерушимо сохраняется до-Никоновское благочестіе, и рѣшившись основать особую бѣловодскую іерархію на подобіе бѣлокриницкой, Аркадій возставалъ не только противъ православія, но и австрійскаго священства, и всякихъ другихъ толковъ въ расколѣ, и приходящихъ къ нему принималъ особымъ чиноприіемомъ. Находились слѣпцы, которые вѣрили грамотамъ и росказнямъ бѣловодскаго архіепископа, дѣлались его послѣдователями и даже рѣшались принимать отъ него рукоположеніе въ священство.

*) Дѣло объ Аркадіѣ въ арх. Том. Конс., № 21 за 1870 г.

1872 года и вскорѣ затѣмъ очутился въ Пермской губерніи, гдѣ секретно проживалъ въ Юго-Камскомъ заводѣ и отсюда очень нерѣдко проникалъ въ самый г. Пермь и даже центральныя мѣста Европейской Россіи.

Прежде чѣмъ попасть въ томско-подгородную деревню Батурину, Аркадій съ своими архіерейскими служеніями проѣхалъ или восточную половину нашей губерніи, или западную. Думаемъ, что онъ пробрался западной стороной чрезъ Каинскій округъ. Во дворѣ проживавшаго въ дерев. Кочневой (Каин. окр.) уже упомянутаго нами переселенца Егора Родіонова за время отъ 1868 по 1872 г. имѣлась молельня, при которой въ большомъ количествѣ писались рукописи бѣглопоповщинскаго содержанія. Здѣсь же были списаны грамота Аркадія и его подложные указы. Что Аркадій побывалъ въ Кочневкѣ у Родіонова доказывается тѣмъ, что послѣ побѣга изъ томской тюрьмы онъ не разъ писалъ послѣднему письма съ своими наставленіями и обѣщаніями снова посѣтить Каинскій округъ и въ немъ своихъ друзей и послѣдователей [1]).

Мы уже видѣли, что въ дѣлѣ о расколоучителѣ Толстокоровѣ, между прочимъ, указано, что въ самомъ концѣ 1860-хъ годовъ раскольничьи мѣстности Западной Сибири объѣзжалъ бѣглый архіерей, вездѣ отправлявшій службу В. Четверга съ умовеніемъ ногъ. Изъ другого источника намъ извѣстно, что Аркадій любилъ всякаго рода странности при своемъ архіерейскомъ служеніи, поэтому думаемъ, что служба В. Четверга, внѣ этого дня, была его служеніемъ.

Трудно допустить, чтобы Бѣловодскій архіерей при своемъ путешествіи по Томской губерніи и своихъ служеніяхъ въ ея деревняхъ, нигдѣ никого не поставилъ въ попы, хотя, можетъ быть, его ставленники впослѣдствіи сами отказались отъ своего поставленія, узнавши о проходимствѣ поставлявшаго.

Захваченный полиціей и въ Юго-Камскѣ, Аркадій въ 1879 году дѣйствительно побывалъ въ Каинскѣ, но не въ качествѣ добровольнаго гостя, а въ качествѣ ссыльнаго. Не страшна ему была томская тюрьма, а каинская ссылка тѣмъ менѣе. Онъ бѣжалъ изъ ссылки въ томъ же или слѣ-

*) Дѣло о Родіоновѣ въ арх. Томск. Конс. 1871, № 62.

*) Прежде чѣмъ не убѣдились въ проходимствѣ Бѣловодскаго архіерея, юго-камскіе раскольники разсказывали о немъ, „что святой онъ человѣкъ, и усердно молится по ночамъ, и когда молится, лампадка предъ его иконой зажигается небеснымъ огнемъ: нальетъ онъ въ лампадку воду холодную, потомъ, когда сойдетъ небесный огонь, парокъ пойдетъ отъ воды“... „Когда епископъ служитъ, то дѣлается райскій точно запахъ, — неземной“. Потомъ открылось, что райскаго запаха архіерей достигалъ посредствомъ дешевыхъ духовъ, пріобрѣтаемыхъ секретной покупкой. При богослуженіяхъ Аркадій нерѣдко отступалъ отъ принятыхъ въ расколѣ обрядовъ, но раскольники не смущались, будучи увѣряемы, что такія особенности въ обрядахъ существуютъ въ св. Бѣловодской церкви. Когда Бѣловодскій архіепископъ присоединялъ къ себѣ послѣдователей австрійскаго согласія, онъ при мvропомазаніи выкрикивалъ что то въ родѣ: ае, аю, ни, ли, умъ, бумъ, кау, пыть, апай... Раскольники слышали въ этихъ странныхъ звукахъ формулу сирскаго языка, вынесенную Аркадіемъ изъ той же Бѣловодской церкви и страны. См. у Наймушина: „Моя жизнь въ расколѣ“.

дующемъ году [1]) и, посѣтивъ Пермскую губернію еще разъ, перебрался изъ нея въ Самарскую, потомъ въ Уфимскую. Предѣлъ его архіерейской дѣятельности былъ положенъ послѣднимъ его арестомъ въ дер. Усы Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губ. [2]).

Судя по тому, что дѣятели такъ называемаго австрійскаго поставленія появляются въ нашемъ краѣ довольно поздно послѣ возникновенія раскольнической лжеіерархіи въ Бѣлой Криницѣ, нужно думать, что здѣсь, въ Сибири, еще шелъ споръ—принимать или не принимать поповъ отъ новыхъ „австрійскихъ" архіереевъ. Въ 1859—1860 г. по Бійскому и Барнаульскому округамъ разъѣзжалъ раскольникъ изъ Тульчи, турецкій подданный, назвавшій себя Александромъ Николаевымъ. Послѣ его задержанія въ одной изъ деревень Боровлянской волости, духовное начальство усмотрѣло въ немъ очень злонамѣреннаго и крайне опаснаго для православія агитатора. Чиновники земской полиціи, въ виду отсутствія данныхъ для изобличенія Николаева въ совратительствѣ и вообще раскольнической пропагандѣ, не раздѣляли указаннаго на него взгляда, но, тѣмъ не менѣе, нашли нужнымъ потребовать, чтобы чужеземецъ выбылъ изъ предѣловъ губерніи безъ замедленія. Секретные переговоры, которые, въ условіяхъ самой тщательной осторожности и прикровенности, велъ Николаевъ съ обывателями многихъ деревень, даютъ основаніе заподозривать въ немъ делегата отъ заграничныхъ раскольниковъ, направленнаго въ дальнюю сторону по дѣламъ австрійскаго священства [3]).

Благоч. Бухтарминскихъ церквей Сотниковъ рапортомъ отъ 26 октября 1859 г. довелъ до свѣдѣнія епархіальной власти, что между бухтарминскими раскольниками появилась пріѣзжая неизвѣстная женщина, именующая себя монахиней. Бухтарминцы съ соблюденіемъ всякихъ предосторожностей на счетъ того, чтобы какъ нибудь не выдать путешественницу постороннему

---

[1]) Наймушинъ. „Моя жизнь въ расколѣ".—Кто мнимо-Бѣловодскій іерархъ былъ по своей личности?—Дойти до рѣшенія этого вопроса было не легко. Своимъ послѣдователямъ Аркадій выдавалъ себя за потомка кн. Урусовыхъ. Въ Томскѣ на слѣдствіи послѣ задержанія въ дер. Батуриной, какъ мы видѣли, назвался бродягою. Арестованный 25 ноября 1885 г. въ Бугульминскомъ уѣздѣ Самарской губ. тотъ же дѣятель въ расколѣ утверждалъ о себѣ, что онъ крестьянинъ мордовскаго рода дер. Кабаевки Бугурусланск. уѣзда Степанъ Антоновъ Матвѣевъ, тогда какъ разочаровавшіеся въ архіепископѣ пермскіе раскольники почему то считали его бѣглымъ сыномъ чиновника изъ Новгорода. (Наймущинъ. Моя жизнь въ расколѣ). Въ концѣ концовъ самарское слѣдствіе установило, что Аркадій—сынъ кіевскаго чиновника Антонъ Савельевъ Пикульскій.—Никифоровскій. Къ исторіи Славяно-Бѣловодской іерархіи, стр. 7—8.

Проживая послѣ побѣга изъ Томска въ Юго-Камскомъ заводѣ и отсюда въ 1881 г. предпринявъ путешествіе въ центральныя части Россіи, Аркадій въ г Осташковѣ Тверской губ. назвалъ себя полицейскому надзирателю протоіереемъ Томской епархіи с. Зареженскаго Свято-Троицкой Единовѣрческой церкви Аркадіемъ Боголюбовымъ и, въ доказательство своего протоіерейскаго званія, предъявилъ безсрочное свидѣтельство Томской Дух. Консисторіи отъ 10 мая 1876 г. за № 1878. Видимо Томская епархія хранилась въ живомъ воспоминаніи Аркадія, но все-таки въ ея предѣлахъ единовѣрческаго да и никакого с. Зареженскаго не имѣется.

[2]) Отч. Об.-Прокурора Св. Синода за 1890—1891 г., стр. 186.

[3]) Дѣло въ арх. Губ. Прав., связка 102, № 127.

любопытству, провезли ее чрезъ деревни Кондратьеву, Крестовку, Соловьеву и Александровку въ д. Огневу, гдѣ болѣе недѣли она прожила въ домѣ крестьян. Михаила Дмитріева Огнева. Во все время проживанія монахини у Огнева, въ его домѣ происходили по ночамъ раскольническія собранія для какихъ-то разсужденій и совѣщаній. Изъ Огневой монахиня переѣхала въ дер. Верхъ-Бухтарминскую „и въ настоящее время укрывается на пасѣкѣ крестьянской вдовы Коноваловой. Отвлекая народъ отъ православной церкви, монахиня между прочимъ разглашаетъ, что пріѣхала изъ Россіи собственно для того, чтобы поддержать вѣру инородцевъ[1]), которая начала клониться къ упадку". Она, добавлялъ благочинный, „есть вреднѣйшая для края посѣтительница, такъ какъ можетъ разстроить православныхъ до того, что потомъ потребуется много лѣтъ трудовъ и самой обременительной переписки для приведенія края въ должное отношеніе къ церкви и духовенству". Въ виду изложеннаго въ рапортѣ о. Сотникова томскій преосвященный Парфеній убѣдительнѣйше просилъ томск. губернатора Александра Дмитріевича Озерскаго не отказать въ распоряженіи о поимкѣ расколоучительницы, но такъ, чтобы отъ дѣла поимки былъ устраненъ бухтарминскій инородческій голова—„злой раскольникъ и покровитель раскола".

Порученіе взять опасную путешественницу было возложено на казачьяго урядника Ермолаева. Послѣдній нашелъ ее на одной изъ отдаленнѣйшихъ пасѣкъ за д. Бухтарминской. Донося объ успѣшномъ исполненіи даннаго ему приказанія, урядникъ нашелъ нужнымъ замѣтить, что „раскольники, можно сказать, обожали эту женщину", назвавшую себя по мірскому имени Екатериною Корельскихъ. Въ настоящемъ мѣстѣ для насъ важно то, что путешественница-монахиня, по ея собственному признанію, прибыла изъ Россіи въ Сибирь вмѣстѣ съ австрійскими попами, изъ которыхъ восемь человѣкъ чрезъ Томскъ направились по Иркутскому тракту—вдаль, въ восточную половину сибирской страны,—что ея подруга по путешествію, такая-же инокиня, какъ она сама, остановилась у старообрядцевъ въ с. Секисовкѣ или же дер. Бобровкѣ[2]).

Не укрылось первое появленіе представителей австрійской поповщины и отъ вниманія мѣстнаго жандармскаго надзора. Жандармскій полковникъ г. Герасимовъ въ іюнѣ 1860 года извѣстилъ по своему начальству, что съ прошлаго 1859 г. появился изъ австрійскихъ владѣній (?) священникъ, тщательно укрываемый старообрядцами селеній Алтайскаго, Половинки, Платовой, Шульгина-Лога и, кромѣ того, у многихъ раскольниковъ, живущихъ въ Алтайскихъ горахъ, совершаетъ богослуженіе въ качествѣ и достоинствѣ попа крестьянинъ изъ жителей д. Сѣтовки Константинъ Михайловъ Долгихъ[3]).

---

[1]) Бухтарминскіе русскіе крестьяне, съ конца XVIII вѣка причисленные къ вѣдомству инородной Бухтарминской управы, въ оффиціальныхъ бумагахъ почти постоянно назывались инородцами.

[2]) Дѣло канцеляріи глав. начальника Алтайскихъ заводовъ за 1859 г. № 234. Въ архивѣ глав. начальства Колыванскихъ заводовъ въ г. Барнаулѣ.

[3]) Донесеніе подполковника Герасимова том. губернатору ген.-маіору Озерскому отъ 28 іюня 1860 г. Въ арх. губ. пр., св. 101 № 21.

Тоже самое съ нѣкоторыми добавленіями подтвердилъ и том. преосвящ. Парфеній. Изобразивъ важное для раскола значеніе очень богатыхъ Уймонскихъ крестьянъ Ошлаковыхъ, преосвященный съ своей стороны сообщилъ губернатору, что одинъ изъ Ошлаковыхъ зимою 1859 года ѣздилъ въ Москву для ходатайства о дарованіи раскольникамъ правъ на свободное, открытое богослуженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ для удостовѣренія въ действительномъ посвященіи въ попы крестьянъ Алтайской волости Константина Долгихъ и Филиппа Леонтьева[1]).

Такимъ образомъ раскольники томскаго края не только приняли къ себѣ попа изъ „австрійскихъ владѣній", но и отъ себя самихъ послали для посвященія въ Москву къ австрійскому іерарху двухъ только лишь названныхъ лицъ.

Нѣсколько медлили въ принятіи поповъ новаго рукоположенія раскольники—„поляки" Крутоберезовской и Убинской волостей. Но сдались и они при всемъ своемъ нерасположеніи къ новизнамъ, при всемъ особенномъ своемъ консерватизмѣ. Зимой 1862 г. довѣренные отъ „поляковъ" крестьяне дер. Выдрихи Гордѣй Ѳедоровъ Здрюмовъ и Павелъ Макаровъ Тепловъ ѣздили на какое-то большое раскольническое совѣщаніе, на которомъ присутствовали не только томскіе, но ишимскіе и пермскіе старообрядцы. Вернувшись, довѣренные сразу заговорили не только о дарованныхъ будто-бы раскольникамъ правахъ на открытое богослуженіе, но также и о всецѣлой правильности священства австрійскаго происхожденія, послѣ чего „поляки" стали принимать къ себѣ попа изъ Вер. Сѣтовки упомянутаго Константина Долгихъ [2]).

Дѣло развитія и распространенія въ краѣ австрійскаго согласія двинулось сразу впередъ съ тѣхъ поръ, какъ край навѣстилъ австрійскій лжеіерархъ въ лицѣ Савватія, «епископа Тобольскаго и всея Сибири».

Въ послѣднихъ числахъ января 1867 г. крестьянинъ Барнаульскаго округа, Боровлянской волости, д. Петеневой Ив. Герас. Скородѣловъ, занимавшійся выдѣлкою дугъ и для продажи своихъ издѣлій разъѣзжавшій по окрестнымъ селеніямъ и волостямъ, остановился въ таежной дер. Мочугахъ (Кузнец. окр.), въ 35 верстахъ отъ села Вагановскаго. Въ мирной бесѣдѣ Скородѣлова съ квартирнымъ хозяиномъ Завьяловымъ, послѣдній проговорился первому, что за деревней на пасѣкѣ, принадлежащей крестьянину д. Листвянки Льву Филиппову Волкову, проживаетъ проѣзжій архіерей, который служилъ вчера ночью и будетъ служить сегодня позднимъ вечеромъ. Сильно заинтересованный крупною новостію, постоялецъ началъ упрашивать Завьяловыхъ, что, когда пойдутъ на архіерейское служеніе, взяли бы и его съ собою. Завьяловы согласились. „Въ домѣ на заимкѣ Волкова, разсказывалъ потомъ Скородѣловъ, была разставлена походная церковь. Епископъ служилъ и при служеніи былъ одѣтъ въ блестящую ризу,

---

[1]) Отношеніе еп. Парфенія въ той же связкѣ.

[2]) Д. губ. прав. въ его архивѣ, св. 102 № 54 за 1864 г.

на головѣ у него была золотая шапка, которую онъ то надѣвалъ, то скидалъ, и когда скидалъ, замѣнялъ ее простой черной шапочкой. Служившій съ архіереемъ діаконъ имѣлъ на головѣ только черную шапочку. Епископъ росту небольшаго, бѣлокурый, среднихъ лѣтъ. Діаконъ рослый, русый, нѣсколько моложе епископа". Скородѣлова охватилъ слишкомъ большой восторгъ отъ архіерейской шапки и архіерейскаго благолѣпнаго служенія, чтобы онъ могъ сдерживаться и не обмѣниваться новостію со всякимъ встрѣчнымъ при своемъ дальнѣйшемъ объѣздѣ съ торговою цѣлью. Любопытныхъ, подобныхъ Скородѣлову, на архіерейскихъ служеніяхъ въ разныхъ мѣстахъ его остановокъ было, очевидно, не мало и его проѣздъ на этотъ разъ не остался въ томъ строгомъ секретѣ, какого желалъ самъ лже-епископъ и его послѣдователи. Священникъ с. Вагановскаго, къ приходу коего принадлежала д. Мочуги, далъ знать о проѣзжемъ кузнецкой полиціи. Почти одновременно Кузнецкій исправникъ получилъ тоже извѣстіе отъ исправника бійскаго.

Въ ночь на 29 января Волковъ перевезъ архіерея съ его свитой изъ Мочуговъ въ самое село Вагановское. Только лишь пріѣзжіе вошли въ квартиру въ домѣ кр. Якова Кайгородова и расположились въ ней, какъ явился уѣздный полицейскій начальникъ съ грознымъ требованіемъ немедленно предъявить паспорта и объяснить, по какимъ надобностямъ разъѣзжаютъ по деревнямъ. Старшій изъ путешественниковъ предъявилъ купеческое свидѣтельство по 2-ой гильдіи съ билетомъ на торговое заведеніе, и показалъ о себѣ, что онъ тульскій купецъ Степанъ Васильевъ Левшинъ-Дмитріевъ. Второй подалъ билетъ, выданный изъ Міасскаго волостнаго правленія на отлучки въ разные города и селенія Россійской имперіи, и изъ билета оказалось, что предъявитель сельскій обыватель Оренбур. губ. Архипъ Иван. Борисовъ. Третій успѣлъ было бѣжать изъ квартиры, но вскорѣ былъ пойманъ, возвращенъ, и на допросѣ, назвалъ себя Екатеринбургскимъ купеческимъ сыномъ Петромъ Кирилловымъ Козловымъ, въ удостовѣреніе чего развернулъ свидѣтельство, выданное изъ Екатеринбургской городской думы. Четвертый былъ возница—кр. Боровлянской вол. дер. Листвянки, содержащій хозяйство на заимкѣ близъ Мочуговъ Левъ Филипповъ Волковъ. О цѣляхъ поѣздки объяснили:

Левшинъ—желаетъ открыть торговое дѣло и ищетъ для сего наиболѣе удобное и подходящее мѣсто.

Борисовъ—ѣздитъ по Барнаульскому и Кузнецкому округамъ для осмотра мѣстъ, удобныхъ къ переселенію.

Козловъ разъѣзжаетъ для той же цѣли и теперь направляется въ г. Барнаулъ къ купцу Аѳонину, при помощи котораго надѣется исхлопотать свидѣтельство о своемъ званіи на наступившій 1867 годъ.

Всѣ трое завѣряли, что другъ друга не знаютъ и съѣхались въ Вагановскомъ случайно.

Волковъ объяснилъ, что пріѣхалъ съ однимъ изъ этихъ людей по спутности пировать только-лишь повѣнчанную *какимъ-то старообрядческимъ попомъ* свадьбу дочери, выданной за вагановскаго крестьянина Макшѣева.

После допроса исправникъ съ понятыми приступилъ къ обыску. Въ багажѣ проѣзжающихъ оказались шелковая походная церковь, полное архіерейское облаченіе, полный кругъ богослужебныхъ и много другихъ книгъ, четыре антиминса, пузырьки съ муромъ, листы ставленныхъ священническихъ грамотъ, печать съ надписью „епископъ Савватій", печать для приготовленія просфоръ, церковныя свѣчи *) и денегъ 1535 руб., зашитыхъ у купца въ шапкѣ и одеждѣ. Левшинъ настойчиво отрицалъ принадлежность ему облаченія и всѣхъ другихъ церковныхъ вещей, указывая, что вся эта поклажа передана ему какимъ-то старообрядческимъ попомъ для доставленія въ Москву.

Исправникъ, извѣстивъ о путешественникахъ том. губернатора, спрашивалъ, можно-ли будетъ отпустить взятыхъ, куда они желаютъ по ихъ надобностямъ, такъ какъ къ изобличенію ихъ въ распространеніи раскола нѣтъ никакихъ доказательствъ, *кромѣ сомнѣнія по найденнымъ вещамъ?*

Консисторія узнала о происшедшихъ задержаніи и обыскѣ изъ рапорта, спѣшно посланнаго ваганoвскимъ священникомъ о. Калугинымъ и настояла на подробномъ и обстоятельномъ слѣдствіи при непремѣнномъ участіи депутата съ духовной стороны.

Слѣдствіе началось и вскорѣ Левшинъ далъ о себѣ показаніе въ слѣдующемъ видѣ.

1) „Я, Степанъ Васильевъ Левшинъ-Дмитріевъ-Кулаковъ, тульскій 2-й гильдіи купецъ,—46 лѣтъ. Грамотный. Вѣру съ самаго малолѣтства содержу старообрядческую. Прежде былъ заводскимъ крестьяниномъ гг. Демидовыхъ завода Черновскаго Верхотурскаго уѣзда, гдѣ и обучился грамотѣ

---

*) Вотъ полный перечень вещей, найденныхъ у Левшина (епис. Савватія) и его спутниковъ:

1) Архіерейская митра съ украшеніями изъ четырехъ камешковъ: двухъ красныхъ рубиновъ и двухъ аметистовъ.

2) Наперстный крестъ серебряный на серебряной вызолоченой цѣпочкѣ.

3) Панагія серебряная вызолоченая на серебряной цѣпи. Въ ней найдены два серебряныхъ блюдечка съ изображеніями креста и Божіей Матери.

4) Архіерейскій мѣдный костыль съ принадлежностями.

5) Два архіерейскихъ пояса бархатныхъ съ серебряными кистями.

6) Дикиріи и трикиріи мѣдныя.

7) Шелковая краснаго цвѣта занавѣсь къ царскимъ вратамъ.

8) Архіерейская мантія шелковая, выложенная золотомъ и серебромъ.

9) Три ризы: а) бархатная красная, б) парчевая красная и в) парчевая голубая.

10) Два глазетовыхъ омофора.

11) Бархатная палица, шитая золотомъ и серебромъ

12) Двѣ пелены шелковыя голубого и краснаго цвѣта.

13) Два стихаря шелковые, одинъ краснаго, другой голубого цвѣта.

14) Три оraря—шелковые.

15) Иноческая мантія шелковая синяго цвѣта.

16) Пять пузырьковъ съ муромъ.

17) Два шелковыхъ подризника: одинъ архіерейскій—голубой и другой священническій—дымчатаго цвѣта.

18) Евангеліе, обложенное бархатомъ съ мѣдными вызолочеными евангелистами.

19) Архіерейскій служебникъ.

20) Литургія нотная архіерейская и литургія нотная простая.

еще въ малолѣтствѣ. Будучи лѣтъ около 25-ти, скрылся изъ мѣста жительства и, желая спасти душу свою, находился въ лѣсахъ десять лѣтъ. Былъ пойманъ начальствомъ въ Яковлевскомъ заводѣ и, послѣ того, за самовольную отлучку состоялъ около года подъ судомъ. По суду оставленъ свободнымъ. Холостъ. Недвижимаго имѣнія нигдѣ никакого не имѣю, торговлею не занимаюсь".

2) „Послѣ окончанія надо мною суда за самовольную въ лѣса отлучку, я въ прежнемъ званіи заводскаго крестьянина прожилъ на мѣстѣ своего жительства года три, а потомъ, вслѣдствіе дарованной Высочайшей милости объ освобожденіи заводскихъ крестьянъ и мастеровыхъ отъ обязательной службы, записался, по предъявленіи капитала, въ купеческое званіе по 3-й гильдіи въ г. Далматовѣ Пермской губ. Въ 1863 году перечислился въ купцы Московской губерніи Павловскаго посада и состоялъ въ спискѣ павловскихъ купцовъ два года. Въ 1865 году былъ купцомъ г. Троицка Оренбург. губ.; съ 1866 года числюсь тульскимъ 2-й гильдіи купцомъ".

3) „Послѣ суда надо мною за указанную самовольную отлучку я, какъ уже приготовившійся въ лѣсахъ на спасеніе души, по желанію своему принялъ монашество съ именемъ *Савватія* съ постриженіемъ въ оное монашество епископомъ австрійскаго поставленія Аѳанасіемъ Саратовскимъ, нынѣ уже умершимъ. Тѣмъ же епископомъ, когда мнѣ было 35 лѣтъ, былъ убѣжденъ принять званіе чтеца, чрезъ недѣлю послѣ того получилъ степень іеродіакона и еще чрезъ недѣлю удостоенъ степени пресвитера. Будучи въ санѣ пресвитера, имѣлъ пребываніе въ разныхъ мѣстахъ и занимался своими обязанностями подъ руководствомъ вышеназваннаго епископа Аѳанасія до

---

21) Двѣ иконы на полотнѣ: архангеловъ Михаила и Гавріила.

22) Нотный ирмологъ, октоихъ и два церковн. устава.

23) Серебряное кадило и кропило.

24) Два креста—одинъ серебряный вызолоченый, другой деревянный въ серебряномъ окладѣ.

25) Три эпитрахили и трое поручей бархатные и шелковые,—три воздуха глазетовыхъ.

26) Два потира серебряные вызолоченые—одинъ большой, другой меньшій и двѣ серебр. вызолоченыхъ лжицы.

27) Дискосъ и звѣзда серебряные вызолоченные и копье стальное.

28) Мисальникъ двуличный мѣдный для печатанія просфоръ.

29) Антиминсъ на полотнѣ съ походнымъ престоломъ и три другихъ антиминса на полотнѣже, съ мощами.

30) Три иконы: Спасителя, Божіей Матери и Николая Чудотворца, писанныя на доскахъ въ серебряныхъ окладахъ.

31) Девятнадцать мелкихъ иконъ.

32) Два напрестольныхъ подсвѣчника.

33) Три стакана: два серебряныхъ и одинъ мѣдный.

34) Три блюдечка серебряныхъ вызолоченыхъ

35) Четыре мѣдныхъ подсвѣчника

36) Полотно голубого цвѣта для походной церкви изъ шелковой матеріи со шнурами.

37) Два чемодана и два сакъ-вояжа.

38) Азбукъ 37 экземпляровъ.

39) Книга для освященія антиминсовъ

40) Книга о священноначаліи и три книги изложенія о принятіи къ православной церкви.

5 декабря 1863 г. 5 декабря этого года рукоположенъ во епископа въ городѣ Москвѣ епископомъ Пафнутіемъ Казанскимъ съ предоставленіемъ мнѣ права завѣдывать паствою во всей Сибири и именоваться *Тобольскимъ епископомъ*. Ставленныхъ грамотъ дьяческой и діаконской мнѣ выдано не было, а грамота священническая была отобрана отъ меня при поставленіи во епископа, при чемъ снабженъ былъ архіерейскою грамотою, которую 21 октября 1866 года выкралъ (?) у меня въ Москвѣ іеродіаконъ австрійскаго поставленія Ѳеодосій, вскорѣ присоединившійся къ единовѣрію".

5) Остатокъ 1863 года провелъ въ Москвѣ.

6) „Весною 1864 года пріѣзжалъ я въ г. Тюмень Тобольск. губ. съ цѣлію осмотрѣть своихъ одновѣрцевъ, не имѣя при себѣ тогда *ни церкви* и никакихъ служителей. На квартирѣ въ Тюмени останавливался—не помню у кого. Вечеромъ на 16 мая зашелъ къ тюменской купеческой дочери дѣвицѣ Натальѣ Егоровнѣ Проскуряковой съ намѣреніемъ побесѣдовать съ нею, какъ бывшею одного толка со мною. Въ домѣ Проскуряковой, не знаю почему, случился внезапный обыскъ и я, изъ опасенія быть схваченнымъ, выскочилъ въ одной рубашкѣ чрезъ окно и тогда же бѣжалъ, не помню, въ какую-то близъ лежащую деревню, гдѣ на имѣвшіяся при мнѣ деньги закупивъ приличную себѣ одежду, отправился въ Москву и въ 1864 году въ Сибирь уже не выѣзжалъ, а отправлялъ служеніе въ Москвѣ между своими собратьями. Въ 1865 и 1866 г. до сентября я продолжалъ

---

41) Три бѣло-мѣдныхъ иконы съ царскихъ вратъ.

42) Печать епископа Савватія мѣдная съ деревянной ручкой.

43) Четыре книги о единовѣрческой церкви.

44) Четыре книжки о принятіи митрополита

45) Книга: „Сынъ церковный" и катехизисъ.

46) 27 книжекъ о разныхъ предметахъ.

47) Ставленныхъ грамотъ шесть листовъ, изъ нихъ пять на *пергаменѣ* и одна на бумагѣ.

48) Вѣнчиковъ 42 экз. и разрѣшительныхъ молитвъ 110 листовъ.

49) Книга: „Выписки изъ старописьменныхъ и старопечатныхъ книгъ о святости соборной церкви".

50) 57 аршинъ холста и два „рукотера".

51) Крестильный ящикъ съ принадлежностями и въ немъ сосудецъ серебряный съ запасными дарами.

52) Двѣ бутылки виноградпаго вина неполныя.

53) Двѣ иноческія мантіи простыя люстриновыя.

54) 8 лѣстовокъ краснаго, синяго и чернаго цвѣтовъ.

55) Подручникъ шелковый на ватѣ.

56) Книги: а) кормчая, б) о вѣрѣ, в) канонникъ и г) служебникъ простой.

57) Чинъ поставленія во священника, діакона и причетника.

58) Церковныя свѣчи и воскъ (нѣсколько фунтовъ).

59) Мѣдные наугольники къ евангеліямъ.

60) Нѣсколько десятковъ гвоздей для развѣшиванія походной церкви.

Нѣсколько мелкихъ малозначащихъ вещей мы въ этотъ списокъ не помѣстили. См. дѣло о раскольническомъ епископѣ Савватіѣ, пойманномъ въ Вагановскомъ приходѣ Кузнецкаго округа съ тремя сослужителями и со всѣмъ архіерейскимъ облаченіемъ. Въ арх. Том. дух. консисторіи по общей описи I стола № 22. Началось 3 февраля 1867 года. Листы 46—52.

находиться въ Москвѣ, гдѣ отправлялъ богослуженіе по своему обряду въ домахъ одновѣрцевъ по святительскому сану съ дозволенія австрійскаго архіепископа Антонія и исполнялъ слѣдующія христіанскія требы: крещеніе, мѵропомазаніе младенцевъ, исповѣданіе и пріобщеніе св. таинъ, елеосвященіе, но ни на какія степени священства я никого не поставлялъ, кромѣ моего спутника Архипа Иванова Борисова, котораго поставилъ въ Москвѣ во іеродіакона. Болѣе я никого не возводилъ на степени священства, потому что въ Москвѣ этимъ дѣломъ занимался вышеупомянутый Антоній. Въ сентябрѣ 1866 г. я выѣхалъ изъ Москвы въ мѣсто служенія, назначенное мнѣ при рукоположеніи во епископа, т. е. въ Сибирь".

7) „Въ путеслѣдованіи по Сибири до самаго с. Вагановскаго, гдѣ предстояла надобность, совершалъ богослуженіе по святительскому сану съ исполненіемъ всѣхъ требъ, кромѣ поставленія на степени священства, на которыя поставлять не могъ по той причинѣ, что не находилъ достойныхъ къ симъ степенямъ лицъ. Въ какихъ мѣстахъ, у кого именно останавливался и гдѣ какія совершалъ требы—не припомню, да и никакихъ записокъ о томъ не велъ. Главнымъ сибирскимъ трактомъ прослѣдовалъ я до г. Каинска, а изъ Каинска куда поѣхалъ—не припомню. Былъ-ли я въ Барнаульскомъ и Бійскомъ округахъ также не припомню. Крестьянина Бійскаго округа, Убинской волости, Михаила Михайлова Екимова во священника не рукополагалъ и его не знаю".

8) „Съ товарищами моими: сельскимъ обывателемъ Оренбур. губ., Троицкаго уѣзда, Міасской волости, Архипомъ Ив. Борисовымъ и Екатеринбургскимъ купеческимъ сыномъ Петромъ Кирилловымъ Козловымъ познакомился я: съ первымъ по рекомендаціи архіепископа Антонія Московскаго въ 1866 году въ Москвѣ, но какого мѣсяца и числа—не помню. Въ тоже время поставилъ я его въ званіе іеродіакона. Наименованъ онъ былъ Архилаемъ и постриженъ въ монашество ранѣе, но кѣмъ именно не знаю. Со вторымъ, Козловымъ, встрѣтился на заимкѣ Мочужинской въ домѣ кр. Льва Волкова".

9) „Послѣ поставленія мною Архипа Борисова на степень іеродіакона, онъ, Борисовъ, отправился изъ Москвы въ Сибирь ранѣе меня за нѣсколько недѣль для своей надобности и, съ благословенія моего, для того, чтобы узнать, гдѣ болѣе находится нашихъ одновѣрцевъ, предварительно ознакомиться съ ними и затѣмъ ждать меня въ г. Барнаулѣ, куда я имѣлъ намѣреніе выѣхать вслѣдъ за нимъ. Въ Барнаулѣ я свидѣлся съ Борисовымъ и оттуда отправились вмѣстѣ Кузнецкаго округа въ Косминскую волость. Вмѣстѣ ѣхали до с. Вагановскаго, гдѣ насъ задержали и взяли подъ арестъ. Кромѣ вышепоказанныхъ Борисова и Козлова, у меня еще было два служителя, выѣхавшіе со мною изъ Москвы, изъ нихъ одинъ іеродіаконъ нашего-же поставленія, въ иночествѣ Архилай, а по мірскому имени Андрей, —изъ крестьянъ Московской губ. мѣстечка Гуслицы, но чей по прозванію—не знаю, а другой—мірянинъ, по имени Степанъ,—крестьянинъ Московской губ., какого уѣзда и какъ прозывается то-же не знаю. Оба сіи сослужи-

тели мои за недѣлю до поимки насъ въ с. Вагановскомъ ушли отъ меня и отправились въ Москву".

10) „Отправившись съ іеродіакономъ Архилаемъ изъ Барнаула въ Косминскую волость о которой слышалъ, что тамъ находится довольно нашихъ одновѣрцевъ, я по дорогѣ до самой заимки Мочужинской нигдѣ никакихъ требъ и богослуженія не совершалъ и къ крестьянину Льву Волкову прибылъ по слухамъ, что онъ, Волковъ, человѣкъ зажиточный и одного со мною толка, но ранѣе съ нимъ знакомъ не былъ".

11) „Отобранныя отъ меня походная церковь съ принадлежностями, архіерейская митра и все облаченіе, а также печать епископа Савватія есть мои собственныя, пріобрѣтенныя въ Москвѣ на собственный капиталъ, нажитый *торговлею* чрезъ довѣренныхъ лицъ въ бытность мою въ купеческомъ званіи еще до возведенія меня въ санъ епископа. Изъ сакъ-вояжей одинъ съ холстами—мой, а другой—съ книгами принадлежитъ двумъ бывшимъ товарищамъ моимъ Андрею и Степану, о которыхъ сказано выше. Холстъ—доброхотное даяніе при требоисправленіяхъ, но гдѣ, когда и отъ кого получалъ я оный, не помню. Изъ книгъ нѣкоторыя принадлежатъ мнѣ, а нѣкоторыя тѣмъ-же товарищамъ Андрею и Степану, но кому изъ насъ и какія именно книги принадлежатъ, не припомню, кромѣ *кормчей*, *большого катехизиса* и *правой вѣры*, о коихъ положительно знаю, что онѣ – мои. Что касается отобранныхъ отъ меня денегъ 1535 руб., то изъ оныхъ 1285 руб. мои, пріобрѣтенныя мною торговлею чрезъ довѣренныхъ лицъ въ вышеозначенное время, т. е. до возведенія въ санъ епископа, а 250 р. принадлежатъ іеродіакону Архилаю и взяты мною у него на сохраненіе дорогою, по случаю постигшей его болѣзни.—Изъ антиминсовъ одинъ освященъ въ 1857 году и полученъ мною отъ епископа Аѳанасія Саратовскаго, а всѣ прочіе освящены и даны мнѣ Антоніемъ, архіепископомъ, бывшимъ Владимірскимъ, а нынѣ Московскимъ.—Св. мощи для антиминсовъ получаются по мѣрѣ надобности архіепископами и епископами нашими отъ любителей старообрядчества, у которыхъ по частямъ хранятся онѣ съ глубокой древности. Мощи, заключающіяся въ отобранныхъ отъ меня четырехъ антиминсахъ, пріобрѣтены и вложены въ антиминсы вышеозначенными іерархами нашими Аѳанасіемъ и Антоніемъ, освящавшими сіи антиминсы. Отобранное отъ меня мνро получено мною отъ вышеупомянутаго Антонія, архіеп. Московскаго, который, при дачѣ мнѣ сего мνра, объяснилъ, что оно освящено имъ самимъ въ Москвѣ, а св. Дары, отобранные отъ меня, священнодѣйствованы мною въ Москвѣ въ 1866 году, въ Великій Четвертокъ. Вино и свѣчи пріобрѣтены мною чрезъ покупку, но гдѣ и отъ кого—не упомню".

12) „Въ заимкѣ Мочужинской, въ домѣ Льва Волкова, я по своему обряду въ походной церкви своей точно отправлялъ богослуженіе съ помощію іеродіакона Архилая и купеч. сына Козлова. При служеніи семъ іеродіаконъ Архилай имѣлъ на себѣ приличное его званію облаченіе и надѣвалъ-ли черную шапочку—не знаю, да и не припомню, была-ли у него такая

шапка. Кажется, надѣвалъ только стихарь и орарь. При этомъ крестьянина Льва Волкова во священника я не поставлялъ и въ монашество не постригалъ и этихъ степеней, я утвердительно знаю, онъ, Волковъ, не имѣетъ".

„Крестьянина Косминской волости с. Вагановскаго Николая Иванова Макшѣева и семейство его изъ православія въ расколъ я не совращалъ и не имѣлъ къ тому никакой надобности. Макшѣевъ самъ пріѣзжалъ на заимку Мочужинскую въ домъ Льва Волкова, гдѣ изъявилъ добровольное желаніе исполнять обрядъ старообрядцевъ, чѣмъ хотѣлъ угодить Волкову, который соглашался отдать дочь свою Марію въ замужество за сына Макшѣева Александра тогда только, когда они оставятъ православную церковь и будутъ съ нимъ одновѣрцами. На этомъ основаніи, по убѣдительной просьбѣ Макшѣева и самого Волкова, точно я, при помощи Архилая и Козлова, помянутаго сына Макшѣева Александра съ дочерью Волкова Маріею обвѣнчалъ 26 янв. сего года, надѣвая на себя полную архіерейскую одежду, а потомъ въ тотъ-же день такимъ же порядкомъ обвѣнчалъ я крестьянина Кузнец. окр., Тарсминской волости, с. Усть-Сосновскаго Димитрія Иванова Романова съ крестьянской дѣвицей дер. Пестеревой Евгеніей Павловой Бѣловой, пріѣхавшихъ въ Мочугу раньше моего прибытія сюда. И на этотъ бракъ моего убѣжденія и принужденія не было, а согласились они быть свѣнчанными мною, вѣроятно, смотря на Макшѣева и Волкова, или изъ какихъ нибудь своихъ разсчетовъ. Романовъ, по его добровольному желанію, давалъ мнѣ деньги за свѣнчаніе его бракомъ, но сколько именно—не припомню".

13) „Отобранныя у меня въ с. Вагановскомъ два письма на имя Ирины и Анны Константиновыхъ писаны мною. Письмо отъ 25 авг. 1865 г., писанное ко мнѣ съ Нижегородской ярмарки о заготовленіи антиминсовъ во имя Рождества Пресв. Богородицы и святителя Николая и о сдѣланіи вѣнцовъ (брачныхъ), передано мнѣ какимъ-то человѣкомъ въ Москвѣ, но отъ кого это письмо не знаю, и потому писанное въ немъ осталось не выполненнымъ. Въ одной изъ найденныхъ при мнѣ записокъ Гликерія Ильинична Щукина записана, какъ черница и читальщица, со словъ не помню какого-то купца, но я ее, Гликерію, не знаю. О запискѣ, въ коей значится Лазарь Леонтьевичъ Путинъ въ дер. Лушковой, я тоже ничего не могу сказать и не знаю, какъ таковая у меня оказалась. Тоже самое объясняю и о прочихъ запискахъ: людей въ нихъ показанныхъ никого не знаю и ни у кого изъ нихъ никогда не бывалъ. Изъ духовныхъ лицъ, перечисленныхъ на одномъ изъ лоскутковъ для поминовенія о здравіи, находятся—архіепископъ Антоній въ Москвѣ, епископы: Пафнутій въ Саратовѣ и Казани, Варлаамъ въ Бессарабіи, Іовъ на Кавказѣ, Геннадій въ Перми и, кажется, судится также, какъ и я, а прочіе епископы находятся, вѣроятно, за границею, и я лично ихъ не знаю; изъ записанныхъ священниковъ и діаконовъ всѣ лица проживаютъ въ Москвѣ и около нея".

14) „Въ святости австрійскаго священства я убѣжденъ вполнѣ. Существуетъ оно съ 1846 года и получило начало свое отъ митрополита Амвро-

сія, бывшаго въ православіи Босно-Сараевскаго, а потомъ служившаго у старообрядцевъ въ Бѣлой Криницѣ, въ Австріи. Явилось сіе священство изъ желанія старообрядцевъ не быть зависимыми отъ православной церкви, съ которой мы, старообрядцы, не согласуемся въ обрядности. Различіе въ обрядахъ общеизвѣстно, какъ то: въ перстосложеніи для крестнаго знаменія и для благословенія, въ хожденіи противъ солнца у православныхъ при совершеніи таинствъ, въ печатаніи и произношеніи Іисусъ, а по нашему Ісусъ и проч.".

15) „Принявъ на себя санъ епископа и дѣйствуя по нему въ предѣлахъ Россіи, я имѣлъ въ виду, что это противозаконно и влечетъ къ отвѣтственности по суду. Но дѣйствовалъ такъ изъ любви къ старообрядчеству".

16) „Прозваніе Левшина у меня дѣйствительное и оно значится въ ревизскихъ сказкахъ. Но Дмитріевымъ и Кулаковымъ я называюсь по своему произволу".

„На данные мнѣ вопросы показалъ я все справедливо, *по святительскому сану*, и сверхъ сего добавить ничего не имѣю, въ томъ и подписуюсь" *).

Архипъ, въ монашествѣ Архилай, Борисовъ, подтвердивъ о своей личности то, что и прописано о ней въ билетѣ, выданномъ изъ Міасской волости, дополнилъ свое прежнее показаніе такими сообщеніями. Отъ роду ему 32 года, грамотный, холостъ. До 1856 г. содержалъ вѣру бѣгло-поповщинской секты, „а въ семъ году, убѣжденный старообрядческимъ епископомъ австрійскаго рукоположенія Геннадіемъ Пермскимъ, нынѣ осужденнымъ на заточеніе въ Суздальской крѣпости, повѣрилъ австрійскому священству и отъ него же, Геннадія, принялъ постриженіе въ чернецы съ именемъ Архилая". Съ 1857 по 1859 г. находился въ лѣсахъ Оренбургской губ., гдѣ жилъ съ прочими одновѣрцами въ числѣ десяти человѣкъ. Отсюда взяла его полиція, послѣ чего за самовольную отлучку и уклоненіе отъ заводскихъ работъ судомъ былъ приговоренъ къ наказанію 45 ударами розогъ съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства въ родной Міасской волости. Приговоръ о тѣлесномъ наказаніи не былъ исполненъ за силою Высочайшаго всемилостиваго манифеста. „Спустя два года послѣ суда надо мною, получивъ изъ волости увольненіе, я отправился для поклоненія св. мощамъ въ Россіи и узнать о справедливости австрійскаго священства. Былъ въ Москвѣ, и здѣсь узналъ, что оно несправедливо и потому возымѣлъ желаніе присоединиться къ единовѣрію, но, по своему нерадѣнію, отлагалъ это дѣло подъ предлогомъ пріобрѣсти бо̀льшія познанія въ вѣрѣ. Тульскаго купца Степана Левшина (онъ же лже-епископъ Савватій) я никогда не видывалъ до случайной встрѣчи съ нимъ въ г. Барнаулѣ въ январѣ мѣс. нынѣшняго 1867 г. Въ званіе іеродіакона онъ меня не поставлялъ. По предложенію Левшина, я согласился ѣхать съ нимъ на заимку Мочужинскую. Въ какихъ мѣстахъ и у кого мы останавливались во время проѣзда,—не

*) Дѣло о раскольническомъ епископѣ Савватіѣ. Въ арх. Том. д. консист. по оп. I ст. № 22 за 1867, л. 79—84 об.

упомню. О епископствѣ Левшина до прiѣзда къ кр. Волкову я не зналъ, потому что онъ при мнѣ никакихъ службъ не отправлялъ и о духовномъ своемъ званiи мнѣ не сказывалъ, а потому о моемъ содѣйствiи ему въ служенiи не можетъ быть и рѣчи. Купеч. сына Козлова до задержанiя его въ с. Вагановскомъ нигдѣ не видалъ, съ нимъ не ѣздилъ и былъ-ли онъ на заимкѣ Мочужинской—не помню".

„Сколько времени пробылъ я съ Левшинымъ на Мочужинской заимкѣ, не припомню, потому что находился въ болѣзненномъ состоянiи. Знаю только то, что въ домѣ Волкова Левшинъ обвѣнчалъ одновременно двѣ свадьбы. При вѣнчанiяхъ было довольно людей, я же стоялъ позади толпы, но хорошо видѣлъ, что Левшинъ облачался въ полную архiерейскую одежду, читалъ что-то и кадилъ, а жениховъ и невѣстъ, съ возложенiемъ на ихъ головы, вмѣсто вѣнцовъ, св. иконъ, водилъ вокругъ стола, на коемъ лежали крестъ, евангелiе и иконы. Я не только не помогалъ Левшину при вѣнчанiяхъ, но еще страшно испугался, смотря на безчинiе купца, сдѣлавшагося вдругъ архiереемъ, о каковомъ безчинiи заявить въ то время я не смѣлъ и не зналъ кому, а намѣренъ былъ высказать начальству по прiѣздѣ въ г. Томскъ. Первое показанiе, отобранное отъ меня, отмѣняю, какъ сдѣланное несправедливо по слабости здоровья и разстроенности духа".

„Болѣе пояснить ничего не имѣю, кромѣ того, что убѣдившись въ истинности правилъ православной церкви, желаю присоединиться къ оной на правахъ единовѣрiя съ поступленiемъ въ иночество и опредѣленiемъ меня въ Воскресенскiй единовѣрческiй монастырь, находящiйся въ вѣдѣнiи Уфимской епархiи, отъ Кусинскаго завода въ 27 верстахъ" [1]).

Козловъ къ своему первому, данному исправнику, показанiю не присоединилъ ничего новаго, кромѣ того, что изъ Екатеринбурга прiѣхалъ въ Вагановское будто-бы чрезъ Томскъ, что въ Кузнецкомъ округѣ онъ хотѣлъ подыскать удобное и выгодное мѣсто для занятiй по его иконописному ремеслу. Попрежнему Козловъ увѣрялъ, что въ с. Вагановскомъ съѣхался съ Савватiемъ „случаемъ", что до сего случая никогда его не видалъ и ничего о немъ не слыхалъ и потому никогда и никакою помощiю въ его архiерейскихъ дѣлахъ и служенiяхъ не участвовалъ. Наконецъ, ко всѣмъ этимъ увѣренiямъ онъ добавилъ о „нынѣ возникшемъ" въ немъ искреннемъ желанiи перейти изъ старообрядства въ православiе [2]).

Начавшееся слѣдствiе потянулось своимъ чередомъ, а подслѣдственныхъ Савватiя и Архилая изъ подъ надзора при Косминскомъ волостномъ правленiи перевели въ Кузнецкiй острогъ. На бѣду арестованныхъ случилось, что въ помѣщенiи при волостномъ правленiи, гдѣ они содержались, нашлась формочка для приготовленiя фальшивой серебряной монеты 15-ти копѣечнаго достоинства Это обстоятельство, несомнѣнно, отягчило бы положенiе архiерея и его дiакона, если-бы потомъ слѣдствiе не выкинуло его,

1) Дѣло о Савватiѣ л. 85—87 обор.
2) Тамъ-же, л. 87 об.—90.

какъ криминалъ, къ настоящему дѣлу отношенія не имѣющій. Чѣмъ больше дознаніе набирало для себя содержанія, тѣмъ выступало яснѣе и полнѣе, что Савватій въ своемъ показаніи „по святительскому сану“ взялъ на себя не мало грѣха.

Прежде всего обнаружилось, что „епископъ“ въ предѣлахъ Томской губерніи бывалъ и ранѣе. Онъ навѣщалъ свою паству въ 1864-мъ предъ масляницей и слѣдующемъ 1865 г. приблизительно въ ту-же пору. Это открылось изъ многихъ данныхъ и, между прочимъ, изъ показаній раскольниковъ Потапа Шмакова и Ѳедора Ананьина Волкова Первый говорилъ, что въ 1864 г. Савватій проѣздомъ изъ Барнаула побывалъ въ д Ново-Глушинской (Чумышской вол.) и служилъ здѣсь въ домѣ вдовы Павлы Тотминой. Старикъ Шмаковъ присутствовалъ въ числѣ богомольцевъ за архіерейскимъ служеніемъ и былъ рѣшительно имъ умиленъ. Вотъ какъ передавалъ онъ свое сильное отъ служенія впечатлѣніе.

„Не видѣлъ я до этого никогда епископскаго служенія и трогался всѣмъ, особенно тѣмъ, что Богъ сподобилъ дождаться такого лица по нашей настоящей старообрядческой вѣрѣ, какого ни отцамъ, ни дѣдамъ нашимъ видѣть не случалось. Въ самомъ началѣ богослуженія, когда архіерея стали облачать, надѣвая на него церковныя одежды, и когда инокъ предъ нимъ кадилъ церковнымъ кадиломъ, не могъ я удерживаться отъ радостныхъ слезъ, и другіе бывшіе при этомъ крестьяне много поплакали. Сколько ризъ на него надѣвали!—Казалось не менѣе двѣнадцати или тринадцати чиновъ: какія-то на груди ленты и знаки, эпитрахиль, фелонь, еще что-то—и объяснить не сумѣю. А на головѣ была блестящая, на видъ золотая, шапочка съ околышемъ. По окончаніи богослуженія мы всѣ бывшіе въ церкви (походной) просили архіерея дать намъ старобрядческаго священника, и онъ сказалъ, что таковой намъ дастся, только бы мы просили начальство объ отчисленіи насъ отъ православныхъ приходовъ.—Пріѣзжалъ онъ подъ видомъ торгующаго купца на лошадяхъ, принадлежащихъ лицамъ нашего старообрядческаго согласія, въ кошевѣ. Слышно было, что въ Ново-Глушинскую пріѣхалъ онъ изъ с. Анисимова чрезъ дд. Буранову, Тундриху и Шмакову. Изъ Ново-Глушинской, переодѣтый, поѣхалъ въ д. Инюшеву, а оттуда Бѣлоярской волости въ д. Чесноковку, а куда дальше—не знаю“. Побывалъ въ нашихъ мѣстахъ епископъ „и съ тѣхъ поръ крестьяне нашего согласія стали еще болѣе желать старообрядья. Нѣсколько разъ собирались мы въ Ново-Глушинской, гдѣ совѣтывались, кого и какъ просить о дачѣ намъ священника. Сперва довѣрили подать прошеніе о семъ предметѣ на имя Самого Царя крестьянамъ Гурьяну Никитину, Ларіону Чернову и Аѳанасію Шмакову, и эти люди ѣздили и кому-то подавали прошеніе. Я и самъ ѣздилъ въ г. Томскъ къ преосвященному томскому и просилъ отчислить меня съ дѣтьми изъ приходовъ... Потомъ мы всѣ передовѣрили подачу прошенія кр. Михаилу Ѳедорову Рубцову... Епископъ Савватій послѣ перваго пріѣзда еще и на *другой годъ* былъ. При этомъ второмъ разѣ я пріобщался за литургіей изъ его руки, къ чему я заранѣе приготовился,

слыша о его скоромъ прiѣздѣ. Но, кромѣ меня, никого къ таинству прiобщенiя готовыхъ не оказалось. Этимъ онъ остался недоволенъ и сказалъ, что если не приготовились старики, то нужно было хоть принести или привести къ причастiю младенцевъ до шести лѣтъ. — Надо, говорилъ онъ, къ таинству нудиться, въ писанiи сказано: «аще кто удаляется тѣла и крови Господней,—тотъ врагъ Божiй, а бѣсамъ другъ». И говорилъ онъ, и отправлялъ богослуженiе такъ хорошо и сходно съ нашимъ старообрядьемъ, которое здѣсь наблюдалось, что не только старообрядцамъ нашего согласiя, но и другимъ явно казалось, что онъ настоящiй епископъ. Слыша, что въ Бiйскомъ округѣ у «поляковъ» сводятъ браки безъ вѣнчанiя приходскими священниками, я въ этотъ второй прiѣздъ, спрашивалъ епископа Савватiя: можно-ли и намъ сводить браки? Онъ отвѣтилъ, что можно, но только по нуждѣ, или за отдаленностiю, или неимѣнiемъ старообрядческаго священника, но что потомъ такiе браки слѣдуетъ довершать, когда священникъ прiѣдетъ. Говорилъ онъ намъ и о томъ, что священника можно намъ избрать изъ своего общества, только бы онъ былъ женатъ въ первый разъ и чтобы жена у него не была прелюбодѣйка. Съ епископомъ былъ инокъ помоложе его и дiаконъ (дьякъ?), совсѣмъ молодой человѣкъ и такой бойкiй и такъ умѣетъ пѣть, что всѣмъ было любо" [1]).

Ѳедоръ Волковъ нашелъ нужнымъ признаться, что около масляной недѣли 1865 г. въ д. Инюшеву и къ нему въ домъ прiѣзжалъ „епископъ" подъ видомъ купца. „До того времени я этого купца не зналъ и какъ не знаемаго спрашивалъ: кто онъ и откуда будетъ? Получилъ отвѣтъ, что онъ есть нашего согласiя московскiй епископъ и зовутъ его Савватiемъ. При этомъ передавалъ мнѣ, что есть митрополитъ въ Австрiи нашего же согласiя по имени Амвросiй. На видъ епископъ Савватiй былъ средняго роста, волосы имѣлъ темнорусые и немного длинные, длиннѣе обыкновенныхъ крестьянскихъ. Одѣтъ былъ въ суконный тулупъ, а подъ нимъ козакинъ съ сборами—длинный, ниже колѣнъ. Куда направился онъ изъ Инюшевой—не знаю, потому что отъ меня выѣхалъ, когда было темно. Отвозилъ его мой племянникъ, нынѣ уже умершiй" [2]).

Если предъ временемъ сырной недѣли 1864 года Савватiй находился среди томскихъ раскольниковъ, то слѣдовательно въ маѣ того года онъ посѣтилъ г. Тюмень уже на возвратномъ пути изъ томскихъ предѣловъ. При этомъ посѣщенiи онъ былъ у Проскуряковой не для простой бесѣды, а для служенiя въ ея домѣ, которое и совершилъ, разставивъ въ самой большой комнатѣ дома свою походную церковь. Постыдное въ положенiи епископа бѣгство чрезъ окно произошло спустя нѣсколько часовъ послѣ оконченнаго богослуженiя [3]).

---

[1]) Показанiе Потапа Шмакова въ дѣлѣ о лже-попѣ Борисовѣ. Дѣло это присоединено къ консисторскому дѣлу о Савватiѣ, листы 243—245.

[2]) Дѣло о лже-попѣ Борисовѣ. Тамъ-же, л. 202 об.

[3]) Послѣ бѣгства Савватiя изъ Тюмени, въ домѣ Проскуряковой, среди разныхъ, принадлежавшихъ лжеепископу вещей, нашлась данная ему какимъ-то купцомъ запись „для памяти" на

Что касается до того путешествія въ томскій край, которое оборвалось арестомъ въ с. Вагановскомъ, то выяснилось, что прежде чѣмъ попасть въ Кузнецкій округъ, Савватій побывалъ не только въ Барнаульскомъ, но и Бійскомъ округахъ, гдѣ между прочимъ проѣхалъ чрезъ с. Шеманаиху въ д. Выдриху. Въ Выдрихѣ останавливался и отправлялъ богослуженіе у кр. Илларіона Казанцева. Изъ числа раскольниковъ д. Выдрихи епископъ особенно облюбовалъ кр. Михаила Екимова, котораго рукоположилъ въ попа хотя не въ этой деревнѣ, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ Томской губ. [1]). Такимъ образомъ увѣреніе лжеіерарха, что изъ томскихъ старообрядцевъ онъ никого не ставилъ въ попы, такъ какъ не находилъ людей, къ тому достойныхъ, опровергается уже фактомъ рукоположенія Екимова. Но впослѣдствіи по разнымъ другимъ поводамъ и дѣламъ открылось, что, кромѣ Екимова, Савватій въ свои проѣзды по Томской губ. наставилъ въ попы не мало и другихъ лицъ изъ среды мѣстныхъ крестьянъ н новоселовъ. Попъ Прокопій Семеновъ, доселѣ служащій въ дер. Бурановой Барн. окр., былъ поставленъ Савватіемъ *28 февраля 1864 г.*, слѣдовательно въ первый сибирскій пріѣздъ лжеепископа[2]). Въ то-же время получилъ рукоположеніе отъ послѣдняго и лжепопъ Степанъ Шумихинъ, избравшій центромъ своего прихода д. Полковникову (Легачево тожъ).

предметъ путешествія по Томской губерніи. Запись заключала въ себѣ слѣдующія любопытныя указанія:

„Въ Томскомъ—квартира: Өедоръ Лаврентьевичъ Шиховъ. Домъ его близъ новаго собора на Юрточной горѣ. Онъ, кажется, перекрещенникъ“.

„Томской губ, Каинск. окр., Вознесенской волости въ д. Кочневкѣ уставщикъ изъ Стародуба Егоръ Дмитріевичъ. Отъ волости 24 версты за р. Омью“.

„Том. губ., Каин, окр., село Усть-Янцевское. Церковь единовѣрческая. При оной довольно книгъ старинныхъ находится“.

„Отъ Томскаго до Бійскаго 539 верстъ. По подорожной за каждую лошадь съ Васъ возьмутъ по полукопѣйки серебр.“.

„Если вздумаете въ Томскѣ взять подорожную на Бійскъ, то ранѣе въ полиціи томской возьмите на свободный выѣздъ свидѣтельство, напиша съ будущими пассажирами. А потомъ со свидѣтельствомъ въ казначействѣ вамъ выдадутъ подорожную на три лошади“.

„Отъ Бійска въ 25 верстахъ с. Смоленское. Въ Смоленскомъ квартира у Петра Ив. Ковалева. Изъ Смоленскаго въ д. Верхнюю Сѣтовку. Тутъ Константинъ Мих. Долгихъ. Супруга его Аграфена Аөанасьевна“.

„Изъ д. В. Сѣтовки въ д. Аю—къ Ивану Архиповичу Наговицину и Артемію Денисовичу Абабкову, моему коммиссіонеру“.

„Изъ д. Ай въ дер. Коянчу—къ Филиппу Осиповичу Леонтьеву“.

„Объ урожаѣ кедровыхъ орѣховъ узнать постарайтесь и прислать мнѣ по письму изъ Сургута, Нарыма, Томскова и Бійска“.

„Въ маѣ мѣсяцѣ на кедрахъ шишки оказываются, когда урожай онымъ бываетъ“.

Видимо Савватій намѣренъ былъ проникнуть въ Томскую губернію сѣвернымъ воднымъ путемъ. Онъ хотѣлъ проѣхать губернію отъ самаго Томска до южныхъ алтайскихъ селеній, не забывая и Каинскаго округа, находящагося въ сторонѣ отъ прямой дороги отъ Томска на Бійскъ. При путешествіи епископъ рѣшилъ замаскировать свое епископство скромнымъ видомъ коммиссіонера по закупкѣ кедровыхъ орѣховъ. Но къ какому году относится эта задуманная поѣздка, за отсутствіемъ даты въ записи—сказать трудно.—Дѣло о Савватіѣ въ Томск. консисторіи, л. 100.

[1]) Дѣло о Савватіѣ въ Томской консист. л. 79. Сн. рапортъ свящ. с. Шеманаихи о. Преображенскаго въ арх. Том. д. конс. отъ 18 авг. 1867 г.

[2]) См. у Д. Бѣликова. Старообрядческій расколъ въ Томской губ. по судебнымъ даннымъ. Томскъ 1894, стр. 38—39.

Свящ. с. Тарханскаго Бійскаго окр. о. Наумовъ, жалуясь въ 1870 году на усиленіе раскола въ своемъ приходѣ, говорилъ: „дѣло дошло до того, что крестьяне не стѣсняются заявлять ему открыто: ты намъ не нуженъ; мы не желаемъ ходить въ твою церковь". Развратителемъ прихода, по словамъ Наумова, былъ Θедоръ Еремѣевъ, „который, выдавая себя за старообрядческаго попа, креститъ, брачитъ, погребаетъ и при этомъ заявляетъ, что нынѣ правительство не желаетъ стѣснять въ вѣрѣ не только издавнихъ старообрядцевъ, но и тѣхъ, кто изъ православія захотѣлъ бы перейти въ старообрядчество".—Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Еремѣевъ былъ ставленникомъ Савватія [1]).

Въ февралѣ 1867 г. у проживщаго въ с. Озерно-Титовскомъ крест. Владимірской губ. Вас. Смирнова отпѣлъ умершаго ребенка какой-то «попъ», который возилъ съ собою всѣ священническія принадлежности, церковно-богослужебныя книги и между ними книгу „о принятіи приходящихъ отъ ереси обоего пола къ благочестивой христіанской вѣрѣ".

Къ вечеру 7 марта въ то-же Озерно-Титовское прибыли два человѣка и остановились въ домѣ обывателя Кондратія Титова. Прибывшіе показались мѣстному священнику людьми подозрительными, потому что, не смотря на теплую погоду, они, проѣздомъ по селу, тщательно старались укрывать лица воротниками и шарфами, очевидно, съ цѣлію остаться не узнанными. Священникъ послалъ сельскаго старосту съ десятскими дознать: кто прибывшіе и нѣтъ-ли у нихъ при себѣ ризницы и книгъ? Вышли къ посланнымъ Кондратій и Николай Титовы, которые не только не дали о пріѣзжихъ отвѣта, но еще съ дерзостію и угрозами говорили, что если будутъ производить обыскъ, то они съ своими сообщниками „во что-бы то ни стало разгромятъ православную церковь и разграбятъ священническій домъ". Слѣдствіе открыло, что въ Озерно-Титовскомъ въ обоихъ случаяхъ, т. е. у Сергѣева и К. Титова, былъ австрійскій попъ Иванъ Максимовъ Борисовъ, разъѣзжавшій съ таковымъ же діакономъ Николаемъ Ивановымъ Черновымъ. И тотъ и другой были посвящены Савватіемъ,—первый изъ крестьянъ д. Мироновой, второй д. Ново-Глушинской [2]).

По свѣдѣніямъ, собраннымъ чиновникомъ г. Юрченко, ставленниками Савватія, кромѣ указанныхъ лицъ, были крестьяне Барнаульскаго округа дер. Печерки Николай и Гаврило Печеркины, дер. Копыловой Кириллъ Алексѣевъ, д. Листвянки Кипріанъ Волковъ, Барнаульскій мѣщанинъ Василій Ретивыхъ, и Каинскаго окр. с. Меньшикова Алексѣй Семеновъ Θедосѣевъ [3]). Но можно съ положительностію утверждать, что представленный перечень является еще далеко не полнымъ. По крайней мѣрѣ, во время написанія этихъ строкъ, изъ одного устнаго сообщенія намъ довелось узнать,

---

[1]) Дѣло въ архивѣ губ. правл. связка 110, № 129.

[2]) Дѣло о Борисовѣ, присоединенное къ дѣлу о Савватіѣ. Въ арх. Том. консистор. Сн. дѣло о Степ. Вас. Левшинѣ въ арх. Том. губ. прав., связка 105, № 23.

[3]) Дѣло, начавшееся по предписанію Министра В. Д. касательно доставленія свѣдѣній о Томск. расколѣ. Арх. губ. прав., св. 105.

что проживающій въ монастырѣ австрійскаго согласія на р. Юксѣ (Томск. окр.) и именующій себя священно-инокомъ Ѳеофилактомъ мѣщ. Ѳедоръ Саввиновъ оправдываетъ свое священство ставленною грамотой, подписанной еписк. Савватіемъ. Можетъ быть тотъ-же лжеархіерей постригъ Саввинова и въ иночество, какъ постригъ крестьян. д. Листвянки Петра Казанцева съ монашескимъ именемъ Питирима[1]).

Вообще „епископъ" возилъ съ собою экземпляры ставленныхъ грамотъ, какъ видится, далеко не безцѣльно.

Не безцѣльно лжеіерархъ развозилъ съ собою цѣлую груду книгъ не только богослужебныхъ, необходимыхъ ему для отправленія богослуженія въ разныхъ мѣстахъ его остановокъ, но и такихъ произведеній раскольнической литературы, какъ, напр., книжки о единовѣрческой церкви и о принятіи митрополита Амвросія. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій усиленно порицалось единовѣріе, во второмъ также усиленно доказывалась законность и святость австрійской іерархіи „съ дерзкими укоризнами императору Николаю I за то, что повелѣлъ не допускать въ Россію Бѣлокриницкаго духовенства". Подобнаго рода книги нужны были епископу въ пропагандаторскихъ цѣляхъ и, въ виду ихъ содержанія. намъ становится совершенно понятнымъ, почему Савватій косвенно отказывался отъ книгъ, утверждая, что „нѣкоторыя принадлежатъ мнѣ, а нѣкоторыя недавно оставившимъ меня товарищамъ Андрею и Степану, но кому изъ нихъ и какія именно книги принадлежатъ—не припомню" [2]).—Въ миѳичности этихъ Андрея и Степана едва-ли можно сомнѣваться, особенно если принять въ соображеніе, что Андрей въ монашествѣ назывался также, какъ Борисовъ, т. е Архилаемъ. Выдумка о нихъ представлялась выгодной для того, чтобы побольше спутать и затемнить дѣло.

Повторяемъ, епископъ много погрѣшилъ въ своихъ показаніяхъ. А что касается Борисова и Козлова, то ихъ увѣренія на счетъ неприкосновенности къ дѣлу архіерейскаго путешествія, въ виду многочисленныхъ противопоказаній, лишены всякаго значенія.

Въ то время, какъ епископъ томился въ захолустномъ сибирскомъ замкѣ, пошла молва, что заключенный ухитряется ставить поповъ и въ стѣнахъ заточенія. Слухъ достигъ томскихъ властей и побудилъ губернатора запросить, насколько онъ основателенъ. Исправникъ успокоилъ начальника губерніи отвѣтомъ, что „быть этого не можетъ, ибо Савватій содержится въ особой камерѣ". Вскорѣ въ тюрьмѣ открыли подкопъ, проведенный уже далеко за острожный тынъ. Начались розыски виновниковъ тайной большой работы. Нѣкоторые изъ арестантовъ признались, что это дѣло ихъ рукъ и что архіерей тутъ не причемъ. Но Кузнецкій стряпчій и смотритель замка остались при убѣжденіи, что подкопъ былъ сдѣланъ въ пользу Савватія, съ цѣлію его освобожденія, что Савватій склонилъ арестантовъ на трудную въ

---

[1]) Дѣло о лжепопѣ Борисовѣ, л. 263.

[2]) Консист. дѣло о Савватіѣ, л. 82 об.

свою пользу работу путемъ щедрыхъ денежныхъ раздачъ. Произвели у епископа обыскъ и нашли 173 р., хотя деньги, имѣвшіяся при немъ прежде, были уже давно отъ него отобраны. Послѣ того стряпчій убѣдительно просилъ томскаго прокурора о переводѣ важнаго арестанта изъ ветхой уѣздной съ ея ненадежной стражей тюрьмы въ томскій губернскій замокъ. Просьба была отклонена, но за то кузнецкій исправникъ получилъ объ губернатора слѣдующее предписаніе. „Имѣя въ виду, что арестантъ Левшинъ дѣлалъ уже побѣгъ изъ Тюмени въ 1864 г. и возстановляетъ попытку къ сему и въ въ настоящее время, для чего изыскиваетъ денежныя средства къ подкупу стражи и вмѣстѣ съ нимъ заключенныхъ, предписываю Вамъ содержать Левшина непремѣнно въ отдѣльной камерѣ подъ крѣпкимъ карауломъ, производя ежедневные у него обыски. Оставляя Левшина на личной отвѣтственности Вашей и помощника Вашего, предваряю, что, въ случаѣ побѣга этого важнаго арестанта, Васъ ожидаетъ увольненіе отъ должности безъ прошенія и преданіе суду“ [1]).

Мы видѣли, что сотрудникъ Савватія, его іеродіаконъ Архилай, онъ же Борисовъ, уже вскорѣ послѣ заарестованія въ с. Вагановскомъ выразилъ желаніе присоединиться къ единовѣрію. Просидѣвъ полгода въ тюрьмѣ, Борисовъ написалъ губернатору, что „опровергаетъ прежнее желаніе“, такъ какъ рѣшилъ перейти не въ единовѣріе, а въ православіе, при чемъ даетъ крѣпкое обѣщаніе навсегда остаться вѣрнымъ православной церкви, лишь бы только онъ былъ уволенъ изъ заключенія на поруки. Его уволили, хотя не за обращеніе и выраженное обѣщаніе, а въ силу уже достаточной наказанности за вину шатаній съ „епископомъ“ [2]).

Но для епископа острожное томленіе протянулось до весны 1871 года. Въ сужденіи объ окончательномъ рѣшеніи его дѣла власти нѣсколько разошлись. Томскій губернаторъ былъ того мнѣнія, что, въ предупрежденіе и пресѣченіе дальнѣйшихъ вредныхъ путешествій Левшина, его слѣдовало бы заключить для содержанія подъ надзоромъ въ одинъ изъ православныхъ монастырей. Совѣтъ Главнаго Управленія Западной Сибири отвергъ предложеніе губернатора по соображеніямъ, изложеннымъ въ слѣдующихъ пунктахъ: а) Левшинъ не принадлежитъ къ какой-либо вредной сектѣ; б) онъ не завиняется въ распространеніи раскола между православными; в) заключеніе Левшина въ монастырь было бы равносильно ссылкѣ, какъ за доказанное преступленіе, да подобная мѣра наказанія и не установлена закономъ; г) по закону и по Высочайше одобренному въ 1858 г. наставленію для дѣйствій по дѣламъ раскола—религіозныя убѣжденія раскольниковъ не должны быть преслѣдуемы, если дѣйствія по симъ убѣжденіямъ происходятъ безъ публичнаго оказательства раскола, безъ соблазна для православныхъ и вообще безъ нарушенія правилъ благоустройства; д) подсудимый Левшинъ достаточное уже потерпѣлъ наказаніе болѣе 4-хъ лѣтнимъ содержаніемъ въ тюремномъ замкѣ.

---

[1]) Дѣло о Ст. Вас Левшинѣ въ арх. губ. пр., св. 105, № 23.

[2]) Тамъ-же. Сн. дѣло о лжеепископѣ Савватіѣ въ Дух. Консисторіи.

На изложенныхъ основаніяхъ, Совѣтъ Гл. Управл. Западной Сибири постановилъ: 1) „Тульскаго 2-й гильдіи купца Ст. Васильева Левшина (онъ же лжеепископъ Савватій), 50 лѣтъ, по обвиненію его въ свѣнчаніи двухъ браковъ, завѣдомо православныхъ, и вообще въ распространеніи въ Сибири раскольническаго ученія между православными (на осн. 313 ст. XV т. св. зак. изд. 1857 г.) оставить въ подозрѣніи.

2) Въ предупрежденіе постоянныхъ разъѣздовъ его и возбужденія дѣлъ, подобныхъ настоящему, обязать его подпискою избрать постоянное мѣсто жительства въ г. Тулѣ, гдѣ онъ числится купцомъ, или въ другомъ городѣ, съ причисленіемъ его туда въ установленномъ порядкѣ, гдѣ отдать его подъ надзоръ общества и мѣстнаго полицейскаго начальства съ тѣмъ, чтобы ему не были дозволяемы отлучки изъ мѣста его жительства безъ особо уважительныхъ причинъ на продолжительное время и безъ особаго каждый разъ разрѣшенія начальства.

3) Отобранныя отъ него деньги и вещи, ему принадлежащія, выдать Левшину обратно, за пополненіемъ изъ нихъ прогонныхъ денегъ, употребленныхъ по сему дѣлу.

Постановленіе, утвержденное генералъ-губернаторомъ, вошло въ силу, и Савватій направился въ Тулу, откуда перебрался въ Москву, гдѣ старообрядцы восторженно встрѣтили его, какъ „страдальца и исповѣдника“ [1]).

Свѣтское начальство (за исключеніемъ губернатора г. Родзянко) не видѣло особаго вреда въ лжеархіерейскихъ проѣздахъ Левшина по округамъ Томской губерніи, а томскій преосвященный Алексій усматривалъ этотъ вредъ въ огромныхъ размѣрахъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ взятія лжеепископа въ с. Вагановскомъ, преосвященный свидѣтельствовалъ, что „въ округахъ Барнаульскомъ, Бійскомъ и Кузнецкомъ расколъ видимо усилился и его усиленіе находится въ прямой связи съ обстоятельствомъ, что побывалъ въ означенныхъ уѣздахъ лжеіерархъ“. Въ самомъ дѣлѣ, по одному Барнаульскому округу или, точнѣе, по Чумышской и смежнымъ съ нею волостямъ вскорѣ послѣ проѣзда Савватія сразу захотѣло отчислиться изъ православія въ расколъ до 1670 д. об. пола [2]). Но больше всего вредъ православію Савватій нанесъ тѣмъ, что своими ставленниками умножилъ въ краѣ количество австрійскихъ поповъ.

Савватій удерживалъ за собою титулъ сибирскаго епископа до конца 1882 года, когда за сибирскія страданія былъ удостоенъ старообрядчествомъ избранія во архіепископа Московскаго на мѣсто умершаго раскольническаго лжеіерарха Антонія Шутова. Но такъ какъ со времени выхода изъ Кузнецкаго заключенія Савватій въ Сибири не бывалъ, то раскольники томскіе начали скучать безъ епископа и вообще почувствовали безъ него разныя неудобства въ своей жизни. Сильно хлопотавшій въ интересахъ томскаго австрій-

[1]) Въ постановленіи совѣта главн. управленія Зап. Сибири отъ 3/4 мая 1871 г. въ дѣлѣ о Ст. Вас. Левшинѣ. Арх. Губ. Правл.

[2]) Д. о лжееписк. Савватіѣ въ Томск. Консист. л. 263.

-скаго толка барнаульскій изъ переселенцевъ купецъ Игнатій Аѳонинъ взялся оборудовать посвященіе въ Москвѣ на епископскую сибирскую каѳедру лжемонаха Непеина, переѣхавшаго въ Барнаульскій округъ изъ Енисейскихъ лѣсовъ, но почему-то дѣла этого не оборудовалъ [1]). Вмѣсто Непеина въ Москву для полученія хиротоніи въ сибирскаго архіерея отправился въ 1883 году уже упомянутый нами попъ изъ д. Выдрихи Михайло Екимовъ, принявшій монашество съ именемъ Меѳодія.

Почему выборъ палъ на Меѳодія—человѣка не виднаго собою, въ старообрядческихъ книгахъ мало начитаннаго и вообще во всѣхъ отношеніяхъ заурядиаго—это осталось тайною московскихъ заправилъ австрійскаго священства [2]). Облекшись въ іерархическій санъ, Меѳодій остался въ той же Выдрихѣ, къ крестьянскому обществу которой принадлежалъ, и, проживая здѣсь, чаще всего подписывался „епископъ томскій“, хотя своимъ архипастырскимъ надзоромъ опекалъ единомышленниковъ не только сосѣднихъ губерній, но и отдаленнаго Якутскаго края. Въ Выдрихѣ, въ моленной, устроенной на дворѣ собственнаго дома, Меѳодій свое аріерейское служеніе совершалъ открыто даже съ участіемъ сельской полиціи для большей важности и для наблюденія за внѣшнимъ при богослуженіи порядкомъ. За литургіями нерѣдко у Меѳодія происходила церемонія посвященія въ попы и діаконы, но не отказывался епископъ исполнять и обыкновенныя священническія требы, не исключая браковѣнчаній, причемъ вѣнчалъ не только раскольниковъ, но и единовѣрцевъ да еще въ запрещенныхъ закономъ степеняхъ родства или несовершеннолѣтнихъ. „Екимовъ и австрійскій попъ Ив. Головановъ“ (изъ д. Быструхи), говорится въ отчетѣ Владимірскаго вол. правленія за 1885 г. „всѣми мѣрами стараются совращать изъ православія и единовѣрія и есть слухи, что эти лжеучители позволяютъ себѣ прельщать особенно людей изъ бѣднаго сословія матеріальной поддержкой“ [3]).

За усиленное распространеніе раскола Меѳодій былъ преданъ суду и судомъ приговоренъ къ ссылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Епископъ хотѣлъ избѣжать наказанія укрывательствомъ въ ущельяхъ Каргонскихъ бѣлковъ [4]), но былъ пойманъ и въ настоящее время находится въ Киренскомъ окр. Иркутской губ., не оставляя и въ ссылкѣ своихъ притязаній на управленіе австрійскими согласниками всей Сибири.

Нѣкоторые изъ алтайскихъ раскольниковъ и доселѣ тяготѣютъ къ Меѳодію, но большинство томской поповщины держится епископа Антонія, поставленнаго изъ заводскихъ крестьянъ Пермской губерніи и проживающаго въ потаенномъ монастырѣ на р. Юксѣ, въ 80 верстахъ отъ г. Томска Изъ потаеннаго пристанища на Юксѣ Антоній разъѣзжаетъ до самыхъ юж-

---

[1]) Рапортъ бл. свящ., Іоанна Смирнова томскому преосвящ. Петру отъ 15 февр 1877 г. Въ арх. Томск. консист.

[2]) Характеристику Меѳодія см. въ Томск. Епарх Вѣд. за 1887 г. № 1, стр. 8.

[3]) Томск. Епарх. Вѣд. 1887 г. № 1, стр. 12.

[3]) Д. Бѣликовъ. Старообрядч. расколъ въ Томской губ. по суд. даннымъ, стр. 3—11.

ныхъ границъ губерніи, отсюда же разсылаетъ ко всѣмъ сибирскимъ старообрядцамъ пастырскія посланія, сочиняя ихъ въ сотрудничествѣ съ юркимъ, бойкимъ и многоначитаннымъ священно-инокомъ Ѳеофилактомъ.

Въ самые недавніе годы на Алтаѣ, именно въ д. Александровкѣ, причисленной къ православному приходу с. Орловскаго, имѣлъ пребываніе бывшій вятскій епископъ австрійскаго поставленія—Герасимъ. Изрѣдка служилъ онъ въ Александровкѣ, изрѣдка ставилъ поповъ, но большой роли въ томскомъ старообрядчествѣ до самой своей смерти въ 1897 году не имѣлъ. Онъ жилъ на Алтаѣ какъ-бы на покоѣ.

Отъ времени проѣзда по Томской губерніи Савватія въ 1867 г. и до настоящей поры количество томскихъ поповъ австрійскаго согласія возросло до 30 чел., разсѣянныхъ по разнымъ округамъ и мѣстамъ нашего края [1]).

III/2.

Вѣроучители въ безпоповщинскомъ расколѣ по всѣмъ округамъ Томской губерніи.—Расколоучители у часовенныхъ.—Поселенцы Мещеряковъ и бр. Яковлевы.—Поселенецъ Ив. Мокіевъ.—Значеніе наставниковъ въ Томскомъ расколѣ.

Переходя къ руководителямъ томскаго безпоповщинскаго раскола, прежде всего перечислимъ выдающихся учителей изъ „наставниковъ" въ расколѣ Бійскаго округа. Кромѣ уже упомянутаго нами фанатика Орлова, у безпоповцевъ въ горныхъ деревняхъ восточной стороны Алтая за 1830-ые и начальные 1840-е годы учительствовали Николай Петровъ, Иванъ Михайловъ и Николай Медвѣдевъ. Первый проживалъ въ дер. Мало-Бащалакской въ домѣ крестьянина Григорія Останина и выдавалъ себя за выходца изъ Финляндіи. Его большая книжная начитанность, и вмѣстѣ съ тѣмъ самая ярая приверженность къ безпоповщинѣ снискали ему среди бійскихъ единомышленниковъ огромный авторитетъ. Михайловъ часто заявлялся въ тойже Мало-Бащалакской и окрестныхъ деревняхъ, но постоянное жилище имѣлъ въ пещерѣ на горѣ, именуемой Медвѣдихой. Пещера была убрана на подобіе моленной образами и, кромѣ иконъ, ея богатство состояло въ обиліи старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ. На допросѣ у засѣдателя Михайловъ показалъ: мать его была сослана изъ Россіи, но изъ какой губерніи—не знаетъ; онъ самъ сначала проживалъ въ Томскѣ, но у кого не знаетъ, затѣмъ жилъ въ лѣсахъ и горахъ, „г. Томскъ окружающихъ", и отсюда перешелъ къ Бащалакской на Медвѣдиху „для души спасенья". Пищу доставляли ему на Медвѣдиху неизвѣстные люди.—Ник. Медвѣдевъ, изъ отставныхъ служителей Златоустовскаго завода, велъ расколоучительство, находя пристанище въ горахъ на пасѣкѣ кр. д. Солонечной Плотникова [2]).

---

[1]) Свѣдѣнія о лжеепископахъ Антоніѣ, Герасимѣ и о современномъ количествѣ австрійскихъ поповъ по Томской губерніи заимствованы нами на миссіонерскомъ Томскомъ съѣздѣ 1898 года.

[2]) Дѣло Том. губ. суда о намѣреніи крестьянъ Алтайск. волости бѣжать на Бѣловодье. Въ арх. Томск. губ. пр., св. 217.

Всѣ трое говорили, что они „по поморской вѣрѣ", но ихъ бродяжничество, ихъ фанатическая настроенность сильно отдаютъ духомъ бѣгунства.

Въ горахъ-же, останавливаясь поперемѣнно въ дд. Верхняго и Нижняго Уймоновъ, Тавдѣ, Айской и др., расколоучительствовали выходцы изъ Шадринскаго уѣзда Пермской губ. Никифоръ Зыряновъ съ сыномъ. По прибытіи въ отдаленную горную сторону, они также, какъ Михайловъ, поселились сначала въ уединенной избѣ среди ущелій, потомъ начали ходить по жилымъ мѣстамъ съ преимущественной цѣлью подстрекательства жителей къ побѣгу на Бѣловодье. Они и задержаны были полиціей по поводу этого подстрекательства и, по задержаніи, показали, что пришли въ Алтай изъ Шадринскаго уѣзда для осмотра мѣстъ, удобныхъ къ переселенію, но нашлись свидѣтели, утверждавшіе, что Зыряновы никогда не опускали случая завести со встрѣчными разговоръ о вѣрѣ и даже „почитать людямъ что-либо назидательное и учительное изъ книгъ, которыя всегда носили съ собою" [1]).

Рапортомъ отъ 28 октября 1839 г. Барнаульскій протоіерей о. Васильевъ донесъ преосвящ. Агапиту, что въ какомъ-то потаенномъ мѣстѣ Бійскаго окр. укрывается безпоповщинскій подвижникъ Власій, по слухамъ, изъ поселенцевъ Енисейской губерніи. Подвижникъ является опаснымъ расколоучителемъ уже потому, что слава о его подвигахъ привлекаетъ къ нему много народа и, кромѣ того, обнаружено, что подъ его водительствомъ въ волостяхъ Кузнецкаго окр. Мунгатской, Тарсминской и Тутальской сильно агитируютъ въ пользу безпоповщинскаго раскола поморскіе наставники Семенъ Гутовъ, Венедиктъ Сизевъ, Григорій Деминъ и Игнатій Карповъ, успѣвшіе отклонить отъ церкви многихъ прихожанъ изъ разныхъ приходовъ. Карповъ, добавилъ о. протоіерей, много разъ мѣнялъ свою принадлежность къ сектамъ, перешелъ было въ единовѣріе, но, подъ вліяніемъ Власія, снова уклонился въ поморство и началъ проповѣдывать поморство съ полною безбоязненностію, открыто совершая требы крещеній, исповѣди, отпѣваній и т. д. Власій, по заключенію протоіерея, приподнялъ поморство въ Бійскихъ предѣлахъ и оживилъ его въ Кузнецкихъ [2]).

Большою энергіею для поддержанія и развитія безпоповщины и въ частности поморскаго толка въ 1840 и 1850-хъ годахъ заявили себя по Бійскому округу наставники поселенецъ Павелъ Лончевскій и кр. Изосимъ Медвѣдевъ. Первый, по отзыву преосвящ. Парфенія, „опустошилъ" приходъ с. Кабановскаго окончательно [3]), второй, проживая въ д. Усть-Калманкѣ и совершая богослуженіе въ мѣстной поморской часовнѣ, подчинилъ своему духовному руководству жителей не только этой, но и сосѣднихъ деревень Воробьевой, Усть-Ермилихи, Верхъ-Калманки и др. На увѣщаніе оставить

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Отношеніе еп. Агапита къ управ. Томской губерніей отъ 8 апр. 1840 г № 1005. Въ арх. Том. губ. прав., св. 268.

[3]) Отнош. еп. Парфенія Том. губернатору за 1860 г. 5 янв. въ дѣлѣ губ. прав; св. 101 № 19.

заблужденія или, по крайней мѣрѣ, не совершать требъ у крестьянъ, числящихся православными, Изосимъ отвѣтилъ благочинному Королькову: „въ православіе не перейду ни за что на свѣтѣ и требы у приходящихъ ко мнѣ людей исправлять буду. Буду, не смотря на всѣ запрещенія, благословлять и сводные браки и въ самомъ непродолжительномъ времени обрачу сына своего съ засватанною невѣстою". Такъ отвѣтилъ Изосимъ въ присутствіи чиновника горнаго вѣдомства въ строгое для крестьянъ время горно-Алтайскаго управленія[1]). Изосима за его смертію, смѣнилъ по наставничеству въ Усть-Калманкѣ его родственникъ Варфоломей Медвѣдевъ, имѣвшій сотрудника въ сосѣдней деревнѣ Воробьевой въ лицѣ Ефима Медвѣдева.

Украшеніемъ поморской часовни въ д. Ново-Шульбинской служило въ глазахъ раскольниковъ то, что въ 1860-хъ годахъ въ ней настоятельствовалъ „многоучительный" наставникъ Ѳедосѣй Ѳедоровъ Митрофановъ, исправлявшій требы съ такою же безбоязненностію, съ какою велъ свое служеніе Из. Медвѣдевъ. Митрофановъ указывалъ, что онъ наставничалъ по благословенію покойнаго Андрея Степановича Шешукова, который въ свою очередь преемственно получилъ благословеніе отъ старика Каллистрата, знаменитаго настолько, что всѣ поморцы въ Ново-Шульбинской и ея окрестныхъ мѣстахъ и доселѣ говорятъ о себѣ, что держатся *Каллистратовской* вѣры[2]).

Одновременно съ Митрофановымъ въ другой сторонѣ Бійскаго окр., именно по деревнямъ Ануйской волости ревностно дѣйствовалъ въ пользу безпоповщины Трофимъ Лубягинъ—неудержимый совратитель. „Являясь къ крестьянамъ, Лубягинъ читаетъ и преподаетъ имъ свои наставленія со слезами на глазахъ и, послѣ того, крестьяне говорятъ: кромѣ него, Лубягина. намъ не нужно никакихъ пастырей".—Одинъ изъ сельскихъ учителей писалъ въ 1868 г. о Лубягинѣ: жители д. Березовки рѣшились было завести школу для обученія малолѣтнихъ дѣтей и учительствовать пригласили меня. Школа была уже открыта и ученіе началось, но явился въ деревню Лубягинъ и нанесъ новорожденному училищу смертельный ударъ. Онъ внушилъ отцамъ, что дѣти чрезъ ученіе никоніанскаго учителя погибнутъ, что церковные псалтири, употребляемые въ училищѣ, нужно сжечь въ огнѣ, чтобы ихъ и въ званіи не было, и отцы изъ школы дѣтей отобрали[3]).

Перечень Кузнецкихъ поморскихъ наставниковъ, вышеупомянутыхъ Сем. Гутова, Сизева, Демина, Карпова, мы должны дополнить сообщеніями о расколоучителѣ изъ дер. Желтоногиной Ксенофонтѣ Гутовѣ. Еще въ 1847 г. онъ судился за распространеніе раскола и, кое-какъ отдѣлавшись отъ наказанія, снова взялся за ту-же пропаганду, снова подпалъ подъ судъ и при томъ два раза въ 1854 и 1856 г.г. Въ послѣднемъ случаѣ судился за совращеніе

---

[1]) Дѣло губ. прав., св. 746.
[2]) Д. Томск. консистор. за 1870 г. № 204.
[3]) Дѣло о Лубягинѣ. Въ арх. губ. прав. за 1871 г., св. 108, № 113.

въ расколъ кр. Борматова, инородца Березовскаго и за крещеніе дѣтей у родителей, принадлежавшихъ православной церкви. Возня съ судомъ не унимала Ксенофонта, напротивъ—она точно разжигала его энергію. Расширивъ моленную, устроенную въ Желтоногиной при собственномъ домѣ, онъ кромѣ обычнаго богослуженія, отправлялъ въ ней всякія требы и для всѣхъ, кто бы къ нему за этимъ дѣломъ не обратился и, кромѣ того, при моленной открылъ мастерскую для литья мѣдныхъ раскольническихъ крестовъ. Слава о той смѣлости, съ какою Гутовъ велъ наставническое дѣло, торжественная обстановка, которую онъ придалъ богослуженію въ своей моленной, пошла далеко по Кузнецкому и Барнаульскому округамъ. Односогласники заговорили о Ксенофонтѣ, какъ объ „истинномъ пастырѣ" и стали величать его, какъ „старѣйшаго изъ наставниковъ". Въ его моленную, разсказывали крестьяне суду, пріѣзжаютъ изъ многихъ деревень, а ко дню Пасхи, когда Гутовъ служитъ цѣлую ночь, народное стеченіе къ моленной ежегодно бываетъ громадное... Очень много пріѣзжихъ бываетъ и къ Воскресенью на первой недѣлѣ в. поста, но тогда пріѣзжаютъ преимущественно люди свѣдующіе въ дѣлахъ вѣры для (соборныхъ) совѣщаній. Желаніе сблизить поморцевъ между собою на возможно широкомъ районѣ, тѣснѣе сплотить ихъ для дружнаго отстаиванія своихъ вѣроисповѣдныхъ интересовъ, исканіе еще большей для себя популярности побудили Гутова къ довольно дальнимъ поѣздкамъ въ Бійскій округъ къ тамошнимъ поморцамъ въ деревняхъ Калманкахъ, Солоновкѣ, Огневой, и др. Вездѣ онъ звалъ обращаться къ нему, какъ главному наставнику и въ Усть-Калманкѣ, отправивъ богослуженіе 1 янв. 1862 г., Гутовъ читалъ народу выписки изъ какихъ-то указовъ, на основаніи коихъ ему, „старѣйшему наставнику", будтобы дозволено открыто совершать поморское богослуженіе, крестить, вѣнчать и т. д., „чѣмъ смутилъ многихъ православныхъ, но наклонныхъ къ расколу людей". Задумавъ, наконецъ, сокрушить единовѣріе въ Барнаульскомъ округѣ и обратить единовѣрческую церковь въ с. Шипициномъ въ поморскую часовню, какою та церковь была прежде, Ксенофонтъ неустанно, хотя секретно, сновалъ по многочисленнымъ деревнямъ Карасевскаго, Боровлянскаго, Тальменскаго, Язовскаго и др. приходовъ, подбивая жителей отказываться отъ единовѣрія, а иногда и отъ православія, и подать прошеніе о свободномъ слѣдованіи поморству на Высочайшее имя. Прошеніе было составлено и написано. Съ нимъ отправился въ Петербургъ сынъ Ксенофонта Петръ Гутовъ съ сотоварищемъ Каллистратомъ Кузнецовымъ, но дѣло печально окончилось тѣмъ, что отецъ и сынъ Гутовы, за совратительство и произведенное въ народѣ смущеніе, судомъ были приговорены къ ссылкѣ въ Восточную Сибирь[1]). Наставничество отъ Ксенофонта унаслѣдовалъ второй его сынъ—Семенъ, отъ котораго оно перешло къ кр. той-же дер. Желтоногиной Лукѣ Федорову Антропову.

---

[1]) Дѣло о расколоучителяхъ Ксенофонтѣ и Петрѣ Гутовыхъ. Арх. Томск. консисторіи по об. описи стола № $^8/_8$, нач. 16 марта 1866 г.

Самыми уважаемыми и вліятельными наставниками у безпоповцевъ Барнаульскаго окр., въ особенности по Тальменской вол., за 1830, 1840-ые и вплоть до 1850 гг. были Петръ Хавкуновъ и Фирсъ Харинъ, оба служившіе при Шипицинской поморской часовнѣ. Особеннымъ почетомъ и авторитетомъ пользовался Харинъ, несомнѣнно, за то, что въ молодости проживалъ и воспитывался въ Выгорѣцкомъ монастырѣ, тамъ обучился грамотѣ и тамъ-же состоялъ пѣвчимъ „сначала на лѣвомъ клиросѣ, потомъ на правомъ" и, состоя въ пѣвчихъ, изучилъ поморскій уставъ до точности. На мѣсто Шипицинскаго настоятеля онъ вступилъ непосредственно послѣ прибытія изъ Выгорѣцкаго монастыря. Съ 1845 г. шипицинская часовня была обращена въ единовѣрческій храмъ, но Харинъ продолжалъ справлять требы у шипицинскихъ прихожанъ—единовѣрцевъ по имени, на дѣлѣ истыхъ раскольниковъ. Не переставалъ старикъ Фирсъ учительствовать и крестить дѣтей и въ 1850-ые годы, когда почти совершенно ослѣпъ, хотя за это время его значеніе по Чумышу уже ослабѣло, перешедъ къ наставникамъ Ксенофонту Шишкину (изъ д. Ново-Яловой), Даніилу Безсонову и Давиду Сизеву [1]).

Въ той части Барнаульскаго окр., которая тянется по Оби, и особенно въ деревняхъ Малышевской волости между поморцами предстоятельствовалъ наставникъ изъ д. Бобровской Егоръ Казанцевъ, два раза за совратительство сидѣвшій въ тюрьмѣ и гордившійся этимъ, какъ мученичествомъ. На совѣщанія по вопросамъ и дѣламъ вѣры къ Казанцеву въ опредѣленныя времена года стекались съ лѣвой стороны Оби другіе безпоповщинскіе учители, между которыми онъ, Казанцевъ, былъ, „какъ глава". По вторичномъ выходѣ изъ тюрьмы Казанцевъ началъ съ настойчивостію увѣрять крестьянъ, что теперь уже дарована свобода, что каждый теперь можетъ избирать вѣру, какую захочетъ, и такими увѣреніями увлекъ къ поморству 109 семей изъ деревень Обвинцевой, Инской, Верхне и Нижне-Сузунской [2]).

Въ 1870-ые годы среди Барнаульскихъ безпоповщинскихъ вѣроучителей достигли нѣкоторой извѣстности въ Окуловскомъ приходѣ переселенецъ Іосифъ Ситниковъ и въ Панкрушихинскомъ дѣвицы Евдокія (Хмѣлева изъ д. Луковской), Меланья Томилова (изъ д. Кривинской) и крестьян. женщина Марія Карпова (изъ д. Озеро-Веселое) [3]).

Около 1840 года въ предѣлахъ Усть-Тартасской волости Каинскаго округа проживали отставной поручикъ Өедоръ Лебедевъ и поселенецъ Петръ Ивановъ. О первомъ свящ. с. Усть-Янцева писалъ, что хотя онъ, Лебедевъ, и въ офицерскомъ чинѣ, но живетъ межъ крестьянами совершенно по крестьянски, одѣвается въ мужицкую одежду и отпустилъ бороду. Будучи закоренѣлымъ раскольникомъ, онъ никогда не опускаетъ случая въ присутствіи крестьянъ поносить церковь и духовен-

---

[1]) Тоже дѣло.
[2]) Дѣло Том. консисторіи за 1868 № 68.
[3]) Благочин. отчетъ свящ. Петра Безсонова.

ство съ тѣмъ намѣреніемъ, „дабы въ безпоповщинскій расколъ совращать и въ раскольнической вѣрѣ утверждать, въ чемъ при своемъ искусствѣ въ словѣ успѣваетъ очень сильно" [1]). Петръ Ивановъ бродилъ по деревнямъ У.-Тартасской волости съ преимущественной цѣлью требоисправленій. Онъ и взятъ былъ послѣ исполненія требы у поселенца дер. Бѣлозеровой Котина, и при взятіи у него оказались рукописныя книги: скитское покаяніе, цвѣтникъ, рукописное послѣдованіе церковнаго пѣнія, службы Іоанну Богослову и др. святымъ[2]).

Вслѣдъ за Лебедевымъ и Ивановымъ мы встрѣчаемъ руководителей каинской безпоповщины въ лицѣ Гавріила Зорина и Фил. Хохлова. Одинъ изъ нихъ настоятельствовалъ въ часовнѣ д. Тычкиной, другой въ часовнѣ д. Кузьминой и оба находились въ самыхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ россійскими поморцами, жившими на Выгѣ и Вытегрѣ. Съ Выга и Вытегры они получали иконы, книги, разныя духовныя наставленія и съ своей стороны отплачивали за это посылкою денежныхъ милостынь, сбираемыхъ со всѣхъ каинскихъ раскольниковъ поморскаго толка. По найденнымъ у Зорина почтовымъ роспискамъ оказалось, что въ теченіе 1850—1852 г. онъ переслалъ въ Выгорѣцкую и Лексинскую обители 4408 руб. [3]).

Дальнѣйшій списокъ видныхъ дѣятелей въ безпоповщинѣ Каин. округа состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: Климента Чаунина, Вавила Притчина, Антона Семенова, Викула Дорофѣева и Павла Бородихина.—Чаунинъ и Притчинъ завлекали въ поморство чрезъ свои моленныя, устроенныя при ихъ домахъ въ дер. Ново-Ложниковой и Дубровиной[4]). О Семеновѣ, Дорофѣевѣ и Бородихинѣ между прочимъ извѣстно, что въ началѣ 1874 года они усиленно разъѣзжали по многимъ деревнямъ особенно Шипицинскаго (Каин. окр.) и Верхне-Красноярскаго приходовъ и отбирали отъ крестьянъ подписки на предметъ ходатайства объ открытіи самостоятельнаго раскольническаго прихода. Въ разъѣздахъ они успѣли привлечь къ поморству 73 доселѣ православныхъ семьи [5]).

Въ г. Томскѣ въ срединѣ 1850-хъ годовъ поморство насаждалъ и распространялъ ссыльный Іосифъ Кривошеинъ въ тайномъ сотрудничествѣ съ другими поселенцами [6]), изъ которыхъ впослѣдствіи заявилъ себя Василій Новиковъ. Но по Томскому округу не было и нѣтъ учителей болѣе авторитетныхъ въ безпоповщинѣ, какъ учители изъ пермскихъ переселенцевъ братья Алексѣй и Василій Нифонтовы. Пріобрѣтшіе порядочное состояніе отъ торговли медомъ и скотомъ, Нифонтовы обзавелись значительнымъ книжнымъ богатствомъ, ради котораго на ихъ заимки (въ предѣлахъ прихода с. Пачинскаго) наѣзжаютъ поморскіе наставники изъ различныхъ

[1]) Отношеніе епископа Агапита къ Томск. губернатору отъ 6 ноября 1840 г. за № 3165. Въ арх губ. прав.

[2]) Отнош. Том. консисторіи къ том. губернатору отъ 30 іюля 1840 г, тамъ-же.

[3]) Д. въ арх. губ. прав, св. 738.

[4]) Дѣло о Чаунинѣ въ арх. Том. консист. 1866 по об. оп. № 90. Сн. дѣло губ. прав. св. 116.

[5]) Д. въ арх. губ. прав., св. 122.

[6]) Д. къ арх. Том. губ. прав., св. 748, 1857 г.

мѣстъ губерніи. Нифонтовы не только дѣлятся книгами, но и сообщаютъ собратьямъ по наставничеству руководственныя правила и указанія на счетъ полемики со всѣми, кто-бы сталъ нападать на поморство. Въ свою очередь Алексѣй Нифонтовъ, въ неудержимой ревности о поморствѣ, считаетъ нужнымъ бывать во всѣхъ концахъ Томской епархіи, гдѣ его единомышленники чувствуютъ нужду въ его знаніяхъ, его начитанности, гдѣ поморству грозитъ какая-нибудь опасность. Не безъ основанія томскіе поморцы величаютъ его своимъ миссіонеромъ.

Кромѣ уже упомянутаго нами ссыльнаго Никитина, среди бывшихъ и существующихъ наставниковъ въ Маріинскомъ расколѣ мы можемъ отмѣтить, какъ наиболѣе вліятельныхъ, бродягу, называвшаго себя Александромъ Кирилловымъ Ястребовымъ, Федора Суету и Николая Исаева[1]). Всѣ они пріютились около Прокопьевой заимки или обитали въ ней самой. Раскольники не смущались тѣмъ, что Ястребовъ имѣлъ на рукахъ краснорѣчивое о себѣ свидѣтельство въ видѣ неудачно вытравленныхъ клеймъ[2]).

Доселѣ въ своемъ перечнѣ мы ограничивались указаніемъ исключительно руководителей въ поморскомъ расколѣ. Но, разумѣется, въ свою очередь имѣли заглавныхъ дѣятелей и томскіе послѣдователи прочихъ безпоповщинскихъ толковъ. Ѳедосѣевскій наставникъ Ив. Кривоноговъ[3]), завѣдуя ѳедосѣевской, въ д. Выдрихѣ, часовней, не жалѣлъ энергіи на то, чтобы улавливать новыхъ сторонниковъ своего толка изъ среды прихожанъ Секисовской единовѣрческой церкви. Другой ѳедосѣевскій учитель Карпъ Ив. Раченковъ фанатизировалъ своихъ духовныхъ дѣтей въ дер. Бутаковой до страшной ненависти ко всему иновѣрному и къ православной церкви по преимуществу[4]). За 1870-ые и начальные 1880 гг. у ѳедосѣевцевъ с. Тарханскаго состояли наставниками Федоръ Шешунниковъ и Федоръ Ивановъ и у раскольниковъ того-же толка въ с. Бобровскомъ Гурій Костинъ[5]).

У часовенныхъ въ д. Батуриной въ 1850—1860-хъ гг. настоятельствовалъ бѣглый изъ ссыльныхъ Ив. Гавр. Зоринъ, наѣзжавшій въ Батурину съ р. Яи и здѣсь же въ Батуриной имѣвшій помощника въ лицѣ кр. Ѳеодосія Вагина[6]). Часовенными въ д. Ново-Подзорной духовно-руководили раскольническіе монахи сначала Варлаамъ, а потомъ Антоній, проживавшіе при молитвенномъ домѣ, устроенномъ кр. Годоваловыми[7]). Очень рьяный представитель часовенныхъ старикъ Егоръ Васинскій, имѣя постоянное мѣстожительство въ д. Благовѣщенской, бродилъ отсюда и по многимъ др. деревнямъ Маріинскаго округа Появляясь тамъ и сямъ, онъ давалъ какія-

---

[1]) Благочинническій отчетъ Маріинскаго протоіер. о. Вишнякова за 1893 г.

[2]) Дѣло Томск. консист. за 1871 г. безъ описи

[3]) Д въ арх губ прав, св 734.

[4]) Приходскій за 1884 г. отчетъ свящ. с. Риддерскаго о. Іоанна Юрьева.

[5]) Благоч. отчетъ протоіер Дагаева за 1893 г.

[6]) Записка о Томскомъ расколѣ чинов. Квятковскаго въ дѣлѣ губ. прав. св. 106. № 4.

[7]) Отношеніе еписк. Алексія къ Томск. губернатору отъ 13 окт. 1867 г. въ арх. губ. пр. Сн. дѣло о раскольникахъ въ Ново-Подзорной въ арх. Томск. консист. 1867, № 15.

то секретныя наставленія ни счетъ крещеній повивальнымъ бабкамъ, читалъ надъ ними молитвы, писалъ разрѣшительныя грамоты для умершихъ и показывалъ не однимъ односогласникамъ, но и православнымъ картину съ изображеніемъ страшнаго дракона, при чемъ разъяснялъ и увѣрялъ напуганныхъ слушателей, что такой драконъ невидимо находится на престолѣ православной церкви и потому кто ходитъ въ православную церковь, тотъ кланяется дракону. При его задержаніи въ 1872 году у него были взяты большія связки книгъ и рукописей, но изъ Маріинскаго полицейскаго управленія онѣ вскорѣ исчезли. Кто-то услужилъ раскольникамъ и Васинскому и книги выкралъ [1]).

За отсутствіемъ данныхъ для сужденія, мы не знаемъ, къ какому толку въ расколѣ должны быть отнесены съ большимъ усердіемъ распространявшіе расколъ поселенцы изъ д. Девятовой (Богородской вол. Том. окр.) Мещеряковъ и причисленные къ Семилужной волости (Томск окр.) бр. Яковлевы[2]), бродяга изъ крестьянъ Чаусской вол. Вас. Табачниковъ и пришлецъ изъ Тамбовской губ. Мих Кильяшевъ, учительствовавшій въ д. Платовой (Бійск. окр.). Равно не легко сказать, какой секты держался поселенецъ Мокіевъ, расколоучительствовавшій въ Кузнецкомъ округѣ, ушедши сюда изъ мѣста своего причисленія—дер. Кудровой близъ Томска. Мокіевъ былъ взятъ на расколоучительствѣ въ Усть-Искитимскомъ приходѣ (Кузн. окр.) и у него были отобраны рукописи: а) „Катологъ о пути Божіемъ", б) „Сказаніе о двою брата: единъ въ мірѣ живущій, а другой имѣющій житіе странное" в) „Планидникъ, отъ мудрыхъ философовъ сложенный" и нѣсколько старопечатныхъ книгъ. По разсмотрѣніи рукописей, онѣ оказались переполненными хулами на правительство, духовенство и ученіе православной церкви о таинствахъ. По рукописямъ, антихристъ уже давно возобладалъ россійскимъ царствомъ. Царь Алексѣй Михайловичъ родился отъ дѣвки, а Петръ В. отъ колѣна Данова. Царь Петръ убилъ Еноха и Илью и Іоанна Богослова, засѣкъ патріарха, брата своего мечемъ прогналъ, а матерь на землѣ......" Въ титулѣ „императоръ" скрыто число антихристово—666. Имѣя въ виду такое содержаніе рукописей, нужно бы заключить, что Мокіевъ держался бѣгунства, но онъ, всегда откровенный и ни въ чемъ ни предъ кѣмъ не стѣснявшійся, настойчиво отказывался отъ солидарности со странниками. Въ дѣлѣ о Мокіевѣ имѣется собственноручно написанная расколоучителемъ докладная „Его Высокопревосходительству, господину генералъ-губернатору по всѣмъ сибирскимъ предѣломъ хозяину". Докладная является интереснымъ документомъ съ одной стороны потому, что напоминаетъ измышленные отвѣты того расколоучителя, который побѣдилъ всѣхъ въ консисторіи[3]),

[1]) Дѣло Том. консист. по об. оп. I стола № 39, 1870 г. Сн. д. въ арх. Губ. Пр., св. 108.
[2]) Д. въ арх. губ. прав. за 1856 г., въ св. 745.
[3]) Рукопись, очень распространенная въ расколѣ.

съ другой—указываетъ, какія странныя, полупомѣшанныя лица могли и могутъ находить успѣхъ въ темномъ расколо-сектантствѣ [1]).

Въ продолженіе 1870 и 80-хъ годовъ въ расколѣ Бухтарминской окраины пріобрѣлъ огромное значеніе Ясонъ Емельяновъ Зыряновъ. „Онъ учитель и раскольническій администраторъ, писалъ о немъ благоч. о. Правдинъ. Отъ него исходятъ всѣ распоряженія къ раскольникамъ, имъ составляются съѣзды, соборы". Онъ первый авторитетъ среди раскольниковъ—бухтарминцевъ, но, къ сожалѣнію, о. Правдинъ не обозначилъ, какому толку этотъ авторитетъ принадлежалъ и принадлежитъ.

Повторяемъ, мы исчислили только самыхъ главныхъ духовныхъ дѣятелей въ томскомъ расколѣ, оставивъ безъ перечня всѣхъ извѣстныхъ намъ лицъ этого разряда, такъ какъ полагаемъ, что такой перечень былъ бы не только утомителенъ, но и излишенъ.

Духовные руководители раскола, лже-архіереи и лже-попы въ поповщинѣ, наставники въ безпоповщинѣ, учительствуя, отправляя богослуженія и исправляя требы и, сверхъ того, совращая, православныхъ, представляли и представляютъ величины, группирующія около себя раскольническую среду въ томъ или иномъ ея толкѣ, придающія ей сплоченность, а чрезъ нея силу и жизненность. Съ тѣмъ же значеніемъ для раскола являются принадлежащіе ему молитвенные дома, часовни и скиты.

---

[1]) Вотъ содержаніе „докладной" — „Осмѣливаюсь Вашей милости доложить: я поселенецъ Іоаннъ Мокіевъ или Мокѣевъ. Прежде сужденъ былъ въ Астраханской губерніи въ 1841 году за бродяжество и былъ вопрошенъ Д. Консисторіей о духовномъ дѣлѣ.

Вопросъ: Коея ты вѣры?

Отвѣтъ: Греко-россійской, каѳолической вѣры. Исповѣдаю Господа нашего Іисуса Христа и содержу Его святой законъ и елико соборная церковь апостольская предала и на семи вселенскихъ соборахъ утвердила и запечатлѣла и всѣ седмь таинствъ имѣю и содержу.

Вопр: А что же ты къ намъ нейдешь и отъ насъ Тѣло и Кровь Христову не пріемлешь?

Отв.—Вы разумѣете-ли о какой вамъ церкви глаголю?

— О какой церкви глаголеши?

— Церковь значитъ сугубое существо.

— Что значитъ сугубое?

— Какъ сугубъ человѣкъ:—душа и тѣло, тако и церковь. Въ насъ два Адама, тако и писано есть: бысть первый человѣкъ Адамъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ (1 Коринѳ. 15, 45; Гал. 4, 46; Моисея 2, 7 и Римл. 5, 18). Господь пріиде къ намъ, исполнилъ законъ и предалъ намъ учитися отъ женъ Авраамовыхъ. Авраамъ два сына имѣ—единаго отъ рабы Агари—Измаила, а другаго Исаака отъ Сарры. Агарь—раба прилагается нынѣшнему Іерусалиму и потому въ нынѣшнемъ Іерусалимѣ присутствуетъ законъ (рабской) работы и сѣнь смертная и пустенъ сей Іерусалимъ добра такъ, что сводитъ насъ ко грѣху. И сей домъ съ чадами его отдается сатанѣ. А вышній Іерусалимъ прилагается къ Саррѣ. Тамъ почиваетъ законъ свободы, законъ вѣры и жизни. Потому, мы по Исааку, нарицаемся духовные христіане. Мы покланяемся вышнему Іерусалиму, имѣемъ іерея І. Христа, сына Божія.—Такова имамы первосвященника, иже сѣдѣ одесную престола величествія на небесѣхъ.—Святымъ (мы) служители и скиніи истиннѣй, юже водрузи Господь, а не человѣкъ.—Исповѣдуемся по чину Мелхиседекову самому Господу и благодатію причащаемся, а не отъ рукъ человѣческихъ (Іоан. 4, 24; Апокал. 21, 12; Евр. 12, 22; Евр. 4, 14; 8, 1; Евр. 1, 3; 3, 1. 2 Коринѳ. 10, 30; Кол. 2, 16).

Какъ кончилъ свой отвѣтъ, стою и смотрю на протопопа, взявшагося допросъ писать, и вижу: рука дрожитъ, перо дрожитъ. Часъ молчалъ, задумавшись.

— Что изволите молчать?—вопрошаю я. Отвѣчаетъ: нечего тебя спрашивать,—ступай въ свое мѣсто. И пошелъ отъ меня протопопъ въ уголовную палату и рекомендовалъ: эдакаго законника

IV.

Главнѣйшія часовни и моленныя по всѣмъ округамъ губерніи.—Походныя церкви у поповъ австрійскаго согласія.—Пустынники въ горахъ Алтая.—Особенно вліятельный отшельникъ Терентій Баяуевъ и неприступность мѣстности его отшельническаго пребыванія.—Пустынники въ кузнецкихъ и каинскихъ лѣсахъ.—Томско-Чулымская и Маріинская тайги, какъ мѣста убѣжища пустынно-жителей.—Скиты Пушникова, Батранина, Берестова и Мартынова.—Большой Маріинскій скитъ.—Скитъ учителя Илларіона.—Большой скитъ въ Алтайскихъ горахъ, исторія его открытія и кощунственная продѣлка со стороны покровителей алтайскихъ скитниковъ.—Скитъ въ Каинскомъ урманѣ и рѣшимость на самоумерщвленіе голодомъ взятыхъ изъ него обитателей.—Скиты въ лѣсахъ Нелюбинскихъ и Елгайскихъ и австрійскіе монастыри на р. Юксѣ.—Раскольничіе соборы и съѣзды.

Моленныя, устрояемыя при частныхъ домахъ, въ большинствѣ случаевъ въ домѣ или во дворѣ раскольническаго представителя или духовнаго предстоятеля, встрѣчались по губерніи почти въ каждой изъ деревень, въ томъ или иномъ количествѣ населенной раскольническимъ элементомъ. Приходится, какъ и во многихъ другихъ пунктахъ нашего обозрѣнія, ограничиться указаніемъ только того, что пользовалось въ томскомъ расколѣ наибольшею извѣстностію, что имѣло въ его жизни особую значимость. Изъ моленъ и часовень, существовавшихъ у раскольниковъ Бійскаго округа, наиболѣе уважаемыми и почетными, несомнѣнно, за ихъ давность признавались часовня Секисовская, основанная со времени поселенія въ с. Секисовкѣ „поляковъ“ и

Богъ далъ—впервой такого вижу и слышу. Послѣ того потребовали и меня въ уголовную палату; здѣсь занимались со мною разговоромъ благопристойнымъ и кроткимъ и, не стыдяся, изволили въ глаза сказать: „ну, дѣдушка, впервой такого судимъ и наостатки“. Однако сослали въ Сибирь. Прибылъ на мѣсто ссылки въ Тобольскую губ. въ 1842 г. и причисленъ былъ къ Боровской вол. Ишимскаго округа. Сталъ я здѣсь крестьянскую одежду шить и по всему міру таскаться, и стали люди обо мнѣ толковать: что такое, что онъ Богу не молится, т. е. иконамъ не кланяется и въ церковь не ходитъ? Дошло дѣло до духовной власти и одинъ попъ вздумалъ не отъ разума чужую овцу себѣ покорять и при народѣ силою благословлять. Еда ты лучше архіерея Іисуса Христа?—сказалъ я ему. По чину Мелхидекову имѣемъ мы пастыря. Мы единаго отца чада, но матери у насъ разныя. Вы чада Агари и работаете нижнему Іерусалиму, а мы чада Саррины и по Исааку принадлежимъ къ вышнему Іерусалиму. И поймался попъ за эти слова, составилъ лживую бумагу, якобы я церковь охулилъ и послалъ бумагу въ Тобольскъ. Но я и самъ послалъ отвѣтъ тобольскому архіерею. Архіерей, разсмотрѣвъ дѣло, отказался судить: „не обрѣтаю вины,—судите какъ хотите“. Потомъ послалъ изъ Тобольска члена консисторіи, при коемъ былъ окружный начальникъ. Посланные спросили меня: почему не ходишь въ церковь и не покланяешься иконамъ? (Отвѣтъ совершенно непонятенъ до словъ)... а священства нынѣшняго не признаемъ затѣмъ, что священники нынѣшніе отреклись Іисуса Христа и животворящій крестъ попрали, прельстившись Богомъ—вторымъ Іисусомъ. На томъ и кончилось. Не могли болѣе ни спросить, ни сказать, и рѣшили переселить меня въ Нарымъ - безлюдный край. Подоспѣли манифестъ и ревизія, и меня перевели томск губ въ Семилужную волость, въ Кудровскій десятокъ. Занялся я здѣсь тѣмъ же промысломъ,—портняжной работой. Случилось мнѣ прожить Пасху въ Сосновскомъ приходѣ и донесли причту, что какой-то поселенецъ Богу нашему не молится. Попъ задержалъ меня въ деревнѣ Русаковой, собралъ народъ и давай насильствовать и, насильствуя, нашелъ при мнѣ книги. А какъ можно книжнику безъ книгъ быти? Отправили меня въ земскій судъ, гдѣ распрашивали, гдѣ жилъ и кого училъ. Земскій судъ объяснилъ мнѣ: ищи поруку, и я тотчасъ поруку привелъ, но и нынѣ нахожусь подъ слѣдствіемъ.—Прошу вашу милость вступить въ законное распоряженіе и освободить отъ тиранства и насилія. Или дозвольте послать прошеніе Высочайшей власти—царю Александру Николаевичу. Когда нижнія начальства разсудить не могутъ, пускай Самъ разсмотритъ и судитъ, чему я достоенъ,—коея милости“. Д. о раскольникѣ Мокіевѣ въ арх. Губ. Прав., св. 102.

въ 1836 году обращенная въ единовѣрческую церковь, Плоская въ д. Плоской, построенная въ 1793 г.[1]), Ново-Шульбинская, заведенная тогда, когда Н.-Шульбинскій поселокъ выдѣлился изъ дер. Зѣвакиной, т. е. около 1802 г. [2]), въ дер. Выдрихѣ (ѳедосѣевскаго толка), основанная въ 1820 г. [3]), Шипуновская, Калманская и Нижне-Уймонская, основанныя въ 1815, 1817 и въ 1822 гг. [4]). Къ числу давнихъ по своему существованію должны быть отнесены и часовни въ бійскихъ деревняхъ: Черемшанкѣ, Быструхѣ, с. Алтайскомъ, Сибирячихѣ, Солоновкѣ, и по Бухтарминской волости—Кондратьевская и Тургусунская, но когда именно онѣ были застроены,—обозначить точно мы не имѣемъ данныхъ, за исключеніемъ данныхъ о двухъ послѣднихъ. Кондратьевская была заведена въ 1802, Тургусунская въ 1815 годахъ [5]). Болѣе новыя по времени возникновенія молитвенные дома въ дд. Воробьевой, Айской, с. Сѣнновскомъ пріобрѣли извѣстность вслѣдствіе того, что, по условіямъ своего мѣстонахожденія среди сплошного раскола, всегда привлекали къ себѣ молящихся въ большихъ количествахъ.

По Барнаульскому округу не было въ расколѣ часовни болѣе знаменитой, чѣмъ поморская часовня въ д. Шипициной. Ея высокій въ глазахъ раскольниковъ престижъ поддерживался не только ея древностію, восходящею чуть не ко временамъ Петра I, но и тѣмъ еще, что, по преданію, она была основана «на костяхъ мучениковъ». Исторія д. Шипициной за XVIII столѣтіе ознаменована случаями раскольническаго самосожигательства и самоубійства. Намъ, наприм., достовѣрно извѣстно, что въ 1752 году въ этой деревнѣ собралось къ „сгорѣнію" болѣе 50-ти человѣкъ съ расколоучителями Максимомъ Абрамовымъ, Семеномъ Кнутовымъ и Никифоромъ Соколовымъ во главѣ. Собраніе почему-то разошлось, сгорѣніе не состоялось, тѣмъ не менѣе „двѣ дѣвки"—Молокова и Некрасова, рѣшили если не сгорѣть, то потонуть и потонули въ р. Чумышѣ вскорѣ послѣ расхожденія злонамѣреннаго собранія [6]). Начальство. прослышавъ объ этихъ страшныхъ дѣлахъ, отправило изъ Барнаула въ Шипицину геодезіи прапорщика Старцева „съ пристойною командою" для того, чтобы взялъ и представилъ въ Барнаульское духовное правленіе на увѣщаніе вышеназванныхъ учителей Абрамова, Кнутова и Соколова. Прапорщикъ, захвативъ послѣдняго, подошелъ къ дому перваго. Но Абрамовъ съ семейными, крѣпко замкнувъ двери дома, команду къ себѣ не пустилъ. На уговоры офицера смириться и выйти изъ дома безъ всякаго опасенія, учитель объявилъ, что не выйдетъ, а если будутъ брать силою, то у него въ рукахъ ружье—„турка", у жены винтовка, у дочери пистолетъ, у сына два копья и, сверхъ того, на столѣ лежатъ два топора

[1]) Дѣло въ арх. губ. прав., св. 733 за 1839 г.

[2]) Д. о Ново-Шульбинской часовнѣ Въ арх. губ. пр, св. 105 № 191.

[3]) Д. въ арх. губ. пр. за 1842 г. св. 734.

[4]) Д. въ арх. Том. губ. прав, св. 733 за 1839 г.

[5]) Дѣло о снятіи колоколовъ съ раскольническихъ часовенъ. Въ арх. губ. прав., св. 108 № 359 за 1841 г.

[6]) Указъ Тобольск. митроп. Сельвестра Барнаул. заказчику протопопу Василію Иванову отъ 17 февр. 1754 г. № 320. Въ арх. Барн. д. правл.

и четыре ножа,—что живой съ домашними онъ не дастся, „а жить намѣренъ только до вечера". Вечеромъ домъ вспыхнулъ и на пепелищѣ пожара нашли шесть труповъ[1]). Тамъ, гдѣ катострофа самосожженія совершилась еще въ болѣе раннее время и въ болѣе грандіозномъ размѣрѣ,—на томъ самомъ мѣстѣ и основалась Шипицинская часовня, потому, пораскольнически, и вышло, что стояла она „на мученическихъ костяхъ".

Къ началу 1840-хъ годовъ названная часовая имѣла до 10000 прихожанъ, разсѣянныхъ не только по Барнаульскому, но Кузнецкому и Бійскому округамъ[2]). При часовнѣ состояло всегда нѣсколько наставниковъ и въ нѣкоторой зависимости отъ нея находились другія часовни, наприм., въ деревняхъ Шарчиной (Барн окр.), Солоновкѣ и Калманкѣ (Бійск. окр.) [3]). Отсюда намъ становится понятнымъ, почему часовня въ Шипициной именовалась въ расколѣ не иначе, какъ *соборной*.

Но въ предѣлахъ Барнаульскаго округа была еще соборная часовня въ дер. Жарковой Леньковскаго православнаго прихода, застроенная въ 1760 году. Титулъ соборной удерживала она, вѣроятно, потому, что около нея нерѣдко составлялись совѣщанія поморскихъ наставниковъ, съѣзжавшихся съ разныхъ концовъ губерніи [4]). Къ часовнѣ въ дер. Суэнгинской, существовавшей съ 1825 [5]) по 1846 г., тяготѣли всѣ раскольники обширной Легостаевской и частію Бердской волостей.

Кромѣ молельнь въ д. Желтоногиной во дворѣ кр. Ксенофонта Гутова и въ д. Кокуйской (Усть-Сосновскаго прихода Тарсминской вол.) при домѣ кр. Шубина, гдѣ въ 1870-хъ годахъ отправлялъ богослуженіе пустынникъ Макарій [6]), по Кузнецкому округу не было особенно извѣстныхъ учрежденій въ этомъ родѣ. Но очень широкою извѣстностію пользовались раскольничьи часовни Каинскаго округа въ дд. Кузминой, Тычкиной, Яркульской и Сибирцевой. О первой изъ нихъ крестьяне въ 1882 г. говорили, что она существуетъ „съ незапамятныхъ временъ" [7]), вторая была устроена въ 1806, третья въ 1813 и, наконецъ, четвертая, Сибирцевская въ 1814 гг. [8]).

Изъ этихъ давнихъ и „знаменитыхъ" часовень Яркульская считалась самой знаменитой, потому что и она была часовней „соборной" и, какъ таковая, привлекала къ себѣ множество богомольцевъ изъ всѣхъ деревень, прилегающихъ къ с. Меньшикову и изъ самаго этого селенія [9]).

---

[1]) Отношеніе Колывано-Воскр. гор. нач въ Барн. д. прав. 1754 г. апр. 15 дня. Въ арх. барн. д. прав.

[2]) Дѣло о присоедин. къ единовѣрію прихожанъ Шипицинской часовни. Въ арх. губ. прав. за 1844, св. 90, № 210.

[3]) Тоже дѣло.

[4]) Свѣдѣнія о состояніи Томск. раскола, собран. чиновникомъ Квятковскимъ въ д. губ. прав., св. 106, № 4. Сн. д. въ св. 102.

[5]) О заведеніи часовни въ 1825 г. см. ук. Тоб. Конс. въ Барн. д. Прав. отъ 10 дек. 1825 г. въ арх. Барн. дух. правл.

[6]) Дѣло Том. конс. за 1877 г. № 306.

[7]) Д. въ арх. Губ. прав. за 1882 г, св. 116, № 251.

[8]) Д. губ прав., возникшее по предписанію г.-губерн. Зап. Сибири о доставленіи ему свѣдѣній о расколѣ, № 2208 за 1824 г.

[9]) Д губ. прав., св. 116, № 251 за 1882 г.

Каинскій исправникъ, посѣтившій въ 1852 году часовни въ дд. Кузьминой и Тычкиной, былъ удивленъ ихъ благоустройствомъ. Въ той и другой висѣли очень богатыя для деревень паникадила, стѣны почти сплошь были заставлены большими и хорошо написанными иконами. Обиліе старопечатныхъ книгъ составляло чуть-ли не лучшее достояніе обѣихъ часовень. Всѣ главныя части въ ихъ украшеніи и ихъ имуществѣ были присланы для одной раскольниками съ Вытегры, для другой—съ Выга [1]).

Вмѣсто старой обветшалой молельни въ д Ново-Ложниковой (Каин. окр.), мѣстный расколоучитель Кл. Чаунинъ при пособіи одновѣрцевъ соорудилъ къ 1860-мъ годамъ новую. Расколоучитель Чаунинъ, писалъ свящ. с. Кыштовскаго о Смирновъ въ 1865 г., отправляетъ богослуженіе въ своей часовнѣ со всею торжественностію. Великимъ постомъ текущаго года онъ служилъ на первой, третьей, четвертой и послѣдней недѣляхъ, при чемъ говѣющихъ часовня едва вмѣщала. На утрени, въ первый день пасхи, пѣніе канона совершалось на обоихъ клиросахъ. Многіе изъ православныхъ, которые за отдаленностію не могли быть въ свѣтлый праздникъ въ церкви, были на богослуженіи у Чаунина, хотя имъ и запрещено было здѣсь молиться. Обстановка богослуженія въ новой красивой часовнѣ, старинное крюковое пѣніе, раздѣльное чтеніе Чаунина слова Златоуста: „аще кто блогочестивъ...“ произвели на православныхъ большое впечатлѣніе. Всѣ они на пути къ отпаденію отъ церкви“.—„Я самъ былъ въ молельнѣ Чаунина, говорилъ благочин. Александръ Калугинъ. Просторная моленная раздѣлена на двѣ половины и въ обѣихъ устроены голландскія печи. Передняя стѣна вся уставлена св. иконами, предъ которыми въ лампадахъ горѣли толстыя свѣчи. Въ углу на особомъ аналоѣ лежало большое евангеліе и около аналоя на лавкѣ былъ сложенъ полный кругъ богослужебныхъ книгъ, въ томъ числѣ въ особомъ нанковомъ мѣшечкѣ уже довольно подержанный требникъ, который берется въ разъѣзды для отравленія требъ. Хотя я побывалъ на богослуженіи въ моленной въ будній день (въ мартѣ 1865 года), но богослуженіе происходило при стеченіи многихъ мѣстныхъ и окрестныхъ крестьянъ“ [2]).

Въ продолженіе 1820 и 1830 годовъ въ самомъ г. Томскѣ существовала большая моленная при домѣ купца Мыльникова. До тѣхъ поръ, пока служилъ въ ней попъ Ив. Мих Грузинскій, она служила объединительнымъ пунктомъ для всѣхъ послѣдователей бѣглопоповщины, разсѣянныхъ на пространствѣ отъ Томска до Бійска и даже далѣе него. Въ роли связующаго-же пункта въ г. Томскѣ имѣлась еще другая часовня, заведенная посельщикомъ Кривошеинымъ для поморцевъ не только городскихъ, но и окружныхъ. По настоятельному требованію начальства она была закрыта въ 1856 году [3]). Моленная въ д. Батуриной привлекала къ себѣ многихъ

---

[1]) Дѣло въ арх. губ. прав. св. 738 за 1851 г.

[2]) Д. о расколоучителѣ Чаунинѣ. Въ арх конс. № 90 за 1865 г.

[3]) Описаніе дѣлъ по расколу, состоящихъ въ производствѣ Томск. судебныхъ мѣстъ за 1854—1856 гг. Въ арх. губ прав.

старообрядцевъ въ силу того обстоятельства, что сюда часто наѣзжалъ начитанный учитель по часовенному толку выше упомянутый Ив. Гавриловъ Зоринъ [1]).

Въ д. Ново-Подзорной, Маріин. округа, за 1860-ые годы имѣлись двѣ часовни – одна у кр. Ивана Азанова, другая во дворѣ кр. Годовалова. Послѣдняя пользовалась сравнительно бо́льшей славой и уваженіемъ, потому что при ней постоянно проживалъ кто-нибудь изъ раскольническихъ подвижниковъ —иноковъ [2]).

Въ заключеніе своего краткаго обозрѣнія предмета о раскольническихъ часовняхъ необходимо упомянуть, что съ тѣхъ поръ, какъ появились въ губерніи попы австрійскаго согласія, каждый изъ нихъ владѣетъ походною церковію для служеній по разнымъ мѣстамъ пребыванія односогласниковъ. А нѣкоторые изъ поповъ, кромѣ походныхъ церквей имѣли, кажется, въ своемъ завѣдываніи и постоянные храмы, прикрываемые именемъ молитвенныхъ домовъ [3]). Не забудемъ, наконецъ, о молитвенномъ домѣ въ дер. Выдрихѣ, въ коемъ по архіерейски отправлялъ богослуженіе лжеепископъ Меѳодій.

Пустыножительство было частымъ явленіемъ въ томскомъ расколѣ въ теченіе XVIII столѣтія, но въ широкихъ размѣрахъ стремленіе къ нему выразилось и за время, нами описываемое. Не мало уходило на пустыножительство раскольниковъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, но еще больше пустынниковъ было изъ пришлыхъ, находившихъ въ сибирскихъ лѣсахъ и горахъ самыя благопріятныя условія для уединеннаго богомолія и для избѣжанія отъ опасности быть уловленными въ сѣти антихриста.

Въ 1836-мъ году томскій прокуроръ далъ знать губернатору, что переселившійся изъ Оренбургской губ. въ 1825 г. и причисленный къ дер. Ай кр. Денисъ Абабковъ привезъ съ собою человѣка, коего ложно выдаетъ за отца своего Варѳоломея, и что этотъ мнимый Варѳоломей проживаетъ гдѣ-то въ лѣсныхъ горахъ, куда для богомолья приходятъ къ нему какіе-то другіе люди, затѣмъ неизвѣстно куда скрывающіеся. Бійскій исправникъ получилъ приказаніе розыскать бѣглаго. Исправникъ донесъ потомъ, что мнимаго Варѳоломея, а въ дѣйствительности раскольническаго монаха Іосифа, онъ нашелъ въ избушкѣ въ 50-ти верстахъ отъ дер. Тавдинской и не вдалекѣ отъ Іосифа въ кельѣ проживалъ еще раскольническій монахъ по имени Власій. Кромѣ того, высланный на поиски казачій урядникъ нашелъ за той же Тавдинской третьяго раскольническаго подвижника Понсія, устроившаго себѣ помѣщеніе въ кедровомъ дуплѣ „среди неприступныхъ скалъ". Всѣ трое облекались въ схимническое одѣяніе и Іосифъ имѣлъ при себѣ запасной агнецъ, просфоры и деревянную чашечку, сдѣланную на подобіе потира и, очевидно, служившую вмѣсто него. Понсій и Іосифъ оказались изъ россійскихъ добровольныхъ переселенцевъ, а Власій, по фамиліи Нечуевъ, изъ поселенцевъ

---

[1]) Свѣдѣнія о расколѣ, собран. Квятковскимъ.

[2]) Дѣло томск. консист. о раскольникахъ въ д. Ново-Подзорной по оп. № 15 за 1866 г.

[3]) Д. Бѣликовъ. Расколъ въ Том. губ. по судебн. даннымъ, стр. 32.

Енисейской губерніи, куда былъ сосланъ за бродяжничество и продолжительное укрывательство въ Оренбургскихъ лѣсахъ [1]).

Въ 1839—40 гг. производилось большое слѣдственное дѣло по поводу намѣренія раскольниковъ на побѣгъ въ Бѣловодье, причемъ происходили строгіе обыски въ Алтайскихъ горахъ около деревень Сибирячихи, Солонечной, Большого и Малаго Бощелаковъ. Обнаружилось, что на горной вершинѣ, именуемой Медвѣдихой, въ пустынной кельи занимался тогда богомольемъ уже извѣстный намъ Ив. Михайловъ, а въ 15 верстахъ отъ д. Солонечной, на горѣ Бутачихѣ, „въ прочно устроенномъ, окруженномъ дикими ущельями, домикѣ, спасался также упомянутый нами расколоучитель Николай Медвѣдевъ, пришедшій изъ Златоустовскихъ заводовъ. Затѣмъ между пасѣками крестьянъ названной деревни Солонечной Як. Березовскаго и Василія Сажина сыщики натолкнулись на пещеру съ только лишь вытопленной печью и въ пещерѣ нашли монашескую власяницу, деревянный крестъ, подручникъ и сухари, но кто былъ обитателемъ пещеры—осталось неизвѣстнымъ [2]).

Тѣмъ-же сыщикамъ удалось открыть еще замѣчательную отшельническую избу. Она стояла на вершинѣ Сорочинскаго бѣлка и если имѣла къ себѣ доступъ, то крайне затруднительный и опасный, такъ какъ приходилось идти вѣчнымъ ледникомъ съ его скользинами, съ его трещинами. Въ этой избѣ уединенно подвизался сынъ крестьянина Земирова Ѳедосъ—юноша всего 19 лѣтъ. Юношу взяли и, забравъ изъ кельи принадлежавшія ему книги и рукописи, „полныя самыхъ фанатическихъ ругательствъ на церковь и правительство", самого привели въ дер. М.-Бащелакскую. Здѣсь Ѳедоса заковали въ кандалы и отдали подъ охрану деревенской стражи, но, „по безпечности стражи", арестованный бѣжалъ въ первую же послѣ задержанія ночь. Производившій розыски засѣдатель инородной управы вызвалъ для отысканія бѣглеца урядника 9-го линейнаго казачьяго полка съ отрядомъ изъ казаковъ. Военнымъ поимщикамъ согласился показывать путь братъ бѣжавшаго Яковъ Земировъ. Долго онъ водилъ казаковъ по огромнымъ крутизнамъ и стремнинамъ и, намучивъ ихъ до полнаго изнеможенія, самъ на одной изъ горныхъ извилинъ скрылся изъ ихъ глазъ почти внезапно и безслѣдно. Казаки поняли, что проводникъ кружилъ ихъ по ложнымъ путямъ, вернулись въ Бощелакскую съ большимъ трудомъ и, послѣ разсказа о своей неудачѣ, извѣстили засѣдателя, что въ неприступныхъ горахъ издали видѣли еще три избы, несомнѣнно, принадлежавшія пустынножителямъ же изъ раскола. Чтобы изловить Земировыхъ, засѣдатель приказалъ казакамъ оцѣпить деревню и зоркимъ образомъ слѣдить: кто изъ крестьянъ пойдетъ въ горы для предполагаемой передачи бѣглецамъ пищи. Эта мѣра оказалась дѣйствительнѣе поисковъ. Истощенные голодомъ юноши Земировы вышли изъ ущелій и объявились въ де-

---

[1]) Д въ арх. губ. прав., св. 86 № по архиву 5471.

[2]) Дѣло том. губ. суда о намѣреніи нѣкоторыхъ крестьянъ Алтайской вол. бѣжать на Бѣловодье. Въ арх. губ. пр., св. 217.

ревнѣ [1]). Мы лишены свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ бр. Ѳедоса и Якова, но знаемъ, что въ слѣдующемъ 1840-мъ году ушли въ горы для душеспасенія и сами ихъ родители Парѳенъ и Наталья Земировы, а за ними и односельчане Григорій Останинъ съ сестрами, дѣвицами—Аксиньей и Прасковьей [2]).

Въ 1840-мъ же году открыто было, хотя безъ обитателей, пять пустынническихъ избушекъ, раскиданныхъ тамъ и сямъ въ лѣсныхъ горахъ за дер. Чечулихой [3]).

Пустынниковъ на вершинахъ и въ ущельяхъ Алтая мы постоянно встрѣчаемъ и въ послѣдующіе годы. Въ 1842-мъ году ушли въ горы для богомолья кр. Барнаульской вол., д. Красноярской, Зотѣй Владиміровъ съ сожительницей, называемой имъ своей стряпкой,—дѣвицей Парасковьей Чердынцевой [4]). Въ началѣ 1850-хъ гг. забрели въ горный алтайскій край крестьяне Тобольской губ. Ишимскаго окр. дер. Макаровой Никифоръ Ѳедоровъ и Ив. Михѣевъ съ цѣлью проникнуть отсюда на Бѣловодье „около китайскихъ предѣловъ". Дошедъ до д. Малаго Бощелака, они остановились у кр. Артемія Сердцова. Послѣдній идти имъ на Бѣловодье отсовѣтывалъ и какъ божіимъ людямъ, во спасеніе своей души. устроилъ пришельцамъ пріютъ на высокомъ Обскомъ бѣлкѣ при истокахъ рч. Боровлянки, гдѣ они „занимались богомоліемъ", только изрѣдка спускаясь съ бѣлка на пасѣку Сердцова, доставлявшаго имъ пропитаніе [5]). Въ 1859 г. найденъ былъ спасающимся въ верховьяхъ Бухтармы заводскій кр. Илья Козловъ [6]) и на другой сторонѣ Алтая по рч. Волчихѣ въ пустынножительствѣ пребывалъ кр. дер. Выдрихи Трофимъ Санаровъ, захваченный засѣдателемъ Ананьинымъ въ 1863 году [7])

Въ 1867 г. въ дер Калманкѣ (Бар. окр.) былъ задержанъ бродячій человѣкъ, у котораго въ котомкѣ оказались деревянный крестъ, святцы, псалтирь, икона Божіей Матери, а также четыре свинцовыхъ фальшивыхъ печати и нѣсколько экземпляровъ паспортовъ на разныя имена и изъ различныхъ мѣстъ. Бродячій человѣкъ сначала назвался крестьяниномъ Оренбур. губ. Васил Перфильевымъ Кондратьевымъ, а затѣмъ сказалъ о себѣ, что онъ колыванскій мѣщанинъ изъ пермскихъ переселенцевъ Данило Алексѣевъ Жулановъ,—„вѣры спасовой христіанской". Послѣ приписки въ мѣщане г. Колывани, разсказывалъ Жулановъ, „ушелъ я на работы къ Томску и жилъ на пасѣкѣ около д. Бѣлобородовой у кр. Пермской губ. Кунгурскаго уѣзда Спиридона Ѳедорова Рагузина. Не былъ доволенъ малой платой за работу и пошелъ къ Бійскому округу. Около р. Берди встрѣтился съ пѣшимъ человѣкомъ, назвавшимся кр. Пензенской губ. Ив. Ефимовымъ,

---

[1]) Тоже дѣло.
[2]) Дѣло губ. прав. въ его архивѣ, св. 735 за 1846 г.
[3]) Д. о намѣреніи бѣжать на Бѣловодье.
[4]) Д. Томск. губ суда, св. 69 за 1843 г
[5]) Д. въ арх губ. прав., св. 128.
[6]) Д. въ арх. губ. прав., св. 129.
[7]) Д. въ арх. Томск. консист. по оп. I ст. № 138 за 1868.

разговорился, познакомился съ нимъ и оба отправились подыскивать уединенное мѣсто, чтобы жить въ пустыни для богомолья. Нашли уединенное мѣсто въ 50 верстахъ за д. Тавдинской въ горахъ и здѣсь изготовили себѣ избушку. Въ богомоліи мы провели въ избушкѣ 3 года, покупая хлѣбъ у неизвѣстныхъ людей. Въ августѣ 1867 г. товарищъ мой ушелъ для пріисканія въ селеніяхъ какихъ либо церковныхъ книгъ, но назадъ не возвратился. Послѣ того и я покинулъ избушку и отправился по направленію къ Томскому округу. Печати и паспорты нашелъ въ мѣшечкѣ, покинутомъ товарищемъ моимъ Ефимовымъ" [1]).

Можетъ быть въ разсказѣ Жуланова не все правда, но во всякомъ случаѣ правда то, что пустынникомъ на Алтаѣ онъ, Жулановъ, дѣйствительно жилъ.

Внукъ кр. д. Тайны Ив. Ощепкова, мальчикъ 8 лѣтъ, на слѣдствіи по одному дѣлу, возникшему въ 1856 году, показывалъ, что однажды дѣдушка бралъ его съ собою въ лѣсную чащу по рѣкѣ Ишу. Плыли на лодкѣ до какой-то высокой горы, гдѣ въ ущельѣ, прикрытая кустами, таилась избушка и въ избушкѣ жилъ и молился сѣденькій старичекъ. [2]) Крестьянинъ дер Березовки (Ануйск. вол.) Михей Останинъ, сошедшійся сводным бракомъ съ православной дѣвицей Лихачевой, на вопросъ: кѣмъ былъ крещенъ?— отвѣтилъ: „монастырскими старичками". Свящ. Корольковъ пояснилъ, что старички-пустынники всегда имѣлись въ горахъ около Уймоновъ, имѣются они и теперь (въ 1871 г.), находя покровительство на сторонѣ уймонскихъ жителей и въ особенности у кр. Ошлаковыхъ—„самыхъ ярыхъ раскольниковъ" [3]).

Чтобы видѣть, въ какой дали и глуши жили такіе „старички" и какимъ уваженіемъ пользовались они въ средѣ окрестныхъ крестьянъ-старообрядцевъ, изложимъ съ нѣкоторой подробностію дѣло о взятіи въ алтайскихъ горахъ раскольническаго старца Терентія Балуева.

Между православными жителями Смоленской вол. (Бійск. окр) давно шла молва, что раскольники ходятъ къ какому-то пустынному иноку, предъ которымъ благоговѣютъ и у котораго привыкли испрашивать молитвъ и благословенія на всякое общественное и тѣмъ болѣе на семейное дѣло. Знали объ этомъ и православные жители дер. Устюбы, переселившіеся сюда изъ Россіи въ концѣ 1850-хъ годовъ. Житье переселенцевъ среди окружающихъ „кержаковъ" и при постоянныхъ стѣсненіяхъ съ ихъ стороны было незавидное. Естественно, что и „новоселы" не питали особенной пріязни къ стѣснителямъ-старожиламъ и были непрочь дать это имъ почувствовать, сслибы къ тому представился случай. За случай по отношенію къ укрывающемуся старцу ухватился переселенецъ Ив. Юркинъ, выразивъ засѣдателю непрошенную готовность выслѣдить отшельника въ его жилищѣ. Засѣдатель далъ Юркину такой нагоняй, послѣ котораго онъ надолго не

---

[1]) Д. Барнаул. окр суда 1868 г. въ арх. Томск. консист., безъ описи.

[2]) Дѣло Томск. губ. суда о сводн. бракахъ кр. Смолен. вол. и объ убійствѣ кр. Пахарева. Въ арх. губ. прав., св. 746.

[3]) Д. том консист. по об. оп. I ст. за 1872 г., № 4.

смѣлъ и думать объ инокѣ. Лѣтомъ 1867 г. по Алтаю для осмотра православныхъ церквей проѣхалъ томск. преосвящ. Алексій и при проѣздѣ нашелъ нужнымъ выразить замѣчаніе духовенству за его слабое вниманіе къ разнымъ проявленіямъ въ жизни мѣстнаго раскола. Принявъ къ сердцу слова архипастыря, свящ. миссіонерскаго селенія Маймы о. Щ..... рѣшилъ быть наблюдательнѣе и ревностнѣе къ старообрядческимъ дѣламъ и немедленно вступилъ въ переговоры съ Устюбинскими переселенцами, „прося ихъ отыскать и если возможно поймать" таинственнаго и авторитетнаго въ расколѣ наставника.

Не задолго до праздника Рождества Христова тотъ-же Юркинъ, Алексѣй Исаковъ и Герасимъ Шевелевъ отправились на звѣриный промыселъ— «козловать», т. е. бить дикихъ козъ. Подвигаясь высокими горами, промышленники въ одномъ мѣстѣ учуяли запахъ дыма и заинтересовались: откуда онъ въ такомъ пустомъ и дикомъ мѣстѣ? Юркинъ надернулъ на ноги маслыки [1]) и, спустившись внизъ сажень на 50, увидѣлъ дымъ „точно изъ печи" и далъ знать товарищамъ, чтобы принесли запасныя веревки изъ вьюковъ, которые были на лошадяхъ. Всѣ втроемъ спустились по веревкамъ еще сажень на 30 и остановились „на прилавкѣ". Съ прилавка еще ниже по горѣ замѣтили келью и потомъ вышедшаго изъ нея человѣка, который началъ разгребать снѣгъ.—„Мы, разсказывалъ Исаковъ, стали спускаться къ нему уже безъ веревокъ и когда подошли близко, окрикнули: что за человѣкъ и съ кѣмъ живетъ? Пустынникъ отвѣтилъ, что онъ инокъ Терентій и живетъ въ этой кельѣ одинъ, при чемъ позвалъ насъ къ себѣ въ келью. Келья пятистѣнная изъ двухъ комнатъ съ сѣнями. А вблизи нея другая малая келья въ одну комнату. Обѣ крыты драньемъ и обѣ съ окнами, изъ которыхъ видно внизъ очень далеко во всѣ стороны, а снизу замѣтить ихъ по высотѣ и крутизнѣ горы невозможно... Инокъ накормилъ насъ обѣдомъ: тыквой съ медомъ, вареной рыбой съ печенымъ хлѣбомъ и сухарями. Осмотрѣвъ келью, мы увидѣли домохозяйство полное: много деревянной посуды, кадокъ, бадеекъ, лагуновъ и берестяныхъ туясьевъ. Въ запасѣ нашлась рѣпа, брюква, соленая колба, капуста, мука, крупа, соленая рыба - нельмина и тальменина, медъ и воскъ. Терентій объяснилъ, что все это доставляютъ ему окрестные крестьяне чрезъ „довѣреннаго" изъ дер. Тавды Артемія Косого. Изъ кельи Терентій повелъ насъ къ пещерѣ, въ которой жилъ прежде. Мы лазили въ пещеру, въ ней изба небольшая, — выходъ прикрытъ каменными плитами. Недалеко отъ пещеры на склонѣ горы поставленъ деревянный крестъ, вышиною въ два слишкомъ аршина. Когда мы собрались уходить, инокъ далъ намъ на дорогу съ безмѣнъ (2 /2 фун.) меду. Несмотря на это, мы всетаки сочли нужнымъ отобрать у него псалтирь".

Можетъ быть звѣропромышленники, скоро вернувшіеся домой, и не стали бы доносить на гостепріимнаго отшельника, но, продолжимъ словами Иса-

---

[1]) Желѣзныя подковы съ рогатками, при помощи которыхъ можно ходить по крутымъ косогорамъ.

кова, рано утромъ на другой день послѣ нашего возвращенія явился въ нашу деревню изъ дер. Шульгина-Лога крестьянинъ Маркъ Осокинъ съ понятыми и, отыскивая покраденный у него медъ, потребовалъ произвести у насъ обыскъ. Обыскъ начался съ Юркина. Когда увидѣли у него медъ, данный Терентіемъ, Осокинъ сталъ завѣрять, что это медъ его, что такого именно меда у него покрадено 24 пуда. Юркинъ говорилъ, гдѣ взялъ медъ, но раскольники не вѣрили. Съ обыскомъ перешли ко мнѣ. Я показалъ взятую у пустынника псалтирь, и раскольники оробѣли. Послѣ того всѣ мы, новоселы, начали настаивать, чтобы ѣхать и взять Терентія, но кержаки упирались, оттягивали время. Да и мы, признаться, побаивались ѣхать, потому что по дорогѣ насъ можно было перебить и упрятать. Отправивъ кр. Шевелева въ с. Улалу съ объявленіемъ засѣдателю, мы, православные, взялись зорко слѣдить, не пойдетъ-ли кто изъ раскольниковъ предупредить Терентія. Узнавши, что засѣдатель оповѣщенъ, раскольники сначала кричали: „затопчемъ деньгами это дѣло“, а затѣмъ, по требованію старосты, гурьбою отправились за инокомъ вмѣстѣ съ нами. Когда прибыли на мѣсто, мы пошли въ гору къ кельѣ, а раскольники стали внизу, не двигаясь. Спустившись съ горы, Терентій подошелъ къ толпѣ одновѣрцевъ, поклонился имъ въ ноги со словами: „простите, благословите и помолитесь о мнѣ“. Изъ толпы выступилъ Перфилъ Чикинъ, поклонился старику три раза до земли и отвѣтилъ: „насъ прости и благослови—о насъ многогрѣшныхъ молись.“

Въ дополненіе показаній Исакова свящ. Щ..... писалъ: когда означенный Терентій былъ пойманъ, то крестьяне-раскольники не могли скрыть своей печали о дорогой потерѣ и изъявляли сочувствіе отшельнику тѣмъ, что а) отказались содѣйствовать при его взятіи изъ кельи, б) послѣ поимки кр. Чикинъ трижды поклонился ему до земли, в) имѣли намѣреніе и уже собирались отнять его близъ д. Шульгина-Лога, когда везли его въ Бійскій острогъ, г) донынѣ всѣми мѣрами стараются вредить крестьянамъ, его поймавшимъ, а прежде давали имъ 200 и мнѣ 500 руб., чтобы загасить дѣло.

На допросѣ Терентій далъ показаніе:—я, Тарасъ Балуевъ, 80-ти лѣтъ, изъ Пермской губ. Оханскаго уѣзда дер. Починокъ помѣщичій крестьянинъ граф. Строгоновой. Грамотный. По вѣрѣ старообрядецъ, пріемлющій священство. Ушелъ съ родины назадъ тому 20 лѣтъ съ билетомъ. Дошедъ до Томска, остановился сначала въ Спасской волости, около дер. Батуриной, на заимкѣ неизвѣстнаго человѣка и жилъ здѣсь съ инокомъ Евстафіемъ, который благословилъ на иноческое пустынножительство и меня, причемъ надѣлъ на меня мантію или кафту и камилавку, далъ запасное причастіе и мѣдную кадильницу. Съ Батуринской заимки я перешелъ въ алтайскую пещеру чрезъ деревни Каянчу и Аю и жилъ въ пещерѣ, пропитываясь хлѣбомъ, приносимымъ неизвѣстными людьми. Взятыя у меня письма писаны неизвѣстными людьми и кто доставлялъ мнѣ ихъ—не знаю. Отобранные у меня четыре иконы, мѣдные складни, книги: слѣдованная псалтирь, уставъ о постахъ и домашнихъ молитвахъ, канонникъ и собраніе разныхъ (о рас-

колѣ) постановленій, принесены мною изъ дома. Два вѣнчика и разрѣшительныя молитвы получены мною отъ тѣхъ-же людей, которые писали мнѣ письма. Восковыя свѣчи доставлены людьми неизвѣстными.

Начальникъ Алтайской дух. миссіи протоіерей о. Стефанъ Ландышевъ, которому было поручено участіе въ слѣдствіи по дѣлу Терентія, произвелъ осмотръ мѣстности, гдѣ былъ захваченъ послѣдній. Мѣсто это, писалъ онъ, на горѣ, примыкающей къ р. Катуни съ лѣвой стороны, въ 5 верстахъ отъ дер. Тавды. Отъ подошвы горы до келій Терентія 500 или даже 600 саженъ и столько же саженъ, если къ кельямъ спускаться съ вершины горы. Но какъ снизу, такъ и сверху, доступъ къ нимъ одинаково труденъ, зимой особенно; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно подниматься или спускаться не иначе, какъ только при помощи веревокъ. Тщательное обслѣдованіе горы, на протяженіи одной осмотрѣнной версты, обнаружило 9 келій, большею частію ветхихъ, съ изломанными полами. Всѣ онѣ расположены въ той части горной возвышенности, до какой можно достигнуть съ чрезвычайнымъ трудомъ. Вообще, заключилъ о. Ландышевъ свое донесеніе, въ этой пустынной мѣстности по хребту, состоящему изъ сплошныхъ скалистыхъ и лѣсныхъ горъ, въ длину отъ деревни Каянчи до заводимаго Шульгинскими раскольниками заселка, на пространствѣ 30 вер., могутъ съ большимъ удобствомъ укрыться цѣлые скиты раскольническихъ коноводовъ [1]).

Разумѣется, искавшіе пустыннаго жительства находили въ губерніи не мало и другихъ потаенныхъ пристаницъ, помимо горныхъ вершинъ и ущелій колоссальнаго Алтая. Въ 1844 г. удалился въ кузнецкую чернь упорный раскольникъ Дормажевъ и, кажется, остался не разысканнымъ [2]). Около того-же времени ушли въ лѣсъ для душеспасенія крестьяне Тутальской вол. (Кузнец. окр.) Петръ, Прокопій и Гавріилъ Гутовы, подговоренные къ пустынничеству какими-то неизвѣстными лицами. Ихъ вывели изъ уединенія, но вскорѣ они скрылись въ еще болѣе глухое мѣсто, захвативъ съ собою новаго товарища въ лицѣ кр. Косминской вол. Прокопія Титова [3]). Въ 1846 г. совратился въ поморскую секту горно-заводскій кр. Тропинъ и вскорѣ потомъ бѣжалъ для богомолія въ урманъ въ 40 верстахъ отъ дер. Тырышкиной (Каин. окр.), гдѣ подвизался вмѣстѣ съ выходцами изъ Пермской губерніи Савел. Горбуновымъ и Чухловыми [4]).

„Томская или Томско-Чулымская тайга, писалъ знатокъ ея населенія г. Щербаковъ, давно извѣстна своимъ гостепріимствомъ не только раскольникамъ Сибири, но и ихъ собратьямъ по вѣрѣ въ Европейской Россіи. Почти каждый изъ послѣдователей какого-либо раскольническаго толка съ наслажденіемъ слушаетъ разсказы объ удобствахъ спасенія души, представляемыхъ тишиной этой обширной и глухой тайги“ [5]). Поэтому не-

---

[1]) Дѣло о поимкѣ Балуева въ арх. Том. консист. по об. оп. I ст. № 28. Нач. въ 1867 г.

[2]) Д. въ арх. губ. прав. за 1851 г., въ 738.

[3]) Д. въ томъ же арх. за 1844 г., св. 733.

[4]) Дѣло канцеляріи главн. начальника Алтайскихъ заводовъ за 1854 г. № 1336. Въ арх. Алтайск. горн. управ. въ городѣ Барнаулѣ. Сн. д. губ. прав., св. 106, № 4.

[5]) Томская тайга. Рук. Щербакова, стр. 1.

удивительно, что раскольники, искавшіе уединеннаго и сокровеннаго пребыванія, тянулись въ нее съ рвеніемъ не меньшимъ, какъ шли и въ горныя дебри. Заимщики, арендовавшіе и арендующіе въ Томско-Чулымской тайгѣ мѣста для дѣйствительнаго заведенія пасѣкъ или только подъ предлогомъ такого заведенія, всѣ должны быть отнесены къ разряду раскольниковъ-пустынниковъ, хотя-бы и жили на своихъ заимкахъ семейно. Но всегда имѣлись и имѣются въ той-же тайгѣ „старцы", обитающіе въ самовольно построенныхъ кельяхъ въ условіяхъ иноческаго состоянія. Это отшельники въ собственномъ смыслѣ,—люди, пользующіеся среди таежныхъ кержаковъ особеннымъ уваженіемъ и почетомъ. Щербаковъ въ своей запискѣ о Томской тайгѣ, писанной въ 1894 году, указываетъ въ числѣ главныхъ пустынниковъ многихъ лицъ, поселившихся въ таежныхъ кельяхъ уже съ давнихъ лѣтъ. Среди нихъ учитель тюменскаго толка Ив. Фотѣевъ Суриковъ пришелъ въ лѣса, предварительно раздавши родственникамъ все свое нажитое торговлею имущество приблизительно на 50000 руб. [1]). Болѣе поздній пришелецъ, по фамиліи Бѣлоусовъ, рѣшилъ искать спасенія въ тайгѣ, покинувъ свою обширную торговлю и большой каменный домъ въ Нижнемъ-Новгородѣ [2]). Имѣются въ Томско-Чулымской тайгѣ, по словамъ названнаго автора, представители чуть не всѣхъ сектъ и согласій, но особенно изобиловала и изобилуетъ она послѣдователями бѣгунства въ видѣ денежниковъ и безденежниковъ, статейниковъ и противостатейниковъ. „Странники занимаютъ отдѣльныя другъ отъ друга помѣщенія, тщательно укрывая ихъ отъ посторонняго глаза. Съ наступленіемъ зимы они на лыжахъ выползаютъ изъ своихъ норъ за провіантомъ, избирая для этого время паденія густого снѣга или сильной пороши, чтобы послѣ прохода не было видно слѣдовъ лыжницы" [3]).

Всегда влекла къ себѣ пустынножителей изъ раскола и Маріинская тайга, не менѣе обширная, глухая и угрюмая, какъ и тайга Томско-Чулымская. Въ 1849 г. ушли въ маріинскіе лѣса для жительства въ кельяхъ кр. Сурановы и Куляевы. Туда же и для того-же удалились около 1860 г. раскольники Ив. Холостовъ и Пав. Малышкинъ [4]). Авторъ имѣющейся предъ нами рукописи „Краткое повѣствованіе о жизни моей въ расколѣ" Ст. Тимофеевъ Васильевъ, разсказываетъ, что родители его послѣ того, какъ изъ православія перешли въ бѣгунство, сочли нужнымъ выѣхать изъ г. Маріинска, гдѣ жили прежде, и поселиться на Аргудатскомъ участкѣ Маріинской тайги, куда постоянно къ нимъ приходили пустынники, разсѣянно обитавшіе въ той-же тайгѣ. [5]). Лѣтомъ 1893 г. ту часть Маріинской тайги, которая тянется по р. Чети (притокъ р. Кіи), изслѣдовалъ съ цѣлію геологическаго изученія профес. Томскаго университета Ал. Мих. Зайцевъ и всѣ заимки, которыя

---

[1]) Томск. тайга. Рук. Щербакова, стр. 3.
[2]) Тамъ-же, стр. 27.
[3]) Тамъ-же, стр. 28.
[4]) Д. въ арх. губ. прав., св. 129, 741, 745.
[5]) Краткое повѣствованіе о жизни моей. Рук. Маріинскаго мѣщ. Степ. Васильева.

онъ встрѣтилъ на своемъ пути (Вавулина, Соловьева, Сухоплюева, Сырыгина, Поваренкина, Сидорова, Рубина, Васильева и др.),—всѣ принадлежали кержакамъ, ушедшимъ въ лѣсное, пустынническое пребываніе изъ жилыхъ мѣстъ Маріинскаго округа [1]). „По словамъ проводниковъ", пишетъ профессоръ. „здѣсь не мало скрывается бродячаго люда, которымъ пользуются заимщики (раскольники), какъ дешевою рабочею силою. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мѣстнымъ исправникомъ устроена была съ цѣлію поимки бродягъ облава, причемъ было захвачено нѣсколько подозрительныхъ личностей... Приходилось слышать во время пути разсказы о какихъ-то старцахъ, живущихъ по р. Кандату (притокъ Чети) и состоящихъ на иждивеніи здѣшнихъ кержаковъ" [2]).

Доселѣ мы указывали пустынниковъ, жившихъ (за исключеніемъ семейныхъ заимщиковъ) одиночно или самое большое вчетверомъ, впятеромъ. Но одновременно съ ними въ разныхъ потаенныхъ частяхъ губерніи проживали отшельники довольно значительными группами, образуя цѣлые правильно организованные и иногда хорошо устроенные скиты и монастыри. Въ началѣ 1840-хъ гг. завели въ лѣсу Чаусской вол. (Томск. окр.) скитское жительство съ моленной и благоустроеннымъ хозяйствомъ раскольники поморскаго толка Ѳедоръ Пушниковъ, Ѳед. Шадринъ, Сергѣй Суриковъ, Сергѣй Тихановъ и др., всего въ числѣ 21 человѣка [3]). Немного спустя основали бѣгунскій скитъ въ тайгѣ за с. Уртамскимъ (на лѣвой сторонѣ р. Оби) крестьян. Семилужной вол. дер. Асановой Назаръ (по второмъ крещеніи Діонисій) Батранинъ съ поселенцами Иваномъ Шпакомъ, Иваномъ (по второмъ крещеніи Василій) Лаврентьевымъ и др. Къ ихъ скиту лѣтомъ не было никакого доступа, но и зимой можно было добраться только на лыжахъ. Скитники владѣли большимъ количествомъ рукописныхъ тетрадей „съ великими ругательствами" на духовное и свѣтское правительство [4]). Въ 1857 г. удалились въ лѣса упомянутой Чаусской вол. 32 человѣка преимущественно изъ пришельцевъ пермскихъ и вятскихъ и, устроивъ здѣсь скитъ, избрали своимъ настоятелемъ вятскаго крестьянина Ив. Берестова, коему въ настоятельствѣ помогали его сестры Ѳекла 30 л. и Ирина 28 лѣтъ. Ихъ скитъ былъ найденъ и разоренъ въ 1862 году [5]). Въ слѣдующемъ 1863 г. были взяты земской полиціей скитники странники Евстигней Мартыновъ, Андрей Сергѣевъ съ женой (оба изъ Казан. губ.), Ив. Васильевъ изъ поселенцевъ Красноярскаго окр., ссыльно-каторжный Гарманинъ съ сожительницей, Мавра Калинкина—казанская мѣщанка. Они проживали въ Пѣтуховской тайгѣ (Томск. окр. за р. Китатомъ вмѣстѣ со многими другими сотоварищами, успѣвшими при

---

[1]) Проф. Зайцевъ. Экскурсія на р. Четь. Въ трудахъ Томскаго общества естествоиспытателей и и врачей. Кн. 5, 1895 г.

[2]) Тамъ-же, стр. 5.

[3]) Дѣло канц главн. начальника Алтайск. заводовъ за 1854 г. № 1336. Сн. д. губ. пр. св. 736, № 588.

[4]) Дѣло губер. пр. въ его арх., св. 740, № 918 за 1853.

[5]) Д. губ. прав. въ его арх., св. 745 за 1862 г.

поимкѣ разбѣжаться. Жизненные припасы доставлялъ китатскимъ скрытникамъ, какъ оказалось потомъ, крестьян. Ниже-Почитанской вол. Андрей Порошинъ. По обычаю, послѣ поимки, Мартынова съ сожителями препроводили на увѣщаніе консисторіи. На увѣщаніи скитники вели себя крайне фанатично, не стѣснялись бранить не только церковь, но гражданскую и царскую власть. Мартыновъ, кромѣ того, отъ лица всѣхъ товарищей заявилъ, что „готовы не только страдать за свои убѣжденія, но согласны лишиться и самой жизни“ [1]). Не особенно въ дальнемъ разстояніи отъ скита Мартынова одновременно существовалъ небольшой скитокъ на р. Яѣ близъ отдаленной отъ жилыхъ мѣстъ пашни кр. Ив. Гудкова [2]).

По порученію генералъ-губернатора Западной Сибири въ 1861 году собиралъ свѣдѣнія о томскомъ расколѣ чиновникъ особыхъ порученій при томскомъ губернаторѣ г. Квятковскій. Между прочимъ, ему удалось прослышать, что имѣется большой скитъ въ Маріинской тайгѣ за р. Тяжинъ, „куда стекаются бѣглые люди въ значительномъ количествѣ“. Слухи о скитѣ шли главнымъ образомъ отъ крестьянъ деревень Большой и Малой Антибесской, Примѣткиной-Заимки и Рубиной, жители которыхъ въ зимнее время обыкновенно занимались таежнымъ звѣровымъ промысломъ преимущественно на сохатыхъ (лосей). О скитѣ эти крестьяне проговаривались, но никто не хотѣлъ быть къ нему вожатымъ. „Однихъ, писалъ Квятковскій, удерживалъ отъ сего собственный интересъ, ибо доставляли скитникамъ за деньги продовольственные припасы, — другихъ страхъ за жизнь, которою легко можно было поплатиться въ случаѣ, еслибы, послѣ путеводительства, проводникъ снова явился въ тайгу за звѣрьемъ. Квятковскому пришлось удовольствоваться только тѣми свѣдѣніями о скитѣ, какія доставили ему нѣкоторыя изъ маріинскихъ мѣщанъ и причтъ градо-маріинской соборной церкви. По свѣдѣніямъ изъ этихъ источниковъ, скитъ основанъ былъ давно. Одна маріинская 35-ти лѣтняя женщина разсказывала, что въ малолѣтствѣ она проживала въ тайгѣ на заимкѣ кр. Богдановыхъ и видѣла у Богдановыхъ трехъ сѣденькихъ старичковъ, почти безпрерывно занятыхъ чтеніемъ вслухъ или про себя какихъ-то большихъ книгъ. Старцы разсуждали съ хозяевами о происходившей застройкѣ скита по р. Чети, отъ заимки верстахъ въ 15-ти. Другіе изъ маріинскихъ мѣщанъ передавали, что сначала скитъ былъ дѣйствительно заведенъ по р. Чети, но распространились слухи о немъ - и скитники ушли за р. Тяжинъ. За р. Тяжинъ „скитскія постройки раскинуты такъ, что одна келья отстоитъ отъ другой на 100 и даже на 200 сажень. Низкія кельи, фасадомъ всегда почти обращеныя къ озеру или болоту, заваливаются еще колодникомъ или хворостомъ и потому издали незамѣтны. Тропинки между отдѣльными избами закидываются сучьями, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ между кельями въ лѣтнее время нельзя пройти вовсе и ихъ обитатели сообщаются между собою при посредствѣ лодокъ, укрываемыхъ тщательно въ болотныхъ

[1]) Дѣло въ арх. Томск. консист. № 33 за 1865 г. Сн. д. губ. прав. въ св. 745.
[2]) Рапортъ благоч. Баженова еписк. Алексію отъ 2 іюля 1868 г. — въ арх. Томск. консист.

камышахъ. Вообще скитъ расположенъ и устроенъ такъ, что непривычному взгляду нельзя узнать мѣста его нахожденія. Посему открыть скитъ и взять скитниковъ—невозможно,—въ лѣтнее время въ особенности". Насельники Тяжино-Маріинскаго скита, писалъ маріинскій протоіерей о. Бояновъ, „состоятъ изъ жителей бывшей Кійской волости (с. Кійское въ 1857 г. переименовано въ г. Маріинскъ), бѣглыхъ, ссыльныхъ посельщиковъ и даже каторжныхъ. Лѣтъ 15 назадъ сюда явилось нѣсколько крестьянъ изъ Кузнецкаго округа, но и теперь не перестаютъ умножать количество скитниковъ отдѣльныя личности, приходящія изъ Россіи. Ходитъ молва, что лѣтомъ прошлаго 1860 года въ скитъ чрезъ дер. Суслову проѣхало до 150 человѣкъ изъ раскольниковъ Казанской губерніи, но большая часть этихъ тайныхъ переселенцевъ, по недостатку средствъ продовольствія, оставила это мѣсто и перешла въ Зырянскіе лѣса (по р. Чулыму). Въ лѣсныхъ прогалинахъ скитники пашутъ пашню, разводятъ огороды и, кромѣ того, многіе изъ нихъ въ страдную пору работаютъ на поляхъ и сѣнокосахъ, принадлежащихъ обширному хозяйству кр. Богдановыхъ. Въ случаѣ недостатка собственнаго хлѣба скитникамъ доставляютъ муку тѣ же Богдановы и другіе крестьяне. Въ Маріинскъ чаще всего наѣзжаетъ отъ скитниковъ мѣщ. Алексѣй Парфеновъ, составляющій что-то вродѣ скитскаго агента. Онъ вербуетъ новыхъ пришельцевъ въ „монастырь", которыхъ принимаютъ тамъ не иначе, какъ чрезъ перекрещиваніе" [1].

Въ 1870 году въ Маріинской тайгѣ было заарестовано скитниковъ 106 человѣкъ [2]), но, къ сожалѣнію, въ источникѣ, изъ котораго мы почерпнули это свѣдѣніе, не указано, въ какой именно части Маріинской тайги найдены были эти многочисленные потаенники и если не за р. Тяжинъ, то, кромѣ описаннаго въ донесеніи Квятковскаго, въ названной лѣсной полосѣ губерніи существовалъ еще многолюдный скитъ.

Скитовъ меньшихъ по количеству обитателей тамъ было и остается, вѣроятно, немало, хотя намъ удалось узнать только объ одномъ—томъ, въ коемъ настоятельствовалъ названный на 26 страницѣ этого труда странническій учитель Иларіонъ. Его скитъ находился въ малодоступной мѣстности за Прокопіевской заимкой и былъ открытъ въ 1868 г. сельскимъ старостою с. Итатскаго. Бывъ представлены въ Маріинское полицейское управленіе, скитники дали о себѣ показаніе:

Евтихій, по прежнему имени Игнатій Ѳоминъ Жиряковъ, 36-ти лѣтъ, крестьянинъ Маріинскаго округа, Боготольской вол., дер. Ново-Подзорной. Изъ своего мѣста отлучился три года назадъ и поселился въ тайгѣ около Илларіона вмѣстѣ съ женою Евдокіею, дочерью и матерью. Дочь прежде звали Агафіей, а нынѣ, по второмъ крещеніи, зовутъ Александрой, мать—Зиновьей, а нынѣ—Агафьей.

---

[1]) Свѣдѣнія о состояніи Томск. раскола, собран. г. Квятковскимъ. Въ арх. губ. пр. св. 106, № 4.

[2]) Д. въ арх. Том. консист. за 1871 г. № 54.

Никита, по прежнему имени Ив. Ѳоминъ Жировъ.— братъ Евтихія. Пришелъ въ тайгу два года назадъ съ женой Анной, по второмъ крещеніи Устиньей и дочерью Евгеніей, по второмъ крещеніи, Маріей.

Ефросинья, по прежнему имени Татіана Васильева, изъ маріинскихъ, мѣщанъ. Ушла въ тайгу 8 лѣтъ назадъ.

Родіонъ, по прежнему имени Семенъ Яковлевъ Шибановъ, 22-хъ лѣтъ, уроженецъ Вятской губ. Нолинскаго уѣзда. Пришелъ въ Сибирь, когда ему было 12 лѣтъ, съ родителями, причислившимися Енисейской губ. Канскаго окр. къ дер. Кочергинской. Отъ родителей ушелъ тайно и бродяжничалъ по разнымъ мѣстамъ. Въ тайгу къ Прокопіевской заимкѣ пришелъ недавно.

Ульяна, по прежнему имени Хевронья, 24-хъ лѣтъ. Родопроисхожденія не помнитъ. Въ келью пришла 3 года назадъ.

Евдокія, 50 лѣтъ, по прежнему имени Матрена Григорьева. Дѣвица, сосланная въ Сибирь помѣщикомъ изъ Вологодской губерніи. Второе крещеніе приняла отъ учителя Илларіона.

Всѣ „истинно-православные“, т. е. страннической вѣры, „какую исповѣдуетъ учитель Илларіонъ“ [1]).

Но вотъ еще большой скитъ въ противоположномъ концѣ губерніи, именно на гигантскихъ хребтахъ величественнаго Алтая.

По словамъ Усть-Каменогорскаго благоч. протоіерея Іоанна Сухопарова, въ селахъ и деревняхъ, прилегающихъ къ Усть-Каменогорску, давно ходилъ слухъ, что въ малодоступныхъ вершинахъ Убы рѣки таятся многочисленные пустынники. Звѣроловы находили тамъ кладбища, видѣли кресты, иногда замѣчали дымъ точно изъ печей, доводилось издали видѣть и людей, тщательно оберегавшихся отъ близкихъ встрѣчъ [2]).

28 марта 1867 г. кр. Смоленской вол. дер. Малой Убинки Евстафій Будниковъ по хозяйственнымъ надобностямъ былъ „въ горахъ“ на пасѣкѣ кр. Якова Кимасова и, возвращаясь назадъ, на одномъ изъ утесовъ замѣтилъ слѣды отъ прослѣдованія кого-то на лыжахъ. Слѣды въ совершенно необитаемой мѣстности изумили его. Отважный и смѣлый, какъ всѣ жители Алтая, Будниковъ, подстрекаемый любопытствомъ, пошелъ по слѣдамъ,—шелъ очень долго и, наконецъ, увидѣлъ жилыя избушки. О своей находкѣ онъ счелъ нужнымъ заявить въ Крутоберезовскомъ вол. Правленіи. Волостные начальники выслушали Будникова молча, какъ бы давая понять: не твое-де дѣло; и онъ до поры до времени смолкъ.

Въ іюнѣ того-же года кр. Крутоберезовской вол. Александръ Колмаковъ, выискивая удобное для пасѣки мѣсто, заѣхалъ верхомъ въ глубь лѣсовъ по верховьямъ Убы и совершенно неожиданно встрѣтилъ тамъ 14-лѣтнюю дочь кр. Ѳед. Никифорова, о коемъ зналъ, что онъ, Никифоровъ, взявъ билетъ на проѣздъ въ Семипалатинскъ для продажи меда, въ срокъ не вернулся и о

---

[1]) Дѣло о пойманныхъ въ тайгѣ кр. Шибановѣ и др. въ арх. губ. прав., св. 124. № 22907.
[2]) Дѣло Томск. консист. № 138 за 1868 г.

его розыскѣ уже началось въ волости дѣло. Обрадованная встрѣчей, дѣвочка разсказала, что отецъ ея выхлопоталъ паспортъ для отвода глазъ, что въ Семипалатинскъ ѣхать не думалъ, а съ матерью и съ нею уѣхалъ на горы, въ лѣсъ, въ избушку „для спасенія души".—„По нашемъ пріѣздѣ вскорѣ пришелъ въ избушку старикъ,—отецъ называлъ его Денисомъ Андреевичемъ,—и остался жить съ нами. Чрезъ нѣсколько недѣль отецъ съ матерью удалились а меня оставили со старикомъ учиться у него грамотѣ". Но соскучилась она въ лѣсу и рѣшилась на побѣгъ домой. Ушла ночью и, въ постоянномъ страхѣ—не натолкнуться бы на звѣря, долго бродила горами и лѣсомъ, пока, на свое счастіе, не встрѣтила Колмакова.

Все слышанное отъ Никифоровой Колмаковъ разсказалъ односельчанамъ, а эти сообщили въ Волостное Правленіе. Въ Правленіи, очевидно, обсудили, что въ виду возрастающей молвы о секретныхъ избушкахъ, замалчивать дѣла о нихъ нельзя, не рискуя непріятной отвѣтственностію предъ начальствомъ. Было рѣшено идти на поиски, каковое порученіе было возложено на помощника старшины съ понятыми и проводникомъ Будниковымъ. Пошли подъ предлогомъ отвода, по распоряженію Алтайскаго горнаго вѣдомства, мѣстъ для заведенія новыхъ пасѣкъ. Будниковъ привелъ къ горѣ, гдѣ стояло 6 избушекъ, изъ которыхъ одна была новенькая, другія уже ветхи. Отшельниковъ успѣли предупредить: людей въ избушкахъ не было, но въ каждой изъ нихъ оказались раскиданныя принадлежности крестьянской утвари, женскія прялки и въ одной нашлась покинутая рукопись объ антихристѣ. Ясно, открытъ былъ скитъ, только лишь оставленный скитниками. Репортовали въ Бійскъ земскому суду. Судъ поручилъ произвести дальнѣйшіе розыски засѣдателю Звенигородскому. Прежде чѣмъ приступить къ исполненію даннаго порученія, Звенигородскій, предполагая, что о скитѣ и скитникахъ, навѣрное, знаютъ многіе изъ алтайскихъ старообрядцевъ, рѣшилъ сначала вывѣдать предварительныя справки. Усилія, употребленныя на этотъ счетъ, оправдались успѣхомъ. Разными путями засѣдатель узналъ, что скитники, предъувѣдомленные о первыхъ поискахъ, ушли дальше въ горы. Они ушли, верстъ на 70 отъ перваго жилища, за отдаленную заимку тобольскаго крестьянина Ив. Кадрина, поселившагося въ горахъ, подъ предлогомъ занятія пчеловодствомъ, на 100 верстъ дальше отъ ближайшихъ жилыхъ мѣстъ. Было дознано, что чрезъ посредство этого Кадрина скитники получаютъ продовольствіе и все имъ нужное отъ раскольниковъ Верхъ-Убинской и Верхъ-Алейской волостей и что путь къ скитникамъ для людей малознающихъ горныя тропы почти невозможенъ.

Въ апрѣлѣ 1868 г. Бійскій исправникъ Земляницинъ получилъ извѣщеніе, что Звенигородскій скитъ отыскалъ и скитниковъ заарестовалъ. Вотъ что на основаніи донесеній засѣдателя исправникъ писалъ объ этомъ губернатору.

О существованіи скита шли слухи въ народѣ и въ прежнее время, но до такой степени темные и иной разъ нелѣпые, что имъ нельзя было придавать вѣроятія. Опредѣленнѣе выразился слухъ, когда былъ найденъ

ушедшій въ уединеніе кр. д. Выдрихи Санаровъ, хотя Санаровъ спасался не въ скиту,а въ особо избранномъ имъ для себя мѣстѣ. Важнымъ подтвержденіемъ справедливости молвы послужило и то обстоятельство, что время отъ времени начали исчезать куда-то раскольники то изъ той, то изъ другой деревни, хоть исчезавшие чрезъ нѣкоторые промежутки времени возвращались снова въ свои мѣста. Наконецъ, явки Будникова и Колмакова установили скитъ несомнѣннымъ фактомъ. Засѣдатель Звенигородскій, запасшись предварительными свѣдѣніями, добытыми съ крайней осторожностію, отправился на розыски въ сопровожденіи Крутоберезовскаго волостного старшины съ понятыми, набранными почти исключительно изъ крестьянъ православнаго исповѣданія. Къ сожалѣнію, старшина оказался православнымъ только по имени, на самомъ дѣлѣ онъ раскольникѣ и даже считается вожакомъ мѣстнаго раскола. Десять дней бродилъ засѣдатель съ партіей понятыхъ, переправляясь съ огромными трудностями съ одной вершины горы на другую и все безъ послѣдствій. Видимо проводники, находившіеся подъ давленіемъ раскольника-старшины, и захваченные на пути пасѣчники старались обманывать чиновника, - путали его съ цѣлію оттянуть время въ интересахъ пустынножителей. Наконецъ, въ горной щели, въ 150 верстахъ отъ населеннаго пункта, Звенигородскій самъ усмотрѣлъ избу, за ней другую, третью. Нашли четыре просторныхъ избы, отстоящія саженяхъ въ 100 и болѣе одна отъ другой. Избы новыя, хорошей работы, съ большими окнами и со службами въ видѣ кладовыхъ и погребовъ. Въ кладовыхъ найдено до 100 пуд. ржаной и 25 просяной муки, 3 пуда масла, 2 п. сухой рыбы и довольно много смолотаго въ муку древеснаго гнилья, которое скитники употребляли въ пищу, перемѣшивая съ хлѣбной мукой. Позади одной избы стояли кузница и слесарня. Въ послѣдней были явны слѣды отливаемой и обрабатываемой здѣсь мѣди. Людей въ избахъ никого не оказалось, но по разбросаннымъ вещамъ изъ домашняго скарба, по дровамъ, наскоро затушеннымъ въ печахъ, по оставшейся большой квашнѣ заведеннаго тѣста, не трудно было догадаться, что обитатели вышли только лишь, бывъ по-прежнему предупреждены кѣмъ-либо изъ радѣтелей. Вскорѣ засѣдатель натолкнулся на цѣлую кучу имущества, спрятаннаго въ кустахъ и затѣмъ принялся за поиски людей. Къ вечеру того-же дня скитники начали попадаться въ окрестностяхъ поодиночкѣ, а потомъ были найдены группой, собравшейся въ густомъ пихтовомъ лѣсу. Тутъ были мужчины и женщины, дѣти и дряхлые старики. Раскольники сдались безъ сопротивленія. Звенигородскій распорядился перевести толпу на ближайшую пасѣку, гдѣ рискнулъ оставить ее подъ надзоромъ только троихъ изъ понятыхъ, а самъ съ остальными сыщиками отправился на дальнѣйшіе розыски въ сторону отъ р. Бѣлой Убы по направленію къ пасѣкѣ тобольскаго выходца Ив. Шадрина. Шли по тропѣ, пролегавшей утесами и часто прерываемой ручьями и ключами. Не доѣзжая 10 верстъ до названной пасѣки, замѣтили человѣка, ѣхавшаго по тропѣ верхомъ. Онъ поспѣшно слѣзъ съ лошади и кинулся бѣжать въ сторону, но былъ задержанъ и показалъ о себѣ, что—безпаспортный, скитающійся въ этихъ мѣстахъ

уже не одинъ десятокъ лѣтъ. На пасѣкѣ Шадрина встрѣтили еще двухъ такихъ-же людей и здѣсь же нашли много церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, множество паспортныхъ листовъ и др. бумагъ. Въ небольшомъ разстояніи за пасѣкой нашлась еще изба,—въ ней оказались рукописныя книги, большой переплетный станокъ и разныя краски для раскрашиванія въ рукописяхъ виньетокъ и заставокъ. Очевидно, это была переплетная мастерская. Далѣе, приблизительно въ 10 верстахъ, стояла еще изба, гдѣ проживалъ съ семьей, состоящей изъ жены и четверыхъ дѣтей, скрывшійся два года назадъ кр. Бухтарминской волости, раскольникъ Елевферій Полтаранинъ. Связь обитателей найденныхъ отдѣльныхъ избъ съ насельниками главнаго скита была очевидной. Среди описанныхъ розыскиваній Звенигородскій узналъ, что верстъ за 20 отъ послѣдней найденной кельи проживаетъ не мало еще бродягъ—скитниковъ. Но вслѣдствіе усталости людей, полнаго изнеможенія верховыхъ коней и понятнаго опасенія, чтобы забранные отшельники съ помощію покровительствующихъ имъ заимщиковъ-пасѣчниковъ не оказали въ дикомъ и уединенномъ мѣстѣ вооруженнаго сопротивленія и не разбѣжались, поиски были прекращены.

Скитники, однако, не разбѣжались и ждали засѣдателя спокойно, безъ всякаго смущенія. Всего съ малолѣтними ихъ насчиталось до 70 человѣкъ и всѣ состояли подъ духовнымъ водительствомъ наставника Владиміра Григорьева Трегубова—ссыльно-каторжнаго изъ Оренбургскихъ казаковъ. Его пасомые стеклись на алтайскія вершины изъ разныхъ губерній Россіи и среди нихъ оказалось не мало крестьянъ изъ алтайской деревни Бутачихи. Съ прежнихъ мѣстъ своего жительства они удалились самовольно и только нѣкоторые брали паспорты, которые здѣсь или уничтожали, или прятали на всякій случай у пасѣчниковъ. По разбросаннымъ тамъ и сямъ избамъ мужчины жили отдѣльно отъ женщинъ, кромѣ семейныхъ, которымъ отводились помѣщенія вдали отъ главнаго скита. Хлѣбопашествомъ отшельники не занимались за тѣмъ исключеніемъ, что „руками копали" нѣсколько полосокъ, на которыхъ садили рѣпу, морковь, брюкву, а хлѣбъ получали отъ радѣтелей. Свободные отъ хозяйственныхъ заботъ, тѣмъ усерднѣе, по ихъ словамъ, они отдавались молитвѣ и чтенію свящ. книгъ. По всѣмъ признакамъ, здѣсь изготовлялась масса раскольническихъ рукописныхъ изданій. Впослѣдствіи ходилъ слухъ, что предъ самымъ временемъ прибытія засѣдателя скитники сложили свое книжное богатство на два воза и отдали его на сохраненіе пасѣчникамъ. На пасѣкѣ Шадрина найдена была только часть этого достоянія.

Послѣ ареста захваченныхъ пустынниковъ, семеро изъ нихъ, наиболѣе важные, озлобленные и фанатичные, въ томъ числѣ Трегубовъ, были препровождены въ Бійскую тюрьму, остальныхъ отдали подъ надзоръ Крутоберезовскаго волостнаго правленія, находившагося въ раскольнической деревнѣ Верхъ-Убинской (Лосиха-тожъ), гдѣ, вѣроятно, размѣстили ихъ по квартирамъ въ обывательскихъ избахъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія описаннаго скита, Бійскій исправникъ донесъ въ Томскъ: прибыло изъ Великороссійскихъ губерній

много другихъ раскольниковъ, которые перевезли оставшіяся послѣ взятыхъ Звенигородскимъ пустынниковъ избы въ еще болѣе отдаленныя мѣста и образовали тамъ новое пустынножительство. Переловить пришельцевъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ теперь раскольники приняли такія мѣры предосторожности, съ которыми бороться чрезвычайно трудно. Да и вообще взять скитниковъ подобнымъ образомъ, какъ взялъ Звенигородскій, удается только одинъ разъ... „Кто совершенно не знакомъ съ дикою неприступностію Алтайскихъ горъ, только тотъ можетъ предположить о возможности перехватать всѣхъ укрывающихся тамъ людей. Но познакомившійся хотя нѣсколько съ характеромъ Алтая, навѣрное, придетъ къ заключенію, что не только мѣстные участковые засѣдатели не могутъ истребить здѣсь пустынножительства, но еслибы для того устроена была особая полиція, то и она не достигла бы своей цѣли. Раскольники хорошо поняли выгоды для нихъ алтайскихъ вершинъ и издавна начали селиться на пространствахъ у ихъ подошвъ. Деревни, примыкающія къ горамъ, раскольничьи исключительно, и онѣ какъ-бы окарауливаютъ входы въ Алтай и тѣмъ охраняютъ тамошнихъ пустынниковъ. Не нужно забывать, что у раскольниковъ имѣется своя организація и при ея существованіи нелегко выслѣдить то, что старообрядство желаетъ скрыть сознательно и намѣренно".

Выражая собственный взглядъ по настоящему дѣлу, исправникъ находилъ, что налегать на неуклонномъ преслѣдованіи скрытниковъ не слѣдовало-бы. Если будутъ настаивать на преслѣдованіяхъ, пустынники все равно найдутъ для себя недоступный пріютъ или же уйдутъ за границу, на такъ называемое Бѣловодье. „Между тѣмъ на старообрядцевъ, живущихъ въ деревняхъ, это стѣсненіе подѣйствуетъ озлобляюще".

Обратимся къ скитникамъ, отданнымъ подъ надзоръ волостнаго начальства и расквартированнымъ въ д. Верхъ-Убинской. Между ними открылась усиленная смертность. Въ самое короткое время умерло 18 человѣкъ, но смерть не переставала косить и потомъ. Эпидемія была тѣмъ изумительнѣе, что свирѣпствовала только между бывшими обитателями скита, не касаясь обывателей. Донося о развившейся смертности губернатору, исправникъ объяснялъ ее истощеніемъ подвижниковъ отъ поста, такъ какъ еще въ горахъ они вели самую суровую жизнь и ѣли тамъ хлѣбъ, съ примѣсью къ нему гнилья и коры. „Волостные начальники рапортовали мнѣ, что послѣ поимки раскольники стали поститься еще усиленнѣе и вообще подвергать себя вслѣдствіе религіозныхъ убѣжденій разнаго рода лишеніямъ. Удерживать ихъ отъ того нѣтъ никакой возможности вслѣдствіе ихъ фанатизма".

Умерло въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ 27 человѣкъ и разбѣжалось 13. Бѣжалъ съ дороги въ тюрьму и настоятель Вл. Трегубовъ.

Секретъ необычайной смертности между арестантами Владимірскаго *) вол. правленія началъ по немногу раскрываться. Возникла молва о „соломенныхъ мертвецахъ." Къ молвѣ чутко прислушивался засѣдатель III-го Бійскаго

*) Съ 1869 г. Крутоберезовское волостное правленіе было переименовано во Владимірское въ память проѣзда по Алтаю Великаго Князя Владиміра Александровича.

участка г. Будзинскій, коему было поручено довершеніе слѣдствія о раскольникахъ, взятыхъ Звенигородскимъ. Въ маѣ 1871 г. онъ писалъ губернатору „секретно въ собственныя руки"... Громадная численность умершихъ старообрядцевъ сама собою давала поводъ сомнѣваться въ ея справедливости, тѣмъ болѣе, что раскольники, погребая тѣла, не дозволяли присутствовать при этомъ никому изъ постороннихъ, почему нѣкоторые увѣряютъ, что они хоронили пустые или набитые соломой гроба. Допустить возможность такого обмана совершенно позволительно, ибо число бѣжавшихъ скитниковъ указываетъ явно, что раскольники, среди которыхъ арестованные жили, имъ покровительствовали. Недавно, при поѣздкѣ въ верховья Убы по дѣлу фабрикаціи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, я занялся розысканіемъ новыхъ пустынниковъ и взялъ изъ келій 14 человѣкъ. Восемь изъ нихъ оказались изъ числа взятыхъ Звенигородскимъ и затѣмъ бѣжавшихъ или показанныхъ умершими. Молва о „соломенныхъ мертвецахъ" находитъ въ этомъ открытіи крѣпкое для себя подтвержденіе. Засѣдатель просилъ разрѣшенія на разрытіе могилъ для ихъ провѣрки.

По упомянутому Будзинскимъ дѣлу о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ (на одной изъ Алтайскихъ пасѣкъ) назначена была большая комиссія отъ главнаго управленія Западной Сибири. Въ то время, когда коммисія находилась въ Верхъ-Убинской, Будзинскій рискнулъ разрыть 8 могилъ,—и умершихъ въ нихъ не оказалось. О такомъ казусѣ извѣстилъ томск. губернатора чиновникъ особ. порученій при генералъ-губернаторѣ г. Буторинъ, а за нимъ и самъ Будзинскій, включившій въ донесеніе слова: „такія-ли еще дѣла дѣлались у насъ въ Бійскомъ округѣ"!

Въ то время, какъ производилось слѣдствіе о скитникахъ, взятыхъ Звенигородскимъ, бѣжавшій наставникъ Влад. Трегубовъ не оставался въ бездѣйствіи. Онъ собралъ вокругъ себя новую партію старцевъ, искавшихъ скитскаго житія въ числѣ 50 человѣкъ, и ушелъ съ нею за Томскъ въ лѣса, тянущіеся къ сѣверу отъ Томска по Нарымскому тракту [1]).

Но были въ томскомъ расколѣ и такіе скитники, которые не мнимо, а дѣйствительно захотѣли заморить себя голодомъ и нѣкоторые заморились.

7 декабря 1874 г. Каинское полицейское управленіе сообщило томск. губернатору, что Каинскаго окр. Убинской вол. въ урочищѣ Урманскомъ засѣдатель I уч. Борзовъ взялъ за безписьменность 31 человѣка, пришедшихъ сюда изъ разныхъ россійскихъ губерній. Изъ нихъ 24 человѣка взрослыхъ представлены въ каинскую полицію, а малолѣтки, въ числѣ 7 чел., розданы на воспитаніе благонадежнымъ людямъ. Всѣ они жили въ одномъ скиту, гдѣ держали лошадей, рогатый скотъ и все нужное для заведенія хозяйства и хлѣбопашества, каковое имѣли въ большихъ размѣрахъ. Въ кладяхъ, принадлежавшихъ скиту, остался очень большой запасъ не обмолоченнаго хлѣба. Скитъ былъ построенъ въ 200 верстахъ отъ жилого

[1]) Дѣло Общ. Губернск. Управленія о проживаніи раскольниковъ въ вершинахъ р. Убы. Въ арх. губ. прав., св. 124 по оп. № 23028.

мѣста, въ лѣсу, называющемся урманомъ близь р. Чанцы. Путь къ скиту почти неизобразимо труденъ, ибо на пути постоянно встрѣчаются болота и непроходимыя трущобы.—Дальнѣйшія донесенія дополнили изложенное краткое сообщеніе.

Засѣдатель Борзовъ услышалъ о скитѣ отъ инородца – звѣролова и отправился на поиски вмѣстѣ съ нимъ, прихвативъ старосту и понятыхъ изъ с. Каргатскаго форпоста, жители котораго, какъ оказалось потомъ, давно знали о скитникахъ, но тщательно о нихъ замалчивали. Ѣхали четыре дня, потомучто плутали и уже хотѣли за недостаткомъ провіанта вернуться обратно, какъ неожиданно натолкнулись на постройки. Нашли два обширныхъ дома. Первый былъ раздѣленъ на двѣ половины. Передняя часть была уставлена иконами, здѣсь же хранились богослужебныя и учительныя книги *). Очевидно, это была моленная; около нея на дворѣ висѣла подъ навѣсомъ чугунная доска, въ которую били предъ молитвой вмѣсто звона въ колоколъ. Другая половина дома, раздѣленная коридоромъ, служила жильемъ для 11 братьевъ „дѣвственниковъ“. На большомъ и опрятномъ дворѣ этого дома стояли амбаръ съ хорошо устроенными закромами, въ которые было ссыпано до 1000 пуд. хлѣба, сарай, конная мельница, кузница, токарная мастерская, мастерская слесарная. Позади тянутся еще дворъ—скотскій, а за нимъ стоялъ овинъ съ сушильнею. Второй домъ отстоялъ отъ перваго въ 120 саженяхъ. Въ немъ помѣщалась женская обитель, раздѣленная на три жилья съ особою кухней и столовой. На дворѣ женской обители въ свою очередь имѣлось строеніе съ приспособленіями для женскаго труда. Здѣсь же хранились связки уже начисто обработаннаго конопля и льна. За дворомъ стояла небольшая постройка для выжимки конопляннаго и маковаго масла. Послѣ осмотра указанныхъ домовъ и построекъ скитники сами сказали засѣдателю, что у нихъ имѣется еще три благоустроенныхъ избы, и въ каждой изъ нихъ проживаютъ „братья“—семейные

Кромѣ готовыхъ запасовъ хлѣба, у скитниковъ было засѣяно озимымъ хлѣбомъ 13 загоновъ и въ погребахъ на зимнее продовольствіе была сложена масса разнородныхъ овощей. Въ изобиліи имѣлись инструменты слесарные, кузнечные, столярные.

Изъ какихъ именно губерній стеклись эти урманскіе пустынники, въ дѣлѣ, къ сожалѣнію, не обозначено. Только о нѣкоторыхъ сказано, что вышли изъ подъ Костромы. Скитомъ во всемъ его объемѣ управлялъ наставникъ Егоръ Егоровъ Прасоловъ, по монашескому имени Антоній. Но вопросъ о родопроисхожденіи какъ его самого, такъ и «братьевъ и сестеръ», Егоровъ уклончиво отвѣтилъ: „никто изъ насъ письменныхъ видовъ не имѣетъ и

---

[1]) Книгъ и рукописей было найдено въ кожанномъ переплетѣ 37 экз., въ холщевомъ 8, въ бархатномъ переплетѣ 1, въ деревянныхъ крышкахъ 3, маленькихъ книгъ въ худыхъ переплетахъ 15 экз., новая рукописная книга еще неоконченная 1 и пачка бумагъ съ выдержками изъ свящ. Писанія.—Всѣхъ большихъ и малыхъ иконъ и крестовъ въ моленной нашлось 79. Здѣсь же оказались ящики съ красками и кистями, очевидно, для раскрашиванія рукописей, а, можетъ быть, и для написанія иконъ.

имѣть никто не согласенъ, ибо это противно правиламъ нашей вѣры". Кромѣ того, онъ же пояснилъ: „податей платить считаемъ дѣломъ не законнымъ, примѣняясь къ тому, что Христосъ и Апостолы подобныхъ платежей не производили... Скитъ нашъ существуетъ давно, но семейные перешли въ него тольно шесть лѣтъ назадъ".

При заарестованіи (11 ноября) никто изъ скитниковъ не обнаружилъ ни малѣйшей попытки къ внѣшнему сопротивленію. Сопротивленіе послѣдовало въ другомъ родѣ. Наставникъ объявилъ пасомымъ. что „отселѣ никто изъ нихъ не прикоснется къ пищѣ, потому что все, что перешло въ руки нечестивыхъ или исходитъ изъ ихъ рукъ,—все это осквернено, заплевано антихристомъ". Голодными повезли скитниковъ на ихъ же лошадяхъ сначала въ с. Каргатское, затѣмъ доставили въ г. Каинскъ. До Каргатскаго голодовали и малолѣтніе [1]). Голодными взрослые перешли въ Каинскѣ сначала въ полицейскую, а затѣмъ въ городскую тюрьму. При входѣ въ острогъ наставникъ повторилъ запрещеніе на счетъ безусловнаго воздержанія отъ пищи, дозволивъ утолять только жажду и то снѣгомъ, какой можно было брать на прогулкахъ по тюремному двору или же доставать изъ окна камеры.

22 ноября конвойные доставили изъ тюрьмы въ больницу „бродягу" Игнатія Сковородкина, «не одержимаго никакою болѣзнію, но только изнуреннаго голодомъ». На другой день изъ скитниковъ, изнуренныхъ голодомъ, пришлось препроводить въ больницу четырехъ человѣкъ и на третій--тринадцать. Среди лицъ, завѣдывавшихъ тюрьмою, началась тревога по вопросу: какъ быть съ арестантами-раскольниками, которымъ ихъ наставникъ не разрѣшаетъ вкушать пищу. Наставника заключили въ отдѣльную камеру, но дѣлу это не помогло. Однихъ изъ доставленныхъ въ больницу въ питаніи поддерживали „медицинскимъ способомъ", другихъ уговорилъ поѣсть лѣкарь. Но нашлись упорные—не слушавшіеся никакихъ уговоровъ и тѣмъ менѣе согласившіеся на „медицинскій способъ". Между тѣмъ изъ тюрьмы не переставали подвозить голодающихъ, привезли и самого Антонія, отъ слабости лишившагося возможности двигаться безъ посторонней помощи. Заморили себя голодомъ четверо [2]). Но, кажется, и Антоній, а, можетъ быть, и нѣсколько другихъ изъ его братій не захотѣли миновать рокового исхода. Въ дѣлѣ, коимъ пользуемся, судьба голодавшихъ не доведена до конца [3]).

---

[1]) Это извѣстно намъ изъ устнаго сообщенія.

[2]) Отъ голода умерли Агафья Безотчества, Матрена Глухова и двое другихъ, въ дѣлѣ по именамъ не названныхъ Одного изъ умершихъ смерть, по отзыву товарищей, постигла въ тридцать восьмой день со времени послѣдняго употребленія пищи.

[3]) Дѣло заканчивается извѣщеніемъ отъ 3 января 1875 г. что возвратившіеся изъ больницы въ замокъ раскольники: Егоръ Егоровъ (Антоній) Дмитрій, Евстафій и Ив. Юрковы, Дарія Егорова, Матрена Юркова, Авдотья Жданова снова заголодовали, оть голода „находятся совершенно больны и не могутъ безъ помощи другихъ переходить съ одного мѣста на другое".

Дѣло Томск. Общ. Губ. Управл. объ открытіи засѣдателемъ I уч. Борзовымъ скита, находящагося въ урочищѣ Урманскомъ Каинскаго окр. - Арх. Губ. Правл, св. 114 по архивн. описи № 40626. Началось 13 декабря 1874.

Въ послѣдующіе 1870-ые годы томской гражданской власти удалось открыть еще два скита: одинъ въ Нелюбинскихъ, другой въ Елгайскихъ лѣсахъ. Въ первомъ, найденномъ въ іюлѣ 1874 г. и отстоявшемъ отъ жилыхъ мѣстъ на 100 верстъ, настоятельствовалъ Никита Вихляевъ. Подъ его духовнымъ руководствомъ въ скиту проживало 46 человѣкъ—мужчинъ и женщинъ. Но одинъ изъ скитниковъ признался, что въ 1869 г. въ скиту состояло братіи 80 слишкомъ человѣкъ и что скитъ существуетъ здѣсь уже болѣе 30 лѣтъ. Скитскія постройки состояли изъ 13 избъ съ кузницей, слесарной, мельницей и библіотекой рукописныхъ книгъ [1]). Подобно обитателямъ въ скитахъ учителя Илларіона и настоятеля Антонія, пасомые Вихляева заявили начальству, что „государя не признаютъ, гражданскіе законы отвергаютъ, податей не платятъ и платить не будутъ, паспорта въ руки не возьмутъ". Помощникъ томск. исправника, отыскавшій Нелюбинскій монастырь, распорядился сжечь его постройки, за что получилъ отъ губернатора строжайшій выговоръ, такъ какъ торопливымъ разгромомъ монастыря пресѣкъ возможность обслѣдовать дѣло о немъ со всею обстоятельностію. Скитниковъ, какъ бродягъ, повели въ острогъ, но нѣкоторые успѣли укрыться бѣгствомъ [2]).

О второмъ Елгайскомъ скитѣ мы знаемъ только то, что онъ отысканъ былъ въ 1877 г. засѣдателемъ по поимкѣ бѣглыхъ г. Никольскимъ и изъ него были взяты и препровождены за безписьменность въ тюрьму „пустынножители" Аксинья Григорьева Кондюрина, Ив. Григорьевъ Григорьевъ съ дѣтьми Акулиной, Ульяной и Θеоктистою, отставной рядовой Егоръ Михайловъ Воробьевъ и кр. Григорій Гавриловъ Гавриловъ-же [3]).

Въ томъ-же 1877 г. въ Томской тайгѣ за д. Бѣлобородовой были задержаны за безписьменность два человѣка, изъ которыхъ одинъ назвалъ себя Семеномъ Сухорословымъ (изъ Перм. губ.), другой—Мартиріемъ Хохалкинымъ—оба вѣры „древняго благочествія или христіане христіанской каѳолической церкви". Они вышли изъ скита, но изъ какого—осталось неизвѣстнымъ [4]).

Но изъ устнаго очень компентентнаго сообщенія намъ извѣстны уже много лѣтъ существующіе въ томской тайгѣ монастыри, принадлежащіе австрійскимъ согласникамъ. Одинъ изъ нихъ мужскій, другой женскій и оба ютятся къ сѣверу отъ д. Александровки (Семилужной волости) верстъ на 50—60, по р. Юксѣ, впадающей въ Чулымъ. Мѣсто для мужскаго монастыря арендуетъ лжесвященно-инокъ Θеофилактъ (Θедоръ Саввиновъ),—онъ же является и полновластнымъ хозяиномъ обители, хотя званіе ея игумена нынѣ принадлежитъ другому лицу—нѣкоему „монаху" Θеодосію. Обительскія постройки состоятъ изъ большой двухъ-этажной избы, четырехъ

---

[1]) Библіотека во время осмотра скита помощникомъ исправника содержала въ себѣ до 80 рукописей
[2]) Дѣло въ арх. губ. прав., св. 114 (о Никитѣ Вихляевѣ).
[3]) Д. Томск. консисторіи № 209 за 1878 г.
[4]) Д. Томск. консист. № 400 за 1877 г.

малыхъ келій и особаго помѣщенія для инокописной мастерской и ея мастеровъ. Монастырь славится въ расколѣ въ особенности въ силу того обстоятельства, что служитъ постояннымъ мѣстожительствомъ австрійскаго лжеархіерея Антонія. Ради этого обстоятельства сюда текутъ приношенія не только отъ сибирскихъ, но и россійскихъ старообрядцевъ и въ частности отъ богатыхъ старообрядцевъ изъ г. Москвы.

Женскій монастырь расположенъ въ 8 верстахъ отъ мужского. Въ настоящую пору количество его обитательницъ достигаетъ довольно почтенной цифры 50 сестеръ.

Отдѣльные пустынники и населенные скиты, не смотря на то, что послѣдніе, за исключеніемъ скита Пушникова и монастырей на р. Юксѣ, принадлежали странническому толку, пробуждали и поддерживали во всемъ томскомъ расколѣ его жизненную энергію и обаяніемъ подвиговъ пустыножительства, и вѣроучительствомъ, преимущественно чрезъ посредство массы рукописныхъ изданій.

Для поддержанія той же энергіи и вмѣстѣ сплоченности въ расколѣ въ высокой степени много значили раскольническіе соборы и съѣзды. Безпоповщинскіе наставники собирались для совѣщаній по дѣламъ вѣры и духовной дисциплины къ соборнымъ часовнямъ въ д. Шипициной, Жарковой и Яркульской. Съ этой цѣлью съѣзжались они, какъ мы уже видѣли, къ старшимъ расколоучителямъ вродѣ Кс. Гутова, П. Казанцева, Нифонтова. Старцы бѣгунской секты для преній по разнымъ спорнымъ вопросамъ и дѣламъ, относящимся къ ихъ вѣроученію и жизни, составляли соборы въ притонахъ, обильно разсѣянныхъ по таежнымъ мѣстамъ. По словамъ расколоучителя Потапа Шмакова, представители поповщины имѣли обыкновеніе устраивать совѣщанія, собираясь въ д. Инюшеву преимущественно въ домѣ вдовы Тотминой. Но намъ извѣстно, что споры, возникавшіе въ поповщинѣ, соборне обсуждались еще въ д. Легачевой или Полковниковой, въ Быструхѣ и въ населенныхъ пунктахъ по р. Бухтармѣ. Но, разумѣется, все указанное здѣсь представляетъ только ничтожную долю изъ того, что по части „соборовъ“ было у томскихъ раскольниковъ въ дѣйствительности. Не говоримъ уже о томъ, что изъ предѣловъ томской губ. раскольники выѣзжали на вѣроисповѣдныя совѣщанія въ Тобольскую, Пермскую и, несомнѣнно, въ др. губерніи Сибири и Европейской Россіи. Раскольническіе съѣзды, иногда въ составѣ нѣсколько сотъ хозяевъ, происходили главнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда раскольники извѣстной мѣстности задумывали добиваться для себя тѣхъ или иныхъ правъ, при чемъ съѣзжались для выбора ходаковъ и денежныхъ раскладокъ на расходы для веденія дѣлъ и вознагражденія ходатаямъ. Гдѣ и когда бывали такіе съѣзды постараемся указать на послѣдующихъ страницахъ настоящаго изслѣдованія.

V.

Правительственныя мѣры въ отношеніи къ расколу въ царствованіе Императора Николая I.—Смягченіе этихъ мѣръ въ послѣдующее царствованіе.—Примѣненіе общихъ правительственныхъ противъ раскола распоряженій къ старообрядческому расколу въ томской губерніи.—Излишекъ усердія въ семъ дѣлѣ со стороны земской полиціи.—Случаи неумѣстнаго вмѣшательства въ кругъ внѣшнихъ дѣйствій по отношенію къ расколу со стороны приходскаго духовенства.

Извѣстно, что во все продолженіе царствованія Императора Николая I расколъ подвергался большимъ ограниченіямъ. Строжайше преслѣдовалось совратительство. Одинаково строго запрещено было публичное оказательство раскольническаго ученія и богослуженія, какъ то, что, хотя косвенно, но могло вести къ совратительству и, главное, могло придать расколу соблазнительный видъ закономъ признанной вѣры. Подъ публичнымъ оказательствомъ раскола разумѣлись: а) крестные ходы и публичныя процессіи въ церковныхъ облаченіяхъ; б) употребленіе внѣ домовъ и моленъ церковнаго облаченія, монашескаго и священническаго одѣянія; в) публичное ношеніе иконъ и раскольническое пѣніе на улицахъ и площадяхъ; г) торжественное совершеніе крещенія и брака [1]). О раскольническихъ часовняхъ и молельняхъ въ 1842 г. послѣдовало распоряженіе въ такой силѣ: раскольническіе часовни и молитвенные дома, подъ разными именованіями построенные до 17 сентября 1826 г., оставляются въ настоящемъ ихъ положеніи, но послѣ сего не только строить вновь что-либо похожее на церкви, но и передѣлка или возобновленіе старыхъ подобныхъ зданій ни по какому случаю не дозволяется [2]). И во всякомъ случаѣ не допускалось, чтобы на часовняхъ находились кресты, какъ они находятся на православныхъ храмахъ, или чтобы при нихъ имѣлись колокола [3]). Послѣдніе, если-бы были найдены при часовнѣ, подлежали отобранію въ пользу единовѣрческихъ или православныхъ церквей [4]). Въ случаѣ самовольной постройки новой часовни или моленной, а также поправки старой, построенное или поправленное подлежало запечатанію и въ случаѣ самовольнаго распечатанія—уничтоженію съ передачею всѣхъ найденныхъ церковныхъ принадлежностей въ тѣ же единовѣрческіе или православные храмы, по усмотрѣнію духовнаго начальства [5]). Постановленіемъ отъ 28 апрѣля 1836 г. запрещалось обращеніе раскольниками въ публичныя молельни частныхъ домовъ [6]).

Раскольническіе скиты и монастыри съ 1853 г. велѣно было упразднять безусловно [7]).

---

[1]) Уставъ о предупр. и пресѣч преступ., примѣчаніе къ 77 ст. въ XIV т. св. зак. изд. 1857 г. Сн. Собраніе постановленій по части раскола, стр. 558, 613. Спб. 1875 г.

[2]) Собраніе постанов. по части раскола, стр. 314—распоряженіе *отъ 13 октября 1842 г.* Сн. и болѣе раннія распоряженія. Тамъ-же, стр. 89, 92, 191.

[3]) Собр. пост. по ч. раск., стр 186.

[4]) Тамъ-же, стр. 192. Сн. стр. 291.

[5]) Тамъ-же. стр. 261—262. Сн. стр. 209, 278—279.

[6]) Тамъ-же, стр. 170.

[7]) Тамъ-же, стр. 468—469, 470.

По отношенію къ попамъ, перебѣгавшимъ къ раскольникамъ изъ православной церкви, Государь въ ноябрѣ 1827 г. повелѣлъ, чтобы вновь бѣжавшихъ поповъ раскольники отселѣ принимать къ себѣ отнюдь не смѣли [1]). Отсюда не замедлили послѣдовать предупрежденія, чтобы тамъ или здѣсь не появилось вновь бѣжавшаго попа, а еслибы гдѣ таковой оказался, его велѣно было возвращать въ епархію въ распоряженіе епархіальнаго архіерея[2]). Но и тѣ попы, которые успѣли перебѣжать къ старообрядцамъ ранѣе конца 1827 г., могли служить и исправлять требы только въ тѣсномъ районѣ своихъ мѣстонахожденій, не переѣзжая изъ уѣзда въ уѣздъ[3]). Едвали нужно упомянуть, что лже-іерархамъ и лже-попамъ австрійскаго поставленія доступъ въ Россію изъ за границы былъ воспрещенъ безусловно.

Въ свою очередь безпоповщинскіе наставники, постоянно изобличаемые въ неудержимомъ совратительствѣ, иногда навлекали на себя стѣсненіе даже въ исполненіи требъ крещенія [4]).

Раскольническіе браки, за исключеніемъ повѣнчанныхъ бѣглыми попами, допущенными правительствомъ, признавались сводными сопряженіями и дѣти отъ этихъ сопряженій юридически разсматривались, какъ незаконнорожденныя. А когда раскольникъ захотѣлъ бы повѣнчаться въ православномъ или единовѣрческомъ храмѣ, онъ долженъ былъ присоединиться къ православію или единовѣрію и подтвердить присоединеніе подпискою съ отвѣтственностію за нарушеніе этой послѣдней въ случаѣ новаго отпаденія въ расколъ [5]).

Нарочитыхъ обысковъ у раскольниковъ въ ихъ частныхъ домахъ съ цѣлью отобранія книгъ, рукописей и картинъ правительство не одобряло и не допускало. Но еслибы книги, рукописи и картины нашлись „при постороннихъ слѣдствіяхъ или другимъ какимъ-либо образомъ, независящимъ отъ нарочныхъ обысковъ“, онѣ представлялись на разсмотрѣніе консисторіи [6]). Изъ консисторій раскольническія книги и рукописи переходили чаще всего въ достояніе библіотекъ духовн. академій и семинарій, если по своему содержанію оказывались несогласными съ православіемъ или даже враждебными въ отношеніи къ нему [7]).

---

[1]) Собр. постан. по ч. раскола, стр. 95.—„Всякій побѣгъ есть преступленіе противъ общественнаго порядка и закона, то и побѣга священника отъ своего законнаго мѣста нельзя не почитать преступленіемъ, и посему государственное правосудіе не можетъ навсегда допустить того снисхожденія къ бѣглымъ священникамъ раскольническимъ, которое до времени оказываемо было только въ надеждѣ вразумленія и обращенія ихъ къ порядку“. Распоряженіе отъ 13 февр. 1837 г. Собр. постан. по ч. раск., стр. 194.

[2]) Тамъ-же, стр. 110—распоряженіе отъ 21 янв 1832; стр. 138—распоряж. отъ 24 декабря 1834 г; стр. 144 распор. отъ 2 авг. 1835 г.

[3]) Тамъ-же, стр. 138. Распоряженіе отъ 24 декабря 1834 г.

[4]) Тамъ-же, стр. 224.

[5]) Тамъ-же. стр. 270 и 290—распор. отъ 28 ноября 1839 г. Ср. 173 стр.—распоряж. отъ 7 августа 1836 г. X т. Св. Зак. ч. 1, ст. 33. Изд. 1857 г. Въ отдѣльныхъ случаяхъ бывали отступленія отъ этихъ строгихъ постановленій, наприм. при IX ревизіи въ 1850 г. въ отношеніи къ поповщинскимъ бракамъ. См. Собр. пост. поч. р., стр. 428.

[6]) Тамъ-же, стр. 95.

[7]) Тамъ же, стр. 554—556.

Всѣ раскольники подлежали ограниченію въ правахъ избранія на общественныя должности, хотя не всѣ въ одинаковой мѣрѣ. Состоявшіе въ одномъ съ православными сельскомъ обществѣ старообрядцы, пріемлющіе священство и молящіеся за царя, могли быть избираемы на должности сборщиковъ податей, смотрителей сельскихъ запасныхъ магазиновъ, но никакъ на мѣста, соединенныя со властію, т. е. волостныхъ и сельскихъ старшинъ. Что касалось раскольниковъ болѣе вредныхъ сектъ, то ихъ разрѣшено было назначать только въ десятскіе, полѣсовщики, сторожа и подобныя низшія служебныя должности, проходя которыя, они не могли бы начальственно вліять на другихъ въ смыслѣ прямо или косвенно благопріятствующемъ сектантству[1]). Сверхъ того, послѣдователи этихъ-же болѣе вредныхъ сектъ отстранялись отъ свидѣтельства въ тяжебныхъ и гражданскихъ дѣлахъ „особливо противъ православныхъ"[2]). 10 іюня 1853 г. было постановлено, чтобы ни по какимъ случаямъ раскольники не удостоивались знаковъ отличія и почетныхъ титуловъ[3]). Но еще гораздо раньше состоялись повелѣнія на тотъ счетъ, дабы ни одно раскольническое общество и никакое раскольническое заведеніе, какъ не признанныя закономъ, не имѣли права пріобрѣтать собственности ни по крѣпостнымъ актамъ, ни по духовнымъ завѣщаніямъ[4]).

Въ первые годы царствованія Императора Александра II дѣйствовали унаслѣдованныя постановленія и распоряженія относительно раскола. Но мало по малу гуманное направленіе верховныхъ указаній Царя-Освободителя начало сказываться и въ той сферѣ дѣлъ, которой касаемся въ настоящемъ мѣстѣ. Во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ раскольники получили дозволеніе на перестройку обветшалыхъ часовень или на открытіе часовень дотолѣ запечатанныхъ[5]). Прежде практиковавшіеся розыскиванія скрывающихся въ старообрядчествѣ бѣглыхъ поповъ съ 1858 г. были прекращены[6]). Нѣкоторые изъ представителей старообрядчества за пожертвованія на государственную или общественную пользу и вообще за гражданскія заслуги удостоились награжденія Высочайшей благодарностію, или знаками отличія. Старообрядцы въ средѣ сельскихъ обывателей получили право на избраніе въ сельскіе старосты и помощники волостныхъ старшинъ[7]). Особенно смягчилось положеніе раскола со времени изданія постановленій о немъ отъ 16 августа 1864 г. Постановленія гласили:

Дозволить раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ творить общественную молитву, исполнять требы и совершать богослуженіе какъ въ домахъ, такъ и въ особо предназначенныхъ къ сему молитвенныхъ зданіяхъ и на клад-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 249—251. Распоряженіе отъ 17 февраля 1839 г. - Раскольниками вредныхъ сектъ въ то время признавались непріемлющіе священства и немолящіеся за царя.

[2]) Тамъ-же, стр. 195.

[3]) Тамъ-же, стр. 513—514, 515.

[4]) Тамъ-же, стр. 160, 163, 186, 191.

[5]) Тамъ-же, стр. 550—551, 552, 599—600, 620, 623, 624, 638, 645, 649—650 и т. д.

[6]) Тамъ-же, стр. 547—548, 556. Распор. отъ 24 апр. и 2 окт. 1858 г.

[7]) Тамъ-же, стр. 582—583, 603—604.

бищахъ, но безъ публичнаго, соблазнительнаго для православныхъ оказательства.

Допускать исправленіе приходящихъ въ ветхость часовень и другихъ молитвенныхъ зданій съ особаго каждый разъ разрѣшенія начальника губерніи и съ тѣмъ условіемъ, чтобы эти молитвенныя зданія не имѣли наружныхъ признаковъ православнаго храма (т. е. колоколовъ, крестовъ наддверныхъ иконъ).

Дозволить распечатаніе закрытыхъ молитвенныхъ домовъ съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, по предварительномъ о каждомъ случаѣ сношеніи начальника губерніи съ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, но такъ, чтобы распечатаніе производилось безъ всякой торжественности. Дозволенія этого, однако, не распространять на раскольничьи монастыри и скиты, распечатанія которыхъ ни въ какомъ случаѣ не допускать.

Въ мѣстахъ, гдѣ уничтожены прежнія молельни и гдѣ раскольники менѣе вредныхъ сектъ остались безъ всякихъ средствъ къ общественному моленію, допускать съ разрѣшенія министра внутр. дѣлъ обращеніе на сей предметъ жилыхъ зданій съ тѣмъ, чтобы къ нимъ не было придѣлываемо внѣшнихъ украшеній, свойственныхъ православнымъ храмамъ.

„Никого изъ исполняющихъ духовныя требы у сихъ раскольниковъ не подвергать преслѣдованіямъ или стѣсненіямъ, кромѣ случаевъ, когда требоисправители навлекутъ на себя дѣйствіе общихъ уголовныхъ законовъ, но и не признавать за ними духовнаго званія и сана, а считать въ порядкѣ гражданскомъ принадлежащими къ тѣмъ сословіямъ, въ которыхъ они состоятъ. Переходовъ къ раскольникамъ поповщинской секты священно-служителей православной церкви на будущее время не допускать“.

Раскольники болѣе вредныхъ сектъ по-прежнему лишались права имѣть часовни и особыя молельни, но имъ не запрещались „сходбища“ въ домахъ, если сими сходбищами не будутъ нарушаемы общія правила благочинія и общественнаго порядка.

По отношенію къ гражданскимъ правамъ раскольниковъ тѣми же постановленіями между прочимъ узаконялось:

Въ тѣхъ обществахъ, гдѣ раскольниковъ болѣе, нежели православныхъ, допускать раскольниковъ менѣе вредныхъ сектъ къ занятію должностей сельскихъ старостъ, добросовѣстныхъ, волостныхъ старшинъ, сборщиковъ податей и др., кромѣ должности городского головы съ тѣмъ, однако, чтобы тамъ, гдѣ волостнымъ старшиной будетъ раскольникъ, помощникъ его долженъ быть изъ православныхъ.

„Не удостоивая послѣдователей болѣе вредныхъ сектъ никакихъ знаковъ отличія или почетныхъ званій, относительно раскольниковъ менѣе вредныхъ предоставить надлежащимъ начальствамъ объ исключительныхъ случаяхъ, составляющихъ государственную заслугу или особые подвиги благотворительности такихъ раскольниковъ, по собраніи нужныхъ свѣдѣній, подвергать на Высочайшее благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества“.

Разрѣшить раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ учреждать школы грамотности для обученія чтенію, письму, 4-мъ правиламъ ариѳметики съ подчиненіемъ сихъ школъ общему училищному надзору, „впрочемъ безъ всякаго поощренія или поддержки со стороны правительства“ [1]).

Постановленія, которыя цитуемъ, черезъ десять лѣтъ были довершены закономъ 19 апрѣля 1874 г. о метрической записи браковъ, рожденій и смерти раскольниковъ. Въ облегченіе гражданскаго положенія раскола законъ доводилъ до его свѣдѣнія, что раскольники, записанные въ сказкахъ X-ой ревизіи мужемъ и женой, признаются супругами, состоящими въ законномъ бракѣ, а показанныя по ревизіи дѣти ихъ почитаются ихъ законными дѣтьми, „доколѣ правильность означенныхъ показаній не будетъ опровергнута по суду“.

Дѣти, прижитыя послѣ названной ревизіи, и потому въ ревизскія сказки не включенныя, также будутъ признаваемы законными, если по ихъ ходатайству, или по просьбѣ родителей и опекуновъ, будутъ записаны въ метрическую книгу.

И вообще браки раскольниковъ, „заключенные по обрядамъ ихъ вѣрованія“, отселѣ пріобрѣтаютъ силу и послѣдствія законныхъ браковъ чрезъ записываніе ихъ въ установленныя при полицейскихъ и волостныхъ правленіяхъ метрическія книги. Но при такой записи отъ обоихъ супруговъ требуется подписка въ томъ, что *они принадлежатъ къ расколу отъ рожденія* [2]).

Принимая съ своей стороны мѣры, направленныя къ ослабленію раскола, или, по крайней мѣрѣ, разсчитанныя на препятствія къ его развитію, правительство прежде всего и больше всего желало духовнаго воздѣйствія на заблудшихъ съ цѣлью примиренія и соединенія ихъ съ церковью. Изобличенные раскольническіе совратители, какъ равно и совращенные, предварительно поручались увѣщаніямъ мѣстнаго духовенства. При безуспѣшности этой мѣры, для дальнѣйшихъ и болѣе усиленныхъ вразумленій и наставленій, они вызывались въ дух. консисторію или даже къ епархіальному епископу за исключеніями въ тѣхъ случаяхъ, когда совратители или совращенные, за отдаленностію по мѣстожительству отъ епархіальнаго города, могли остаться на увѣщаніи у благочиннаго или у другого избраннаго епархіальнымъ начальствомъ лица. Если бы увѣщеваемые и послѣ того оказали упорство въ противленіи церкви, они подвергались отсылкѣ къ гражданскому суду [3]). Высшія свѣтскія и духовныя власти не разъ указывали, что ближайшіе служители церкви, дѣйствуя въ отношеніи къ

---

[1]) Собраніе постанов. по ч. раскола 613—615. Распоряженіе *по пересмотру постановленій о раскольникахъ* отъ 16 авг. 1864 г.—Сектами болѣе вредными признавались въ то время тѣ, послѣдователи которыхъ „въ противность ученія святой, соборной церкви: а) не признаютъ пришествія въ міръ Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа; б) не признаютъ никакихъ таинствъ и никакой власти Богоуставленною; в) допускаютъ, при наружномъ общеніи съ церковію, человѣкообожаніе, г) посягаютъ на оскопленіе себя и другихъ на основаніи богохульнаго ученія; д) отвергаютъ молитву за царя и в) отвергаютъ бракъ или допускаютъ срочные, временные супружескіе союзы“. --Тамъ же, стр 610.

[2]) Собраніе постановленій по ч. раскола, стр. 672, 682.

[3]) Тамъ-же, стр. 324 сн. 415 417 и 601.

религіозному разномыслію и заблужденію мечемъ духовнымъ, т. е. словомъ убѣжденія, не должны прибѣгать ни къ какимъ другимъ мѣрамъ внѣшняго давленія, стѣсненія или принужденія. Золотыя на этотъ счетъ мысли и слова изложены въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 1845 г. Апр. 5 дня „касательно образа дѣйствій преосвященныхъ и духовенства въ дѣлахъ съ раскольниками".

„Преосвященные должны, сколько можно чаще, внушать священникамъ тѣхъ приходовъ, гдѣ живутъ раскольники, а) обращаться съ ними отнюдь не презрительно и враждебно, а кротко и миролюбиво и, наблюдая во всемъ благоразумную умѣренность и осторожность, ничѣмъ не раздражать ихъ ни въ рѣчахъ, ни въ дѣйствіяхъ; б) прежде всего дѣйствовать на нихъ собственнымъ примѣромъ строгой, неукоризненной, христіанскимъ пастырямъ приличной благочестной жизни, исполненной духа теплой, безкорыстной любви не только къ прихожанамъ православнымъ, но и заблудшимъ; в) удаляться въ житіи своемъ отъ всего, что могло бы дать пищу предосудительнымъ толкамъ и злословію, тѣмъ паче избѣгать въ дѣйствіяхъ своихъ того, что могло бы дать поводъ раскольникамъ къ ропоту и жалобамъ; д) для обращенія ихъ ни въ какомъ случаѣ не прибѣгать къ инымъ средствамъ, кромѣ указуемыхъ достоподрожательнымъ примѣромъ святыхъ ревнителей о спасеніи душъ, т. е. духовнаго увѣщанія, раствореннаго любовію, кротостію, долготерпѣніемъ; е) такія духовныя увѣщанія дѣлать, пользуясь благопріятными къ собесѣдованію случаями; ж) пріобрѣтать уваженіе и довѣріе раскольниковъ разсудительнымъ и безпристрастнымъ образомъ мыслей и дѣйствій, опытностію, скромностію, сострадательностію и др. подобными свойствами; з) ни подъ какимъ видомъ не вмѣшиваться въ ихъ раскольническія требы, ниже въ какія-либо полицейскія распоряженія о противозаконныхъ дѣйствіяхъ, преслѣдованіе коихъ не есть дѣло духовенства; и) ни въ какихъ дѣлахъ по предмету раскола не обращаться съ требованіями или доносами къ свѣтскимъ властямъ, но доводить о томъ до свѣдѣнія своего епархіальнаго архіерея; і) къ православію изъ раскола присоединять только лицъ, изъявляющихъ собственное непринужденное, искреннее на то желаніе и т. д." [1]).

Понятно, что всѣ строгія противу раскола распоряженія и мѣропріятія имѣли приложеніе и къ Томскому расколу. Большинство раскольническихъ часовень и моленъ по Томской губерніи было закрыто и колокола отъ нихъ были отобраны. Въ случаѣ подозрѣнія, что тамъ или здѣсь происходило богослуженіе въ частномъ домѣ, послѣдній подвергался обыску и, когда подозрѣніе оправдывалось, хозяинъ такого дома привлекался къ отвѣтственности [2]). Найденные скиты уничтожались съ нерѣдкимъ переводомъ скитниковъ въ острогъ, хотя не за содержаніе раскола, а за безписьменность и упорное замалчиваніе отно-

[1]) Собр. постанов. по ч. раск., стр. 353—355. Сн. стр. 546, 557.—Мы представили только краткій обзоръ общихъ гражданскихъ мѣропріятій противъ раскола, но думаемъ, что для нашихъ цѣлей онъ совершенно достаточенъ.

[2]) См., наприм., дѣло о многихъ крестьянахъ, судимыхъ въ 1842 г. за составленіе молитвенныхъ собраній въ своихъ частныхъ домахъ. Въ арх. Губ. Прав.; св. 733 № 322.

сительно ихъ званія. При многочисленныхъ обыскахъ въ моленныхъ, скитахъ и частныхъ раскольническихъ домахъ книгъ и рукописей было отобрано множество. Въ Нелюбинскомъ скитѣ Вихляева было взято до 80 книгъ и рукописей, въ Маріинскомъ скиту, открытомъ въ 1870 г., –32 книги.[1]) У пустынниковъ въ вершинахъ р. Убы засѣдатели Зв... и Б–скій, кромѣ цѣнныхъ старопечатныхъ книгъ, взяли харатейныя выписки, коими раскольники дорожили чрезвычайно. Впрочемъ, бл. Шавровъ извѣстилъ, что засѣдатели взятое возвратили, хотя, по его словамъ, не безкорыстно.[2]) При обыскѣ молельни, самовольно устроенной на дворѣ крестьянина Кузнецкаго округа деревни Никольской Тимофея Долгихъ, были, напр., взяты для разсмотрѣнія въ Дух. Консисторію: 1) Кормчая, напечатанная въ 7161 г.; 2) Альфа и Омега—супрасльской печати; 3) Часовникъ, напечатанный въ Москвѣ при патр. Іосифѣ; 4) Цвѣтникъ рукописный; 5) Тріодь цвѣтная, напеч. при патр. Іовѣ; 6) житіе св. Николая Чудотворца—писанное; 7) Часовникъ, напечатанный въ Могилевѣ; 8) Субботникъ, напечатанный въ Гродно въ лѣто 7294-е; 9) Уставъ о постахъ и домашней молитвѣ, напеч. въ Почаевской типографіи[3]). Раскольникъ с. Суджинскаго Вас. Порѣчный послѣ обыска въ его домѣ вынужденъ былъ выдать обыскивавшимъ то, что считалъ своимъ главнымъ достояніемъ, именно: Апостолъ, Тріодь цвѣтную, Минею мѣсячную, Слѣдованную псалтирь и др. богослужебныя книги старой печати, всего въ 12 экземплярахъ [4]). У раскольника Вас. Чернятина при обыскѣ также взяли 13 книгъ—цѣнныхъ вообще и для Чернятина въ особенности. [5]).

Обыски книгъ и картинъ происходили далеко не всегда такъ, какъ было указано въ законѣ. Засѣдатель Э... самъ разсказывалъ въ оффиціальной бумагѣ:—„Проѣзжая съ Тальменскимъ волостнымъ начальникомъ по дѣламъ службы чрезъ дер. Ново-Краюшкину, остановился я, по случаю перемѣны лошадей, въ этой деревнѣ и зашелъ въ домъ сельскаго старосты кр. Ларіона Краюшкина. Въ переднемъ углу дома на столѣ замѣтилъ большую толстую книгу и спросилъ хозяина: откуда и чья это книга? Краюшкинъ отвѣтилъ, что книга—Слѣдованная псалтирь;—она куплена отцомъ моимъ Платономъ, который этою книгою меня благословилъ“.—„А какъ по слухамъ извѣстно,—писалъ засѣдатель,—что въ Тальменской волости во многихъ деревняхъ крестьяне уклоняются въ поморскій расколъ и обрядовъ православной церкви не исполняютъ, то, поимѣвъ сомнѣніе на Краюшкина въ распространеніи имъ раскола, призналъ за необходимо—нужное взять означенную книгу“ для представленія въ Уѣздный Судъ [6]).

[1]) Дѣло Томск. консисторіи въ ея архивѣ за 1871 г., по описи I стола № 54.

[2]) Дѣло Томск. консисторіи „по рапорту благочиннаго Алексѣя Шаврова отъ 14 іюня 1871 г.“ Въ архивѣ Томск. консисторіи. Нач. 27 іюля 1871 г. по описи № 45.

[3]) Дѣло о разсмотрѣніи книгъ, принадлежащихъ кр. Долгихъ. Въ арх. Том. Кснсист. по оп. I стола № 3 за 1867 г.

[4]) Дѣло о возвращеніи кр. Порѣчному книгъ. Въ арх. консисторіи за 1869 г. № 25. Дѣло это доходило до Высочайшей власти.

[5]) Дѣло о книгахъ Чернятина въ арх. консисторіи за 1869 г., № 58.

[6]) Дѣло о книгахъ, пожертвованныхъ кр. Елисеемъ Григорьевымъ Краюшкинымъ для единовѣрческой церкви. Въ арх. Томск. консисторіи. Нач. 18 янв 1869 г. № 15.

Строгость взятій и заарестованій совратителей и совращенныхъ доходила нерѣдко до размѣровъ суровости, что, въ 1860 г., поставлено было на видъ губернскому начальству властію ген.-губернатора. Предупреждая такую суровость на будущее время, г.-губернаторъ указывалъ на слѣдующій примѣръ: одинъ изъ засѣдателей, арестовавъ раскольника, надѣлъ на него ножные кандалы, обрилъ часть головы и отослалъ въ земскій судъ по этапу, между тѣмъ вся вина арестованнаго состояла въ томъ только, что уклонился въ расколъ изъ единовѣрія[1]).

Бывали случаи, когда и духовенство, забывая о духовномъ мечѣ, какъ орудіи единственно его достойномъ въ борьбѣ съ заблужденіями, принимало на себя неблагодарное дѣло полицейскаго дозора надъ раскольниками, или дѣйствовало въ отношеніи къ нимъ слишкомъ властно и самоуправно. Въ 1842 г. свящ. с. Бердскаго насильственно, съ цѣлью обыска, вторгнулся въ моленную, устроенную въ д. Атамановой, чѣмъ произвелъ въ средѣ крестьянъ огромное раздраженіе[2]). Въ слѣдующемъ 1843 г. причтъ с. Космалинскаго, проѣзжая по приходу для исправленія требъ, встрѣтилъ въ дер. Быковой раскольническую похоронную процессію, при чемъ раскольники пѣли и кадили ладономъ изъ ковшей, наполненныхъ жаромъ. Причтъ потребовалъ, чтобы процессія остановилась и чтобы участники ея объявили: кто умершій и кто устроилъ публичныя похороны? Въ отвѣтъ изъ толпы выступило нѣсколько человѣкъ, которые, накинувшись на дьячковъ Старчесскаго и Минералова, нанесли имъ тяжкія побои. Избитые обратились съ жалобой къ старшинѣ, но отъ послѣдняго, «кромѣ сквернаго ругательства», ничего не услыхали[3]).

Въ домѣ только лишь упомянутаго крест. Василія Порѣчнаго обыскъ производилъ священникъ села Усманскаго Ч...скій вмѣстѣ съ діакономъ и понятыми. Священникъ с. Секисовки Багрянскій самолично отобралъ у раскольническаго дьяка Павла Дмитріева цѣлый кругъ богослужебныхъ книгъ и т. д. [4]). Мы уже видѣли, насколько неудобно для своего положенія вошелъ въ розыски авторитетнаго въ расколѣ пустынника Балуева священникъ Щ—левъ. Зоркость внѣшняго и начальственнаго наблюденія за расколомъ со стороны единовѣрческаго священника и вмѣстѣ благочиннаго единовѣрческихъ церквей о. Ш..... простиралась до размѣровъ, при которыхъ въ Бійскомъ расколѣ не могло произойти ничего сколько-нибудь не зауряднаго, что потомъ не стало бы извѣстно властямъ въ губернскомъ городѣ. Масса поступившихъ отъ него донесеній имѣла послѣдствіемъ то, что, по оффиціальному отзыву одного чиновника горнаго вѣдомства, имя благоч. Ш..... стало страшно и ненавистно не только у алтайскихъ раскольниковъ, но и у единовѣрцевъ [5]).

---

[1]) Дѣло Губ Прав. за 1860 г.; св. 745, № 14.
[2]) Д. Губ. Правл.; св. 734 за 1842 г.
[3]) Д. Губ. Прав.; св. 734 за 1843 г.
[4]) Д. губ. правл.; св. 744 № 25.
[5]) Д. Губ. арх.; св. 98.

Какъ увидимъ, браки, заключаемые въ расколѣ сводомъ, полиція, по указаніямъ и настояніямъ изъ губернскаго города, должна была во множествѣ случаевъ расторгать и въ особенности тогда, когда кто-либо изъ сведенныхъ по церковнымъ спискамъ числился православнымъ. Вообще громадное множество тайныхъ раскольниковъ, т. е. оффиціально значившихся православными или единовѣрцами, чрезвычайно осложняло и запутывало дѣло гражданской борьбы съ расколомъ, порождая огромныя для начальства хлопоты и соотвѣтствующую массу канцелярской переписки.

VI.

Средства, къ коимъ прибѣгалъ расколъ въ обереженіе своей цѣлости и самобытности въ виду практиковавшихся противъ него мѣропріятій.—Секретъ, какъ первое изъ такихъ средствъ.—Тайники при домахъ.—Пасѣки и ихъ роль въ охраненіи раскольнической тайны.—Потайники на пасѣкахъ и около нихъ.—Упорство въ непослушаніи начальственнымъ предписаніямъ и распоряженіямъ.—Самовольное открытіе запечатанныхъ часовень.—Трудность борьбы съ расколомъ въ дѣлахъ о часовняхъ.—Публичныя оказательства въ Томскомъ расколѣ.—Отстаиваніе въ расколѣ сводныхъ браковъ.—Огромное количество такихъ браковъ.—Сопротивленія при ихъ расторженіи.—Затрудненія мѣстныхъ властей въ борьбѣ со сводами при ихъ постоянной повторяемости и невыдержанность мѣстныхъ распоряженій противъ нихъ.—Многочисленныя прошенія и ходатайства о правахъ свободнаго слѣдованія расколу и о неприкосновенности раскола. Неудачи въ домогательствахъ.—Подложные указы и ихъ значеніе въ расколѣ.—Проявленія раскольническаго фанатизма.

Самъ собою является вопросъ: какъ жилъ и дѣйствовалъ нашъ Томскій расколъ въ виду исчисленныхъ ограниченій и стѣсненій. Какъ относился онъ ко всѣмъ практиковавшимся въ примѣненіи къ нему мѣропріятіямъ?—Тайна — вотъ первое средство, къ коему прибѣгалъ расколъ въ отстаиваніи своей цѣлости, самобытности,—своихъ интересовъ. „Узнать что замыслили раскольники той или иной мѣстности—очень не легко, писалъ Бійскій исправникъ,—они умѣютъ хранить свои секреты". Въ самомъ дѣлѣ, скиты существовали по 20 и болѣе лѣтъ, оставаясь невѣдомыми никому, кромѣ самихъ раскольниковъ. „Не знаю", „не помню"—это было обычнымъ отвѣтомъ сторонниковъ раскола на оффиціальныхъ допросахъ по дѣламъ, касающимся ихъ вѣры, ихъ жизни и ихъ дѣятелей. Съ такими отвѣтами мы знакомы изъ предшествующихъ страницъ, но и въ другихъ случаяхъ постоянно встрѣчаемъ: „крестилъ проѣзжающій попъ, а откуда онъ и какъ его звали—не знаю", „вѣнчалъ наставникъ, но чей—не вѣдаю". Типичны въ этомъ отношеніи показанія 80-ти лѣтняго старика Балуева, не знавшаго, кто въ его уединеніи доставлялъ ему пищу, кто писалъ къ нему письма и т. п. „Розыски по слѣдамъ путешествія лжеепископа Савватія, докладывалъ преосвященному одинъ изъ духовныхъ слѣдователей, чрезвычайно затруднительны. При спросѣ о Савватіѣ жителей Мочужинской заимки, всѣ они отозвались полнымъ невѣдѣніемъ относительно пріѣзда къ нимъ лжеархіерея" [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ упорное молчаніе и запирательство на допросахъ послѣдователи раскола считали даже требованіемъ своего нравственнаго долга. На слѣдствіи по поводу все того-же Савватія старикъ По-

---

[1]) Дѣло о Савватіѣ въ арх. Томск. консисторіи, л. 149.

тапъ Шмаковъ началъ было, вопреки ожиданіямъ, довольно подробно и откровенно излагать засѣдателю Пономареву, что зналъ о Левшинѣ, его спутникахъ и о попѣ австрійскаго посвященія Семенѣ Долговѣ. Но при вторичномъ, дополнительномъ допросѣ Шмаковъ заявилъ, „что касается пребыванія у насъ епископа Савватія и свящ. Семеона Долгова, то, хотя раньше мною и показано было подробно о ихъ пріѣздахъ къ намъ и о совершеніи ими священнодѣйствій, но теперь, зная, что они преслѣдуется за ихъ ученія, я уже ничего не могу сказать о ихъ проѣздахъ чрезъ селенія нашихъ старообрядцевъ, ибо эти проѣзды и священнодѣйствія проѣзжающихъ дѣлались тайно отъ начальства, почему и я, какъ обязанный сохранять въ тайнѣ ихъ священства, дорогія мнѣ и всѣмъ нашимъ (единовѣрцамъ), не желаю болѣе ничего объяснить и въ томъ повергаю себя на милосердіе начальства" [1]). Уличенный въ запирательствѣ относительно своего ближайшаго знакомства съ австрійскимъ попомъ Борисовымъ кр. Мих. Рубцовъ, наконецъ, признался слѣдователю:—„ранѣе въ своихъ отвѣтахъ я умалчивалъ о томъ попѣ. Но я дѣлалъ такъ потому, что онъ тайный священникъ. Такъ какъ онъ тайный священникъ, то я не могу объяснять носимый имъ санъ" [2]).

Нерѣдко и самые дома въ раскольническихъ поселкахъ устраивались съ секретными ходами и тайниками, и это не только у раскольниковъ-бѣгуновъ, но и у послѣдователей другихъ раскольническихъ согласій. Въ 1856 году засѣдатель Сосуновъ отыскивалъ попа Ѳому Егорова и военныхъ дезертировъ въ деревняхъ Тайнѣ и сосѣдней съ ней Карагайкѣ. Въ той и другой засѣдатель нашелъ хорошо устроенные потайники подъ 6 избами. Потайникъ подъ домомъ кр. Як. Ведерникова находился въ сторонѣ отъ подполья; хитро устроенный входъ въ него шелъ изъ задняго угла боковой въ домѣ комнаты и былъ заставленъ кроватью. Изъ потайника Сосуновъ вынулъ до 20 рукописныхъ и печатныхъ книгъ, чистые листы гербовой бумаги различной цѣнности, письма къ попу Ѳомѣ Егорову, копіи съ нѣкоторыхъ бумагъ Владимірской Д. Консисторіи въ Вязниковское Д. Правленіе, ящичекъ съ крохами для причащенія, двѣ мѣдныхъ лжицы, вѣнчики и разрѣшительныя молитвы для покойниковъ. На вопросы чиновника о потайникѣ и о найденныхъ въ немъ вещахъ Ведерниковъ объяснилъ, что устроилъ въ домѣ секретное помѣщеніе единственно для храненія книгъ, „такъ какъ начальство книги держать не дозволяетъ". Дары достались ему отъ отца, получившаго ихъ отъ старообрядческихъ священниковъ изъ Екатеринбурга [3]). „Потреблялъ" дары только онъ и его семейные въ случаяхъ болѣзни, а съ посторонними ими не дѣлился и т. д. Поморскій наставникъ въ д. Тычкиной Гавр. Зоринъ имѣлъ при своемъ домѣ подъ одной крышей пять келій съ выходами изъ нихъ, устроенными очень сложно и запутанно.

---

[1]) Тоже дѣло, л. 249.
[2]) Тоже дѣло, л. 237.
[3]) Дѣло Томск. Губ. Суда о свод. бракахъ у крестьянъ Смоленской вол. и объ убійствѣ Ив. Пухарева. Въ арх. Губ. Прав., св. 746.

Обильныя въ предѣлахъ Томской губерніи и въ особенности на Алтаѣ пчеловодныя пасѣки, заводимыя обыкновенно въ отдаленіи отъ селеній и деревень, представляли и представляютъ укромныя мѣста, удобныя для содержанія въ тайности какого угодно дѣла. На пасѣкѣ иной разъ проживалъ весьма опасный бродяга, на пасѣкахъ нерѣдко производилась фабрикація фальшивыхъ паспортовъ и даже кредитныхъ билетовъ и т. п. [1]) Мы уже знаемъ, насколько широко пользовались пасѣками для своего убѣжища разнаго рода пустынники. На пасѣкахъ, кромѣ того, укрывались заѣзжіе или преслѣдуемые расколоучители; сюда же, въ случаѣ нужды, увозили изъ часовни или моленной ея книжное достояніе,—отсюда передавали и продовольствіе въ скиты. Въ 1868 г. свящ. Корольковъ нашелъ нужнымъ доложить начальству, что кр. дер. Выдрихи Яковъ Кимасовъ, отставной урядникъ горнаго вѣдомства Сергѣй Космачевъ и переселенецъ изъ Тобольской губ. Ив. Шадринъ завели пасѣки въ отдаленныхъ вершинахъ рр. Черной и Бѣлой Убы сколько для пчеловодства, столько же, или еще больше, для того, чтобы помогать расколу пристанодержательствомъ [2]).

Въ свою очередь пасѣчныя избы иногда также скрывали подъ собою потайники. Обыскивавшій дд. Тайну и Карагайку упомянутый засѣдатель Сосуновъ осмотрѣлъ и нѣкоторыя изъ ближайшихъ къ тѣмъ деревнямъ пасѣки, и прежде всего открылъ потайникъ на пасѣкѣ кр. Даніила Никитина. Изъ пасѣчной избы входъ въ потайникъ шелъ чрезъ небольшое оконце, слегка замазанное глиною. По снятіи глины оказалось, что оконце закрывалось дверкою на петляхъ сверху,—оно вело въ подземную небольшую комнату, затѣмъ въ другую и третью; комнатки отдѣлялись одна отъ другой дверями и небольшими коридорами. Въ послѣдней изъ комнатъ была выложена печь, труба отъ которой выведена на нѣсколько саженъ въ каменку бани. Была и другая труба, назначенная для очищенія въ подземельѣ воздуха. Въ потайникѣ нашлись богослужебныя книги, токарный станокъ и около пуда сухарей. Затѣмъ были обслѣдованы два потайника подъ пасѣчными избами кр. Ив. О—ва (въ 15 верстахъ отъ Тайны); входы секретные,—одинъ проложенъ изъ погреба. Хозяинъ показалъ, что устроилъ потайники для храненія нужныхъ вещей и на случай, когда привелось-бы укрываться отъ воровъ. Слѣдующія два секретныя подземныя помѣщенія были найдены не на пасѣкахъ, а въ лѣсу по близости къ пасѣкамъ. Въ первый разъ на нихъ натолкнулся крестьянинъ православнаго исповѣданія Маркъ Матвѣевъ, бывшій „въ черни“ зимою для звѣринаго промысла. Въ одномъ изъ нихъ Матвѣевъ отыскалъ куски хлѣба, замерзшую воду въ посудѣ, двѣ пудовки сухарей, съ пудовку калины; второе помѣщеніе оказалось совершенно пустымъ. Оба потайника засѣдатель осмотрѣлъ 7 февр. 1856 г. и описалъ ихъ такъ. Патайники находились между пасѣками крестьянъ-

[2]) Напримѣръ, въ 1871 г. на Алтайской пасѣкѣ кр. Г—, подъ фундаментомъ бани, былъ найденъ свертокъ почтовой бумаги съ набросками въ чернѣ виньетокъ, бордюровъ и гербовъ для поддѣлки кредитныхъ билетовъ 25-ти рублеваго достоинства.

[3]) Дѣло въ арх. Томск. Консист., по оп. № 138 за 1868 г.

раскольниковъ Басаргина, Никитина и Овчинникова. Первый скрывался въ лѣсной гари,—входъ въ него, замаскированный колодникомъ, протягивался въ одну сажень и устроенъ былъ такъ, что по нему можно было пролѣзть только одному человѣку. Входъ велъ въ землянку съ потолкомъ, поломъ, оконцемъ и битою изъ глины печью. Второй—скрывался въ логу и сработанъ былъ по одинаковому образцу съ первымъ [1]).

Въ 1880 г. содержавшійся въ томскомъ тюремномъ замкѣ арестантъ Сидоренко заявилъ офицеру Пепеляеву, правда, въ темныхъ, сбивчивыхъ выраженіяхъ, что томскіе раскольники имѣютъ въ Чумышской волости свою тайную типографію. Если заявленіе Сидоренко было не лишено основанія, то, мы увѣрены, типографія помѣщалась въ потайникѣ на какой нибудь изъ многочисленныхъ чумышскихъ пасѣкъ [2]).

Тамъ, гдѣ тайна не приводила къ результатамъ, гдѣ вообще она не была приложима въ качествѣ оберегающаго средства, тамъ раскольники обнаруживали въ большинствѣ случаевъ молчаливое, но почти непреобѣдимое сопротивленіе. Часовни, закрываемыя и запечатываемыя по распоряженіямъ губернскихъ и епархіальныхъ властей, самовольно распечатывались то и дѣло. Такъ, самовольно были распечатаны часовни въ дд. Черемшанкѣ [3]), Шипициной, [4]) Шульбинской, [5]) Жарковой, [6]) Тычкиной, [7]) Яркульской [8]), Айской, Уймонской и др. Но еще до распечатанія приверженцы раскола все-таки не переставали служить въ той-же деревнѣ, гдѣ имѣлась часовня, ухитряясь переносить изъ нея всѣ неотобранныя богослужебныя принадлежности въ частный домъ. Въ дер. Айской, наприм., раскольники временно отправляли богослуженіе въ домѣ кр. Старыгина [9]), въ Яркульской—въ домѣ Бородина [10]). Не всегда стѣснялись раскольники производить въ часовнѣ или моленной поправки, когда эти зданія почему-либо оставались въ ихъ рукахъ. Въ какой мѣрѣ не легко было возиться съ раскольниками при запечатаніи часовень, показываетъ слѣдующее дѣло.

Изобразивъ большой вредъ отъ Уймонской часовни, въ которой служилъ одинъ изъ мѣстныхъ богачей Ошлаковыхъ, и которая Ошлаковыми же была перестроена безъ всякаго разрѣшенія, консисторія просила губернаторскаго содѣйствія о ея закрытіи. Губернаторъ не замедлилъ дать предписаніе Бійскому исправнику какъ о запечатаніи часовни, такъ и о томъ, чтобы произвелъ тщательное дознаніе о совратительныхъ дѣйствіяхъ одного изъ Ошлаковыхъ. Исправникъ поручилъ дѣло засѣдателю. Послѣдній рапортомъ отъ 12 ноября 1867 г. извѣстилъ своего ближайшаго начальника:

[1]) Дѣдо о свод. бракахъ кр. Смоленской вол. и проч. Въ арх. Губ. Прав, св. 746.
[2]) Д. въ арх. Губ. Прав. Св. 110 за 1880 г.
[3]) Отношеніе Барн. исправника Том. губернатору отъ 13 сентяб. 1810. Въ арх. Губ. Прав.; св. 88.
[4]) Дѣло о распечат. Шипицинской часовни. Въ арх. Губ. Пр.; св. 89.
[5]) Д. о Ново-Шульбинской часовнѣ. Въ арх. Губ. Пр.; св. 105. Сн. Д. Томск. Консист. № 129 за 1868.
[6]) Д. Томск. Консит. по оп. № 12. 1867 г.
[7]) Д. Губ. Прав. Св. 738. 1852 г.
[8]) Д. въ арх. Губ. Прав., св. 116. Сн. Д. Том. Консис. № 106 за 1867 г.
[9]) Д. въ арх. Губ. Пр., св. 89 № 117.
[10]) Д. въ арх. Губ. Пр., св. 116.

—Въ настоящее время попасть въ д. Нижне-Уймонскую, расположенную среди Алтайскихъ горъ на разстояніи 300 вер. отъ жилыхъ мѣстъ, совершенно невозможно, потому что большія горныя рѣчки, какъ Кок-су и Катунь, еще льдомъ не покрылись и до января едва-ли станутъ. По рѣкамъ идетъ теперь шуга (куски льда) съ такою быстротою, что теченію не можетъ противостоять не только лошадь, но и большія деревья и даже камни отъ скалъ. Кромѣ того, Ошлакова и дома нѣтъ: онъ погналъ закупленный скотъ для продажи въ Восточную Сибирь. „Затруднительно возложенное на меня порученіе и рискованно оно. Уймонцы—народъ своевольный;—они не постѣснились перекрыть часовню, не смотря на запрещеніе. А при закрытіи и уничтоженіи часовни розорвутъ въ клочки всякаго, кто осмѣлится прикоснуться къ ихъ святыни „еретическими" руками. Были примѣры въ Томской губерніи, что подобныя часовни уничтожались при содѣйствіи усиленной военной команды. Былъ случай и со мною. При выносѣ иконъ изъ часовни въ д. Топольной раскольники рѣшили меня убить, но такъ какъ въ Топольной половина жителей принадлежитъ православію, то отъ опасности я былъ предупрежденъ. Въ Уймонскомъ-же краѣ нѣтъ ни одного православнаго и, на растояніи 300 верстъ, ни одного селенія, откуда я могъ-бы получить помощь, и потому при исполненіи порученія долженъ буду рисковать своею жизнью. Тѣмъ не менѣе въ Уймонъ прибуду, лишь только дозволитъ путь».

Въ другомъ рапортѣ для большей полноты въ характеристикѣ жителей Уймоновъ засѣдатель писалъ, что „еще въ 1865 г. я долженъ былъ отбирать приговоръ отъ крестьянъ этихъ деревень и д. Усть-Коксу на избраніе изъ ихъ среды строителей и сборщиковъ для предположенной къ постройкѣ церкви. Всѣ крестьяне съ грубостію тогда заявили мнѣ, что не только несогласны на избраніе церковныхъ строителей и сборщиковъ, но и самой церкви нигдѣ вблизи строить не позволятъ, потому-что ни въ церкви, ни въ священникахъ никогда не нуждались и не нуждаются. Когда же я хотѣлъ записать ихъ имена, чтобы, въ исполненіе даннаго мнѣ указа, составить постановленіе объ ихъ отказѣ, никто именъ не сказалъ и, отвѣтивъ: „нѣтъ тебѣ до насъ дѣла", самовольно разошлись со схода". Кромѣ Ошлаковыхъ, вліятельнымъ среди Уймонцевъ человѣкомъ оказался, по словамъ засѣдателя, Осипъ Иродовъ, самовольный переселенецъ изъ Пермской губерніи. „На мою рѣчь о преступности совратительства въ расколъ Иродовъ вслухъ всего схода говорилъ, что въ Россіи за совратительство не преслѣдуютъ, что онъ знаетъ это доподлинно, такъ какъ самъ служилъ волостнымъ старшиною: «посторожились тамъ (въ Россіи), посторожились, да такъ на томъ и сѣли». Иродовъ, какъ и Ошлаковы, не оставятъ возбуждать однообщественниковъ въ защиту часовни".

Засѣдатель прибылъ въ д. Н. Уймонъ и часовню запечаталъ, причемъ, къ удивленію чиновника, толпа молчала, не обнаруживая ни малѣйшаго сопротивленія. А когда, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ той-же деревнѣ побывалъ самъ исправникъ, онъ нашелъ часовню открытой. На вопросъ: кто

распечаталъ?—отвѣтили, что печати или склевали птицы, или сломали дѣти, или, наконецъ, сорваны какимъ-нибудь неизвѣстнымъ человѣкомъ. Ни засѣдатель, ни исправникъ Ошлаковыхъ дома не заставали: они всегда отлучались по торговымъ дѣламъ, когда провѣдывали о пріѣздѣ начальства. Въ самовольно открытой Уймонской часовнѣ раскольники не переставали служить до 1873 г., когда отъ губернатора еще разъ послѣдовало строжайшее приказаніе о ея закрытіи [1]).

Не переставая составлять молитвенныя собранія въ часовняхъ и моленныхъ, самовольно открываемыхъ или самовольно вновь устрояемыхъ, томскіе раскольники не слишкомъ смущались и запрещеніями касательно публичнаго оказательства своихъ богослужебныхъ дѣйствій и обрядовъ. Въ дер. Черемшанкѣ въ часовню сзывали по колокольному звону [2]), а въ другихъ мѣстахъ, вмѣсто звона въ колокола, били въ чугунныя доски [3]). Многочисленные дьяки у раскольниковъ Крутоберезовской, Убинской и Алтайской волостей никогда не прекращали отправлять требы публично и сопровождать покойниковъ на кладбища съ иконами и громогласнымъ пѣніемъ [4]). Также поступали безпоповщинскіе наставники по Бійскому округу: Изосимъ и Андрей Медвѣдевы, Петръ Бѣлоусовъ, Самойло Плесовскій и др. [5]). Въ 1843 году раскольники Тальменской вол. деревень Казанцевой и Воскресенской обошли съ крестнымъ ходомъ чуть не всѣ селенія Чумышскаго района [6]). Расколоучитель д. Быструхи Ѳома Головановъ въ праздникъ Вознесенія 1852 г. устроилъ торжественную церковную процессію для служенія молебновъ на поляхъ о ниспосланіи дождя [7]) По донесенію бл. Іоанна Смирнова отъ 1870 года, австрійскіе лже-попы, проживавшіе по Барнаульскому окр., вели себя при богослуженіи также свободно и открыто, какъ и священники въ православныхъ приходахъ: „въ день Богоявленія ходятъ на воду съ торжественнымъ пѣніемъ при стеченіи сотенъ народа“ [8]). Но мы взяли только наиболѣе яркіе примѣры оказательства, откинувъ огромное множество болѣе мелкихъ фактовъ того-же рода.

Но въ чемъ расколъ заявлялъ себя съ особой силой и безбоязненностію, такъ это въ заключеніи свободныхъ браковъ, какъ обыкновенно назывались браки, повѣнчанные по раскольническимъ обрядамъ или совсѣмъ невѣнчанные, если не принимать во вниманіе родительскаго на бракъ благословенія. Конечно, въ виду существовавшихъ постановленій, по которымъ

---

[1]) Дѣло объ уничтоженіи раскольнической часовни въ д. Нижне-Уймонской. Въ арх. Губ. Правл. Св. 15 по архивной оп. № 40355.

[2]) Донесеніе Бійскаго исправника губернатору отъ 13 сентяб. 1840 г.

[3]) Д. о распростр. подложнаго циркуляра Министра Вн. Дѣлъ. Арх. Губ. Прав., св. 122. № 37556.

[4]) См., напр., дѣдо губ. правл. объ уклоненіи изъ единовѣрія въ расколъ крестьянъ Крутоберезовской волости. Въ арх губ правл; св. 744.

[5]) Дѣло въ арх. Губерн. Прав. Св. 101 за 1860 г.

[6]) Д. Губ. Прав. въ его архивѣ. Св. 734.

[7]) Дѣло о совратившихся изъ единовѣрія въ арх. Губ. Прав. Св. 98. Сн. д. по прошеніямъ сыновей Колесникова и др. Тамъ же, св. 122.

[8]) Д. въ арх. Томск Консист. № 220 за 1876 г.

дѣти отъ сведенныхъ браковъ не признавались законорожденными и въ силу соображеній о большей прочности церковныхъ браковъ, въ расколѣ находилось не мало людей, соглашавшихся на браковѣнчаніе въ православной церкви, но подписки о послѣдующемъ затѣмъ присоединеніи къ православію такія лица признавали для себя условіемъ крайне тяжкимъ. Поэтому раскольники издавна выискивали причты, не особенно требовательные на счетъ щекотливыхъ подписокъ. Священникъ с. Елбанскаго (Бійск. окр.) о. Покровскій въ своей запискѣ о состояніи раскола въ его приходѣ за 1865 г., между прочимъ, говорилъ: „намъ приходилось разговаривать съ раскольниками о прежнихъ священникахъ и раскольники доселѣ отзываются о нихъ съ признательностію. Прежде, говорятъ, была полная надежда на поповъ. Привези только награду, а то украдешь-ли невѣсту, или невѣста въ родствѣ, или тамъ годовъ не достаетъ—держать не станутъ, возьмутъ и дѣло сдѣлаютъ. Подписокъ этихъ и въ поминѣ не было, или тамъ, чтобы мvромъ или масломъ мазали. Говоришь прямо попу: сколько вашей чести за свадьбу?—Столько-то. Отдашь деньги и окрестился и обвѣнчался—все вмѣстѣ“ [1]) Впослѣдствіи такихъ сговорчивыхъ священниковъ не стало, хотя нельзя сказать, что окончательно.

Прослышали бійскіе раскольники объ исключительномъ въ данномъ случаѣ причтѣ Ямышевской крѣпости Тобольск. губерніи и потянулись къ нему для браковѣнчаній безъ всякихъ стѣсняющихъ обстоятельствъ. За 1843 г. тамъ повѣнчались со сговоренными невѣстами раскольники изъ д. Старо-Алейской Изотъ Тарасовъ, Кипріанъ Давыдовъ, д. Выдрихи Ѳедотъ и Петръ Ѳоминыхъ, Сильвестръ Кимасовъ; д. Екатеринской Кириллъ Раковъ; д. Гилевой Семенъ и Сергѣй Назаровы, Як. Кокоринъ, Ив. Гилевъ; д. Быструхи Ив. Головановъ, Самойло Поляковъ, Даніилъ Романовъ и мн. др. На это обстоятельство обратило вниманіе Алтайское Горное Правленіе и въ рапортѣ Томскому Губернатору и Главному Начальнику Алтайскихъ заводовъ просило не отказать въ сношеніи съ Тобольской д. Консисторіей объ удержаніи священно-церковно-служителей Ямышевскаго храма въ ихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Вѣнчаніе безъ присоединенія къ православію или единовѣрію, поясняло въ этомъ рапортѣ Горное Правленіе, противорѣчитъ 30 ст. X. т. св. закон. и при этомъ можетъ служить и служитъ къ усиленію и увеличенію раскола. Ямышевскій причтъ пересталъ вѣнчать[2]). Но вмѣсто него открылъ такую-же дѣятельность болѣе близкій къ бійскимъ старообрядцамъ причтъ Верхне-Каменской церкви (Алтайской вол.) и продолжалъ ее до тѣхъ поръ, пока не возникло по сему поводу дѣло въ Томской Консисторіи [3]).

Вѣнчаніе въ православномъ храмѣ и въ глазахъ тѣхъ старообрядцевъ, которые соглашались на него, было только гражданскимъ актомъ, отъ ко-

[1]) Дѣло со свѣдѣніями о состояніи раскола въ Елбанскомъ приходѣ. Въ арх. Томск Консист. за 1865 по оп. № 19.
[1]) Дѣло въ Арх. Губ. Пр.; св. 89.
[2]) Д. въ томъ же архивѣ, св. 97 за 1847 г.

тораго потомъ приходилось очищаться довольно продолжительной эпитимiей; а болѣе ярые раскольники не хотѣли обращаться за бракосочетанiями къ никонiанамъ ни въ какомъ случаѣ. За рѣдкими исключенiями не хотѣли обращаться сюда и остальные ихъ собратья по вѣрѣ, когда почему-либо разсчитывали, что правительство ничего не имѣетъ противъ сводовъ или даже признаетъ ихъ. Въ продолженiе 1853 г. по одному приходу единовѣрческаго селенiя Секисовки дьяки заключили 84 свода [1]), причемъ вошли въ счетъ только пары изъ среды уклонившихся отъ единовѣрiя, а по двумъ волостямъ Крутоберезовской и Убинской, къ коимъ принадлежало большинство деревень Секисовскаго прихода, въ слѣдующемъ 1854 г. сведено было 110 браковъ. Можно отсюда представить, въ какомъ множествѣ сводныя заключенiя повторялись по всему пространству губернiи.

Уже при производствѣ IX народной переписи, въ 1850 году, раскольники поповщинскихъ согласiй много толковали на тему, что правительство признало ихъ браки законными, такъ какъ распорядилось вносить поповщинскихъ сводныхъ женъ и прижитыхъ отъ нихъ дѣтей въ ревизскiя сказки на тѣхъ-же основанiяхъ, какъ онѣ вносятся у православныхъ. Еще сильнѣе пошла молва о гражданской признанности браковъ не только у поповцевъ, но и у безпоповцевъ послѣ X—ой переписи и особенно съ 1864 года въ виду изданныхъ и неправильно въ расколѣ истолкованныхъ постановленiй о неоспоримости брачныхъ постоянныхъ сопряженiй, хотя и неосвященныхъ вѣнчанiемъ въ церкви, но занесенныхъ въ оффицiальныя записи. Въ 1859 г. томскiй преосвящ. Парѳенiй жаловался исправляющему должн. томск. губернатора: „раскольники с. Солоновки разглашаютъ, что послѣ X-ой ревизiи сводные браки окончательно разрѣшены, и начали устраивать своды къ явному соблазну для православныхъ безъ всякаго соблюденiя правилъ о степеняхъ родства и узаконенiй о совершеннолѣтiи. Крестьян. Моисей Шадринцевъ женился на вдовѣ Колмогоровой, доселѣ состоявшей въ православiи, Иларiонъ Маркеловъ сошелся съ родственницей въ VI степени, Ив. Фефеловъ, вступилъ въ бракъ, будучи 17-ти лѣтъ. Видя такiе примѣры и окрестные крестьяне объявляютъ, что отнынѣ уже никогда не будутъ вѣнчаться въ православной церкви, а будутъ брачиться только по благословенiю родителей. И дѣйствительно въ окрестностяхъ Солоновки въ самое короткое время сошлось безъ вѣнчанiя болѣе 20 паръ“ [3]).

На упрекъ свящ. Тверетинова Гилевскимъ прихожанамъ — тайнымъ раскольникамъ: зачѣмъ устраиваютъ браки сводомъ?—Гилевцы отвѣтили: „почему не сводить, сводятъ же въ Секисовскомъ приходѣ. Тамъ за послѣднiе годы сведено до 300 браковъ“. Такъ жители д. Гилевой говорили въ 1866 году [4]). Около того же времени Бiйской земскiй судъ писалъ, что дѣлами о сводахъ онъ обремененъ до крайности, что ежегодно на его разсмотрѣнiе

---

[1]) Дѣло о совратившихся изъ единовѣрiя. Губ. Пр., св. 98.
[2]) Дѣло Губ. Правл. въ св. 740 за 1844 г., № 482.
[3]) Дѣло по отношенiю епископа Парѳенiя о сводныхъ бракахъ... Арх. Губ. Пр., Св. 104.
[4]) Д. о раскольникахъ с. Гилева. Арх. Томск. Консисторiи за 1866 г. № 45 по об. оп.

вступаетъ такихъ дѣлъ отъ 110 до 200[1]). Сколько за 1860—ые годы заключено было брачныхъ сожитій однимъ Ксенофонтомъ Гутовымъ въ его Жолтоногинской часовнѣ нѣтъ подсчета, но такъ какъ онъ вѣнчалъ у поморцевъ всего Чумышскаго края, то, разумѣется, обрачилъ громадное количество паръ. Не оставали отъ поморцевъ въ устройствѣ сводовъ и Чумышскіе поповцы особенно съ тѣхъ поръ, какъ на сводные браки, даже безъ вѣнчанія австрійскими попами, далъ разрѣшеніе лжеепископъ Савватій.

Вначалѣ 1870 годовъ Томскій губернаторъ писалъ Губернскому Правленію, что случаи сводныхъ браковъ не только у раскольниковъ между собою, но и у раскольниковъ съ православными, какъ видно изъ дѣлъ Общаго Губернскаго Управленія, дѣлаются вездѣ по губерніи постояннымъ явленіемъ [2]).

Мы уже цитовали жалобу преосвящ. Парѳенія по тому поводу, что раскольники при заключеніи своихъ сводовъ мало или почти вовсе необращали вниманія на узаконенныя правила о бракосочетаніяхъ. Не говоря уже о томъ, что въ своды то и дѣло вовлекались православные и единовѣрцы, раскольники игнорировали и запрещающія условія относительно родства и требованія о совершеннолѣтіи. Кромѣ случаевъ, указанныхъ въ отношеніи преосвященнаго, раскольники въ 1869 г. не постѣснились свести бракомъ двухъ родныхъ братьевъ съ двумя родными сестрами [3]) и дядю съ родной племянницей. Кр. Боровлянской вол. Шмаковъ обрачилъ сына съ дѣвицею Діевою въ то время, когда сыну было только 17 лѣтъ[4]). Раскольники д. Платовой Семкинъ и Юркинъ свели своихъ сыновей съ 15-ти лѣтними дѣвицами [5]). Пропившійся кр. Чумышской вол. с. Сорокинскаго Сем. Козловъ продалъ за штофъ водки свою 14-ти лѣтнюю дочь на сводный бракъ раскольнику д. Ново-Глушинской Норину. Мать этой дѣвочки, жившая, по пьянству мужа, врознь отъ него, отобрала у Норина дочь, но уже послѣ растлѣнія [6]).

Нечего говорить, что подразумѣваемое при заключеніи сводныхъ сопряженій условіе постояннаго сожительства сведенныхъ, держалось чрезвычайно шатко. Не будучи закрѣплены никакою солидною оффиціальностію, никакимъ документомъ, сводные браки разстраивались очень легко. Одинъ изъ раскольниковъ д. Желтоногиной, женившійся сводомъ на 15-лѣт. дочери православнаго поселенца, бросилъ ее, когда она заболѣла, и обрачился сводомъ-же съ другой [2]). Расколоучитель З—ковъ, вышедши изъ Тоб. губ. и покинувъ тамъ сводную жену, поселился въ д. Шипуновой (Барн. окр.) и здѣсь сошелся сводно съ дѣвицей Борковой. Отецъ послѣдней не былъ доволенъ этимъ бракомъ и настоялъ, чтобы дочь вышла за другого. З-ковъ послѣ

---

[1]) Дѣло о встрѣченныхъ гражданскимъ начальствомъ затрудненіяхъ при производствахъ слѣдственныхъ дѣлъ о расколѣ Арх. Томск. консист. за 1866, № 41.

[2]) Д. въ арх. Губ. Прав.; св 109 № 39467.

[3]) Д. о сводн. бракахъ въ арх. Губ. Прав. Св. 105 за 1865 г.

[4]) Д. въ томъ же арх. Св. 116 о Шмаковыхъ.

[5]) Д. въ томъ же арх. Св. 116, № 2013.

[6]) Д. въ арх, Томск. Консист. за 1867 г. № 106. Примѣры сведенія на бракъ несовершеннолѣтнихъ см. еще въ дѣлѣ Губ. Прав.; св. 745 № 278.

того пересилился въ дер. Островную (Барн. же окр.), гдѣ вступилъ въ новый бракъ съ дѣв. Бубенковой [1]). Родители кр—на д. Инюшевой Онуфрія Волкова озаботились обрачить его, когда ему было 16 съ половиной лѣтъ, съ дѣвицей Еленой Сартаковой. Чрезъ полгода Сартакова отъ него ушла и повѣнчалась въ церкви с. Думчева съ кр. Дементіемъ Койновымъ. Вновь женился и Онуфрій, сговоривъ за себя дѣв. Акилину Волкову. Замѣчательно, что въ обоихъ случаяхъ его вѣнчалъ одинъ и тотъ-же австрійскій попъ Ив. Максим. Борисовъ съ такимъ же, австрійскимъ, діакономъ Николаемъ Черновымъ. „Сводные браки и всевозможнаго вида незаконныя сожительства, писалъ въ благочинническомъ отчетѣ свящ. Правдинъ, встрѣчаются въ расколѣ постоянно. Сходятся оба пола для сожительства и расходятся такъ легко, что нужно изумляться. Каждый мужъ не можетъ быть увѣренъ, что чрезъ мѣсяцъ или чрезъ годъ не разстанется съ пріобрѣтенной женой, равно и всякая жена, особенно если не имѣетъ дѣтей, можетъ всегда быть брошенной мужемъ. Со стороны мужчинъ случаи покинутія женъ сравнительно всетаки рѣдки, такъ какъ пріобрѣтеніе жены раскольнику стоитъ немалыхъ денегъ. Жены же покидаютъ мужей весьма легко" [2]).

Жены оставляли и оставляютъ мужей въ случаѣ недовольства ихъ обращеніемъ съ ними, ихъ поведеніемъ, ихъ имущественнымъ состояніемъ, или же когда супругѣ сталъ любъ другой, съ которымъ измѣнница входила въ тайные переговоры для новаго брака и затѣмъ тайно, покинувъ прежнюю семью, уходила въ новую. Вотъ характерный примѣръ, какъ при общей распущенности нравовъ въ безпоповщинскомъ расколѣ свободно относятся къ браку безпоповщинскія женщины.—„Родители мои, говорила молодая раскольница судебному слѣдователю, исповѣдуютъ поморскую вѣру, по которой любовная связь женщины съ постороннимъ мужчиною ничего не значитъ. Я, напримѣръ, стала имѣть любовную связь съ разными лицами очень рано. 17-ти лѣтъ вышла замужъ своднымъ бракомъ за крестьянина Ив. Петрова, по фамиліи *не знаю*. Съ нимъ жила всего полгода, въ теченіе котораго имѣла связь со многими, и потому не знаю отъ кого забеременила и родила дѣвочку. Съ Петровымъ разошлась и состояла въ связи съ Кипріаномъ Ивановымъ три года. Его бросила и вышла опять своднымъ бракомъ за кр. Петра Исаева, съ которымъ живу и по сіе (1889 г.) время" [3]). Уходя отъ мужа по тому или другому поводу, раскольническая женщина нерѣдко начинаетъ искъ съ нимъ изъ за принесеннаго ею въ приданное имущества. Распри рѣшаются большею частію волостнымъ судомъ. Насколько часты бываютъ подобные процессы, можно судить потому, что въ одной Владимірской волости ихъ разбирается иной годъ до 100 [4]). Но къ

---

[1]) Д. о не законномъ проживаніи кр. З—ва Старобутырскомъ приходѣ. Въ арх. Том. К. за 1866 г. № 48.

[2]) Благочиннический отчетъ свящ. Правдина за 1893 г.

[3]) Д. Бѣликовъ. Старообрядческій расколъ въ Томск. Губ. по судебнымъ даннымъ, стр. 21. Имена здѣсь измѣнены.

[4]) Извлеченіе изъ отчета о состояніи и дѣятельности Томскаго противо-раскольническаго Братства за 188⁵/₆ г. Отд. оттискъ изъ Епарх. Вѣдом.

суду, хотя бы во Владимірскомъ волостномъ Правленіи, волость котораго наполнена раскольниками, можно было обращаться только по имущественнымъ вопросамъ, связаннымъ съ браконарушеніемъ, но не по дѣламъ о самомъ браконарушеніи. Въ обереженіе прочности сводовъ, тѣмъ болѣе нигдѣ не записанныхъ, ничѣмъ неоформленныхъ, раскольники выступали только съ одною силою—силою жестокаго самоуправства. Кр. Смоленской вол. д. Тайны Варѳоломей Родіоновъ 22 іюля 1856 г. заявилъ засѣдателю: – Назадъ тому три года дочь его Ульяна, по благословенію дѣдушки, сведена была для брака съ кр. д. Верхне-Сѣтовской Григоріемъ Алексѣевымъ, проживающимъ въ д. Тайнѣ по должности сельскаго писаря. Алексѣевъ началъ часто бить Ульяну, недавно изломалъ объ нея грабли и изодралъ въ клочки все ея одѣяніе. Она ушла къ нему—Родіонову, но чрезъ старосту Алексѣевъ вытребовалъ жену и посадилъ ее подъ караулъ. Утромъ на другой день общественники составили сходъ, на которомъ порѣшили: „дабы жены, сведенныя съ мужьями, не могли уходить отъ нихъ, наказать Ульяну розгами“. Наказывали жестоко въ четыре пріема, и послѣ каждаго раза обливали водой. Родіоновъ просилъ засѣдателя заступиться за дочь. Засѣдатель заступился, отобралъ Ульяну отъ Алексѣева и передалъ ее отцу. Отецъ, во избѣжаніе мести со стороны писаря, на время отправилъ дочь въ Бійскъ. Когда Ульяна снова вернулась въ Тайну къ родителямъ и отъ нихъ на нѣкоторое время отправилась въ гости въ д. Платову, писарь все-таки отомстилъ бывшей супругѣ, нанесши ей оскорбленіе тѣмъ, что съ товарищами обрѣзалъ у ея лошади хвостъ, гриву и холку [1]).

Дѣвицу Варвару Ванѣеву, вовлеченную въ сводъ съ раскольникомъ Ѳеофилактовымъ обманомъ изъ православной семьи, при попыткѣ бѣжать изъ раскольническаго дома, Ѳеофилактовы кнутомъ избили такъ, что едва осталась жива [2]). Съ нѣкоторыми фактами такихъ же истязаній мы встрѣтимся и потомъ. Но многое, что въ этомъ и въ подобномъ родѣ практиковалось и практикуется въ расколѣ, остается шитымъ и крытымъ.

Губернское и епархіальное начальство, разсматривая своды, какъ публичное оказательство раскола и, кромѣ того, примѣняя къ тѣмъ сводамъ, въ кои были вовлекаемы лица изъ православія или единовѣрія, 75 ст. устава о пресѣч. и предупр. преступленій, требовало, чтобы сведенные расходились. Но въ этомъ требованіи власти встрѣтили сопротивленіе, характеризующееся наибольшимъ упорствомъ и таковою-же ожесточенностію. „Вы“, говорили иногда раскольники православнымъ, „считаете наши браки блудомъ или прелюбодѣйствомъ. Мы не мѣшаемъ вамъ въ этомъ взглядѣ. Но зачѣмъ-же насъ разводить?—вѣдь, законъ не преслѣдуетъ за любодѣйство!“ [3]), и дѣлая такія и подобныя указанія, оставались по отношенію къ разводамъ ослушными.

---

[1]) Дѣло Томск. Губ. Суда о своди. бракахъ у крестьянъ Смоленской волости
[2]) Д. Бѣликовъ. Старообр. расколъ по судеб. даннымъ, стр. 16—21.
[3]) Дѣло въ Арх. Губ. Пр. Св. 98 - о свод. брак. Сн. д. въ томъ-же арх.; св. 740 № 920.

Въ другихъ случаяхъ сведенные расходились, но только на время. Въ 1843 г. раскольникъ Тарасъ Протопоповъ сведенъ былъ съ дѣвицей Ан. Гутовой. Ихъ развели послѣ 8—недѣльнаго сожительства, требуя, чтобы повѣнчались въ православномъ храмѣ. Оба отвѣтили, что лучше будутъ жить врозь, чѣмъ согласятся вѣнчаться у никоніанскаго попа, и прожили врозь 4 года [1]). На долго, при такомъ же требованіи, разошелся со сведенной женой и раскольникъ Худяковъ [2]). Но гораздо чаще расхожденіе длилось нѣсколько недѣль, дней и того меньше. Бійскій земскій судъ вынужденъ былъ признаться, что хотя онъ расторгаетъ своды, но разлученіе продолжается только до тѣхъ поръ, пока живетъ въ деревнѣ полицейскій чиновникъ, а какъ только онъ выѣхалъ, разлучившіеся опять сходятся и живутъ вмѣстѣ до новаго пріѣзда чиновника [3]). Да „разлучаемые, писалъ этотъ судъ, иной разъ и сами безъ стѣсненій заявляютъ, что соединятся снова, не смотря ни на какіе запреты".

Наконецъ, сведенные мужья отнимали всякую возможность отчужденія отъ нихъ женъ, утверждая, что у нихъ нѣтъ женъ, а есть нанятыя за плату стряпухи. Все тотъ же Бійскій судъ указывалъ: «раскольники, во избѣжаніе брако-разлученій, придумываютъ различные способы. Напримѣръ, мужчина, намѣреваясь жениться, условливается съ будущей женой въ томъ, что нанимаетъ ее въ услуженіе. И когда потомъ духовное и свѣтское начальство требуетъ отъ него развода, то крестьянинъ отвѣчаетъ, что у него не жена, а стряпуха. Если есть дѣти, то жена показываетъ: прижила ихъ съ проѣзжими неизвѣстными людьми (чаще всего съ суздальскими торговцами). Прочіе односельчане подтверждаютъ, что эта женщина дѣйствительно стряпуха такого-то, нанятая за такую-то плату" [4]).

Вотъ для примѣра показанія самихъ сведенныхъ для брачной жизни женщинъ изъ поморскаго раскола. Дочь заводскаго кр—на Бійскаго окр. Алтайской вол. д. Солоновки Ив. Кокшарова Сигклитикія, 22-хъ лѣтъ, вышедшая сводныъ бракомъ за кр. той же деревни Иларіона Ѳефелова, показывала исправнику въ 1858 году: „Назадъ тому не знаю настояще сколько времени, а уже болѣе года, проживая въ домѣ отца своего, по недостаточности его состоянія, не могла пріобрѣтать для себя одежды, и потому была отдана отцомъ моимъ въ работницы къ кр-ну нашей деревни Солоновки Маркелу Ѳефелову съ платою мнѣ по 10 руб. сер. въ годъ да еще, не знаю сколько, отцу моему. Проживая у Ѳефелова, я съ останавливавшимися проѣзжими торговцами-суздальцами имѣла разновременно блудную связь, оттого обеременила, и назадъ тому 8 недѣль родила ребенка,—дѣвочку. Дѣвочку крестила старуха Шадринцева и назвала ее по святцамъ, въ которые смотрѣлъ суздалъ, Пелагеею. Съ сыномъ же хозяина моего Маркела, Иларіономъ, я сводныъ бракомъ не сводилась и любовной связи съ нимъ не имѣла и не имѣю" [1]).

---

[1]) Дѣло въ арх. Губ. Пр. Св. 122 за 1849 г. Сн. св. 735 № 511.
[2]) Д. въ той же связкѣ за 1844 г.
[3]) Дѣло о встрѣченныхъ граждан. начальствомъ затрудненіяхъ въ слѣд. дѣлахъ о расколѣ.
[4]) То-же дѣло.

Вдова крестьянка той-же деревни Марфа Моисеева выдала сводомъ дочь свою Аксинью за кр. Устина Большакова съ принятіемъ зятя въ свой домъ. Аксинья на допросѣ говорила тому-же исправнику.... „Имѣю двухъ дѣтей сына Ивана—1-го года и дочь Θеодосью—4 недѣль. Съ крестьян. Устиномъ Большаковымъ своднымъ бракомъ не сводилась, а живетъ онъ у насъ другой годъ въ работникахъ, не знаю по какой цѣнѣ; блудной связи я съ нимъ не имѣла, а дѣтей прижила отъ любовной связи съ посторонними проѣзжающими людьми“ [1]).

Слѣдуетъ замѣчатить, что къ такому обману прибѣгали не только раскольники безпоповцы, но и старообрядцы поповщинскихъ толковъ [2]).

Естественно, что въ кругу изложенныхъ обстоятельствъ высшія западно-сибирскія и губернскія власти, предпринявшія борьбу со сводами, стали въ затруднительное положеніе, рекомендуя и предписывая то строгія мѣры, то снисхожденіе. Въ продолженіе 1840-хъ годовъ сводные браки расторгались у всѣхъ раскольниковъ явныхъ и тайныхъ. Не знаемъ точно съ какого изъ начальныхъ 1850-хъ годовъ Томское Губернское Правленіе распорядилось входить въ изслѣдованіе только о тѣхъ сводахъ, когда кто-либо изъ сведенныхъ, или, въ данной парѣ, оба они, принадлежа прежде православію, уклонились отъ него, а своды между раскольниками отъ рожденія оставлять безъ послѣдствій. Бійскій Земскій Судъ нашелъ это распоряженіе неудобнымъ и просилъ губернатора объ его отмѣнѣ съ такимъ мотивомъ: „если не преслѣдовать сводные браки, между раскольниками вообще, безъ подраздѣленія ихъ на бывшихъ въ православіи и не бывшихъ, тогда въ Бійскомъ округѣ, гдѣ такъ много раскольниковъ, это послужитъ соблазномъ для присоединившихся къ единовѣрію. Губернаторъ призналъ указаніе Бійскаго суда основательнымъ и, не рѣшаясь отмѣнить распоряженіе Губерн. Правленія собственною властію, 17 февраля 1858 г. отправилъ ходатайство о томъ къ генералъ-губернатору Западн. Сибири. По разсмотрѣніи излагаемаго дѣла Совѣтъ Главн. Упраленія Зап. Сибири 27 февраля того же 1858 г. положилъ: „Такъ какъ по ст. 77 XIV т. уст. о предупр. и пресѣч. преступленій всякое внѣшнее оказательство ереси со стороны послѣдователей ея строжайше запрещается; подъ внѣшнимъ же оказательствомъ по указу 22 іюня 1825 г. (примѣч. къ ст. 77 XIV т. уст. о предупр. преступ.) должно разумѣть и *вѣнчаніе* по обрядамъ, неимѣющимъ сходства съ христіанскими, то и сводные браки, въ кои вступаютъ раскольники между собою, не должны быть, на основаніи вышеприведенныхъ правилъ, оставляемы безъ преслѣдованія. Посему дѣла о сводныхъ бракахъ раскольниковъ между собою, по обнаруженіи ихъ слѣдствіемъ, передавать для опредѣленія виновнымъ должнаго взысканія въ судебныя мѣста, въ коихъ должны быть разсматриваемы порядкомъ, вообще для дѣлъ уголовныхъ установленнымъ“. Утвержденное г.-губернаторомъ Гасфортомъ положеніе вошло въ силу, и своды, въ предѣлахъ Томской губер.,

[1]) Дѣло по отношенію еписк. Парθенія о сводныхъ бракахъ, между прихожанами Ново-Тырышкинскаго села и проч. Губ. архивъ, св. 104 по арх. оп. № 10449.

[2]) См., наприм. дѣло Губ. Прав; св. 744 № 305, л. 65.

снова стали подвергаться разлученіямъ не только въ средѣ уклоняющихся отъ православія, но и у раскольниковъ коренныхъ [1]).

26 пунктомъ приговора отъ 19 января 1859 года по дѣлу объ уклонившихся изъ единовѣрія въ расколъ крестьянъ Крутоберезовской и Убинской волостей Томскій Губернскій Судъ опредѣлилъ: „Сводные браки по раскольническимъ обрядамъ считать недѣйствительными. Но если (сведенные) пожелаютъ повѣнчаться въ церкви, то поступить съ ними на основаніи 30 ст. X т. св. зак.—о союзѣ брачномъ. Дѣтей, отъ сводныхъ браковъ считать незаконными и причислять ихъ къ семействамъ матерей, обязавъ отцовъ по силѣ 1289 ст. улож. обезпечить содержаніемъ младенцевъ; а въ томъ случаѣ, когда (отцы) откажутся неимѣніемъ средствъ, то исполненіе сего возложить на родителей сведенныхъ дѣвицъ, виновныхъ въ допущеніи къ противузаконному сожитію дѣтей своихъ“ (дочерей). Ближайшимъ образомъ подъ силу этого опредѣленія подпало 110 сводовъ, заключенныхъ раскольниками въ Бійскомъ округѣ.

Сведенные заявили, что въ церкви они вѣнчаться не хотятъ но и не разойдутся добровольно. Консисторія просила Губернское Правленіе не отказать въ зависящихъ распоряженіяхъ „относительно разлученія сведенныхъ отъ беззаконнаго сожительства“. Губернское Правленіе, не нашедъ въ судебномъ приговорѣ основаній для разлученія, отвѣтило Консисторіи отказомъ. Послѣдняя повторила свое представленіе съ большею настоятельностію, при чемъ указывала, что въ 38 ст. 1 ч. X тома свода зак. ясно сказано, что лица, коихъ бракъ надлежащимъ духовнымъ судомъ признанъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ, немедленно, по сношеніи епархіальнаго начальства съ гражданскимъ, разлучаются отъ дальнѣйшаго сожительства. Но и ни этотъ разъ Губ. Правленіе увѣдомило Консисторію, что считаетъ разлученіе сведенныхъ невозможнымъ, такъ какъ въ приговорѣ Губернскаго Суда заключено—считать сводные браки недѣйствительными, но не сказано, чтобы эти браки подлежали разведенію. „Губернское Правленіе за силою 2405 ст. 2 т. 1 ч. Общ. Губ. Учр. (изд. 1857 г.) рѣшеній судебныхъ мѣстъ измѣнять не въ правѣ и, на основаніи 282 ст. того же тома, постановленія своего отмѣнить также не можетъ и къ сему присовокупляетъ, что подведенная въ отношеніи Консисторіи 38 ст. X т. ч. 1 къ своднымъ бракамъ раскольниковъ не относится потому, что на основаніи ея разводятся только браки упомянутые въ 37 ст. того же тома. Затѣмъ Губернское Правленіе признаетъ нужнымъ переписку по сему предмету почислить конченною“. 30 Марта 1860 г.[2])

Видимо, разводы массою поставили администрацію въ положеніе большого смущенія, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ разведенія производились. Смягченное къ сводамъ отношеніе свѣтской власти снова началось съ 1865 г.

[1]) Дѣло Томскаго Общаго Губерн. Управленія съ копіей журнала Главн. Управл. Западной Сибири о производствѣ слѣдствій по дѣл. сводн. браковъ между раскольниками отъ рожденія. Арх. Губ. Прав.: св. 126 по оп. № 1690.

[2]) Дѣло Губ. Правл. по предложенію г. начальника губерніи о скорѣйшемъ исполненіи приговора Губ. Суда объ уклоненіи въ расколъ крестьянъ. Крутоберезовской вол; св. 744 № 305.

По поводу того-же приговора Томскаго-Губернскаго Суда о признаніи недѣйствительными раскольническихъ браковъ въ Бійскомъ округѣ генералъ-губернаторъ Дюгамель въ отношеніи отъ 5 января 1865 года писалъ г. министру вн. дѣлъ, что. если приговоръ не будетъ отмѣненъ, то можетъ вызвать волненіе въ народѣ, „такъ какъ вѣрованія раскольниковъ въ Томской губ. доходятъ до фанатизма“. Да и вообще нежелательно, чтобы дѣла о сводахъ возникали такъ часто, какъ возникаютъ теперь. А „они нерѣдко возбуждаются на томъ только основаніи, что вступающіе въ такіе браки большею частію считаются по спискамъ духовнаго вѣдомства православными,—отпадшими отъ церкви,—тогда какъ сами раскольники не признаваютъ себя таковыми и утверждаютъ, что держатся раскола отъ рожденія. Къ умноженію сводныхъ браковъ, а слѣдовательно и дѣлъ о нихъ служитъ и то обстоятельство, что раскольники, боясь требуемой подписки о присоединеніи къ православію или единовѣрію, не рѣшаются вѣнчаться въ церкви. Отмѣна этихъ подписокъ, можетъ быть, подвинетъ раскольниковъ вѣнчаться въ церкви, дабы браки и дѣти отъ нихъ считались законными. Дальнѣйшія дѣйствія раскольниковъ, по ихъ убѣжденіямъ, нужно оставлять безъ преслѣдованія, во всякомъ случаѣ не требуя отъ нихъ послѣ того (послѣ вѣнчанія въ церкви) необходимости присоединенія къ церкви. Это обстоятельство и свобода въ дѣйствіяхъ мало-по-малу могутъ сблизить раскольниковъ съ православными и единовѣрцами, особенно при добромъ вліяніи со стороны образованныхъ священниковъ“. Министръ внутр. дѣлъ согласился съ мнѣніемъ ген.-губернатора во всѣхъ его частяхъ, замѣтивъ только, что отмѣна приговора зависитъ не отъ него, а отъ Сената.

Вскорѣ по полученіи министерскаго отвѣта, Совѣтъ Гл. Управ. Запад. Сибири сдѣлалъ постановленіе въ такомъ видѣ:—въ Высочайше одобренномъ наставленіи для руководства по дѣламъ раскола, сообщенномъ къ исполненію начальникамъ губерній отъ 15 окт. 1858 г. въ § 4 изложено: раскольники отъ рожденія не преслѣдуются за мнѣнія о вѣрѣ, въ § 5-мъ:—гражданское начальство должно заботиться, чтобы при исправленіи раскольниками требъ по своимъ обрядамъ не было съ ихъ стороны публичнаго оказательства, соблазнительнаго для православныхъ, потому и не дозволяется совершеніе раскольническихъ обрядовъ явно или съ признаками публичнаго оказательства раскола, подъ которымъ разумѣется, между прочимъ, торжественное совершеніе крещенія и брака,—въ § 6-мъ:—на просьбы раскольниковъ о дозволеніи вступать въ бракъ по ихъ обрядамъ, не заводя никакой переписки, объявлять, что Правительство не вмѣшивается въ заблужденія, противныя правиламъ истинной вѣры. Такимъ образомъ „сводные браки у раскольниковъ отъ рожденія, совершенные по ихъ обрядамъ не публично и не торжественно, не должны быть преслѣдуемы ни духовнымъ, ни гражданскимъ начальствомъ, что подтверждается и тѣмъ еще, что въ X-ю народную перепись дѣти раскольниковъ отъ сводныхъ браковъ записывались въ ревизскія сказки при отцахъ своихъ“*).

*) Дѣло по отношенію епископа Парѳенія о сводныхъ бракахъ между прихожанами Ново-Тырышкинскаго села и о 110 свод. бракахъ по раскольнич. обрядамъ. Въ арх. Губ. Пр., св. 104.

Своды между коренными раскольниками составлялись отселѣ безпрепятсвенно. Но и тѣ изъ раскольниковъ, которые считались уклонившимися изъ православія или единовѣрія, не хотѣли отставать отъ своихъ собратій по вѣрѣ, защищая свои браки протестами на требованія о разводахъ или непослушаніемъ такимъ требованіямъ. Любопытенъ въ данномъ случаѣ протестъ кр. дер. Батуриной Карпа Вагина, выраженный въ прошеніи, поданномъ томскому губернатору, въ то время, когда получилось приказаніе, чтобы онъ, Карпъ, взялъ обратно къ себѣ дочь, записанную въ православіи и выданную пораскольнически за кр. Тимахина.

— „Дѣдъ и отецъ мой, писалъ проситель, принадлежали къ сектѣ Московскаго Рогожскаго кладбища, въ каковой сектѣ состою и я. Духовными правилами нашей вѣры дозволяются и разрѣшаются сводные браки, т. е. браки по благословенію родителей. На этомъ основаніи 15 іюля прошлаго 1871 г. я отдалъ въ замужество 25—лѣтнюю дочь свою Ксенію за кр. дер. Яи-Бобровки Кондратія Тимахина, принадлежащаго также къ Московскому Рогожскому кладбищу. Нынѣ, по распоряженію Вашего Пр-ства, бракъ моей дочери расторгнутъ, дочь отобрана отъ мужа. А по правиламъ нашей вѣры не допускаются никакія причины для бракорасторженія; напротивъ того, считается тягчайшимъ грѣхомъ расторгать брачные узы, и потому разлученіе Тимахина съ моею дочерью неминуемо поведетъ ихъ къ пагубѣ.

„Ваше Пр-ство! Зять мой дочь и я рѣшаемся переносить тягчайшія наказанія и мученія, но никогда не согласимся отступить отъ старообрядческаго ученія, внушеннаго намъ нашими предками. Въ этомъ ученіи нѣтъ ничего не только противнаго правительству, напротивъ изложено все, что поддерживаетъ благоустройство народное, и потому оно не должно быть гонимо. Убѣдительно прошу—дочь Ксенію оставить при мужѣ, въ противномъ случаѣ я не ручаюсь за послѣдствія, какія могутъ произойти по поводу расторженія ихъ брака. Не лишнимъ считаю доложить, что, кромѣ меня, въ д. Батуриной (Спасской вол.) есть много такихъ, которыя, не смотря ни на какія убѣжденія, не отстанутъ отъ старообрядческой церкви. Всѣ мы, въ случаѣ продолженія преслѣдованія раскола, принуждены будемъ лишиться своихъ домовъ и предаться скитальнической жизни» [1]).

Чѣмъ кончились плачъ и угрозы Вагина, не знаемъ. Но если губернаторъ отклонилъ его прошеніе, всетаки съ увѣренностію можно сказать, что Ксенія Вагина и Кондратій Тимахинъ сошлись для брачной жизни снова.—„Сводные браки между отпавшими отъ православія и у православныхъ съ раскольниками, сообщалъ еписк. Платонъ губернатору въ 1874 г., или остаются вовсе не разлученными, или же, по разлученіи, заключаются вновь, что подаетъ поводъ къ бо́льшимъ и бо́льшимъ сводамъ, почему для прекращенія и пресѣченія ихъ, по крайней мѣрѣ, въ

---

[1]) Дѣло о сведеніи брака кр. Вагинымъ. Арх. Губ. Прав. Св. 108, по сдаточной оп. № 285. Нач. въ 1871 г.

средѣ уклонящихся въ расколъ не признаете ли Ваше Прев-ство возможнымъ опубликовать по Томской губ., что дѣти родившіяся отъ незаконно-сводныхъ браковъ должны и будутъ считаться по всѣмъ документамъ гражданскаго вѣдомства незаконнорожденными и неимѣющими правъ наслѣдія по имуществамъ отъ тѣхъ лицъ, которыми они незаконно прижиты". Губернаторъ нашелъ рекомендуемую епископомъ мѣру цѣлесообразной и въ предложеніи Губернскому Правленію написалъ: „Родители, выдающіе своихъ дочерей замужъ своднымъ бракомъ вопреки 33 ст. X т. I ч. св. зак., вѣроятно, не знаютъ того невыгоднаго положенія, какое можетъ оказаться впослѣдствіи отъ подобнаго брака, не обезпечивающаго будущности ни жены, ни дѣтей, такъ какъ по 136 ст. помянутаго тома дѣти, родившіяся отъ сводныхъ браковъ, должны считаться незаконнорожденными, т. е. не имѣющими права ни на фамилію, ни на имущество лицъ, отъ коихъ произошли. Предполагая, что, если родителямъ, выдающимъ своихъ дочерей на незаконное сожитіе, разъяснить невыгодность подобныхъ браковъ, то число таковыхъ значительно уменьшится, я имѣю честь просить Губерн. Правленіе сдѣлать распоряженіе о припечатаніи вышеизложеннаго для всеобщаго свѣдѣнія въ Губерн. Вѣдомостяхъ" [1]).

Публикація была произведена. Но чрезъ восемь лѣтъ Томскій Губерн. Совѣтъ, свидѣтельствуя, что онъ рѣшительно обремененъ дѣлами о сводахъ, нигдѣ не записываемыхъ, ничѣмъ не оформляемыхъ, пришелъ къ заключенію, что на сводные браки нужно смотрѣть, какъ на противозаконное сожитіе неженатаго съ незамужнею по взаимному ихъ согласію, предусмотрѣнное ст. 994 улож. о наказаніяхъ. „За такое преступленіе опредѣлено церковное покаяніе, но нигдѣ нѣтъ указаній на обязанность гражданскаго начальства разлучать подобныя сожительства". При такомъ воззрѣніи на дѣло Губернскій Совѣтъ 28 іюня 1882 г. постановилъ: требованія духовныхъ властей о расторженіи сводныхъ браковъ оставлять на будущее время безъ исполненія. Томскій епиcк. Петръ не согласился съ этимъ постановленіемъ,—преемникъ его, еписк. Владиміръ далъ свое согласіе, хотя выразилъ его только въ словесныхъ переговорахъ при свиданіи съ губернаторомъ[2]).

Такъ отстаивали раскольники свою самобытность въ дѣлахъ брачныхъ. Свободу своихъ дѣйствій, свою неприкосновенность вообще они хотѣли отстоять еще путемъ разныхъ просьбъ и ходатайствъ, многочисленныхъ настолько, что боимся утомить вниманіе читателя исчисленіемъ только того, что въ этомъ отношеніи было наиболѣе выразительнаго.

---

[1]) Дѣло Том. общаго Губерн. Управленія по отношенію Томск. епиcк. Платона о разлученіи дочери мастерового Мельникова—Мавры съ раскольникомъ Андр. Антроповымъ. Арх. Губ. Прав. Св. 109 по арх. оп. № 39467 за 1874 г.

[1]) Дѣло Томск. Общ. Губ. Управ. по прошенію довѣренныхъ отъ крестьянъ Барн. округа Емел. Паршукова, Егора Шадрина, Волкова, Рубцева и Троф. Сѣченова о дозволеніи отправлять богослуженіе по старообрядчеству. Арх. Губ. Пр. Св. 113 по архив. оп. № 40421. Л. 241—242.

Мы уже имѣли случай упомянуть, что раскольникъ поповщинскаго согласія Тимофей Максимовъ въ качествѣ довѣреннаго отъ многихъ каинскихъ и барнаульскихъ старообрядцевъ въ 1835 г. подалъ прошеніе начальнику Колыванскихъ заводовъ Бегеру съ ходатайствомъ, о позволеніи выстроить въ дер. Хмѣлевкѣ старообрядческій храмъ, въ коемъ служили-бы попы изъ Иргизскихъ монастырей. Возбужденіе между старообрядцами въ то время было большое, но по отношенію къ его главному виновнику —Максимову дѣло кончилось тѣмъ, что онъ былъ заключенъ въ тюрьму, откуда выплелся, давши подписку о присоединеніи къ единовѣрію. Довѣрители Максимова, зависимые отъ Колыванскаго горнаго начальства, получили отъ послѣдняго строгое внушеніе на счетъ неумѣстности домогательствъ въ подобномъ родѣ [1]).

Старообрядцевъ это не остановило. Въ 1840 г. раскольники Бійскаго окр. Убинской, Крутоберезовской и Колыванской волостей сообща отправили прошеніе на Высочайшее Имя, прося свободы вѣры и права имѣть безбоязненно поповъ отъ Иргизскихъ-же монастырей. Долго не было никакихъ извѣстій о царской милости или объ отказѣ. Наконецъ, прошелъ слухъ, что царская милость явлена, имѣть поповъ разрѣшено. Въ подверждeніи слуха явился указъ, но поддѣльный, причинившій просителямъ, какъ увидимъ, много хлопотъ и тревогъ.

Въ томъ же 1840 г. просили о распечатаніи Шипицинской часовни многочисленные поморцы—прихожане ея. Ихъ просьба была доведена до свѣденія Государя, повелѣвшаго объявить, что она можетъ быть удовлетворена только при условіи, когда поморцы согласятся принять къ себѣ законнопостановленнаго священника, который служилъ-бы въ часовнѣ по правиламъ единовѣрія[2]). Во все остальное время царствованія императора Николая I попытокъ массоваго обращенія со стороны томскихъ раскольниковъ за правами для раскола мы въ данныхъ своего матеріала не встрѣтили. Но тѣмъ энергичнѣе возобновились онѣ, когда въ новое царствованіе сибирскіе послѣдователи раскола прослышали о правительственномъ снисхожденіи къ старообрядцамъ, проявленномъ то тамъ, то здѣсь. Зимою 1859 г. отправился въ Москву для хлопотъ о дарованіи свободнаго богослуженія раскольникамъ Уймонскій богачъ Ив. Ошлаковъ [3]). Въ 1860 г. уговорились послать и послали прошеніе генералъ-губернатору Зап. Сибири безпоповцы д. Усть-Каменки (Бійскаго округа) и смежныхъ деревень. Усть-Каменцы съ товарищами настойчиво упрашивали не стѣснять ихъ въ богослуженіи и освободить изъ тюрьмы безпоповщинскихъ наставниковъ Изосима и Андрея Медвѣдевыхъ, Петра Бѣлоусова и Самойла Плесовскаго, подвершихся заключенію за упорство въ публичномъ совершеніи поморскихъ обрядовъ [4]). Чрезъ годъ къ

---

[2]) Д. въ арх. Губ. Прав., Св. 91 № 264.

[1]) Дѣло о раскольнической часовнѣ въ дер. Шипициной въ арх. Губ. прав.; св. 89 № 17 за 1842 1845 г. Сн. Собран. постановленій по ч. раскола, стр. 303—304.

[3]) Отношеніе еп. Парѳенія къ Томск. Губернатору отъ 22 апр. 1860 г. въ арх. Губ. Пр. Св. 101.

[4]) Въ арх. Губ. Пр.; св. 101 за 1860 г. № 120.

губернатору заявились съ прошеніемъ крестьяне Несторъ Чечуровъ и Ѳедоръ Еремѣевъ отъ имени раскольниковъ—ѳедосѣевцевъ с. Тарханскаго.— „Состоя въ ѳедосѣевской сектѣ съ основанія вселенной, говорили просители, мы просимъ неприкосновенности нашей вѣры, признанія нашихъ сводныхъ браковъ и защиты отъ засѣдателя Ананьина, который насъ стѣсняетъ, обижаетъ и обираетъ“. На слѣдствіи, къ коему повлекло прошеніе, ѳедосѣвцы утверждали, что жаловаться на Ананьина они не думали, жалобу изложилъ какой-то писарь въ Устькаменогорскѣ, а „они по безграмотству не знали, что писарь пишетъ и его собственнаго рукоприкладства къ прошенію не потребовали“ [1]).

Въ томъ-же 1860 г. прошеніемъ на Высочайшее Имя ходатайствовали о свободѣ вѣры чрезъ довѣренныхъ Ст. Малышева, Илар. Шипулина и Ив. Маркелова крестьяне дд. Плесика (Кумышской вол.), Анкрушинской (Бурлинской вол.) и Средне-Алеусской (Ординской вол.). Въ 1862 г. начали хлопоты довѣренные отъ крестьянъ д. Ново-Шульбинской Матв. Боровиковъ и Антонъ Ѳоминыхъ, ходатайствуя предъ министромъ В. Д. о дозволеніи безъ стѣсненій совершать требы крещеній, вѣнчаній, погребеній „по правиламъ св. отецъ до—Никоновскаго собора“ [2]). Въ то-же время по-прежнему заволновались старообрядцы Крутоберезовской и Убинской волостей и вмѣстѣ съ Бухтарминцами въ д. Выдрихѣ, въ 1863 г., составили огромный съѣздъ, на которомъ рѣшили просить о полныхъ правахъ для своей вѣры въ самомъ Петербургѣ, причемъ произвели денежную раскладку на веденіе задуманнаго дѣла. Довѣренными были избраны Мих. Мих. Екимовъ (впослѣдствіи лжеепископъ Меѳодій) и Василій Гусляковъ, но имъ удалось пробраться въ столицу только въ 1865 г., откуда вернулись безрезультатно, такъ какъ большинство довѣрителей оказалось принадлежащимъ единовѣрію [3]).

Въ свою очередь рѣшились отправить прошеніе въ Петербургъ и не иначе, какъ самому Царю безпоповцы Каинскаго окр. Усть-Тартасской волости и исполнили это дѣло въ іюлѣ 1863 г. О содержаніи ихъ всеподданнѣйшей просьбы мы узнаемъ изъ другого прошенія, представленнаго томскому губернатору въ 1868 г.—„Издавна, писали Усть-Тартасцы, состоимъ мы въ старообрядческой христіанской вѣрѣ поморскаго согласія и о дарованіи намъ свободы въ дѣлахъ вѣры входили прошеніемъ къ Его Величеству, при чемъ въ смутное время польскихъ мятежей напоминали Ему, что если Богу угодно будетъ попустить враговъ въ русскую землю, то мы, въ количествѣ 5000 семей, всѣ единодушно готовы пролить кровь за царя и отечество. Послѣ сего Вашему Прев-ству отъ г. министра В. Д. было предписано: на домогательства раскольниковъ о дозволеніи имъ вступать въ браки, крестить младенцевъ или хоронить умершихъ по ихъ обрядамъ объявлять просителямъ, что правительство не вмѣшивается въ заблужде-

---

[1]) Д. въ арх. Губ. Пр. Св. 116 № 42

[2]) Дѣло о домогательствѣ кр. Боровикова и Ѳоминыхъ. Въ арх. Губ. за 1865 по оп. № 12.

[3]) Д въ арх. Губ. Пр Св. 102 № 135 за 1863 г. Сн. д. о Гусляковѣ и Екимовѣ въ томъже арх. Св. 104. и Рапорты свящ. Преображенскаго въ арх. Томск. Консист. отъ 18 авг. 1867 г.

нія противъ церкви. А также указомъ изъ Томск. Губерн. Правленія отъ 10 декабря 1865 г. было приказано не стѣснять насъ въ нашей вѣрѣ и обрядахъ. Но мы и доселѣ терпимъ эти стѣсненія какъ отъ духовныхъ, такъ и отъ свѣтскихъ начальниковъ, и потому просимъ отъ всякихъ утѣсненій насъ оградить". Губернаторъ запросилъ Каинскаго исправника: въ чемъ выражаются стѣсненія Усть-Тартасскихъ безпоповцевъ? Исправникъ отвѣтилъ, что засѣдатель Нестеровскій развелъ 12 сводныхъ браковъ раскольниковъ съ православными, тогда какъ раскольники убѣждены, что нынѣ сводные браки дозволены и начальство расторгаетъ ихъ по своей прихоти [1]).

Независимо отъ прошенія на Высочайшее Имя тѣже Усть-Тартасскіе поморцы 13 янв. 1864 г. отправили еще домогательство въ св. Синодъ. Чрезъ довѣреннаго кр. д. Кузьминой Козьму Шипицина отъ лица 2054 душъ об. пола [2]) они просили Сѵнодъ объ открытомъ и безпрепятственномъ отправленіи поморскихъ обрядовъ вообще и въ частности объ открытомъ же богослуженіи въ часовняхъ дд. Тычкиной, Кузьминой, Сибирцевой и Яркульской. Ходатайство съ тѣмъ же содержаніемъ и въ то же высшее правительственное учрежденіе было повторено въ 1868 году. Послѣ тщательнаго наведенія справокъ, потребовавшаго очень многихъ хлопотъ, св. Сѵнодъ указомъ отъ 14 марта 1869 г. предписалъ консисторіи: а) объявить кр. Козьмѣ Шипицину и его довѣрителямъ въ количествѣ 1217 душъ об. п., оказавшихся принадлежащими православію, что въ просьбѣ о дозволеніи совершать богослуженіе и требы по раскольничьимъ обрядамъ имъ отказано; б) не преслѣдуя остальныхъ 283 человѣкъ, по церковнымъ документамъ не оказавшихся состоящими въ православіи, сдѣлать имъ кроткое съ духовной стороны увѣщаніе и назиданіе о небходимости возсоединенія съ истинною церковію [3]).

Съ конца 1859 г. предпринялъ свою организаторскую по отношеніи къ томскому поморству дѣятельность уже извѣстный намъ расколоучитель изъ дер. Желтоногиной Ксенофонтъ Захаровъ Гутовъ. Какъ мы видѣли, онъ началъ ее съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы объединить поморцевъ около главнаго центра—былой Шипицинской часовни, обращенной въ единовѣрческую церковь, и чтобы въ этой „соборной" часовнѣ происходило богослуженіе сначала непремѣнно подъ его, Гутова, настоятельствомъ. Нужно было добиться

---

[1]) Дѣло Томск. Общ. Губ. Управ. по жалобѣ крестьянъ Усть-Тартасской вол. И. Расторгуева и Анд Кочумова на притѣсненія въ исполненіи обрядовъ ихъ секты. Арх Губ. Пр. Св. 105

[2]) Довѣрителями Козьмы Шипицина были крестьяне Каинскаго окр. д. Ургульской, Арынцасской Вараксиной, Верхъ-Майзайской, Воробьевой, Верхъ-Кулебинской, Тычкиной, Стараго-Тартаса, Яркульской, с. Шипицина, д. Мининой, Большихъ Куликовъ, Малыхъ Куликовъ, с. Верхъ-Красноярскаго, д. Назаровой, д. Вятской-Слободы, с. Спасскаго, с. Урѣзскаго, д. Павловой; д. Щербаковой, Казачьяго Мыса, Мурашевой, Кузнецовой, Игнатьевой, Чайбулатовой, Тырышты, Меньшиковой, Сергиной, Лапатиной, с. Кушаговъ, д. Красноярской (Вознесенской вол.), д. Сибирцевой, Силикты, Земляной заимки, Назаровой, с. Покровскаго, с. Меньшикова. д. Ново-Елизаровой, с. Угуйскаго, д. Селишевой, Ново-Куликовой, Кузовлевой, Ново-Половинкиной.

[3]) Дѣло объ отказѣ Св. Сѵнодомъ крестьянамъ д. Кузьминой совершать богослуженіе по раскольнич. обрядамъ. Въ Арх. Губ. Прав.; св. 113 по арх. оп. № 40415. Сн. дѣло Томск. Консисторіи по ходатайству Козьмы Шипицина за 1867 г. № 106.

свободы вѣры и богослуженія для поморцевъ и обращенія вновь Шипицинскаго храма въ раскольническую молельню. Чрезвычайно смѣлый планъ. Гутовъ это понималъ и, рѣшившись хлопотать по смыслу задуманнаго плана, старался набрать къ ходатайству какъ можно больше подписей. Почти весь 1860-ый годъ Гутовъ провелъ въ разъѣздахъ по деревнямъ, отбирая на предметъ ходатайства мірскіе приговоры. Крестьяне давали приговоры съ большою охотою, потому что Ксенофонтъ настойчиво увѣрялъ, что успѣхъ дѣла несомнѣненъ. На жалобы единомышленниковъ по поводу притѣсненій со стороны начальниковъ расколоучитель говорилъ, что и его притѣсняли за сводные браки и богослуженіе въ его собственной часовнѣ, но уже получилось приказаніе не претѣснять, и онъ теперь можетъ дѣйствовать безбоязненно. „Нынѣ Царь всѣмъ далъ свободу исповѣданія вѣры", а для того, чтобы добиться этой свободы „по здѣшнимъ мѣстамъ, нужно только просить и, кромѣ того, кто числится въ православіи и единовѣріи, тѣмъ нужно записываться въ расколъ". Записи сыпались [1]) и ихъ Гутовъ вносилъ въ особую тетрадь. Любопытно подъ какими побужденіями иногда давались такія записи и подписи. Крестьяне Тальменской волости д. Ярковой Констан. Безсоновъ, Антонъ Хлѣбниковъ и Егоръ Казанцевъ впослѣдствіи показывали, что когда Кс. Гутовъ былъ въ ихъ деревнѣ, то, „услышавъ изъ его разговоровъ съ прочими, что въ поморской сектѣ выгоднѣе и удобнѣе сводить браки, чѣмъ вѣнчаться въ церкви, то, глядя на прочихъ, и мы пожелали записаться въ поморство. А до того состояли въ единовѣріи и теперь желаемъ быть въ немъ-же" [2]). Тамъ, гдѣ увѣренія въ счастливомъ исходѣ дѣла встрѣчали нѣкоторое сомнѣніе, Гутовъ читалъ копію съ какого-то указа и какія-то статьи закона о нестѣсненіяхъ въ вѣрѣ и обрядахъ, „и тѣмъ въ особенности встревожилъ умы крестьянъ" [3]). Въ іюнѣ 1860 г. расколоучитель отъ себя и отъ имени довѣрителей попытался сначала обратиться съ просьбою къ ген.-губернатору. Просьба была полна жалобами на угнетенія послѣдователей раскола главнымъ образомъ со стороны духовенства и, въ указаніе необходимости сложить съ раскольниковъ—довѣрителей всякія мѣры ограниченія, Ксефонтъ цитовалъ Высочайше указы отъ 24 апр. 1722, 17 марта 1775, 17 февр. 1832 и 14 окт. 1858 гг. и т. д. Ген.-губернаторъ препроводилъ прошеніе на заключеніе къ томскому губернатору, а губернаторъ въ консисторію. Послѣдняя отвѣтила начальнику гу-

---

[1]) Дали записи крестьяне *Боровлянской волости*: с. Анисимовскаго, д. Лушниковой с. Окуловскаго, с. Думчевскаго, д. Шадринцевой, Бочкаревой, Верхне-Инской, Ново-Лушниковой, Пятковой; *Тальменской* вол.: д. Казанцевой, Дрянковой, Усть-Чумышской, с. Язовскаго, д. Безпаловой, с. Шипипина, д. Зайцевой, Новояловой, Курочкиной, Воскресенской, Ново-Вознесенской, д. Усовой. Ново-Перуновой; *Чумышской* вол.: д. Лаврентьевой, Воскресенской, Ново-Зыряновой; *Бердской вол.*: д, Укропской, *Легостаевской вол.*: Шипковой, Мостовой; *Бѣлоярской*—с. Повалихи; *Шадринской*—д. Елуниной, Черемно-Подгорной, Телеутской: *Касминской*: д. Борматовой; *Тарсминской*: с. Кауракскаго, Юрточной, Ново-Абышевой, Лебедевой, Желтоногиной.—Впослѣдствіи, когда Гутовъ задумалъ депутацію въ Петербургъ, количество его сторонниковъ возросло гораздо больше.

[2]) Дѣло о расколоуч. Ксеноф. и Петрѣ Гутовыхъ въ арх. Томск. Конст. за 1867 г., листъ 62 об.

[3]) Тамъ же, листъ. 48.

берніи, что въ огромномъ большинствѣ просители должны быть признаны уклонившимися къ расколъ, такъ какъ въ прежнее время они прибѣгали къ таинствамъ церкви; таковымъ же нужно считать и самаго Гутова, въ 1822 и 1823 гг. бывшаго у исповѣди и св. причастія въ церкви с. Усть-Сосновскаго. Такимъ образомъ, заключила консисторія, просьба непремѣнно должна быть отклонена и самъ Гутовъ привлеченъ къ отвѣтственности, какъ опасный совратитель, судившійся за совратительство не разъ и прежде. Неудивительно, что поморскій наставникъ очутился послѣ того подъ стражей. Тѣмъ не менѣе онъ не только не бросилъ дѣла, но успѣлъ убѣдить довѣрителей собрать деньги для отправки ходатаевъ въ Петербургъ—къ Царю. На собранныя деньги отправились въ Петербургъ сынъ Ксефонта Петръ и кр. изъ дер. Казанцевой Каллистратъ Кузнецовъ. Долго отъ „депутатовъ" небыло никакихъ извѣстій; наконецъ, Петръ Гутовъ прислалъ два письма. Въ одномъ писалъ: „дѣло наше въ большихъ рукахъ и въ хорошемъ направленіи. Я познакомился съ хорошими людьми и одинъ адъютантъ сказалъ мнѣ: не заботьтесь:—дѣла ваши будутъ устроены". Въ другомъ—увѣрялъ, что дѣло пошло ходко: сводные браки будутъ разрѣшены, Шипицинская церковь снова будетъ превращена въ часовню и вообще онъ, Петръ, не выѣдетъ изъ столицы, пока не доведетъ хлопоты до конца. „Все получимъ лишь бы всѣ, давшіе подписки на переходъ въ старую вѣру, твердо держались ея и не имѣли съ церковію никакой связи". Вмѣстѣ со вторымъ письмомъ Петръ для поддержанія энергіи въ довѣрителяхъ выслалъ 82 № Москов. Вѣдомостей (за 1863 г.?), гдѣ была изложена рѣчь Государя къ депутатамъ Петербургскихъ и Московскихъ старообрядцевъ, и въ подарокъ отцу книги: „исторію Выговской пустыни" и „сборникъ сочиненій, написанныхъ въ пользу раскола".

Ободряемые ходатаями довѣрители да и всѣ наклонные къ безпоповщинскому расколу по Кузнецкому и Барнаульскому округамъ повели себя такъ, какъ будто уже получили „права". Свящ. Шипицинскій церкви о. Конусовъ писалъ своему начальству: прихожане, развращенные Кс. Гутовымъ и его пособниками, будучи увѣрены, что Шипицинскій храмъ скоро опять будетъ часовней, не хотятъ имѣть къ нему, Конусову, никакихъ отношеній. „Вел. постомъ (1863 г.) хотя я и требовалъ ихъ къ исповѣди чрезъ волостное Правленіе, но никто не пошелъ. Послѣ того я самъ отправился въ деревни Курочкину, Ново-Ялову, Казанцеву, Воскресенскую, Яркову и Лушникову для убѣжденія прихожанъ къ исполненію христіанскаго долга, и мнѣ вездѣ говорили: ты намъ ненадобенъ и впередъ съ такими убѣжденіями не обращайся. При повѣркѣ душъ обнаружилось, что поморскіе наставники самовольно отпѣли болѣе 20 взрослыхъ покойниковъ изъ единовѣрцевъ". Почти одновременно жаловался Барнаульскому земскому суду причтъ церкви с. Тальменскаго и въ жалобѣ говорилъ, что крестьяне многихъ приходскихъ деревень съ своими сельскими старостами отказываются исполнять требы и платить причту ругу, указывая, что ими избраны люди для поѣздки въ Петербургъ и для ходатайства въ немъ о сво-

бодѣ старообрядской вѣры, что изъ Петербурга отъ ходатаевъ идутъ добрыя вѣсти, и потому къ православной церкви и духовенству они не желаютъ обращаться. Ссылаясь на тоже ходатайство и его предполагаемый успѣхъ, прихожане с. Кауракскаго отказались помогать средствами строющемуся въ этомъ селѣ храму. Въ свою очередь свящ. с. Окуловскаго о. Стекловъ донесъ, что на собраніи крестьянъ, когда разсуждали о возкѣ лѣса для застроенной приходской церкви, выступилъ изъ толпы кр. Ульянъ Гужевъ и заявилъ, что нынѣ Высочайшею властію поморцамъ дана въ вѣрѣ свобода, посему они слагаютъ съ себя всякія обязательства по отношенію къ храму. Священникъ отвѣтилъ, что правительство признаетъ раскольниками тѣхъ только, кои никогда не обращались за таинствами къ церкви—ни сами, ни родители ихъ, а отступникамъ отъ православія свободы не дано. Тогда Гужевъ вынулъ изъ кармана бумаги и сказалъ: „вотъ доказательства справедливости моихъ словъ"! Это были письма Гутова и копіи съ Высочайшей благодарности за выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ поморцамъ столичнымъ и раскольникамъ томскимъ. „Возбужденіе въ приходѣ большое, заключилъ донесеніе о. Стекловъ,—многіе совершенно отказались отъ требоисправленій у православнаго священника". Среди отдѣльныхъ лицъ бывали толки въ такомъ кощунственномъ родѣ: „наши довѣренные дошли на лицо къ царю просить публичнаго и свободнаго исполненія всѣхъ обрядовъ по поморской сектѣ. Царь имъ сказалъ: съ церкви (Шипицинской) колокольчики поснимать, да по нимъ плясать".

Въ виду огромной встревоженности наклонныхъ къ расколу прихожанъ во многихъ приходахъ Кузнецкаго и Барнаульскаго округовъ Томское епархіальное и губернское начальство вошло въ сношеніе съ Петербургомъ, прося тамошнія полицейскія власти выслать возбудителей Петра Гутова и Каллистрата Кузнецова въ мѣста ихъ жительства, что представлялось необходимостію тѣмъ болѣе, что отъ министра Внутр. Дѣлъ ходатаи получили отказъ по всѣмъ пунктамъ своихъ домогательствъ, а отъ св. Сѵнода было предписано сдѣлать Петру Гутову съ товарищемъ увѣщаніе объ оставленіи ими раскольническихъ заблужденій и присоединеніи къ православію или единовѣрію. Гутовъ и Кузнецовъ вернулись на родину вначалѣ 1865 г. и, не обращая вниманія ни на какія предупрежденія и увѣщанія, не переставали поддерживать въ единомышленикахъ надежду на искомую свободу въ дѣлахъ вѣры. Въ февр. 1865 г. преосвящ. Виталій, изобразивъ въ своемъ отношеніи къ губернатору до какой степени сильно ходаки взволновали и смутили жителей разныхъ приходовъ подстрекательствами, ложными слухами и надеждами, просилъ сдѣлать объявленіе по волостямъ о безуспѣшности ихъ петербургскихъ домогательствъ и учинить надъ П. Гутовымъ строжайшее наблюденіе на счетъ его безотлучнаго пребыванія въ д. Желтоногиной. Съ своей стороны епископъ предписалъ Барнаульскому и Кузнецкому духовенству *усугубить* пастырскія назиданія по отношенію къ взволнованнымъ крестьянамъ, „дабы неотступно пребывали въ послушаніи св. церкви и исполненіи всѣхъ ея таинствъ".

По обвиненію въ совращеніи множества крестьянъ Гутовы съ разными сообщниками были преданы суду. Приговоръ суда отъ 30 ноября 1866 г. по отношенію къ Гутовымъ намъ уже извѣстенъ [1]).

Въ то время, какъ безпокоили и утруждали власти своими искательствами безпоповцы, жившіе въ районахъ около р. Тартаса въ одной сторонѣ и р. Чумышу въ другой,—именно за 1864, 1865 гг.. вели хлопоты за свободу въ слѣдованіи старообрядству:

а) Кр. Емельянъ Паршуковъ, Егоръ Шадринъ и Трофимъ Сѣченовъ въ качествѣ довѣренныхъ отъ 221 семьи изъ населенія Верхъ- и Нижне-Кулундинскихъ волостей (Барн. окр.);

б) Кипріанъ Волковъ и Мих. Рубцовъ отъ имени 1671 душъ изъ Кузнецкихъ и Барнаульскихъ крестьянъ поповщинскаго толка;

в) Ив Балахнинъ отъ крестьянъ д. Ново-Яловой Тальменской волости.

Первые, т. е. Паршуковъ съ товарищими подали на Высочайшее Имя два прошенія. Вотъ ихъ дословный текстъ:

„Всемилостивѣйшій Монархъ, Отецъ нашего отечества!—Съ незапамятныхъ временъ родоначальники наши отправляли богослуженіе по правиламъ св. Апостолъ Петра и Павла, которое въ тайнѣ исполняли Его (?) святой законъ, но явно и торжественно проповѣдывали Его св. ученіе. Слѣдуя этому, отправляли и мы молитвы наши къ Богу, Сыну Его и св. Духу, будучи совершенно увѣрены во второмъ Спасителя нашего пришествіи.—Видя во всей Россійской Имперіи, что никто не стѣсняется въ вѣроисповѣданіи, представляемъ данную намъ крестьянами Нижне-Кулундинской волости довѣренность и вѣрноподданнѣйше просимъ, какъ послушные дѣти Тебя, Всемилостивѣйшій Государь: воззри на нашу вѣрноподданническую просьбу и разрѣши намъ и довѣрителямъ нашимъ отправлять вѣроисповѣданіе по старообрядчеству нашему, бывшему до Никона-патріарха, и совершать бракосочетаніе, какъ было въ Канѣ Галилейскомъ (sic)".—27 мая 1864 г.

2) „Всеавгустѣйшій Монархъ! Съ незапамятныхъ временъ прадѣды и потомки наши отправляли богослуженіе по правиламъ св. апостолъ, какъ сказано въ писаніи, гдѣ одинъ или два во имя мое и Азъ посреди ихъ. Но со временъ Никона патріарха много послѣдовало перемѣнъ въ богослуженіи и обрядахъ оной. Пріученные съ дѣтства исполнять вѣру по старообрядчеству, не можемъ мы согласить понятій нашихъ съ новымъ церковнымъ уставомъ. А какъ нынѣ терпимость въ вѣроисповѣданіи допущена по всей Европѣ, и Ты—Всемилостивѣйшій Монархъ—дозволяешь это своимъ вѣрноподданнымъ, то, повергая къ стопамъ Вашего Величества вѣрноподданническую просьбу нашу и данную намъ довѣренность, пріемлемъ смѣлость просить дозволить намъ и довѣрителямъ нашимъ въ числѣ 874 д. муж. и жен. пол. отправлять богослуженіе по правиламъ старообрядцевъ и имѣть свои молитвенные дома, крещеніе и бракосочетанія".—29 мая 1864 г.

---

[1]) Дѣло о Гутовыхъ въ Консистор архивѣ

По справкамъ, взятымъ изъ Томской Консисторіи, оказалось, что какъ сами Паршуковъ, Шадринъ и Сѣченовъ, какъ равно и всѣ крестьяне, давшіе имъ довѣренности, по церковнымъ документамъ значились православными и потому чрезъ Министерство В. Д. въ просьбахъ получили отказъ [1]).

Для подачи прошенія Волковъ и Рубцовъ были въ Петербургѣ и увѣряли затѣмъ, что подали бумагу въ собственныя руки Его Величества, нашедъ будто-бы милостивое къ себѣ вниманіе на сторонѣ флигель-адъютанта гр. Апраксина. Кромѣ правъ на свободное состояніе въ поповщинскомъ расколѣ, ходатаи просили разрѣшенія устроить въ предѣлахъ Барнаульскаго округа моленный домъ „по примѣру существующаго въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ". По возвращеніи домой Волковъ не замедлилъ послать гр. Апраксину „докладную" съ жалобами на притѣсненія мѣстнаго участковаго засѣдателя П—рева. Въ докладной писалъ:—„Когда мы съ Рубцовымъ вернулись изъ столицы, засѣдатель спросилъ послѣдняго: правда-ли, что подалъ прошеніе въ Петербургѣ? Правда,—отвѣтилъ Рубцовъ. Тогда П—ревъ пришелъ въ азартъ и въ азартѣ готовъ былъ поставить себя выше самаго Государя. Разгнѣвавшись, онъ приказалъ отправить Рубцова въ Барнаульскій замокъ, гдѣ съ арестованнаго сняли поясъ, крестъ, надѣтые при крещеніи, и посадили его вмѣстѣ съ магометанами. Въ острогѣ продержали мѣсяцъ и нѣсколько дней въ каталажкѣ при Чумышскомъ волостномъ правленіи. Послѣ того П—ревъ принялся разводить браки, вѣнчанные попомъ съ Рогожского кладбища. Развелъ 16 браковъ, не позволяя оторваннымъ отъ мужей женамъ видѣться съ ними ни на минуту. Кто изъ мужей видѣлся съ женой, того велѣлъ наказывать розгами, что волостной старшина исполняетъ съ избыткомъ—даетъ по 40 и болѣе розогъ, не разбирая въ праздникъ-ли то, или въ будни. Недавно тотъ-же засѣдатель заѣхалъ на пасѣку къ крестьянину д. Инюшевой Петру Егорову Казанцеву, отобралъ у него книги и возвратилъ только тогда, когда получилъ отъ Казанцева 150 руб. Вообще этотъ чиновникъ по сребролюбію своему приводитъ насъ въ раззореніе, извлекая изъ насъ для себя золотой источникъ. Прошу Ваше С—ство о защитѣ и покровительствѣ и доложить эту жалобу Его Императорскому Величеству, дабы назначено было слѣдствіе и дозволено намъ выстроить часовню согласно предоставленнымъ правамъ Московской Рогожской секты".

Челобитчики были несомнѣнно увѣрены въ благополучномъ отвѣтѣ изъ Петербурга. Но оттуда пришло иное. Получилось распоряженіе министра В. Д. о преданіи Волкова и Рубцова суду за усиленную совратительную дѣятельность, проявленную за время предъ подачею прошенія на Высочайшее Имя, такъ какъ многіе изъ довѣрителей отозвались, что соглались перейти изъ православія въ расколъ, будучи увлечены уговорами Волкова

---

1) Дѣло о домогательствѣ кр. Паршукова, Шадрина и Сѣченова въ арх. Томск. Консист. № 10 за 1866 г. Сн. дѣло—по прошенію довѣренныхъ Ем. Паршукова, Шадрина, Рубцова и проч." въ арх Губ. Правл.; св. 113 № по архив. описи 40421.

и Рубцова. Была признана „неосновательной“ и жалоба на засѣдателя [1]).

Крестьяне д. Ново-Яловой выразили Государю свое горькое сѣтованіе на то, что ихъ въ сильной мѣрѣ притѣсняетъ духовенство. „Оно требуетъ отъ насъ ругу, тогда какъ мы не пользуемся отъ него никакими требами, кромѣ развѣ браковѣнчаній, за которыя платимъ втрое противъ церковныхъ. Сверхъ того, духовенство принуждаетъ насъ къ доставкѣ лѣса на постройку храма въ д. Язовской“ [2]).

Въ 1868 г. посѣтилъ Сибирь великій князь Владиміръ Александровичъ и при этомъ путешествіи Его Высочество пожелалъ проѣхать Томскую губернію отъ Усть-Каменогорска чрезъ Барнаулъ, Кузнецкъ до губернскаго г. Томска, а отсуда до г. Каинска. Много на этомъ пути было подано вел. князю самыхъ разнообразныхъ по содержанію прошеній. Непреминули воспользоваться случаемъ и раскольники. Мы знаемъ, что тогда подали прошенія о безпрепятственномъ „по примѣру отцовъ“ пребываніи въ старообрядческой вѣрѣ тайные раскольники Космалинской и Карасукской волостей Барн. окр., поморцы, примыкавшіе къ Ново-Шульбинской часовнѣ, многіе изъ единовѣрцевъ Дмитріе-Титовскаго прихода, крестьяне с. Вагановскаго и дер. Журавлевой (Кузн. окр.), довѣренный отъ раскольниковъ дер. Кочневой (Каин. окр.) Егоръ Родіоновъ [3]). Но мы увѣрены, что исчислили только частицу изъ всего ряда старообрядческихъ челобитенъ, представленныхъ Высокому Путешественнику.

Чрезъ годъ Ново-Шульбинскіе безпоповцы послали прошеніе еще разъ въ этомъ случаѣ къ Министру В. Д. съ ходатайствомъ объ открытіи ихъ запечатанной часовни. Всѣ въ Россіи,—говорили они,—даже иностранцы повсемѣстно пользуются свободнымъ отправленіемъ обрядовъ своихъ вѣръ,—ею пользуются евреи, магометане, язычники... Лишены ея только они—старообрядцы. „Господствующая церковь одна только имѣетъ право въ предѣлахъ Россіи убѣждать къ принятію ея ученія, но ея вѣра порождается благодатію Господнею, насаждается кротостію, и, болѣе всего, добрыми примѣрами. Посему она не должна дозволять себѣ ни малѣйшихъ принудительныхъ мѣръ при обращеніи съ нею несогласныхъ,—никому она не должна угрожать, поступая по образу Христа Спасителя и по заповѣдямъ апостольской проповѣди“ [4]).

---

[1]) Дѣло по прошеніямъ Паршукова, Шадрина и Рубцова, въ арх. Губ. Пр.

[2]) Д. Томск. Консисторіи въ ея арх. за 1866 г. № 93 Изъ записки, принадлежащей частному лицу, мы знаемъ, что въ начальныхъ 1860 годахъ подавали просьбы въ высшія правительственныя инстанціи о безпрепятственномъ слѣдованіи раскольническимъ вѣрованіямъ и обрядамъ, а также о неповторяемости вѣнчаніемъ въ церкви браковъ, заключенныхъ въ расколѣ, крестьяне: а) Смоленской волости въ числѣ 1013 душъ чрезъ довѣреннаго Трофима Шипицина и б) Алтайской волости въ количествѣ 830 душъ чрезъ довѣренныхъ Илью Юшманова и Петра Чердынцева. Къ сожалѣнію, дѣлъ по поводу этихъ прошеній въ архивахъ намъ не довелось отыскать.

[3]) Дѣло въ арх. Том. Консист. за 1868 по общ. оп. № 170. Сн. дѣла о подложномъ составленіи указа Прав. Сената въ арх. Губ. Прав., св. 105 и о прошеніяхъ вел. князю въ арх. Губ Пр.; св. 115, 106.

[4]) Д. о Ново-Шульбин. часовнѣ; арх. Г. Пр, св. 105.

— „Родители и предки наши исполняли обряды по церковнымъ уставамъ древнимъ и мы слѣдуемъ ихъ примѣру. Послѣ распубликованія Монаршей милости, духовенство, не зная смысла сего закона (разумѣется законъ 19 апрѣля 1874 г.), не перестаетъ стѣсняетъ насъ, какъ будто не молящихся за Царя и правительство. Оно готово вогнать насъ въ рѣку и крестить. Помазанникъ Божій даровалъ намъ свободу молитвослуженія по нашимъ обрядамъ, а мы, несчастные, еще не удостоились получить сей милости“.— Въ такихъ словахъ печаловались на духовенство и испрашивали у г.-губернатора Зап. Сибири полнаго отчужденія отъ церкви числившіеся по оффиціальнымъ документамъ православными раскольники дд. Каминской и Кузнецовой въ 1875 году [1]).

Съ того-же 1875 и по 1880 г. просили о нестѣсняемомъ переходѣ въ расколъ крестьяне Бурлинской волости деревень Луковской, Лѣшачьихъ озеръ и др. въ количествѣ 407 д. муж. пола [2]),—объ устройствѣ открытаго молитвеннаго дома поморцы с. Старо-Тырышкина (Каин. окр.) [3]), о томъ-же поповцы дер. Быструхи (Бійск. окр.) въ количествѣ 88 хозяевъ [4]) и т. д. т. д.

Почти всѣ исчисленныя домогательства, какъ лишенныя законныхъ основаній, были оставляемы безъ послѣдствій, а иногда, какъ мы видѣли, влекли за собою послѣдствія очень невыгодныя для иниціаторовъ. За отсутствіемъ дѣйствительныхъ правительственныхъ и губернскихъ распоряженій въ томъ видѣ, въ какомъ они желательны были расколу, какихъ добивался онъ, его послѣдователи охотно хватались за распоряженія мнимыя. Подложные указы начали находить распространеніе въ томскомъ расколѣ съ давнихъ поръ. Еще въ 1830 г. свящ. с. Ирменскаго Окороковъ донесъ въ Барнаульское Д. Правленіе, что при исполненіи требъ въ деревняхъ Ординской волости онъ натолкнулся на какого-то заѣзжаго раскольника, имѣвшаго при себѣ, кромѣ многихъ книгъ, царскіе подложные указы, составленные къ выгодѣ раскола [5]).

Послѣ подачи прошенія на Высочайшее Имя о дозволеніи имѣть у себя иргизскихъ поповъ, раскольники Крутоберезовской и сосѣднихъ волостей ждали отвѣта съ большимъ нетерпѣніемъ. Мало-по-малу распространился слухъ, что Царь отвѣтилъ милостивымъ указомъ, но мѣстное начальство желаетъ указъ скрыть. Слухъ въ умахъ и устахъ крестьянъ нашелъ полное для себя подтверженіе съ тѣхъ поръ, какъ проживавшій въ деревнѣ Малой Убинкѣ оспенный ученикъ Ал. Кривыхъ объявилъ, что одинъ изъ печатныхъ экземпляровъ царскаго повелѣнія съ большимъ трудомъ успѣлъ добыть крестьянинъ деревни Шеманаихи Василій Худяковъ и что послѣдній готовъ отдать старообрядцамъ указъ, если заплатятъ за него 1500 руб. ассигн. Для общаго обсужденія дѣла раскольники собрали въ д.

---

[1]) Дѣло въ арх. Губ. Правл.; св. 115 № 1769. Нач. въ 1876 г.

[2]) Арх. Томск. Консист. № 465. Нач. въ 1875 г.

[3]) Д. въ арх. губ. правл., св. 116.

[4]) Д. въ томъ-же архивѣ, св. 110. Многочисленныя домогательства объ отчисленіи въ расколъ укажемъ еще въ другомъ мѣстѣ.

[5]) Доношеніе свящ. Окорокова отъ 4 ноября 1830 г. Въ арх. Барн. Д. Правленія.

Быструхѣ „съѣздъ“, на которомъ порѣшили указъ отъ Худякова выкупить, заплативъ за драгоцѣнный документъ полностію всю требуемую сумму, и немедленно отправить въ Шеманаиху къ Худякову довѣренныхъ съ задаткомъ въ 100 руб. Худяковъ задатокъ взялъ, но выдалъ довѣреннымъ „копію“ съ указа, а подлинникъ показалъ только издали. Впрочемъ, кто-то надоумилъ: вмѣсто того, чтобы возиться съ Худяковымъ и переплачивать ему деньги, лучше отправить ходатаевъ къ начальству съ требованіемъ, чтобы объявило, наконецъ, утаиваемое царское слово. Въ ходатаи избрали Лаврентія Тимофеева, Никифора Нѣмцова и Ѳедора Обидина. Вскорѣ Бійскій стряпчій донесъ томскому прокурору, что въ бытность вмѣстѣ съ засѣдателемъ въ дер. Старо-Алейской для производства слѣдствій по разнымъ дѣламъ, явился къ нимъ, слѣдователямъ, кр. Малой Убинки Лаврентій Тимофеевъ и настойчиво требовалъ показать ему указъ, предоставляющій будто-бы старообрядцамъ право имѣть священниковъ съ Иргиза съ отправленіемъ церковной службы въ молитвенныхъ домахъ. Чрезъ день въ Томскѣ получилась бумага отъ генералъ-губернатора. Главный начальникъ края писалъ управляющему Томск. губерніей ген.-маіору Татаринову, что къ нему поступило прошеніе отъ крестьянъ Крутоберезовской вол. Тимофеева и Нѣмцова и Колыванской вол. Ѳед. Обидина, поданное ими по довѣрію „отъ всего общества“ названныхъ волостей. Домогаясь прошеніемъ свободнаго богослуженія чрезъ своихъ старообрядческихъ священниковъ, довѣренные ссылаются, что будто-бы имъ уже послѣдовало на то разрѣшеніе Высочайшимъ указомъ. Вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о семъ г.-губернаторъ предписалъ губернскимъ властямъ произвести строжайшее дознаніе по настоящему дѣлу для открытія виновниковъ дерзкаго подлога, „воспользовавшихся Высочайшимъ именемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей“. Началось слѣдствіе. По приказанію Бійскаго исправника, прежде всего долженъ былъ быть доставленъ на допросы Лавр. Тимофеевъ. Раскольники встали за Тимофеева, нанесли волостному головѣ и писарю оскорбленіе толчками и бранью и заявили, что „ни за что не выдадутъ Лаврентія, потому что онъ матка, а они ея пчелы“. Участвовавшій въ производствѣ слѣдствія Чарышскій засѣдатель Александровичъ отъ себя рапортовалъ губернатору: „встрѣчаю при слѣдствіи вездѣ не малыя затрудненія отъ разныхъ руководителей раскола съ Тимофеевымъ во главѣ. Раскольники утверждаютъ, что производится не слѣдствіе, а новое утѣсненіе отъ начальства, желающаго всемѣрно утаить милостивый царскій указъ. Указъ, по ихъ убѣжденію, долженъ быть непремѣнно, иначе бы священники не рѣшались вѣнчать раскольническіе браки безъ требованій о присоединеніи къ церкви, какъ недавно вѣнчали причты изъ Тобольской епархіи. Въ виду мнимыхъ утѣсненій со стороны властей, главные вожаки раскола—дьяки—совѣтуютъ единомышленникамъ бѣжать къ царю и жаловаться Ему всенародно. На допросахъ допрашиваемые постоянно грубятъ, говорятъ дерзости и нерѣдко совсѣмъ отказываются давать отвѣты. Вообще раскольники находятся въ сильнѣйшемъ возбужденіи и на самомъ дѣлѣ готовы привести въ исполненіе свое намѣреніе идти къ Государю.

Только благодаря кроткимъ мѣрамъ ихъ можно удержать отъ огромнаго бунта, готоваго вспыхнуть каждую минуту". Спеціально для успокоенія взволнованныхъ умовъ Колыванское Горное Начальство изъ Барнаула командировало чиновника Мурзина. Въ свою очередь Мурзинъ доносилъ: „раскольническое волненіе велико во всѣхъ многочисленныхъ деревняхъ по тремъ волостямъ,—крестьяне твердо убѣждены, что Высочайшій указъ имѣется въ дѣйствительности, но начальство не публикуетъ его злонамѣренно; вездѣ говорятъ: «царь намъ даровалъ свободу въ вѣрѣ, далъ и священниковъ изъ нашихъ монастырей, а что дѣлаютъ начальники?—Объявляютъ совсѣмъ напротивъ»... Раскольническое волненіе особенно поддерживаютъ дьяки—эти злѣйшіе расколоучители и самые упорные распространители ереси". [1]).

Дѣло нашло свою развязку въ ссылкѣ Худякова и наказаніи розгами Ал. Кривыхъ, какъ главныхъ виновниковъ происшедшаго возбужденія, выдумавшихъ „указъ" и разглашавшихъ о немъ изъ корыстныхъ цѣлей. Нельзя пропустить безъ замѣчанія, что Худяковъ прежде былъ награжденъ серебряной медалью за содѣйствіе въ обращеніи 10 тысячъ раскольниковъ къ единовѣрію [2]). Медаль помогла ему избавиться отъ плетей.

Проникъ слухъ объ указѣ Худякова и къ раскольникамъ Кулундинской степи и въ нѣкоторой мѣрѣ произвелъ возбужденіе и здѣсь,—возбужденіе, которое нужно было успокаивать продолжительными разъясненіями и увѣщаніями.

На слѣдствіи по дѣлу о совратительномъ усердіи Ксенофонта и Петра Гутовыхъ одинъ изъ допрошенныхъ крестьянъ Ив. Соринъ объяснилъ, что Великимъ постомъ 1864 г. писарь сельскаго Кауракскаго участка (Кузн. окр.) Илья Пермяковъ вычитывалъ ему и прочимъ обывателямъ д. Абышевой указъ Его Императорскаго Величества о томъ, чтобы всѣ раскольники-безпоповцы исполняли свою вѣру свободно, оставаясь спокойными въ своемъ положеніи. Писарь отвѣтилъ, что читалъ указъ Томскаго Губ. Правл. за 1863 г., мѣсяца и числа не помнитъ, съ объявленіемъ Высочайшей благодарности раскольникамъ Кузнецкаго, Барнаульскаго, Бійскаго и Каинскаго округовъ за выраженіе вѣрноподданическихъ чувствъ. Но крестьяне увѣряли, что читанъ указъ, гдѣ Государь „благодарилъ" поморцевъ за то, „что остаются твердыми въ своей вѣрѣ" [3]).

Ходатай за интересы Барнаульскихъ поповцевъ М. Рубцовъ въ 1864 г. также утверждалъ среди собратій, что изданъ государевъ указъ о свободномъ переходѣ въ старообрядчество всѣмъ, кто этого пожелаетъ, и что старообрядцамъ отнынѣ даровано право имѣть собственныхъ, закономъ признанныхъ поповъ [4]).

---

[1]) Дѣло о домогательствѣ раскольниковъ о назначеніи имъ священниковъ изъ раск. монастырей. Въ губ. арх.; св. 505, № 264.

[2]) Д. въ томъ-же арх., св. 737, № 641

[3]) Дѣло о Гутовыхъ, л. 70.

[4]) Дѣдо о Степ. Левшинѣ (Савватіи).

Несомнѣнно Рубцовъ имѣлъ въ виду какой-либо изъ тѣхъ подложныхъ актовъ, которые, бывъ вывезены изъ Россіи и частію изобрѣтены здѣсь въ Сибири, стали распространяться въ предѣлахъ Томской губерніи съ начала 1860-хъ годовъ. Текстъ одного изъ нихъ найденъ былъ у крестьянъ Маріинскаго окр. д. Ключевой Даніила Кокряцкаго и с. Итатскаго Зиновія Путина—изъ пермскихъ переселенцевъ.—Приводимъ его въ самомъ точномъ видѣ:

„По Высочайшему повелѣнію указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго изъ Правительствующаго Синода гг. управляющимъ губерніями".

„Правительствующій Синодъ въ общемъ собраніи слушали положеніе Комитета гг. министровъ относительно исповѣданія старообрядческой вѣры, издревле содержавшейся ихъ потомками. А также ежедневно вновь размножающіеся послѣдователи этой вѣры, какъ это усмотрѣно изъ вѣдомостей, доставляемыхъ Синоду. А потому Комитетъ гг. министровъ, разсмотрѣвъ догматъ, относящійся до обрядовъ старообрядческой вѣры и сообразивъ съ законами Его Императорскаго Величества, нашелъ, что книги какъ стараго, такъ и новаго завѣтовъ, послѣдовали отъ писателей по внушенію Духа Святаго. Слѣдовательно послѣдователи ихъ, если они уже такъ крѣпко соблюдаютъ и почитаютъ завѣтъ свой, что, несмотря на всѣ предписываемыя Правительствомъ мѣры къ *искорененію старообрядцевъ* и обращенію ихъ или въ единовѣріе или къ православной каѳолической вѣрѣ, остаются неудобопреклонными, то должны быть ограждаемы законами Его Императорскаго Величества. Въ чемъ и составленъ планъ Комитета гг. министровъ, который былъ разсмотрѣнъ Его Императорскимъ Величествомъ, рукою котораго написано: „быть по сему".

„Положеніе гг. министровъ есть слѣдующее:

а) „Всѣхъ послѣдователей старой вѣры, содержавшихъ таковую до изданія сего положенія, оставить свободными отъ всѣхъ притязаній въ исповѣданіи ихъ вѣры.

б) „Тѣхъ, которые издревле содержали эту вѣру или отпали отъ православія и правительствамъ преданы суду, (отъ суда) учинить свободными.

в) „Въ губерніяхъ, городахъ и уѣздахъ, гдѣ будетъ послѣдователей этой вѣры въ числѣ не менѣе 500 душъ, дать полную свободу отправленія обрядовъ богослуженія.

г) „Начальникамъ губерній отвести имъ, какъ послѣдователямъ Христа Спасителя, соотвѣтственныя мѣста, на которыхъ они могли-бы построить молитвенные дома такъ, чтобы какъ на старыхъ, такъ и на новыхъ ихъ моленныхъ были отличія, какъ наприм.. крестное знаменіе по ихъ обряду.

д) „Вмѣнить въ обязанность старообрядцамъ, чтобы избрали изъ среды своей общины одно лицо, которое-бы во всѣхъ бумагахъ и дѣлахъ подписывалось, какъ настоятель старообрядческой общины, и всѣ должны обращаться къ нему для требъ въ устроенныхъ моленныхъ.

е) „Онъ долженъ представлять полиціи списки родившихся и браковъ чрезъ каждые полгода.

ж) Дѣла объ отпадшихъ послѣ сего положенія направлять въ Синодъ. —Сентября 20 дня 1859 г. [1])

Отношеніемъ къ Томскому губернатору отъ 14 октября 1867 г. Томскій еписк. Алексій далъ знать, что между жителями Каинскаго окр. съ 1864 г. разглашается вымышленное циркулярное предписаніе министра Вн. Д. отъ 18 февр. 1863 г. за № 1475-мъ съ прописаніемъ будто-бы Высочайшаго указа о дозволеніи раскольникамъ имѣть свои богослужебныя зданія, свое духовенство и свободно совершать богослуженіе и отправлять требы. „Вовлекаясь этимъ въ соблазнъ, многіе православные уходятъ въ расколъ тѣмъ болѣе, что ихъ сильно склоняетъ къ тому кр. Клементій Чаунинъ и содѣйствуетъ уклоненіямъ сельскій писарь д. Вятской Слободы Рождественскій“.

Здѣсь рѣчь идетъ о другомъ подложномъ правительственномъ распоряженіи слѣдующаго содержанія.

„Томскому Гражданскому Губернатору.—Государь Императоръ въ указѣ на имя г. Министра Вн. Д. изволилъ предписать: а) дозволить всѣмъ старообрядцамъ, духоборамъ, молоканамъ, поморцамъ и всѣмъ, которые напредь сего не принадлежали православной церкви, отправлять богослуженіе безъ стѣсненій; б) считать старообрядцами всѣхъ, которые не принимаютъ ни одного таинства отъ православной церкви, какъ-то крещенія, бракосочетанія. Таковые могутъ строить молитвенные дома, часовни, церкви, но при церкви должно быть не менѣе 100 душъ прихожанъ. Священники должны быть избираемы старообрядцами изъ своей среды при условіи безукоризненнаго поведенія избраннаго лица и знанія имъ церковнаго устава. Священники должны получать содержаніе отъ прихожанъ и быть свободными отъ тѣлесныхъ наказаній, рекрутской повинности и уплаты податей. в) Старообрядцевъ не принуждать къ тѣмъ службамъ и обязанностямъ, кои не согласуются съ ихъ вѣрой и обрядами; г) метрическія книги должны быть выдаваемы имъ (старообрядцамъ) изъ земскихъ судовъ и быть представляемы на ревизію исправникамъ. А по сему предлагаю Вашему Превосходительству исполнить все вышеписанное вточности и предписать всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ къ должному и непремѣненому исполненію“. Подписали: Министръ Ланской, директоръ В. Саловъ, столоначальникъ Каменевъ.

Обстоятельства обнаруженія этого выгоднаго раскольникамъ мнимаго предписанія крестьянинъ д. Вятской Слободы Шарашинъ передавалъ въ такомъ видѣ—„Меня, хотя я по вѣрѣ поморецъ, избрали въ должность церковнаго старосты къ Кыштовской (Каин. окр.) приходской церкви. Сильно я тяготился этимъ избраніемъ и свое затрудненіе высказалъ при случаѣ писарю Рождественскому (мѣщанину изъ ссыльныхъ). Писарь сказалъ: «ты можешь служить и не служить: нынѣ отъ Царя дана свобода жить и вѣ-

[1]) Дѣло въ Арх. Губ. Св. 105 № 216. Сн. дѣло въ арх. Консист. № 36 за 1871 г.—Въ болѣе подробной и нѣсколько болѣе грамотной редакціи указъ этотъ приведенъ у Ливанова (Раскольники и Острожники. Т. I, 540—552). По увѣренію Ливанова, изложенный „документъ“ былъ сфабрикованъ раскольническими коноводами въ Москвѣ.

ровать кто какъ хочетъ; на то есть указъ, присланный въ нашу сотню». Я сталъ убѣдительно просить прочитать мнѣ этотъ указъ, и писарь прочелъ. Во дни Пасхи 1864 г. Кыштовскій священникъ потребовалъ отъ меня рѣшительнаго отвѣта—буду я служить при церкви или нѣтъ? Я опять былъ въ затрудненіи, и уже хотѣлъ было нанять кого-либо за себя въ старосты, или внести деньги въ церковь за свое освобожденіе. Но писарь вызвалъ къ себѣ и началъ упрекать: зачѣмъ соглашаюсь на избраніе?—«Объяви священнику, что не хочешь служить да и только. Скажи, что ты старообрядецъ. Вѣдь, я говорилъ тебѣ, что есть указъ и читалъ его». Я отвѣтилъ, что могъ-бы отказаться отъ избранія только въ томъ случаѣ, когда имѣлъ-бы указъ въ своихъ рукахъ.—«Я дамъ тебѣ копію съ него, если заплатишь». Стали говорить о цѣнѣ. Писарь согласился выдать копію за два золотыхъ (полуимперіала) и три серебряныхъ рубля. Получивъ бумагу въ свои руки, я немедленно отказался отъ должности старосты и объявилъ себя открытымъ раскольникомъ. Безъ моего вѣдома копію взяли у отца моего раскольники с. Кыштовскаго и списывали. Списалъ и кр. Кл. Чаунинъ. Послѣдній, кромѣ того, давалъ „документъ“ для списыванія въ разныя деревни. Хотя узнавшій объ указѣ Кыштовскій священникъ увѣрялъ, что онъ подложный, но мы священника не слушали. Разъ въ дер. Ново-Ложниковой ко мнѣ обратился цѣлый сходъ: «правда-ли, что имѣется указъ»? Правда—отвѣтилъ я, но лучше всего спросите писаря Рождественскаго. Рождественскаго спрашивали цѣлой деревней, и онъ подтвердилъ, что имѣется указъ отъ самого Царя. Слухъ о томъ пошелъ широко, и стало замѣтно, что писарь началъ опасаться своего дѣла. Разъ онъ зашелъ ко мнѣ и просилъ свести къ наставнику посмотрѣть нашу службу.

— „Боюсь это сдѣлать, меня пожалуй назовутъ совратителемъ“,—замѣтилъ я.

— Вотъ еще!—ты, видно, не понялъ указъ? Дай я прочитаю и протолкую его тебѣ“.

„Я далъ. Писарь, взявъ бумагу, побѣжалъ отъ меня такъ поспѣшно, что я не успѣлъ его задержать. На пути его встрѣтили крестьяне Куриловъ и Лучанинъ и видѣли, какъ онъ рвалъ бумагу и ѣлъ ее. Удивленные крестьяне спросили, что онъ дѣлаетъ? Писарь твердилъ одно: «слава Богу, я теперь изъ мертвыхъ воскресъ. Четыре ночи не спалъ, обдумывая, какъ обмануть Шарашина и, наконецъ, удалось, а то пропалъ-бы». Но я добылъ другую копію, списавъ ее у крестьянина Солонникова и затѣмъ показалъ засѣдателю. Засѣдатель посмотрѣлъ и замѣтилъ: „ничего“. Снова я убѣдился въ справедливости указа, убѣдились и другіе крестьяне. Но вскорѣ тотъ-же засѣдатель явился уже для слѣдствія по сему дѣлу и потребовалъ меня къ допросу: „гдѣ взялъ и когда?“ Какъ прежде, я указывалъ на Рождественскаго, такъ и теперь подтвердилъ. Писарь сказался больнымъ; засѣдатель повелъ меня на квартиру больного, но сначала въ комнату вошелъ одинъ. Вышедъ изъ комнаты, засѣдатель сказалъ мнѣ: «писарь отказывается,—говоритъ, что не давалъ тебѣ никакой копіи». Ваше благородіе, говорю я, пойдемте, я—его сейчасъ уличу. Засѣдатель, видимо, дер-

жавшій руку писаря, не пошелъ. Но я со свидѣтелями всетаки проникъ къ Рождественскому и сталъ его упрекать: зачѣмъ обманулъ ложнымъ указомъ?—„Мало я съ тебя взялъ,—отвѣтилъ онъ. Нужно было взять 100 руб. Ты торговалъ указомъ и выручилъ гораздо больше меня"...

Потянулось большое дѣло о подложномъ указѣ,—дѣло чрезвычайно хлопотливое, такъ какъ нужно было допросить болѣе 2000 свидѣтелей. Рождественскій умеръ прежде, чѣмъ слѣдствіе перешло на разсмотрѣніе въ судъ [1]).

Насколько цѣнны были въ глазахъ раскольниковъ эти два фальшивые документа, какъ они были пріятны старообрядству и сектантству, видно изъ того, что бѣловодскій «архіепископъ» Аркадій возилъ ихъ съ собою, разсчитывая на нихъ, какъ на одно изъ лучшихъ средствъ привлеченія къ себѣ раскольническаго расположенія. Но онъ имѣлъ при себѣ еще и третій подложный указъ.—«По указу Его Императорскаго Величества, —читаемъ мы въ этой самодѣльной въ расколѣ бумагѣ,—Правительствующій Сенатъ слушали предложеніе Главнаго Министра Юстиціи, стастъ-секретаря Его Императорскаго Величества, тайнаго совѣтника и кавалера гр. Виктора Никитича Панина отъ 31 сентября 1853 г. за № 17442 слѣдующаго содержанія. По всеподданѣйшему докладу Государь Императоръ повелѣть соизволилъ:

„Свобода вѣры присвоивается не только христіанскимъ вѣроисловѣданіямъ, но и вообще могометанамъ, язычникамъ (далѣе безсмыслица).... равно и всѣ иностранцы, пребывающіе въ Россіи, пользуются свободнымъ отправленіемъ вѣры и богослуженіемъ по обрядамъ праотцевъ своихъ, а раскольники преслѣдуются за мнѣнія о вѣрѣ... Отселѣ старообрядческія церкви и молитвенные дома распечатывать не возбранять и богослуженія у старообрядцевъ не преслѣдовать, и тѣмъ не входитъ ни въ какія помѣшательства Высочайшей волѣ Его Императорскаго Величества. О каковомъ Высочайшемъ распоряженіи г. Министръ Юстиціи предлагаетъ Правительствующему Сенату, и Сенатъ приказали: для должнаго и нужнаго свѣдѣнія дать знать всѣмъ губернскимъ и областнымъ Правленіямъ и увѣдомить Министра Вн. Дѣлъ, Святѣйшій Правительствующій Сунодъ, Санктъ-Петербургскій, Московскій, Варшавскій и Общій Департаменты... Ноября 12 дня 1853 г." [2]).

16 іюня 1871 г. пришелъ въ Томскую Консисторію изъ дер. Бобровки на р. Яѣ молодой кр. Кондратій Тихановъ и, заявивъ, что принадлежитъ старообрядческому толку Рогожскаго кладбища, показалъ присутствію консисторіи рукописную копію съ указа отъ 26 авг. 1867 г. съ вопросомъ: имѣется ли въ консисторіи ея подлинникъ? Копію, по его словамъ, онъ получилъ отъ проѣзжавшаго изъ г. Каинска неизвѣстнаго человѣка и текстъ ея гласилъ:

—„Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу св. Синода изволилъ разсмотрѣть слѣдующее.—Извѣстно, что всѣ государственные крестьяне, которые состоятъ по прародительскому преданію, подвергаются крайнему стѣсненію со стороны земской полиціи и мѣстныхъ начальниковъ,

---

[1]) Дѣло въ арх. Губ. Пр. Св. 111 № 1341; началось въ 1864 г. Сн. д. Консист. за 1865 г. № 164.
[2]) Дѣло объ Аркадіѣ въ арх. консисторіи за 1870 г. № 21.

какъ-то: исправниковъ, становыхъ приставовъ, волостныхъ и сельскихъ начальниковъ. Отъ угнетенія сего начальства всѣ крестьяне, состоящіе въ расколѣ, претерпѣваютъ крайнія стѣсненія, такъ что, наконецъ, лишаются всѣхъ правъ производства своихъ моленій въ установленныхъ домахъ и часовняхъ. Дабы положить предѣлъ симъ стѣсненіямъ Государь Императоръ повелѣть соизволилъ:

1) „Строго запрещается всѣмъ по Имперіи становымъ приставамъ, земскимъ исправникамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ имѣть малѣйшее вліяніе на стѣсненіе раскольниковъ въ происхожденіи ихъ націи.

2) „Доставить право раскольникамъ дѣтей своихъ какъ отъ замужнихъ, такъ и отъ незамужнихъ (женщинъ) крестить, по какому завѣту родители пожелаютъ.

3) „Умершихъ предавать землѣ по обыкновенію на кладбищахъ, самими раскольниками избранныхъ.

4) „Къ бракосочетанію мужчины и женщины не ставить препятствій; жену при мужѣ признавать его собственною и прижитыхъ ими дѣтей причислять къ тому самому обществу, при которомъ мужъ значится по ревизіи.

5) „Если состоящіе въ расколѣ крестьяне по правиламъ своей вѣры желаютъ нездороваго человѣка удостоить напутствованіемъ ради предстоящей смерти—это право у нихъ ни въ какомъ случаѣ не отнимать.

6) „Молитвенные дома, бывшіе запечатанными, должны быть открыты и объ открытіи ихъ раскольники имѣютъ подавать прошенія на листахъ въ 90 коп. съ титуломъ на Высочайшее Имя въ Правительствующій Синодъ".

Въ 1864 г. еписк. Порфирій въ сильной жалобѣ губернатору на то, что въ приходахъ Барнаульскаго округа—Леньковскомъ и Малышевскомъ—значительно умножилось количество совращеній, причину этого обстоятельства указывалъ въ разглашеніи ложныхъ слуховъ о полученіи Высочайшаго указа, дозволяющаго будто-бы свободное уклоненіе въ расколъ для всѣхъ, кто этого желаетъ. Слухъ съ особою энергіей поддерживали и распространяли кр-не дд. Шимолиной Савватій Калтановъ и Шабалинской заимки Олимпій Ѳоминцевъ[1]). Жители д. Ново-Подзорной (Маріин. окр.) въ слѣдующемъ 1865 году заявили приходскому причту: «дѣтей нашихъ крестить вамъ не отдадимъ,—притѣснять насъ (за то) не можете, ибо имѣется благопріятный намъ указъ, который мы слышали и видѣли у кр. Софонова и др.»[2]) При отобраніи у крестьян. Борисова (австрійскаго попа) священническаго облаченія въ 1867 году сельскій староста д. Мироновой сказалъ засѣдателю Пономареву: „зачѣмъ вы стѣсняете насъ,—нашъ волостной писарь Звѣревъ читалъ намъ указъ самого Государя, чтобы насъ и нашихъ поповъ больше не стѣсняли» [3]). Раскольники, проживавшіе въ деревняхъ Тяжинскаго прихода Маріин. окр., въ 1871—1872 гг. упорно, на основаніи подложнаго

[1]) Отношеніе еписк. Порфирія испр. должн. Томскаго Губернатора Герману Густавовичу Лерхе отъ 22 мая 1864 г. въ 106 связкѣ дѣлъ губерн. архива.

[2]) Дѣло о раскольникахъ дер. Ново-Подзорной въ архивѣ Томской консист. за 1865 г. № 15.

[3]) Д. о писарѣ Звѣревѣ въ арх. Губ. Правл.; св. 113.

указа, утверждали, что „нынѣ кто хочетъ, тотъ свободно можетъ уходить въ расколъ"[1]). А крестьяне дд. Рубиной и Примѣткиной, начитавшись *указа*, составили въ 1873 г. формальный приговоръ о непринятіи къ себѣ православныхъ священниковъ и о неплатежѣ имъ годового ружнаго сбора[2]).

Фигурировали-ли въ исчисленныхъ случаяхъ какіе-либо новые указы или дѣйствовали тѣ же, что изложены выше,—мы не имѣемъ данныхъ для выясненія. Во всякомъ случаѣ здѣсь ярко выражена съ одной стороны большая распространенность между раскольниками Томской губ. правительственныхъ распоряженій апокрифическаго происхожденія, а съ другой—обозначена роль этихъ произведеній въ качествѣ опоры для раскола въ его стремленіяхъ къ независимости и самобытности. Слѣдуетъ прибавить что и въ самовольномъ открытіи часовень и устроеніи новыхъ моленныхъ домовъ раскольники руководствовались иногда указаніями тѣхъ-же измышленныхъ документовъ. Наприм., Климентъ Чаунинъ завелъ свою хорошо обставленную для глухой деревни моленную, ссылаясь на указъ, добытый отъ кр. Шарашина.

Въ жизни громадной массы Томскаго раскольническаго населенія не было, конечно, недостатка въ фактахъ, когда раскольники, затронутые со стороны своихъ вѣроисповѣдныхъ интересовъ, рѣшались на активное сопротивленіе начальству и вообще выступали противъ православія съ фанатическою озлобленностію. Въ 1841 г. старообрядцы Бухтарминской вол. дд. Тургусунской и Кондратьевой при снятіи колоколовъ съ ихъ часовень оказали полное непослушаніе начальственному распоряженію и довели непослушаніе до размѣровъ настоящаго бунта[3]). Въ 1849 г. въ производствѣ Томскаго суда состояло дѣло—„объ отбитіи отобранныхъ у раскольниковъ книгъ крестьянами дер. Суровой". Когда засѣдатель Судовскій выразилъ сомнѣніе относительно благополучнаго исхода въ дѣлѣ закрытія Н.-Уймонской часовни, Бійскій исправникъ отъ себя писалъ губернатору, что „судя по фанатизму бійскихъ раскольниковъ, опасенію засѣдателя нужно дать полное вѣроятіе. Въ памяти всего Бійскаго населенія живетъ такое печальное событіе, бывшее назадъ тому нѣсколько лѣтъ. Когда въ д. Старо-Алейской хотѣли взять раскольническаго попа посредствомъ военной команды, завязалась кровопролитная драка. Она кончилась звѣрскимъ убійствомъ нѣсколькихъ человѣкъ съ той и другой стороны"[4]). Въ д. Топольной при запечатаніи часовни раскольники, какъ мы уже знаемъ, рѣшили убить Судовскаго и не исполнили своего намѣренія только потому, что засѣдатель былъ вовремя предупрежденъ[5]). Въ д. Дубровиной (Каин. окр.) раскольникъ Притчинъ самовольно открылъ при своемъ домѣ поморскую молельню. Послѣдовало распоряженіе о ея запечатаніи. Когда явившійся на мѣсто засѣдатель Ерохинъ отдалъ приказаніе выносить

---

1) Дѣло въ арх. Губ. Правл.; св 105 № 215.
2) Д. въ томъ-же архивѣ; св. 108.
3) Дѣло о снятіи колоколовъ съ раскольн. часовенъ. Въ арх. Губ. Пр. св. 108.
4) Дѣло объ уничтоженіи часовни въ дер. Нижне-Уймонской. Въ арх. Губ. Пр.; св. 115
5) Тамъ-же.

изъ моленной иконы и книги, родственники Притчина и его единомышленники подняли шумъ, заявляя: „не дадимъ.., а кто станетъ исполнять приказъ, убьемъ“. Свалка уже началась и, въ предупрежденіе большей бѣды, засѣдатель благоразумно распорядился оставить моленную въ покоѣ[1]). Пустынника Т. Балуева раскольники, собравшіеся гурьбой у д. Шульгина Лога, не отбили только потому, что полицейскій чиновникъ провезъ его въ г. Бійскъ окольными путями. Мы уже читали угрозу крестьянъ Титовыхъ разгромить Дмитріе-Титовскую единовѣрческую церковь въ случаѣ, если у нихъ будутъ производить обыскъ съ цѣлью найти и взять заѣзжаго австрійскаго попа. Разгромъ храма едва не состоялся въ с. Верхне-Убинскомъ. Здѣсь рѣшилъ поджечь церковь посредствомъ начиненнаго порохомъ и припасеннаго въ печную топку полѣна раскольникъ Петръ Ефремовъ Черепановъ. Въ этомъ злодѣяніи Черепановъ признался самъ, ссылаясь, что былъ подкупленъ къ нему собратьями по вѣрѣ обѣщаніемъ до двухъ тысячъ рублей. Тяжелое преступленіе было задумано, очевидно, въ месть за преслѣдованія, коимъ подвергались отпадшіе отъ единовѣрія въ Секисовскомъ приходѣ[2]). Священникъ церкви с. Чингизскаго (Барн. окр.) Протопоповъ, при объѣздѣ многочисленныхъ деревень своего прихода въ декабрѣ 1846 года, прибылъ въ д. Велижанину (Бурлинской волости) и, „по обыкновенію“, приказалъ принести къ нему на квартиру всѣхъ новорожденныхъ младенцевъ для ихъ крещенія. Мужду другими назначена была къ крещенію новорожденная дочь крестьянина той-же деревни Филиппа Замерова—тайнаго раскольника. Филиппъ объявилъ, что ребенка нѣтъ дома: онъ увезенъ къ родственникамъ въ дер. Зыкову, отстоящую на 5 верстъ отъ Велижаниной, и убѣдительно просилъ священника освободить его отъ поѣздки за дѣвочкой, „такъ какъ она уже погружена старикомъ“. Затѣмъ оказалось, что Замеровъ солгалъ: младенецъ находился дома и, по настоятельному требованію о. Протопопова, для крещенія былъ принесенъ. Когда, во время совершенія таинства, священникъ, погрузивъ младенца, вынулъ его изъ купели, родители „съ азартомъ“ бросились къ новорожденному дѣтищу, вытолкнули его изъ священническихъ рукъ обратно въ купель и съ криками „топи его, души!“ старались дольше задержать въ водѣ. Священникъ все-таки успѣлъ вынуть дѣвочку еще живую. Мать не успокоилась. Снова съ крикомъ она ринулась къ ребенку и ухватилась за его голову такъ крѣпко, что „едва не раздавила“. Привелось отрывать ее силой, причемъ успѣла завладѣть младенцемъ и убѣжала съ нимъ домой. Ребенокъ надолго оставался безъ муропомазанія[3]).

Въ озлобленіи на то, что въ упомянутомъ с. Верхне-Убинскомъ запрещено было возобновить часовню, кр. Верковъ публично произнесъ страшныя

---

[1]) Дѣло въ Губ. архивѣ, св. 116, № 1936.

[2]) Во время слѣдствія по сему дѣлу фанатикъ бѣжалъ, пользуясь точно нарочно допущенною слабостію надзора.—Дѣло Общ. Губ. Управл. о раскольникѣ крестьянинѣ с. В.-Убинскаго Петрѣ Черепановѣ. Въ арх. Губ. Правл., св. 107 по архив. оп. № 39067. Нач. 21 ноября 1867 г.

[3]) Дѣло въ томъ же архивѣ; св. 740, № 519.

ругательства на церковь и духовенство[1]). Бійскій исправникъ свидѣтельствовалъ, что одинъ изъ зажиточныхъ раскольниковъ, указывая на разныя стѣсненія по отношенію къ расколу, заявилъ сельскимъ властямъ: „не хочу болѣе платить подати антихристу“[2]).

23 апрѣля 1855 г. въ с. Брюхановскомъ (Кузн. окр.), послѣ отправленія общественнаго молебствія по случаю обнародованія Высочайшаго манифеста о государственномъ ополченіи, вошелъ въ храмъ раскольникъ Ст. Едакинъ и, переходя отъ иконы къ иконѣ, тыча въ нихъ пальцами, кощунствовалъ самымъ ужаснымъ ругательствомъ[3]). Это было выраженіемъ фанатизма не вслѣдствіе раздраженія по поводу „утѣсненій“ раскола, а въ силу общей раскольнической ненависти къ православію и православнымъ. Тѣмъ-же побужденіемъ нужно объяснять и всѣ послѣдующіе однородные факты. Въ 1862 г. трапезникъ въ церкви с. Анисимовскаго по выборамъ состоялъ кр. д. Лушниковой Кирьякъ Зорковъ, числившійся православнымъ, а на самомъ дѣлѣ истый раскольникъ—поморецъ. Прислуживая въ церкви, онъ никогда въ ней не молился, къ кресту не подходилъ, прячась отъ св. креста за печку, и на выговоры священника отвѣчалъ: „я не вашей вѣры,—я и всѣ дѣти мои крещены стариками, пріѣзжавшими съ Поморья изъ Соловецкаго монастыря, а теперь къ намъ ѣздитъ наставникъ Кс. Гутовъ разъ по пяти въ годъ“[4]). Въ субботу на первой недѣлѣ В. поста пришли къ вечерни причастившіяся въ тотъ день крестьянскія вдовы Татьяна Хахалкина и Варвара Черепанова. Предъ службой вдовы зашли въ церковную караулку и разговорились съ трапезникомъ о говѣніи. Зоркинъ въ разговорѣ твердилъ: «исповѣдь ваша—туда-сюда, а ваше причастіе—сатанино рыганіе». Женщины вышли изъ сторожки въ страшномъ смущеніи. Въ большое смущеніе раскольники привели православныхъ въ д Рубиной, когда, встрѣтивъ крестный ходъ, не только не отдали почтенія иконамъ, но еще нарочно запѣли безобразныя по своему содержанію пѣсни[5]). Раскольникъ изъ Пермскихъ самовольныхъ пришельцевъ В—ловъ, поселившійся въ калмыцкомъ на Алтаѣ мѣстечкѣ Кабыжакъ, завидѣвъ, что мимо его дома понесутъ иконы съ пѣніемъ пасхальныхъ пѣсней, началъ на глазахъ у всѣхъ торопливо закрывать ставни у оконъ, чтобы не только не видѣть иконъ, но, по возможности, не слышать и пѣнія. Принадлежащіе къ Ѳедосѣевскому толку жители одной изъ отдаленныхъ Алтайскихъ деревень, когда черезъ деревню проносили чудотворную икону Абалацкой Божіей Матери изъ г. Семипалатинска, закрыли въ своихъ домахъ окна и потомъ изъ того ключа, около котораго, по желанію православныхъ, предъ той-же иконой былъ отслуженъ молебенъ, не хотѣли болѣе брать воды, не смотря на то, что этотъ ключъ въ страдную пору имъ былъ очень надобенъ. Тѣ-же „кержаки“ выкололи глаза у образа въ малень-

---

[1]) Дѣло Гуо. Прав.; св. 738.
[2]) Д. Губ. Прав. о проживаніи раскольниковъ въ вершинахъ р. Убы. Св. 124.
[3]) Д. о Едакинѣ въ арх. Г. Пр.; св. 743.
[4]) Дѣло о расколо-учит. Ксенофонтѣ и Петрѣ Гутовыхъ въ арх. Д. Консисторіи.
[5]) Д. Губ. Прав; св. 110, 1880 г. Оскорбленія святости крестныхъ ходовъ допускались раскольниками много разъ. См., наприм, дѣла въ губ. архивѣ; св. 735 № 556 и 745 № 212.

кой часовнѣ, устроенной православными на полѣ[1]). Имѣющій вскорѣ встрѣтиться намъ кр. д. Корабихи (Бухтармин. вол.) Хрисанфъ Бобровъ съ сыновьями со злобой отозвались свящ. Чиркову, что православная церковь — „это вертепъ разбойниковъ и костелъ римскій, что въ настоящее время нѣтъ уже царя—императора“. Знаменательно здѣсь то, что такъ говорили раскольники поповщинскаго или, точнѣе, стариковскаго толка[2]).

Къ особой формѣ выраженія раскольническаго фанатизма мы относимъ путешествія Томскихъ раскольниковъ изъ Алтайской стороны на Бѣловодье.

VII.

Раскольническія мечты о Бѣловодьѣ и неопредѣленность указаній относительно мѣстонахожденія этой „блаженной“ страны —Бѣловодье за китайской границей.—Указаніе его въ китайскихъ предѣлахъ, сдѣланное поселяниномъ Бобылевымъ.—Движеніе Алтайскихъ раскольниковъ на Бѣловодье за китайской границей въ 1825 г.—Мрачное въ концѣ 1830-хъ годовъ настроеніе въ раскольническомъ населеніи юго-восточной части Алтая, навѣянное правительственными мѣропріятіями противъ раскола и усиленное внушеніями фанатичныхъ расколоучителей.—Намѣреніе вновь бѣжать на Бѣловодье и сношеніе по сему поводу Алтайскихъ раскольниковъ съ собратьями по вѣрѣ въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ.—Пришельцы изъ Россіи, слѣдовавшіе на Бѣловодье.—Маршруты въ рукахъ путешественниковъ.—Обстоятельства, подстрекнувшія къ побѣгу Бухтарминскихъ раскольниковъ.—Побѣгъ на Бѣловодье въ 1840 г.—Количество бѣжавшихъ.—Неудача побѣга.—Безпорядки, допущенные бѣловодцами при возвращеніи на родину.—Устойчивость мысли о Бѣловодьѣ.—Поиски его, предпринятые Хрисанфомъ Бобровымъ.—Уговоры Боброва еще къ новому побѣгу въ счастливую страну.—Побѣгъ 1861 г.—Бѣдствія, какимъ подверглись бѣжавшіе.—Неугомонность Хрисанфа Боброва въ исканіяхъ Бѣловодья.

Извѣстно, до какой степени раскольники много мечтали и мечтаютъ о странѣ, гдѣ въ ненарушимомъ видѣ, во всей полнотѣ и красѣ сіяетъ «древлее благочестіе», гдѣ сохранилась незапятнанная ересью іерархія и гдѣ при изобиліи всякихъ житейскихъ благъ царитъ всецѣлая свобода въ исповѣданіи старой до-Никоновской вѣры. Сначала старообрядцы неопредѣленно указывали эту блаженную сторону гдѣ-то далеко, далеко на востокѣ. Затѣмъ съ половины прошлаго столѣтія распространилось сказаніе, что вѣрные епископы, святоотеческія правила, преданія и обычаи крѣпко и нерушимо блюдутся на Бѣловодьѣ въ Опоньскомъ царствѣ (Японіи). Наконецъ, Бѣловодье многіе начали указывать въ той части юго-восточнаго Алтая, которая извѣстна подъ именемъ Бухтарминской окрайны. Несомнѣнно, слава объ этой пограничной съ китайскими владѣніями окрайнѣ, какъ счастливомъ для раскола мѣстѣ, поддерживалась ея географическою отдаленностію, ея укромностію за вершинами Катунскихъ бѣлковъ и Холзуна и былою малодоступностію для начальственнаго надзора. Въ надеждѣ обрѣсти въ полосѣ около Бухтармы всѣ блага Бѣловодья, пришельцы съ разныхъ концовъ Россіи являлись сюда очень не рѣдко. Но послѣдовало разочарованіе.

---

[1]) Приходскій отчетъ свящ. с. Риддерскаго Іоанна Юрьева за 1884 г.

[2]) Дѣло въ арх. Томск. Консисторіи за 1878 г. № 185.

Оказалось, что Бѣловодье нужно искать дальше, за границей, въ глуби владеній Бохдыхана. Убѣжденные въ справедливости такого слуха Бійскіе въ частности и въ особенности Бухтарминскіе раскольники не задумывались покидать родныя, хлѣбородныя мѣста, чтобы идти на переселеніе въ счастливое Бѣловодье. Впрочемъ, у Бухтарминцевъ религіозныя побужденія въ данномъ случаѣ смѣшивались съ тѣми бурными, непосѣдливыми стремленіями, какія они унаслѣдовали отъ отцевъ своихъ—бродягъ каменщиковъ.

Самое раннее извѣстіе о Бѣловодьѣ въ китайскихъ предѣлахъ мы встрѣчаемъ за 1807 годъ. Въ этомъ году явившійся въ Петербургъ изъ Томской губерніи поселянинъ Бобылевъ донесъ министерству, что по дорогѣ отъ Бухтарминской волости чрезъ китайскую границу онъ знаетъ Бѣловодье и въ немъ три мѣста, населенныхъ русскими людьми еще со времени царя Алексѣя Михайловича. Въ первомъ мѣстѣ обитаетъ до 1000, во второмъ до 700—и въ третьемъ болѣе полумилліона душъ. Эти русскіе люди, убѣгшіе изъ отечества вслѣдствіе гоненій на расколъ, имѣютъ у себя епископовъ, священниковъ, которые отправляютъ богослуженіе по старымъ книгамъ, крестятъ и совершаютъ браки съ хожденіемъ посолонь. Прослышали бѣглецы, говорилъ Бобылевъ, что государь Александръ Павловичъ дозволилъ старообрядцамъ строить церкви по старому закону и, тронутые этою милостію, изъявляютъ желаніе вернуться въ отечество, служить царю вѣрно, лишь-бы дано имъ было за побѣгъ прощеніе. Бобылевъ изъявлялъ готовность сходить къ бѣловодцамъ и исполнить все, что ему будетъ приказано на счетъ обратнаго водворенія бѣглецовъ въ предѣлы Россіи. Министерство приняло его предложеніе, выдало ему 150 руб., а за инструкціями велѣло явиться къ сибирскому генералъ-губернатору. Но Бобылевъ къ генералъ-губернатору не явился—исчезъ безслѣдно [1]).

Было-ли сообщеніе Бобылева сплошь вымысломъ или имѣло въ своемъ основаніи какую-нибудь долю дѣйствительности—рѣшить трудно. Съ своей стороны находимъ возможной догадку, что и въ ту пору подъ вліяніемъ слуховъ о блаженномъ Бѣловодьѣ нѣкоторые смѣльчаки изъ раскола смѣло переступали пограничную линію и могли основать въ чужеземной области хотя небольшое русское поселеніе. Поселились-же потомъ старообрядцы за пограничной линіей южнѣе Усинскаго края, или даже съумѣли проникнуть въ глубь Монголіи къ берегамъ оз. Лобъ-Нора [2]).

По нашимъ вполнѣ достовѣрнымъ матеріаламъ первое движеніе на Бѣловодье произошло въ 1825—1826 гг., но мы знаемъ о немъ слишкомъ коротко,—только то, что въ немъ участвовали раскольники поморскаго толка изъ Бійскихъ и Бухтарминскихъ деревень Прокопій Мурзинцевъ,

---

[1]) Варадиновъ. Исторія Министерства Внутр. Дѣлъ. Кн VIII, стр. 62—63.

[2]) Въ Томскомъ Губернскомъ архивѣ намъ встрѣтилась опись старыхъ дѣлъ Томскаго Губернскаго суда. Въ описи между прочимъ значатся: — „Дѣло о побѣгѣ крестьянина Галактіона Шишина съ матерію за границу“ (1805 г.); — „дѣло о вывезенныхъ изъ за границы колодникѣ Михаилѣ Ивановѣ и др.“ (1809); — „о посельщикѣ Семенѣ Катанаевѣ, бѣжавшемъ за границу“ (1810 г.). — Видимо побѣги русскихъ изъ Алтая за пограничную китайскую линію не были рѣдкостію въ началѣ XIX вѣка.

Прокопій Огневъ съ родственниками, Аверьянъ Сердцовъ съ семьею, бр. Андрей и Ив. Останины съ матерью и взрослыми сестрами дѣвицами и пр. [1]) Ихъ путешествіе, какъ и послѣдующія странствованія въ баснословную страну, кончилось неудачею. Путешественники „едва не померли въ чужихъ горахъ съ голоду и очень были рады пріѣхавшей за ними русской казачьей командѣ". По возвращеніи домой бѣглецы были оштрафованы за побѣгъ деньгами по 31 руб. съ каждаго хозяина, а отъ тѣлеснаго наказанія избавились за силою милостиваго манифеста отъ 22 августа 1826 года [2]).

Въ концѣ 1830-хъ годовъ, т.-е. тогда, когда раскольники уже успѣли почувствовать режимъ мѣропріятій противъ раскола, начавшихся съ воцаренія императора Николая Павловича, въ глухія части юго-восточнаго Алтая происходитъ какой-то усиленный приливъ фанатичныхъ расколоучителей. Припомнимъ посселенца изъ подъ Томска Ив. Михайлова, скрывавшагося на вершинѣ Медвѣдихи близъ д. М.-Бащалакской, служителей горныхъ заводовъ Орлова и Медвѣдева, Никифора Петрова, вышедшаго, по его словамъ, изъ мѣста около Соловецкой обители съ паспортомъ изъ Финляндской паспортной экспедиціи, Зыряновыхъ отца съ сыномъ, бродившихъ въ горахъ за д. Тавдой. Подъ внушеніями этихъ и еще какихъ-то учителей, останавливавшихся между прочимъ у кр. Земировыхъ въ д. Солонечной, мѣстные послѣдователи раскола сильнѣе заговорили объ антихристѣ, чаще стали вздыхать о тяжкихъ для истиннаго благочестія временахъ, съ бо́льшею ненавистью говорить о православіи и его духовныхъ и свѣтскихъ представителяхъ. „Рѣшилась нынѣ истина"—вездѣ твердилъ Петровъ; „антихристъ угнѣздился на Всероссійскомъ престолѣ и опуталъ все христіанство"—со злобою наставлялъ Орловъ. „Нынѣ среди людей не осталось ни Бога, ни православія, ни благодати", мрачно говорили Земировы[3]) и готовились уйти въ дебри, доступныя только звѣрямъ и птицамъ, куда Ѳедосъ Земировъ, а за нимъ и родители его дѣйствительно и укрылись. Другіе спѣшили въ кельи въ вершинахъ р. Убы или на горахъ Чечулихи. А въ остальной массѣ алтайскаго раскола велись таинственныя бесѣды о блаженномъ пребываніи въ тихой, укромной странѣ,—во святомъ Бѣловодьѣ. „Есть такая страна за границей, переговаривались между собою старообрядцы,—есть такая страна, гдѣ имѣется 140 церквей и при нихъ много епископовъ, которые по святости своей жизни и въ морозы ходятъ босикомъ. Жизнь тамъ безпечальная. Нѣтъ въ той странѣ никакихъ повинностей и податей, въ хозяйственныхъ надобностяхъ во всемъ тамъ приволье. Главное-же, сберегается и процвѣтаетъ на Бѣловодьѣ святая, ничѣмъ непомраченная вѣра со всѣми благодатными средствами спасенія. Занесли туда сокровище истинной вѣры ревностные и благочестивые христіане, убѣгшіе отъ гоненій еретика Никона" [4]).

---

[1]) По извѣстію г Шмурло,—почерпнутому изъ Семипалатинскаго архива, въ этомъ путешествіи участвовали 43 человѣка.—Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Кн. XXV, стр. 18.

[2]) Дѣло Томскаго Губ. Суда „о намѣреніи нѣкоторыхъ крестьянъ Алтайской волости бѣжать на Бѣловодье". Въ Губ. арх., св 217.

[3]) Тоже дѣло, л. 106.

[4]) Тоже дѣло. Св. дѣло о Земировыхъ въ арх. Губ. Прав.; св. 733 № 595.

Заговорили за описываемое время о Бѣловодьѣ въ разъ и на Алтаѣ и у раскольниковъ пермскихъ и оренбургскихъ. Проживали въ ту пору на Алтаѣ двѣ вліятельныя раскольницы—лжемонахини Платонида и Фелисата. Первая, по мірскому имени Прасковья Бѣляева, происходила изъ Оренбургской губерніи Челябинскаго уѣзда. По ея словамъ, еще въ молодости она ходила въ Кіевъ и на возвратномъ пути зашла въ Стародубье, гдѣ приняла монашескій постригъ въ Николаевскомъ старообрядческомъ монастырѣ. Затѣмъ съ сестрой переѣхала въ Алтай и поселилась въ дер. Ай, гдѣ проживала въ одинокой кельѣ, занимаясь богомольемъ и женскимъ рукодѣльемъ. Фелисата говорила, что она изъ пермскихъ заводскихъ крестьянокъ. На родинѣ, когда еще была молодой дѣвицей, родители отдали ее въ Екатеринбургъ къ родственницѣ—купчихѣ Чирьевой, у которой въ строгомъ благочестіи провела 10 лѣтъ и затѣмъ ушла въ пустыню въ 20-ти верстахъ отъ Нижне-Тагильска. Здѣсь приняла постригъ отъ Иргизскаго іеромонаха Іосифа, а въ 1830 г., переѣхавъ въ Алтай, поселилась въ Уймонѣ, гдѣ заработывала пропитаніе отъ издѣлій того-же ремесла, какъ и Платонида. Обѣ женщины были ярыя старообрядки и обѣ-же въ продолженіе 1838 г. изъ Алтайской дали ѣздили въ Пермскую и Оренбургскую губерніи. Сами старухи утверждали, что ѣздили въ Ирбитъ на ярмарку для продажи наготовленнаго холста, полотенцевъ, поясовъ и т. д. и изъ Ирбита проѣхали на побывку каждая къ своимъ роднымъ. Засѣдатель Нѣмчиновъ заподозрилъ въ ихъ поѣздкахъ иныя цѣли, и затѣмъ остался въ твердомъ убѣжденіи, что путешествіе монахинь имѣло тѣсную связь съ задуманнымъ въ расколѣ новымъ движеніемъ на Бѣловодье.

Въ Алтайской деревнѣ Верхней Сѣтовкѣ проживалъ самовольный переселенецъ изъ пермскихъ крестьянъ Константинъ Долгихъ (впослѣдствіи австрійскій попъ съ измѣненнымъ именемъ Симеона). Въ свою очередь и онъ зимою 1838 г. побывалъ въ предѣлахъ своей прежней губерніи и на этотъ разъ было установлено самымъ достовѣрнымъ образомъ, что Долгихъ ѣздилъ туда по дѣламъ о Бѣловодьѣ. Раскольникъ изъ д. Ай Заиграевъ самъ признался, что той-же зимой онъ былъ у пермскихъ собратій по вѣрѣ „и тамъ молва о Бѣловодьѣ была большая, особенно въ заводѣ Шарташинскомъ“.

Переговоры съ россійскими старообрядцами по поводу Бѣловодья вызвали изъ Россіи рядъ путешественниковъ на Бѣловодье. Зыряновы пришли въ Алтай съ намѣреніемъ перебраться отсюда въ благодатную сторону. Съ тою-же цѣлію явился сюда пермскій крестьянинъ Артамонъ Андреевскій. Весной 1839 г. у кр. д. Каянчи Перевалова городили поскотину двое изъ пермяковъ Осинскаго уѣзда, фамиліи которыхъ остались неизвѣстными. За работой пришельцы разговорились съ мѣстнымъ обывателемъ Змаковскимъ и признались, что зашли въ Сибирь, чтобы слѣдовать отсюда во святую страну, при чемъ показали маршруты для проникновенія въ эту послѣднюю. По словамъ грамотного Змаковскаго, въ маршрутахъ было написано, что на Бѣловодье нужно идти Бійскимъ округомъ чрезъ дд. Красноярскую,

Сѣтовскую, Усть-Убинскую, останавливаясь у „страннопріимцевъ“ Базанова, Бунькова, Мошарова. Впослѣдствіи сынъ Мошарова Ѳаддей показывалъ, что видѣлъ у многихъ пермскихъ и оренбургскихъ жителей и др. проѣзжавшихъ людей такіе-же маршруты, которые онъ, Ѳаддей, отбиралъ и сжигалъ въ печкѣ. Таинственные пришельцы вообще начали появляться въ Алтаѣ такъ часто, что на это обстоятельство обратило вниманіе уѣздное полицейское начальство, поручившее задерживать и допрашивать ихъ казачьему уряднику Мокіеву. Вскорѣ Мокіевъ остановилъ крестьянъ Оренбургской губ. Уфимскаго уѣзда Рагузина и Бобкина, при которыхъ оказались также маршруты или „путешественники“. На этотъ разъ мы знакомимся съ подлиннымъ текстомъ „путешественника“.

„Милостивіи государи и вси еже во Христѣ любиміи братіе! На Бѣловодье надобно ѣхать до г. Бійска и по Смоленской волости до деревни Устюбы. Тутъ есть страннопріимецъ Петръ Мошаровъ и онъ путь покажетъ черезъ горы каменныя, снѣговыя. И тутъ есть деревня Уймонъ, и въ ней инокъ схимникъ Іосафъ содержитъ обитель. Тутъ есть мѣсто, гдѣ скрыться отъ антихристовой руки, есть и люди тутъ, которые проведутъ дальше. А проходъ весьма труденъ. И тамъ нужно идти невѣрными. Двѣнадцать сутокъ ходу моремъ и три дня голодной степью. И дойдешь до высокой каменной горы и черезъ нея проходъ труденъ. И отсюда еще дивно (много) время ходу. Всего два мѣсяца съ половиной идти тамо. Есть люди и селенія большія; тутъ и донынѣ имѣется благочестіе и живутъ христіане, бѣжавшіе отъ Никона-еретика, а за рѣкой другое село, въ которомъ имѣются епископы и священники, и всѣ служатъ они босы. Имѣется тамъ церквей сто сорокъ. И какъ возможно старайтесь до онаго благочестія и просить оныхъ людей, которые знаютъ проходы. Споспѣшествуйте. На сіе Богъ вамъ въ помощь. Слышалъ и былъ: житіе вельми хорошо. Писавый сей путешественникъ инокъ Михаилъ“ [1]).

Алтайская атмосфера была насыщена толками о Бѣловодьѣ. А тутъ произошло еще слѣдующее подстрекнувшее къ Бѣловодью обстоятельство. По указу Томской Консисторіи, данному Барнаульскому Д. Правленію въ 1838 г., велѣно было деревни Бухтарминской волости: Фыкальскую, Корабиху, Бѣловую, Язовую, Верхне-Бухтарминскую, Быкову, Сѣнную, Мало-Нарымскую, Снегиреву, Парыгину, Богатыреву, Соловьеву, Александровскую, Огневу, Хайрюзовскую, Бородинскую и Макотину перечислить изъ прежняго Бухтарминскаго прихода въ приходъ новопостроенной церкви въ Зырянскомъ рудникѣ, при чемъ на Зырянскій причтъ возложено было обязательство переписать новыхъ прихожанъ поименно. Отправился переписывать дьячекъ Пакулевъ, но жители каждой изъ указанныхъ деревень Пакулева для этого дѣла къ себѣ не допустили, и особенно грубо выпроводили его изъ дер. Корабихи. По дѣлу о переписи причтъ вынужденъ былъ войти въ сношеніе съ Бухтарминскимъ вол. правленіемъ, откуда назначили перепи-

---

[1]) Дѣло о намѣреніи нѣкоторыхъ крестьянъ Алтайской волости бѣжать на Бѣловодье. Листъ 56.

сывать писаря Давыдова. Но и Давыдова бухтарминцы приняли также, какъ Пакулева, а затѣмъ представили въ волость такой приговоръ:—„Мы, жители инородческой Бухтарминской волости, симъ объясняемъ: а) никогда мы къ приходу Бухтарминской церкви да и ни къ какому иному по собственному желанію присоединены не были, и нынѣ къ Зырянской церкви присоединяться не желаемъ; б) никогда мы у исповѣди и причастія ни въ какой церкви не бывали и никогда къ тому никакимъ начальствомъ принуждаемы прежде не были, почему просимъ и теперь насъ не принуждать; в) прадѣды наши жили по правиламъ апостоловъ и мы хотимъ жить также, считая за неискупимый грѣхъ и погубленіе душъ своихъ въ будущемъ вѣкѣ измѣненіе отеческой вѣры.—Мы старообрядцы поголовно и желаемъ оставаться въ старообрядствѣ навсегда, и потому отъ переписи въ церковныя книги просимъ насъ освободить“.

Волостное Правленіе направило приговоръ къ Бухтарминскому засѣдателю Болдышу, который, по полученіи его, самъ отправился по деревнямъ съ требованіемъ, чтобы жители записывались къ церкви безпрекословно и безъ замедленія. „А мы крѣпко были убѣждены, объяснялъ впослѣдствіи одинъ изъ бухтарминцевъ, что послѣ записи въ какія-то исповѣдныя книги насъ заставятъ ходить въ православную церковь, въ которую мы никогда не хаживали, за исключеніемъ необходимости повѣнчаться бракомъ, и, не желая нарушить завѣта и благословенія отцовъ своихъ до конца содержать ихъ, отеческую, вѣру истинную, рѣшили убѣдительно просить Болдыша въ книги насъ не писать“. Болдышъ, по словамъ того-же раскольника, уступилъ просьбѣ, но потребовалъ за это 1000 руб. ассигн. съ уплатою по 500 р. въ два раза. „Тяжело было требованіе, но мы все-таки были рады и стали уплачивать деньги въ иныхъ случаяхъ по 30, по 50 и даже по 80 руб. за семью. Болдышъ деньги бралъ, но не переставалъ утверждать, что записываться къ церкви онъ насъ все-таки заставитъ и къ православію принудитъ. Тѣхъ-же, которые будутъ сопротивляться, говорилъ онъ, сошлютъ въ ссылку или отдадутъ въ солдаты. Мы были въ большомъ унынiи и спрашивали другъ друга, что дѣлать?“ —Начались усиленные сговоры на далекое переселеніе и приготовленія къ этому дѣлу.

Казачій урядникъ Абрамовъ, побывавшій въ сентябрѣ 1839 г. въ домѣ инородца [1]) Мих. Лысова, запримѣтилъ въ щели на стѣнѣ записочку и потихоньку вытянулъ ее. Записочка гласила: „Во имя Отца, Сына и Св. Духа. Покланяюся отъ лица до земли православнымъ христіанамъ, во-первыхъ, Мих. Ивановичу, Григорію Осиповичу и Кириллу Васильевичу. Какъ будете согласны: на міру страдать, или въ пустомъ мѣстѣ жить? Возобладала уже антихристова рука. Духъ бодръ, а плоть немощна. Писавый Вамъ извѣстенъ“. Урядникъ передалъ записочку Болдышу, а этотъ началъ утѣснять Лысова и еще Рахманова, забралъ ихъ въ каталажку и держалъ въ оковахъ, вымогая крупную взятку.

---

[1]) Бухтарминскіе русскіе крестьяне, прежде приписанные къ Бухтарминской инородной управѣ, сохраняли долго наименованіе инородцевъ, а иногда и ясачныхъ.

Въ томъ-же сентябрѣ кр. д. Петропавловской Дм. Усовъ заѣхалъ по своимъ дѣламъ въ д. Сибирячиху къ кр. Семену Черепанову и засталъ у послѣдняго инородца Власа Нагибина. Хозяинъ съ Нагибинымъ „угощались" и за угощеніемъ вели оживленный разговоръ о Бѣловодьѣ. „Поведетъ, говорилъ гость, Прокопій Огневъ. Онъ знаетъ мѣсто. Надо-же, наконецъ, уходить отсюда, иначе не спасемся,—погибнемъ". Сборы на Бѣловодье, очевидно, близились къ концу, но ихъ секретъ не остался таковымъ. Его открылъ Алтайскій засѣдатель Нѣмчиновъ и предпринялъ соотвѣтствующія разслѣдованія. Въ самомъ началѣ разслѣдованій староста д. Сибирячихи Телѣгинъ донесъ засѣдателю, что раскольники этой и окрестныхъ деревень дѣйствительно что-то замышляютъ. Не говоря уже о томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ начали являться въ деревняхъ какіе-то изъ дальнихъ мѣстъ праздношатающіеся люди, многіе изъ здѣшнихъ обывателей забросили хозяйство и домоводство, тогда какъ прежде занимались всякимъ по крестьянскому обиходу дѣломъ со всею рачительностію,—сбываютъ куда-то вещи, по тяжести неудобныя для дальней перевозки, откармливаютъ лошадей и запасаются въ большихъ количествахъ сухарями, пріобрѣтаютъ ружья крупнаго калибра и, сверхъ всего, ведутъ оживленныя сношенія съ раскольниками Уймоновъ, чего прежде не бывало. Не собираются-ли на Бѣловодье?—заключилъ староста.

Тѣмъ энергичнѣе повелъ свои разысканія Нѣмчиновъ и вмѣстѣ съ чиновникомъ горнаго вѣдомства Уткинымъ добылъ тѣ свѣдѣнія о подготовленіяхъ въ раскольническомъ населеніи Алтайской и Смоленской волостей къ путешествію на Бѣловодье, какія (свѣдѣнія) уже изложены нами выше. Дали знать о задуманномъ предпріятіи въ губернскій городъ Томскъ. Изъ Томска послали для производства слѣдствія чиновниковъ Смирнова и Бошарова, но послѣдніе нашли, что Нѣмчиновъ преувеличилъ дѣло, что его указанія лишены солидной основательности. Съ порученіемъ добыть „ясныя, точныя и неоспоримыя доказательства" въ Алтай явились другіе слѣдователи: чиновникъ особ. порученій при Главн. Управл. Западной Сибири Трофимовъ, Томскій казенныхъ дѣлъ стряпчій Чарушинъ и корпуса жандармовъ маіоръ кн. Мышецкій, но побѣгъ на Бѣловодье уже состоялся.

Онъ совершился лѣтомъ 1840 г., хотя не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ былъ задуманъ, къ какимъ подготовлялся. Бѣжали бухтарминцы изъ дд. Огневой, Бѣлой, Александровской, Корабихи и Фыкалки съ придачею нѣкоторыхъ отдѣльныхъ хозяевъ изъ Уймоновъ, Сибирячихи, Солоновки и М. Бащелака. Хотѣли бѣжать, но отстали отъ своего намѣренія, еще раскольники изъ дд. Каянчи, Шульгина-Лога, Айской и Тавды. Всего бѣглецовъ съ женами и дѣтьми набралось до 300 человѣкъ.

Вожатыми въ предпринятомъ переселеніи взялись быть участники Бѣловодскаго путешествія въ 1825 г. изъ д. Огневой Прокопій Огневъ съ племянникомъ Степаномъ Огневымъ и изъ Корабихи Ѳаддей и Прокопій Мурзинцевы. Среди отважныхъ бухтарминцевъ Степанъ Николаевъ Огневъ выдавался особенною удалью и крайней рѣшимостію на всякое рискованное дѣло.

Мирныя въ общежитіи условія и отношенія его не удовлетворяли,—къ хозяйству онъ не былъ склоненъ. Блужданія по горамъ съ постояннымъ исканіемъ приключеній—были его жизненной стихіей. Предъ временемъ описываемаго путешествія на Бѣловодье онъ давно уже состоялъ на нелегальномъ положеніи,—былъ въ бѣгахъ, укрываясь отъ суда за укрывательство бѣжавшаго же изъ ссылки отца и за воровской угонъ лошадей у киргизовъ. Предложенное руководительство въ настоящемъ далекомъ странствованіи было Степану совершенно подстать не потому только, что онъ уже хаживалъ на Бѣловодье, но и потому еще, что подобнаго рода замыслы вполнѣ гармонировали съ характеромъ и потребностями его неугомонно-кипучей натуры.

Не легко было раскольникамъ разставаться съ своими насиженными мѣстами, съ нажитымъ трудами достояніемъ. Женщины признавались потомъ, что предъ уходомъ онѣ плакали навзрыдъ [1]). Интересъ вѣры взялъ, однако, перевѣсъ надъ всѣми житейскими соображеніями. Шли переселенцы сначала вразбродъ небольшими партіями и всѣ вмѣстѣ собрались только по переходѣ за границу. На границѣ одна партія столкнулась съ военной погоней, снаряженной торопливо. Поимщики и бѣглецы обмѣнялись выстрѣлами и послѣдніе уже безъ всякихъ препятствій побрели далѣе.

Долго бродили искатели безпечальнаго Бѣловодья по невѣдомымъ мѣстамъ въ прилегавшихъ къ Россіи китайскихъ предѣлахъ. Прокопій Мурзинцевъ увѣрялъ, „что приведетъ къ русскимъ, ушедшимъ изъ отечества старообрядцамъ“, а привелъ въ землю подвластныхъ Китаю „татаръ“, гдѣ, подвергаясь всяческимъ лишеніямъ, бѣглецы провели всю зиму. Наконецъ, измученные, истощенные, потерявшіе большую часть своихъ лошадей, они сдались китайскимъ властямъ около г. Хамиля (Хами). Китайцы подъ своимъ конвоемъ обратно повели ихъ чрезъ г. Кобдо по направленію къ пограничнымъ Чингистайскому и Мало-Нарымскому карауламъ. На возвратномъ пути не обошлось безъ непорядковъ и приключеній. Прежде всего многіе изъ бѣглецовъ изъ подъ конвоя разбѣжались,—разбѣжались изъ опасенія, что ихъ поведутъ домой чрезъ далекую Кяхту, чего китайцы дѣлать не думали. Оставшіеся подъ конвоемъ на пути продали конвойнымъ девять лошадей за 39½ кусковъ дабы простой доброты. По словамъ китайцевъ, расплата произведена была на станціи Борягусъ аккуратно, но Прокопій Огневъ вскорѣ заявилъ, что въ Борягусѣ конвойные разсчитались съ русскими неправильно и съ настойчивостью потребовалъ дабы не простой, а высокой доброты. „Во уваженіе русскаго правительства“ китайцы согласились удовлетворить претензію Прокопія и, въ добавленіе прежней платы, выдали ему еще 13 дабъ, изъ которыхъ двѣ были высокаго сорта. Кончилъ споръ Прокопій Огневъ въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ—поднялъ шумъ его племянникъ Степанъ Огневъ. Этотъ раскричался по тому, несомнѣнно, вымышленному поводу, что у него изъ палатки выкрадены сумы съ 40 парами ру-

---

[1]) См., наприм., показаніе Авдотьи Барсуковой въ дѣлѣ о побѣгѣ инородцевъ въ Китайскіе предѣлы.

бахъ, 400-ми мотушекъ шелку разныхъ цвѣтовъ, 5-ю лаковыми китайскими деревянными чашечками, женскимъ краснымъ бумажнымъ сарафаномъ и древещами,—что украсть было некому, кромѣ китайскихъ караульныхъ. Требуя вознагражденія за покраденное, Степанъ грозилъ, что, въ случаѣ отказа, онъ сдѣлаетъ большое зло караульнымъ, или же зарѣжетъ жену и себя. Выдано было ему 30 дабъ.

Удовлетворившись выданнымъ вознагражденіемъ, Ст. Огневъ рѣшилъ, что настало время и ему бѣжать отъ китайскаго надзора. Нашлись товарищи къ побѣгу въ числѣ 15 человѣкъ. Шли по направленію къ Черному Иртышу „самыми глухими мѣстами". Черезъ Иртышъ переправились на самодѣльномъ плоту нѣсколько ниже устья рч. Бугурчумъ и остановились на продолжительный отдыхъ близъ озера Байхануръ. Сюда-же чрезъ недѣлю явились въ свою очередь бѣжавшіе отъ „татарскаго" конвоя Гавріилъ, Логинъ и Григорій Чановы, Прохоръ, Никифоръ, Яковъ, Хрисанфъ и Ив. Бобровы, Фотѣй Богомоловъ, Панфилъ Бѣлоусовъ, Петръ Боровиковъ, Емельянъ и Леонтій Мурзинцевы съ семьями. Образовалась большая партія, нашедшая на мѣстѣ остановки изобильное продовольствіе отъ ловли рыбы и охоты на кабановъ. Всѣ жаловались на недостатокъ въ лошадяхъ для дальнѣйшаго слѣдованія, но Ст. Огневъ рѣшилъ восполнить и, въ сотрудничествѣ Моисея и Якова Корабейниковыхъ, Ив. Русакова, Тита Барсукова и др., съ лихвой восполнилъ указанную нужду. Ночью въ концѣ апрѣля или началѣ мая 1841 г. вооруженные винтовками смѣльчаки, сказавъ женамъ, что идутъ бить кабановъ, направились къ кочевью киргизовъ Уваковской волости и внезапно напали на огромный конскій табунъ. Не обошлось безъ перестрѣлки, причемъ русскіе убили двухъ киргизскихъ пастуховъ и одного ранили, потерявъ съ своей стороны Русакова и Барсукова, захваченныхъ въ плѣнъ [1]). Потерпѣвшіе киргизы въ заявленіи китайскимъ начальникамъ указывали, что русскіе угнали у нихъ 340 лошадей, но бѣловодцы на слѣдствіи утверждали, что успѣли воспользоваться только 20-ю головами. Очень возможно, что и киргизы преувеличили, но, несомнѣнно, что и русскіе преуменьшили. По крайней мѣрѣ, когда обиженные явились въ жилища только лишь вернувшихся изъ Бѣловодья путешественниковъ, они опознали 60 лошадей съ своимъ киргизскимъ тавромъ. Кромѣ того, было установлено, что бѣловодцы на пути въ свои родныя мѣста, послѣ совершеннаго преступленія,

[1]) Вернувшійся изъ плѣна Ив. Русаковъ на допросѣ разсказывалъ, что когда киргизы захватили его, прежде всего избили до безпамятства, затѣмъ заковали въ желѣзныя конскія путы и каждый день переводили изъ юрты въ юрту, не переставая наносить побои. Въ плѣну пробылъ онъ 23 дня, въ теченіе которыхъ аулъ перекочевалъ три раза. На послѣдней кочевкѣ при рѣкѣ Алгадаѣ (?) плѣнный воспользовался слабостію караула и бѣжалъ, не преминувъ взять у киргизовъ овчинную шубу и въ другомъ аулѣ захватить двѣ лошади, на которыхъ и добрался до своей деревни Александровской. По снятіи допроса, Русакова осмотрѣли, и оказалось, что знаки отъ тяжелыхъ побоевъ на спинѣ, крыльцахъ, животѣ, ногахъ у него еще не вполнѣ зажили, рана подъ лѣвымъ плечемъ еще не затянулась,—на обѣихъ рукахъ были ссадины отъ вязанія арканомъ.—Типъ физической крѣпости бухтарминца.

Дѣло Томск. Губ. Суда о побѣгѣ инородцевъ Бухтарминской волости въ Китайскіе предѣлы. Св. 403 № 16.

очень многихъ изъ уворованныхъ лошадей продали киргизамъ Каратайской орды.

Блужданіе раскольниковъ по чужимъ владѣніямъ, допущенные ими тамъ безпорядки и насилія вынудили китайскія власти поставить на видъ начальнику русской пограничной линіи маіору Крупитскому, что русскіе „нарушаютъ государственные законы, такъ какъ не только переходятъ за черту границъ своихъ владѣній въ чужіе предѣлы, но еще производятъ здѣсь замѣшательства и грабительства, несовмѣстныя съ пограничными постановленіями", и что, если подобные безпорядки будутъ повторяться и впредь, это „неминуемо поведетъ къ нарушенію согласія, съ давнихъ временъ существующаго между державами Китаемъ и Россіею".

Измученные и обнищалые, вдобавокъ, заклеймившіе себя преступленіями бѣгства и воровства, бѣловодцы вернулись въ свои опустѣлые домы въ концѣ іюня 1841 г. Но еще долго они не могли какъ слѣдуетъ взяться за свои хозяйственныя дѣла въ виду необходимости являться на допросы по судебному о нихъ дѣлу, возникшему и самостоятельно по русскимъ законамъ и, кромѣ того, поддерживаемому настойчивыми требованіями китайскаго пограничнаго начальства [1]). Чѣмъ кончилось это дѣло по отношенію къ

[1]) Управляющіе Ценслетайскимъ и прочими четырьмя караулами Кая и тусалакчій Тунгчеме прислали генералъ-губернатору Западной Сибири жалобу (получена въ февралѣ 1842 г.) такого (въ русскомъ переводѣ) содержанія:—„Текущаго года І-ой луны ваши русскіе въ числѣ 120 человѣкъ (хозяевъ), перешедши чрезъ границу въ предѣлы наши, учинили на возвратномъ пути своемъ отгонъ 340 лошадей, принадлежащихъ нашимъ подданнымъ киргизамъ Уваковской волости Зендече съ товарищами, застрѣливъ при возникшей по этому случаю ссорѣ двухъ киргизовъ и одного ранивъ въ ногу пулею. Кромѣ того, они отняли насильственно у нашихъ нижнихъ чиновъ, занимавшихъ почтовый постъ: 43 дабы, одежду, посуду, курительныя трубки и др. вещи. По учиненному нашимъ тусалакчіемъ Тунгчеме прошедшаго мѣсяца 15 числа обслѣдованію вмѣстѣ съ русскими чиновниками—исправникомъ, засѣдателемъ и бѣлымъ толмачемъ оказалось, что изъ 140 лошадей, принадлежащихъ русскимъ похитителямъ, опознано просителями-киргизами 68, но велико-россійскіе чиновники изъ числа сихъ возвратили киргизамъ только 12 лошадей, а объ остальныхъ 56-ти хотѣли представить на разсмотрѣніе высшему начальству. Равнымъ образомъ русскіе чиновники опредѣлили испросить указанія (своего высшаго начальства) и на счетъ удовлетворенія нашихъ нижнихъ чиновъ за 43 дабы, потому что русскій хищникъ Прокопесу (Прокопій Огневъ) никакой собственности не имѣетъ, слѣдовательно, дѣло это осталось не совершенно оконченнымъ.

„Принимая въ соображеніе миролюбивыя отношенія двухъ великихъ державъ и тѣ неизмѣнныя всеобщія правила, въ силу которыхъ всякому потерявшему что-либо изъ скота своего, если онъ откроетъ потерю въ чьихъ-либо рукахъ, предоставляется полное право взысканія, мы думаемъ, что дѣйствія русскихъ чиновниковъ (возвратившихъ киргизамъ изъ числа опознанныхъ ими 68 лошадей только 12 головъ) не только не соотвѣтствуютъ обычаямъ и законамъ нашего государства, но и противорѣчатъ обычаямъ и законамъ всѣхъ прочихъ государствъ. Почему имѣемъ честь просить Васъ, господинъ генералъ губернаторъ, управляющій пограничными губерніями,—командировать съ своей стороны благонадежнаго и испытанной честности чиновника съ тѣмъ, чтобы при вторичномъ нашемъ съѣздѣ привелъ онъ дѣло это къ совершенному окончанію, возвративъ недополученныя 56 лошадей просителямъ и взыскавъ съ кого слѣдуетъ за отнятыя у нашихъ нижнихъ чиновъ 43 дабы. Таковое распоряженіе Ваше будетъ признано нами новымъ доказательствомъ вѣчной дружбы двухъ великихъ государей. Въ заключеніе просимъ Васъ принять строжайшія мѣры къ пресѣченію на будущее время подобныхъ безпорядковъ. Царствованія Государя 21 года 9 луны 16 числа".—Дѣло Том. Губ. Суда о побѣгѣ инородцевъ Бухтарминской волости въ китайскіе предѣлы. Въ губернскомъ архивѣ, св. 403.

большинству изъ нихъ, намъ неизвѣстно [1]). Но знаемъ, что Огневы, Кириллъ Мурзинцевъ съ семьями и Моисей Корабейниковъ съ любовницей Лукерьей Шарыповой отъ суда хотѣли уклониться, такъ какъ съ Бѣловодья въ свои домы не явились. Сначала они долго кружили по горамъ близъ Уймоновь, а затѣмъ ушли въ необитаемыя лѣсныя мѣста въ южно-Енисейскихъ предѣлахъ. Зимою 1842 г. звѣропромышленники дали знать головѣ Абаканской станицы Борзову, что, бывъ на своемъ промыслу въ тайгѣ, они замѣтили на рч. Онѣ (впадающей въ Абаканъ), выше Арбатскаго казачьяго форпоста, примѣрно на 150 верстъ, какихъ-то неизвѣстныхъ людей, живущихъ въ двухъ избахъ. По указаніямъ, даннымъ звѣровщиками, для розыска отшельниковъ былъ высланъ небольшой казачій отрядъ. Оказалось, что въ тѣхъ избахъ проживали Ст. Огневъ, Мурзинцевъ, Корабейниковъ,—первые двое съ семьями и послѣдній съ любовницей—и еще какой-то Варѳоломей Красильниковъ. По ихъ разсказамъ, они, проживая въ дикой пограничной мѣстности, пропитывались хлѣбомъ, который доставляли имъ китайцы въ обмѣнъ на шкуры съ убитаго звѣрья. Насильственно препроводили ихъ въ родную Бухтарминскую волость, гдѣ предали суду не только за прежнія преступленія, но и за настоящее бродяжество. Ст. Огнева приговорили къ наказанію 20 ударами плетей и ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Восточной Сибири. Съ дороги въ ссылку онъ бѣжалъ, снова очутился около Уймоновъ, гдѣ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ пользовался славою отчаяннаго вора и разбойника [2]).

Велика была неудача описаннаго странствованія во святую землю. Но она не остановила рвенія въ движеніи къ ней алтайскихъ и въ частности бухтарминскихъ раскольниковъ.

Въ 1858 году пошли искать Бѣловодья крестьяне д. Корабихи и с. Сѣнновскаго Семенъ и Хрисанфъ Бобровы съ Кирилломъ Мурзинцевымъ—тѣже лица, которыя участвовали и въ путешествіи 1840—41 годовъ. Свой побѣгъ они объясняли притѣсненіями со стороны священника с. Сѣнновскаго, о. Спасскаго и засѣдателя Ѳедорова, которые будто бы принуждали ихъ ходить въ православную церковь насильственными мѣрами. Бѣловодья, конечно, не обрѣли. Но Хрисанфъ Бобровъ, по возвращеніи жившій изъ боязни судебнаго за побѣгъ преслѣдованія не въ деревнѣ, а въ горахъ пустынникомъ, почему-то настойчиво убѣждалъ собратій по вѣрѣ къ новому опыту переселенія [3]). Онъ съ силою утверждалъ, что неудачи не будетъ, ибо доподлинно узналъ заграницею мѣсто обширное, всѣмъ изобильное и называющееся Бѣловодьемъ. „Тамъ земля хлѣбородна, много всякаго звѣрья и рыбы, тамъ можно молиться Богу, не подвергаясь никакимъ мірскимъ соблазнамъ и можно отправлять богослуженіе по старымъ обрядамъ безъ всякихъ препятствій“ [4]).

---

[1]) Впрочемъ, въ дѣлахъ, которыми пользуемся встрѣчаются указанія, что нѣкоторые изъ бѣловодцевъ, кромѣ тюремнаго заключенія были наказаны розгами.

[2]) Дѣло Томск. Губ. Суда. Въ Губ. архивѣ, св. 211.

[3]) По сообщенію А. Принтца, заимствованному изъ устныхъ разсказовъ, кромѣ Боброва, подстрекалъ къ новому побѣгу еще раскольническій наставникъ Тимофей Морозовъ. Цит. ниже.

[4]) Дѣло Том. Губ. Суда о бухтарминскихъ крестьянахъ, бѣжавшихъ съ семьями заграницу. Св. 4041, № 463.

1861 г. іюля 3 дня въ журналѣ Алтайскаго Горнаго, въ г. Барнаулѣ, Правленія записано:

Бухтарминскій земскій управитель въ рапортѣ отъ 21 минувшаго іюня за № 288-мъ прописываетъ, что 16 числа того же мѣсяца разнеслись слухи въ с. Снегиревскомъ, что нѣкоторые крестьяне Бухтарминской волости д. Солоновки сбираются съ семействами своими бѣжать за границу на такъ называемое Бѣловодье, вслѣдствіе чего онъ немедленно командировалъ волостного голову той волости Як. Колмогорова для узнанія справедливости сихъ слуховъ. 17 іюня Колмогоровъ увѣдомилъ его, управителя, что съ 15 на 16 іюня дѣйствительно учинили побѣгъ крестьяне д. Солоновки, которыхъ и обозначилъ въ приложенной росписи. По полученіи извѣстія отъ Колмогорова, управитель, немедленно сдѣлалъ сношеніе съ начальниками станицъ по р. Нарыму объ усиленіи кордона по границѣ, чтобы, въ случаѣ отлучки другихъ крестьянъ, ихъ задерживать и представлять по принадлежности въ вол. правленіе и съ тѣмъ вмѣстѣ просилъ командира 9 казачьяго полка о содѣйствіи къ удержанію отъ побѣговъ крестьянъ Бухтарминской волости и въ поимкѣ ихъ за границею. Самъ онъ, управитель, пріѣхалъ въ д. Солоновку, гдѣ во время розысковъ крестьяне ему объявили, что сборовъ бѣжавшихъ они не замѣчали и о нихъ не слыхали, но „въ настоящее время общественники не отвѣчаютъ за своихъ сосѣдей и отцы не поручатся за своихъ дѣтей, что не сдѣлаютъ побѣга“. Къ вечеру того же дня, когда производилось дознаніе, пришелъ къ головѣ Колмогорову кр. Кондратій Красковъ и просилъ о дозволеніи нанять за себя для исполненія заводской работы по перевозкѣ угля въ Зыряновскій рудникъ кого-нибудь изъ кр-нъ д. Богатыревой, „такъ какъ у меня, говорилъ Красковъ, большое хозяйство и въ хозяйствѣ по одиночеству не имѣю кѣмъ замѣниться“. Общественники подтвердили справедливость заявленія Краскова и съ своей стороны просили голову уважить его просьбу. Голова согласился. Красковъ немедленно принесъ ему билетъ на работу, 13 руб. за урочную возку угля и отпросился поѣхать на заимку, куда, по его словамъ, нужно было отвезти работникамъ починенный плугъ. Вскорѣ съ заимки прибылъ братъ Краскова и объявилъ головѣ, что Кондратій съ сыномъ уѣхалъ неизвѣстно куда и съ ними отправились кр. Тимофей Макаровъ и Ѳедоръ Бѣлоусовъ.—Они отправились на Бѣловодье.

Управитель еще не успѣлъ выѣхать изъ Солоновки, какъ получилъ рапорты о бѣгствѣ же крестьянъ отъ старшинъ дер. Тургусунской, Богатыревой, Александровской и Соловьевой. Управителю осталось сдѣлать только распоряженіе объ охранѣ имущества бѣжавшихъ, покинутаго въ домахъ и на заимкахъ, и о сбереженіи принадлежавшаго имъ рогатаго скота [1]).

По донесенію Бухтарминскаго управителя, бѣжавшихъ насчитывалось 80 челов.—47 муж. и 33 женщины. Впослѣдствіи ихъ оказалось болѣе чуть не вдвое, именно—всего 156 душъ, потому что, кромѣ крестьянъ вышена-

---

[1]) Дѣло Канцеляріи Главн. Начальника Алтайскихъ заводовъ. Нач. 1861, № 219.

званныхъ деревень, бѣжали семьи изъ дд. Корабихи, Язовой, Бѣловой, Верхъ-Бухтарминской и с. Сѣнновскаго [1]).

Сторожевые казачьи отряды постоянно сновали между пикетами по р. Нарыму, тѣмъ не менѣе бѣглецы переступили пограничную линію незамѣченными. По словамъ подполковника Шайтанова, они перешли границу отдѣльными группами въ 40 верстахъ отъ Мало-Нарымскаго выселка черезъ рр. Березовку и Таловскую, за которыми бухтарминскіе крестьяне имѣли свои заимки и пасѣки, приблизивъ ихъ къ пограничной линіи или даже выдвинувъ за нее. „Если бы, писалъ Шайтановъ, казаки и встрѣтили кого-либо изъ бѣжавшихъ, послѣдніе могли отозваться, что идутъ по хозяйству на свои заимки и пасѣки".

Изъ послѣдующихъ показаній самихъ бѣжавшихъ мы узнаемъ, что границу они перебѣгали дѣйствительно отдѣльными группами и всѣ вмѣстѣ собрались гдѣ-то у Чернаго Иртыша. Очутившись въ чужой землѣ, долго шли невѣдомыми горами, чрезъ которыя велъ „бывалый человѣкъ" Хрисанфъ Бобровъ, не перестававшій утверждать, что знаетъ въ „Туркани" мѣсто „правильное", гдѣ жить привольно, гдѣ нѣтъ никакихъ податей, нѣтъ священства и властей. По минованіи горъ, двигались степными мѣстами, нехлѣбородными и къ поселенію негодными. Нѣкоторые раскаялись въ предпріятіи[2]) и повернули обратно, представляя изъ себя въ чужой землѣ очень удобную добычу для кочевниковъ—киргизовъ, захватывавшихъ ихъ въ плѣнъ, или отбиравшихъ у нихъ лошадей. Такъ, киргизы захватили крестьянъ с. Александровскаго Пяткова и Неустроева и продержали у себя въ плѣну болѣе 3-хъ недѣль. Смотритель войсковой Бухтарминской рыбалки, осматривая въ началѣ августа 1861 г. рыболовныя мѣста по Норъ-Зайсану, встрѣтилъ плывшихъ на лодкѣ кр. дд. Тургусунской и Богатыревой Артемія Бердюгина и Александра Богатырева съ женами и малолѣтними дѣтьми. На вопросъ: какъ попали въ эти мѣста?—крестьяне отвѣтили, что пошли было вмѣстѣ съ другими одновѣрцами на Бѣловодье, но одумались и повернули обратно; на обратномъ пути на нихъ напали киргизы и отняли всѣхъ лошадей,—лодку соорудили собственными руками, чтобы, переплывъ Норъ-Зайсанъ, ближе подвинуться къ дому. Смотритель направилъ ихъ въ домы чрезъ г. Кокбекты[3]).

---

[1]) Сельскіе старосты деревень Бухтарминской волости свидѣтельствовали, что всѣ бѣжавшіе принадлежали къ числу справныхъ, а иногда богатыхъ хозяевъ,—всѣ они доселѣ имѣли „прочную осѣдлость" и повинности исполняли аккуратно. И потому, по словамъ старостъ, единственнымъ побужденіемъ къ побѣгу служило желаніе найти укромное мѣсто для свободнаго исповѣданія старообрядческой вѣры.—Дѣло Томск. Губ. Суда въ Губ. Арх. св. 1041. Нач. въ 1862 г

[2]) Инородецъ изъ д. Бѣловой Яковъ Зайцевъ, по возвращеніи съ побѣга домой, разсказалъ слѣдователямъ, что въ Іюнѣ 1861 г отецъ приказалъ ему собираться въ далекій путь, при этомъ сильно жаловался на засѣдателя Ѳедорова за то, что стѣсняетъ инородцевъ и ихъ наставниковъ, принуждая къ „церкви". „Я началъ отказываться отъ сборовъ, но отецъ сталъ проклинать. Боязнь проклятія заставила меня повиноваться. Собрались и поѣхали изъ дому на 13 лошадяхъ. На пути догнали насъ инородцы Лысовъ, Рахмановы и др. Нѣсколько разъ я пытался съ женой бѣжать, но отецъ удерживалъ. Наконецъ, въ пятую недѣлю пути сожалѣніе о покинутомъ родномъ мѣстѣ одолѣло меня. Я убѣжалъ обратно, не смотря ни на что. Ѣхали назадъ 15 дней".

[3]) Дѣло Томск. Губ. Суда о бухтарминскихъ крестьянахъ, бѣжавшихъ съ семействами за границу.

Прочіе бѣловодцы, подвигаясь все далѣе и далѣе въ глубь Монголіи, пришли, наконецъ, въ полное отчаяніе относительно возможности найти когда-нибудь и гдѣ-нибудь заманчивую сторону. По извѣстію, записанному у А. Принтца, Боброва толпа едва не растерзала [1]).

Когда наступили зимніе холода, цѣлость толпы окончательно рушилась. Побрели вразбродъ отдѣльными партіями и семьями среди всякихъ лишеній и бѣдъ. Крест. Ефимъ Рахмановъ разсказывалъ, что «по наступленіи осени, мы съ отцомъ и прочими семейными, отставши отъ другихъ бѣловодцевъ, очутились въ какой-то совершенно неслыханной дикой странѣ. Отецъ, наконецъ, послалъ меня найти кого-либо изъ людей и разузнать отъ нихъ, какъ пройти обратно. Я взялъ жену, дѣтей, запасъ сухарей и на 4-хъ лошадяхъ отправился въ розыски. Ѣздилъ долго, но не встрѣтилъ никого изъ жителей и, когда настали сильные холода, вырылъ яму близъ неизвѣстной рѣчки, закрылъ ее лѣсомъ и землей и тутъ зимовалъ, прокармливаясь рыбой, которую ловилъ въ рѣкѣ, и мясомъ мараловъ, которыхъ въ изобиліи стрѣлялъ по горамъ. Отца за это время совершенно потерялъ изъ виду. Когда стало потеплѣе, вновь отправился искать дорогу и прибылъ къ юртамъ неизвѣстныхъ людей, имѣвшихъ на головахъ косы. Я вымѣнялъ у нихъ своихъ 4-хъ лошадей на четырехъ же верблюдовъ, придавши при мѣнѣ свое необходимое ружье. Спустя нѣкоторое время натолкнулся на Хрисанфа Боброва и Кирилла Мурзинцева, съ которыми заѣхалъ въ какую-то китайскую не то деревню, не то городъ, гдѣ стали убѣдительно просить китайскаго чиновника отправить насъ на родину на китайскихъ подводахъ,—наши верблюды совсѣмъ изморились. Тронутый нашимъ безпомощнымъ положеніемъ, чиновникъ отнесся къ намъ благосклонно, снабдилъ насъ мукою и отправилъ на казенныхъ верблюдахъ съ провожатымъ» [2]). Почти въ тоже время явились въ г. Урумчи и усиленно просили начальника города объ отправленіи на родину кр-не Козьма Шимолинъ, Трифонъ и Варѳоломей Валовы съ своими семейными и съ осиротѣвшей на дорогѣ семьей Козьмы Амфилохіева. „Лошадей, говорили они, у насъ нѣтъ. Онѣ пропали (пали) отъ усталости, а слѣдовать пѣшкомъ мы не въ силахъ". Китайское Илійское начальство препроводило ихъ въ Кульджу въ распоряженіе русскаго въ Кульджѣ консула г. Кортукова. На распросы консула бѣловодцы объяснили: пошли на Бѣловодье, увлеченные разсказами Боброва. Болѣе осмотрительные изъ нихъ, какъ напр. Пятковъ и Бердюгинъ, вернулись обратно отъ Чернаго Иртыша, а тѣ, которые рѣшились идти дальше, шли сначала вмѣстѣ, а послѣ того, какъ ихъ покинулъ Хрисанфъ Бобровъ, скрывшійся невдалекѣ отъ китайскаго города Холя, разбились въ отдѣльныя части, пошедшія врозь. Они, Шимолинъ, Валовы, Амфилохіевы, Никита и Ефимъ Рахмановы, Варѳол. Болтовской, Козьма Лаптевъ, Ѳедоръ Бѣлоусовъ, бѣдственно перезимовавъ на р. Кончѣ (Карымъ), весною рѣшили

[1]) Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. I. Спб. 1867. Статья А. Принтца: „Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости".

[2]) Дѣло о бухтарминскихъ крестьянахъ, бѣжавшихъ за границу.

идти домой. Тѣ, которые кое-какъ сохранили лошадей, отправились въ путь, не заявляясь китайскимъ властямъ. „Мы же вынуждены были заявиться, такъ какъ, лишившись лошадей, вполнѣ обнищали". Кортуковъ отправилъ ихъ въ родныя мѣста чрезъ Копалъ, Сергіополь и Семипалатинскъ съ караваномъ татарина Мухамедіева, подъ прикрытіемъ урядника и трехъ казаковъ, причемъ кромѣ провіанта, нѣкоторыхъ бѣглецовъ долженъ былъ снабдить еще одеждой. Были куплены овчинныя шубы для И. Шимолина и для малолѣтнихъ дѣтей его и кр. Валова.

Въ ноябрѣ того же 1862 г. китайское начальство въ Чугучакѣ доставило проживавшему здѣсь другому русскому консулу г. Вардугину двухъ русскихъ женщинъ съ 5-ю малолѣтними дѣтьми. Это были жены бѣглецовъ на Бѣловодье Даніила Амфилохіева и Акима Огнева: Анна Амфилохіева—46 лѣтъ—съ дѣтьми Тимофеемъ 7, Фокою 3 и Меланіею 12 лѣтъ и Прасковья Огнева съ дѣтьми Сергѣемъ 6 и Прасковьей 3 лѣтъ. Женщины разсказали Вардугину, что, достигая Бѣловодья, онѣ съ мужьями и другими товарищами по путешествію, всего въ количествѣ 18 человѣкъ, дошли до большой и глубокой рѣки Карачи, гдѣ Хрисанфъ Бобровъ именно и указывалъ Бѣловодье. Но, вмѣсто ожидаемыхъ благъ, нашли здѣсь землю пустую и непроизводительную, кромѣ солончаковъ ничего не имѣющую. Жили здѣсь въ неописуемыхъ лишеніяхъ и отсюда перешли на Турфанъ, гдѣ китайцы изъ милосердія оказали имъ помощь дачею ословъ для проѣзда въ Урумчи. Изъ Урумчи пробрались въ Манасъ, откуда нѣкоторые изъ бездѣтныхъ земляковъ рѣшились брести домой самостоятельно, безъ посторонней помощи. Но онѣ, Анна и Прасковья, похоронившія мужей на Карачѣ и связанныя малолѣтними дѣтьми, должны были поневолѣ отстать и еще разъ умолять китайскихъ властей о помощи, которая и была имъ оказана препровожденіемъ на казенный счетъ изъ Манаса въ Чугучакъ чрезъ Кар-Карсаусу и Тарбагатай. Консулъ Вардугинъ, конечно, вполнѣ обезпечилъ дальнѣйшее ихъ слѣдованіе и писалъ г.-губернатору, что „изъ разныхъ собранныхъ имъ свѣдѣній раскольники дѣйствительно полагали найти Бѣловодье по берегамъ той р. Карачи, на которую указываютъ эти женщины и которая протекаетъ отъ Турфана въ 12 дняхъ пути".

Въ томъ же ноябрѣ въ мѣстности между Кульджею и Чугучакомъ случилось быть хорунжему русской казачьей службы инородцу Тобылову. Тобыловъ встрѣтилъ здѣсь возвращающихся съ Бѣловодья кр. Арефія Трескина, Амвросія Зотѣева, Авдія Неустроева съ матерью и Олимпія Выходцева. Въ виду полной обнищалости странниковъ, хлопоты о дальнѣйшемъ ихъ пути и продовольствіи Тобыловъ взялъ на себя, и тѣмъ обрадовалъ намученныхъ въ путешествіи людей несказанно[2]).

Къ сожалѣнію, изъ дѣлъ, которыми пользуемся на этотъ разъ, мы не имѣемъ возможности извлечь точной цифры всѣхъ вернувшихся послѣ бѣдственнаго скитальничества въ пустынныхъ предѣлахъ китайской окраины. Но знаемъ, что многимъ изъ нихъ не довелось увидѣть родины: одни умерли на

[1]) Тоже дѣло. Сн. д. Канцеляріи Глав. Начальн. Алтайскихъ заводовъ. 1861 г. № 219.

чужбинѣ, другіе исчезли тамъ безъ вѣсти. Вернувшіеся были, разумѣется, весьма благодарны бухтарминскому управителю за его предусмотрительную заботливость объ охраненіи ихъ домовъ и сбереженіи ихъ имущества[1]).

Насъ не можетъ не изумлять устойчивость мысли относительно блаженнаго Бѣловодья. Неудачи трехъ описанныхъ путешествій съ цѣлью пробраться въ мечтательную страну не повліяли на неугомоннаго Хрисанфа Боброва. Онъ остался въ твердомъ убѣжденіи, что тамъ, въ дальнихъ азіатскихъ странахъ, Бѣловодье есть и, съ рѣшимостью отыскать его во что бы то ни стало, предпринялъ въ 1869 г. съ братомъ Парфеномъ новое странствованіе. Много Бобровы избороздили мѣста въ разныхъ областяхъ обширной Монголіи. Парфенъ сложилъ кости въ невѣрной землѣ, а Хрисанфъ на возвратномъ пути натолкнулся на русскую ученую экспедицію, сопровождае-

---

[1]) Нашъ знаменитый путешественникъ по центральной Азіи Н. М. Пржевальскій при своемъ четвертомъ путешествіи, на продолжительной сотановкѣ у оз. Лобъ-Нора, слышалъ отъ мѣстныхъ жителей.

„Года за два съ небольшимъ до начала Магометанскаго возстанія въ восточномъ Туркестанѣ, слѣдовательно въ 1860-мъ году, къ нимъ, Лобъ-Норцамъ, неожиданно пришли четверо русскихъ и осматривали мѣстность. Затѣмъ двое изъ нихъ отправились обратно; двое другихъ остались на Лобъ-Норѣ. Спустя восемь мѣсяцевъ русскіе вновь явились сюда партіей около сотни человѣкъ, считая женщинъ и дѣтей. Всѣ они отлично говорили по киргизки и объяснили, что пришли изъ лежащихъ далеко къ сѣверу горъ, въ которыхъ живутъ Киргизы и Торгоуты. Причиною переселенія выставляли гоненіе своей вѣры. Поселились пришельцы на р. Джахансай—близь развалинъ г. Лобъ и въ Чархалыкѣ (поселеніе Лобъ-Норцевъ), гдѣ вскорѣ выстроили себѣ деревянный домъ (можетъ быть церковь—примѣчаніе Пржевальскаго), по другимъ свѣдѣніямъ даже нѣсколько домовъ; занялись хлѣбопашествомъ. Съ туземцами жили въ согласіи, но мало или вовсе не помогали другъ-другу, такъ что нѣкоторые побирались милостынею въ Чархалыкѣ.

„Однако не долго пришлось новымъ колонистамъ жить на Лобъ-Норѣ. Чрезъ годъ послѣ ихъ прибытія сюда явился изъ Турфана, по приказанію китайскаго губернатора съ китайскимъ же войскомъ князь всѣхъ Лобъ-Норцевъ и разорилъ поселеніе старовѣровъ. Эти послѣдніе сначала хотѣли сопротивляться силою и приглашали жителей Чархалыка дѣйствовать совмѣстно. Для вящшаго соблазна къ такому союзу старовѣры увѣряли, что у нихъ есть колдунья, которая можетъ сотворить сколько угодно воиновъ. Чархалыкцы полюбопытствовали сначала увидѣть такое чудо, а затѣмъ уже обѣщали свою помощь“ Старуха увѣряла, что дѣйствительно можетъ совершить такое чудо, а затѣмъ объявила, что потеряла свою волшебную книгу, безъ которой чуда явить не въ состояніи. „Тогда Чархалыкцы, видя себя обманутыми, наотрѣзъ отказались отъ помощи русскимъ. Тѣ не рѣшились одни драться съ китайцами, которые сожгли ихъ дома и жестоко всѣхъ избили. „Стонъ и вопль стояли всеобщіе“. Лишь четыре семьи ушли въ Са—Чжеу, гдѣ, по приказанію Китайскаго начальника, всѣ мужчины были казнены. Куда дѣвались женщины, Лобъ-Норцы не знаютъ. Уничтоживъ поселеніе старовѣровъ, Китайцы отвели *ихъ самихъ* (?) въ Турфанъ. Что сталось далѣе съ этими несчастными—неизвѣстно, ибо вскорѣ началось возстаніе магометанъ противъ Китая. Говорятъ, нѣсколько человѣкъ тѣхъ-же русскихъ пробрались впослѣдствіи на Или, гдѣ выдали себя за могометанъ и были ласково приняты Кульджинскимъ султаномъ“.—Н. М. Пржевальскій. Четвертое путешествіе въ центральной Азіи. Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки. Спб. 1888, стр. 317—319.

Откуда старообрядцы забрались въ чужую и опасную даль? Н. М. Пржевальскій выразилъ догадку, что съ Алтая. Не смѣя съ рѣшительностію оспаривать мнѣніе ученаго путешественника, мы всетаки должны сказать, что странствованіе этихъ раскольниковъ къ описанному нами путешествію алтайскихъ крестьянъ на Бѣловодье въ 1861 году отношеніе не имѣетъ. Думаемъ такъ по слѣдующимъ соображеніямъ: а) въ нашихъ документахъ нѣтъ нигдѣ указанія, чтобы путешественники достигали Лобъ-Нора; б) изъ описанныхъ нами несчастныхъ блужданій не возвратились домой только отдѣльные изъ путешественниковъ, между тѣмъ на Лобъ-Норѣ проживало нѣсколько семей; в) среди алтайскихъ старообрядцевъ, сколько намъ извѣстно, въ концѣ 1850-хъ и началѣ 1860-хъ годовъ не было слуха объ окончательномъ исчезновеніи изъ ихъ поселеній до сотни людей.—Не были-ли Лобъ-Норскіе старообрядцы пришельцами изъ подъ Саянъ?

мую консуломъ изъ Кульджи г. Павлиновымъ. Неутомимый искатель Бѣловодья передалъ Павлинову, что ушелъ въ китайскіе предѣлы искать мѣсто, гдѣ по народной молвѣ проживаютъ люди истинной вѣры, исповѣдуя ее съ полною свободою, безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій. Странствуя, онъ дѣйствительно нашелъ послѣдователей древле-истинной вѣры близъ р. Усть, но, узнавъ, что хотя они живутъ въ дальнихъ мѣстахъ, но все-таки остаются подвѣдомыми русской власти, ушелъ отъ нихъ съ разочарованіемъ.

Консулъ Павлиновъ въ отношеніи къ Бійскому исправнику отъ 28 мая 1870 г. извѣщалъ, что во время своего слѣдованія вверхъ по Бухтарминской долинѣ на урочищѣ Чингистай явился къ нему кр-нъ д. Корабихи Хр. Бобровъ и со всею откровенностію признался въ своихъ блужданіяхъ въ качествѣ бѣглаго. Изъ разсказовъ видно, что онъ ходилъ по Хобдинскому и Улясутайскому округамъ Западной Монголіи, былъ на озерѣ Ике-Аралъ, заходилъ отсюда на сѣверо востокъ къ водоему Убсанаръ, перешелъ чрезъ снѣжный хребетъ Танну-Ола, слѣдовательно, побывалъ у истоковъ Енисея, и, наконецъ, вышелъ на вершину р. Кемчика, но нигдѣ въ обойденномъ огромномъ районѣ обѣтованной земли не нашелъ. Препровождая Боброва въ Бійскъ, консулъ просилъ исправника отнестись къ бѣглому снисходительнѣе, такъ какъ своими интересными и полезными сообщеніями о Западной Монголіи онъ оказалъ ученой экспедиціи существенную услугу [1]).

„Движеніе на Бѣловодье можно прослѣдить до нашихъ дней, пишетъ г-нъ Шмурло. Еще въ 1888 г. толпа народа въ 50 чел. бѣжала съ Кабы на китайскую границу. Толпу возвратила военная погоня изъ трехъ взводовъ казаковъ“[2]). Но въ этомъ недавнемъ бѣгствѣ мы не усматриваемъ религіозныхъ мотивовъ, и потому не можемъ приравнивать его къ предшествующимъ движеніямъ.

---

[1]) Дѣло Губ. Суда о бухтарминскихъ крестьянахъ, бѣжавшихъ за границу. Св. 4041 № 4631.

[2]) Записки Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Рус. Географ. Общества. Кн. XXV, стр. 24.

VIII.

Обшая характеристика жизнедѣятельности томскаго раскола.—Покровительство расколу.—Покровители изъ среды самого раскола въ лицѣ раскольническихъ богачей, волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и писарей.—Жалобы епархіальной власти и сельскаго духовенства на бездѣйствіе по отношенію къ расколу представителей земской полиціи.—Жалобы на покровительственное къ расколу отношеніе со стороны мировыхъ посредниковъ.—Объясненія, данныя мировыми посредниками Яновскимъ и Мамонтовымъ.—Многочисленныя уклоненія въ расколъ крестьянъ, числившихся въ православіи.—„Отпорныя" отъ православія и православныхъ приходовъ.—Ходатайства объ отчисленіи изъ православія послѣ изданія закона о метрической записи браковъ, рожденія и смерти раскольниковъ (19 апрѣля 1874 г.).—Совратительная дѣятельность въ расколѣ.—Способы и средства совращеній.—Подавляющее значеніе раскольнической среды, приводящее къ совращеніямъ.—Совращенія путемъ брачныхъ связей съ раскольниками.—Мѣры и средства, какими расколъ оберегаетъ полноту своихъ послѣдователей.—Положеніе православныхъ среди окружающаго раскола.

Раскольники въ томскихъ предѣлахъ имѣли своихъ многочисленныхъ расколоучителей, поповъ и архіереевъ, свои постоянно встрѣчавшіяся по деревнямъ часовни и молельни,—скиты и монастыри; вездѣ и во всемъ, что касалось ихъ вѣры, они отстаивали себя стойко и энергично. Поэтому, не смотря на всѣ свои жалобы по поводу трудныхъ временъ, послѣдователи старообрядческихъ толковъ жили въ окрайной странѣ гораздо бойчѣе и полнѣе, чѣмъ ихъ собратья гдѣ-нибудь въ центральныхъ частяхъ Россіи.

Немаловажнымъ подспорьемъ для поддержки энергіи въ расколѣ служило обстоятельство, что послѣдній постоянно находилъ для себя защитниковъ и покровителей. Прежде всего онъ находилъ ихъ въ средѣ собственныхъ своихъ послѣдователей явныхъ или тайныхъ, пріобрѣтавшихъ вліяніе или вслѣдствіе имущественнаго состоянія или по своему служебному положенію. Уже нѣсколько разъ намъ доводилось упоминать о дѣятельности въ пользу раскола со стороны кр. Ошлаковыхъ. Здѣсь доводится дополнить, что въ 1860 преосвящ. Парѳеній, указывая, насколько сильно развивается и крѣпнетъ алтайскій расколъ, приписывалъ это въ значительной мѣрѣ усердію проживавшихъ въ Уймонахъ Ошлаковыхъ. „Богатые бр. Ошлаковы, писалъ епископъ, ведутъ по Алтаю обширную торговлю и, привязывая къ себѣ алтайское населеніе связями купли и продажи, вездѣ своими внушеніями возбуждаютъ интересы раскола и обостряютъ ихъ. Они же, ежегодно выѣзжающіе на Ирбитскую ярмарку, служатъ въ роли передатчиковъ для сношеній между мѣстнымъ томскимъ и россійскимъ расколомъ" [1]). Вредную для православія агитацію тѣхъ-же дѣятелей въ расколѣ сознавало и свѣтское начальство, почему въ 1868 г. земская полиція потребовала, чтобы Ошлаковы ушли изъ Н. Уймонской, какъ поселившіеся здѣсь самовольно. Изворотливые торговцы съумѣли отстоять себя, ссылаясь на то, что поселились здѣсь уже болѣе 40 лѣтъ и прикрѣплены къ названной деревнѣ 8, 9 и 10 ревизіями, кромѣ того, имѣютъ въ алтайскихъ мѣстахъ обширное хозяйство въ пасѣ-

---

[1]) Отношеніе епископ. Парѳенія къ Томскому Губернатору отъ 22 апрѣля 1860 г.—въ Губ. архивѣ; св. 101.

кахъ, мельницахъ, кожевенныхъ заводахъ и насчитываютъ на окружныхъ жителяхъ долговъ не менѣе 15000 руб. сер. „Наше хозяйство въ странѣ между кочующими калмыками должно считать для этихъ послѣднихъ очень полезнымъ, какъ доставляющее для многихъ пропитаніе, такъ и способствующее переходу калмыковъ отъ кочующей къ осѣдлой жизни" [1]). Бійскій и въ частности Алтайскій расколъ поддерживали Ошлаковы, а старообрядчество около Барнаула встрѣчало сильное вспоможеніе отъ барнаульскихъ купцовъ бр. Аѳ....ныхъ. Аѳ—ны снабжали раскольниковъ книгами, образами и образками, а также попами и, пожалуй, даже архіереями, постольку, поскольку одинъ изъ Аѳ—ныхъ содѣйствовалъ пріѣзду въ томскій край Савватія и хлопоталъ за лжеепископскую кандидатуру монаха Непеина.

Свящ. Кундуюльской пріисковой церкви (Маріин. окр.) о. Александръ Титовъ въ 1852 г. горько жаловался, что 11 лѣтъ трудился онъ въ заботахъ, чтобы пріисковые рабочіе съ должнымъ усердіемъ исполняли христіанскія обязанности, и труды его не оставались тщетны. Но со времени поступленія управляющимъ на Воскресенскій пріискъ (компаніи Екатеринбургскихъ купцовъ Рязяновыхъ) мѣщанина Герасима Рухлова—единовѣрца по имени, а на дѣлѣ закоренѣлаго раскольника и покровителя раскольниковъ, всѣ рабочіе почти прекратили свои отношенія къ православному храму. „Рухловъ достигъ этого тѣмъ, что въ воскресные и праздничные дни заставляетъ рабочихъ работать дневные и ночные часы. Въ четыредесятницу за текущій 1852 г. у исповѣди и св. причастія изъ рабочихъ не было никого, ибо кто хотѣлъ поговѣть и просилъ о томъ управляющаго, тѣхъ онъ съ пріиска выгонялъ. Часто на пріискахъ происходятъ обвалы, давящіе людей, и рабочіе умираютъ отъ переломовъ рукъ и ногъ. Р—ловъ приказываетъ зарывать погибшихъ безъ погребенія. Недавно пріисковая контора допустила такую дерзость: препроводивъ билетъ умершаго отъ задавленія шурфомъ рабочаго поселенца Кійской волости, д. Ключевой, Григорія Шевченко, просила на этомъ билетѣ сдѣлать свидѣтельство объ отпѣтіи, приложивъ за это три рубля. Я отвергъ такое дѣло, и за это управляющій грозитъ мнѣ большими непріятностями" [2]).—Факты, свидѣтельствующіе краснорѣчиво, что можетъ сдѣлать раскольникъ, располагающій вліятельнымъ положеніемъ.

Епархіальное начальство не разъ выражало свое сѣтованіе по тому поводу, что въ волостяхъ и селахъ, зараженныхъ расколомъ, въ волостныя и сельскія должности избираются лица изъ раскольниковъ съ нарочитою цѣлью покровительства расколу и противодѣйствія православію. Дѣйстви-

---

[1]) Дѣло объ уничтоженіи часовни въ д. Нижнемъ Уймонѣ.—Благо цивилизующей дѣятельности въ Алтаѣ раскольническихъ торговцевъ не замедлило найти для себя блистательное подтвержденіе. Въ 1874 г. земская полиція представила противъ Ош—выхъ обвиненія: 1) въ принятіи заведомо воровскихъ лошадей, покраденныхъ у кр. Алтайской волости Казакова и Лукьянова; 2) въ сопротивленіи и буйствѣ предъ начальствомъ при отысканіи у Ив. О—кова воровской киргизской лошади; 3) въ пристанодержательствѣ бѣглыхъ людей и дезертировъ, скрывающихся въ Уймонскихъ горахъ; 4) въ передачѣ пороха въ китайскіе предѣлы.—То-же дѣло.

[2]) Дѣло въ арх. Губ. Пр.; св. 740.

тельно, избранія въ такомъ видѣ были заурядны, и тогда или тамъ, гдѣ въ головы и старшины нельзя было выбрать открытаго раскольника, волостная или сельская власть попадала въ руки православнаго или единовѣрца, числившагося таковымъ только по оффиціальнымъ документамъ, отчего расколъ не только ничего не терялъ, но еще выигрывалъ. Мы уже имѣли случай ознакомиться, какъ покровительствовавшіе расколу волостные начальники Владимірскаго вол. правленія лавировали въ поискахъ алтайскихъ скитниковъ и какъ хитро они не запримѣтили бѣгства этихъ пустынниковъ чрезъ продѣлку съ гробами, набитыми соломой. Впослѣдствіи свящ. Секисовской церкви о. Шавровъ жаловался въ сильныхъ выраженіяхъ, что, съ цѣлью поддержанія раскола, чрезвычайно много вредятъ единовѣрію по всей Владимірской волости волостные и сельскіе чины, состоящіе изъ раскольниковъ явныхъ или тайныхъ [1]). Отставной солдатъ Пищальниковъ въ прошеніи о заступничествѣ за дочь его Матрену писалъ преосвящ. Алексію, что выдалъ ее, Матрену, за кр. д. Большой Рѣчки Якова Слонова. Вѣнчались въ церкви и послѣ вѣнчанія новые родные начали принуждать молодую къ расколу. Великимъ постомъ Матрена хотѣла исповѣдаться у православнаго священника, а свекоръ и мужъ заставляли ее ѣхать для исповѣди въ д. Выдриху къ раскольническому наставнику. Она не послушалась и за это потерпѣла гоненіе. Въ первый день пасхи ее „избили до безконечности“, такъ что отъ побоевъ впала въ обморокъ,—не перестаютъ „тиранить“ ее и доселѣ. „Я поѣхалъ съ жалобой въ с. Лосиху во Владимірское вол. правленіе, но на дорогѣ мнѣ сказали, что ничего не добьюсь, ибо въ волости и старшина Слоновъ, и помощникъ Слоновъ, и писарь Слоновъ—всѣ раскольники, держащіе руку своихъ единомышленниковъ“ [2]). Священ. с. Смоленскаго (Бійск. окр.) о. Козыревъ свидѣтельствовалъ на судѣ, что волостной голова Смоленской волости Базановъ, будучи рьянымъ раскольникомъ и таковымъ же защитникомъ своихъ собратій, никогда не опускаетъ случая притѣснить православныхъ. Онъ, Б—новъ, удостовѣрялъ съ своей стороны засѣдатель Сосуновъ, „поступаетъ по должности пристрастно: преступленія, учиненныя православными, обслѣдуетъ со всею строгостью и съ разными прижимками, а преступленія раскольниковъ старается замять и укрыть“ [3]). Въ с. Верхне-Каменскомъ, писалъ мѣстный священникъ, во время литургій всегда бываютъ сходы. На созваніи сходовъ въ это именно время настаиваетъ старшина Алтайскаго вол. правленія Макаровъ—по оффиціальному вѣроисповѣданію единовѣрецъ, на дѣлѣ строгій раскольникъ [4]). Сельскій староста въ с. Бобровскомъ (Кайлинской волости Барн. окр.) прямо препятствовалъ православнымъ посѣщать храмъ, отзываясь о такихъ посѣщеніяхъ въ страшно

---

[1]) Дѣло въ арх. Томской Консисторіи. 1871 г. № 70.

[2]) Дѣло по прошенію Пищальникова о разводѣ своей дочери въ арх. Консисторіи за 1867 г.

[3]) Дѣло Томск. Губ Суда о сводныхъ бракахъ кр—нъ Смоленской вол. и проч. Въ Губ. архивѣ; св. 746

[4]) Дѣло о состояніи раскола въ Верхне-Каменскомъ приходѣ. Арх. Томск. Консист. за 1869 годъ № 176.

ругательныхъ словахъ [1]). Подъ разными предлогами и поводами мѣшалъ православнымъ исполнять церковныя обязанности и участковый староста въ Усть-Сосновскомъ приходѣ (Кузнец. округа) Н. П—въ, который о себѣ самомъ говорилъ, что скорѣе отдастъ на отсѣченіе голову, нежели согласится пойти въ церковь [2]).

Рядомъ съ волостными старшинами и сельскими старостами, или независимо отъ нихъ, нерѣдко норовили въ сторону раскола, въ его пользу и очень вліятельные въ сельскомъ населеніи волостные писаря. Волостной писарь въ Крутоберезовской волости Мелехинъ нѣкоторое время содержался за распространеніе раскола въ Бійской тюрьмѣ. Вышедъ изъ тюрьмы, успѣлъ занять писарское мѣсто въ Бухтарминской волости, гдѣ подстрекалъ крестьянъ „къ составленію благопріятствующихъ расколу приговоровъ". За это былъ удаленъ отъ должности, но пристроился въ писаря къ мировому посреднику IX участка Богословскому, по заявленіямъ духовенства, относившемуся къ расколу весьма снисходительно [1]). По донесенію причта с. Тальменскаго за 1857 г., мѣстный волостной писарь ставилъ причту препятствія въ дѣлѣ присоединенія раскольниковъ къ единовѣрію [4]). Въ районѣ Чумышской волости за 1860 годы поддерживалъ своимъ вліяніемъ расколъ писарь Ив. З—въ, имѣвшій, по словамъ свящ. с. Сорокинскаго, „почти неограниченную власть надъ душею и тѣломъ каждаго крестьянина" [5]). „Писарь Чер-вскій въ насмѣшку надъ духовенствомъ высказывалъ крестьянамъ, что не нужно нынѣ обращаться къ православнымъ попамъ для браковѣнчаній, такъ какъ имѣются въ волости книги, куда желающіе обрачиться могутъ записываться безъ всякаго отношенія къ церкви" [6]).

Въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ по дѣламъ раскола отношеній къ томск. губернатору Никол. Васил. Родзянко, преосвящ. Алексій писалъ: „нынѣ, въ 1868 г., распространилось мнѣніе, что будто-бы расколу дана свобода, и расколъ усиливается. Содѣйствія къ ограниченію отпаденій отъ православія со стороны свѣтскихъ властей нѣтъ. Земская полиція нынѣ въ церковныя дѣла относительно раскола старается не вмѣшиваться". Въ томъ же духѣ касательно чиновъ земской полиціи выражала жалобу консисторія и при томъ не одинъ разъ. Но гораздо чаще сѣтованія не только на безучастное, но и мирволящее къ расколу отношеніе земской полиціи слышались отъ сельскихъ благочинныхъ и священниковъ, объяснявшихъ такое отношеніе или корыстными цѣлями, или просто недостаткомъ усердія въ стояніи за интересы господствующаго вѣроисповѣданія. Не распространяясь на щекотливую тему о „корыстныхъ цѣляхъ", ограничимся только однимъ указаніемъ. По заявле-

---

1) Дѣло въ арх. Губ. Пр: св. 108 за 1869 г.
2) Д въ арх. Томск. Консист. за 1877 г. № 306.
3) Рапортъ бл. Алексѣя Шаврова епископу Платону за 1877 г. въ дѣлѣ Томск. Консист. за 1871 г. № 70.
4) Д. въ арх. Губерн. Прав.; св. 748.
5) Дѣла въ архивѣ Томск. Консист. за 1866 и 1867 г.г. по описи I ст. №№ 78, 236.
6) Д. о Чер—ковскомъ въ арх. Губ. Пр.; св. 109. 1875 г.

нію благочиннаго о. С—ва, освобожденіе изъ тюремнаго заключенія раскольническихъ поповъ, совратителей Чернова, Борисова и Рубцова обошлось расколу въ 9000 руб. За то освобожденные еще усерднѣе взялись за совратительную дѣятельность. „Много разъ,—писалъ тотъ же благочинный,—я доносилъ полиціи о разныхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ въ расколѣ, но всему этому нѣтъ ходу. Очевидно, дѣйствуютъ подарки. По части пріобрѣтеній отъ раскола особенно отличается засѣдатель Б—скій съ своимъ писаремъ Л..., не то полякомъ, не то евреемъ. Сводные браки, какихъ въ нынѣшнемъ году было заключено по моему благочинію болѣе шестидесяти, Б—скій не разводитъ, и за это взимаетъ съ каждой сведенной пары по 5 р. Возбуждено было мною дѣло о сводномъ бракѣ съ малолѣтнею православнаго исповѣданія, но оно не двигается. На каждомъ шагу правосудіе попирается, ложь и безпорядки торжествуютъ... Все сходитъ съ рукъ, благодаря проискамъ раскольниковъ и податливости полиціи. Не даромъ въ народѣ здѣшняго края сложилась пословица: «набей возъ людей и привези возъ денегъ, будешь правъ»... Расколъ ничѣмъ не сдерживается и растетъ, и если будутъ такіе-же порядки, то приведется заколачивать православные храмы и бѣжать, куда глаза глядятъ“ [1]).

По поводу одного своднаго и неразлученнаго полиціей брака причтъ с. Анисимовскаго въ своемъ рапортѣ за 1877 г. выразилъ мысль, что „въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ членовъ полиція приняла на себя обязанность защищать расколъ, завѣдомо неправильно толкуя законоположенія о раскольникахъ“. На это мѣсто въ рапортѣ обратилъ вниманіе губернаторъ и, замѣтивъ изъ рапорта же, что нѣкоторые изъ анисимовскихъ прихожанъ не бываютъ на исповѣди по 20 и болѣе лѣтъ, поставилъ духовной власти вопросъ: кто въ дѣйствительности содѣйствуетъ размноженію раскола, полиція или такіе причты, какъ анисимовскій? Консисторія отвѣтила, что долговременное небываніе у исповѣди и св. причастія—это печальная особенность, свойственная большей части населенія Томской епархіи. Можетъ быть въ томъ небезвинно и духовенство, во всякомъ случаѣ указаніе анисимовскаго причта о покровительствѣ мѣстной полиціи расколу оправдывается изъ многихъ дѣлъ, производившихся въ консисторіи. Полиція сводные браки разводитъ только на бумагѣ, а въ дѣйствительности оставляетъ ихъ неразлученными. Такъ дѣлается въ особенности по Барнаульскому и Бійскому округамъ. Отсюда въ народѣ крѣпнетъ убѣжденіе, что нечистыя жительства не преслѣдуются закономъ, тѣмъ болѣе, что прижитыя при такихъ сожительствахъ дѣти записываются въ волостяхъ въ качествѣ законныхъ дѣтей. Земская полиція почти ни въ одной мѣстности не позаботилась растолковать и разъяснить права раскольниковъ въ отличіе отъ положенія людей, уклоняющихся отъ православія, что подаетъ поводы къ усиленію раскола [2]).

---

[1]) Рапортъ бл. С—ва еписк. Петру отъ 25 февраля 1877 г. въ дѣлѣ Томск. Консисторіи за 1878 г. № 106.

[2]) Дѣло въ Губ. архивѣ; св. 116 № 152. Нач. въ 1877 году.

Особо разсматриваемъ обвиненія въ потворствѣ расколу, предъявленныя духовенствомъ къ представителямъ той власти надъ сельскимъ населеніемъ, которая сосредоточивалась въ рукахъ мировыхъ посредниковъ.

Мировой посредникъ Алтайскаго горнаго округа, IX участка, г. Т—новъ особымъ предписаніемъ Убинскому вол. правленію отъ 26 сентября 1864 г. строго воспретилъ, „вопреки укоренившемуся обычаю", давать священно-церковно-служителямъ сельскихъ приходовъ обывательскихъ лошадей для служебныхъ разъѣздовъ по приходамъ безъ платежа прогоновъ. Предписаніе, съ угрозою тяжелаго штрафа за его неисполненіе, приказано было вывѣсить на постоялыхъ дворахъ и земскихъ квартирахъ.

Устькаменогорскій благочинный о. Сухопаровъ увидѣлъ въ распоряженіи Т—нова намѣренное желаніе унизить духовенство и поставить его въ самыя затруднительныя условія по отношенію къ его обязанностямъ требоисправленій и духовныхъ по деревнямъ назиданій. „Раскольники сему распоряженію радуются, а православные опечалены, ибо, въ случаяхъ надобности, имъ приведется ѣздить за священниками иногда очень далеко. Въ Секисовскомъ приходѣ имѣются двѣ деревни—Поперечная и Стрѣльная, отстоящія отъ приходской церкви на 100 верстъ къ востоку. Такимъ образомъ прихожанину изъ тѣхъ деревень нужно будетъ проѣхать 400 верстъ для того, чтобы привезти къ себѣ батюшку и отвезти его обратно". Да никогда, по словамъ отца благочиннаго, обыватели подводами для священнослужителей не обремянялись, за исключеніемъ крестьянъ, тяготѣющихъ къ расколу. „Распоряженіе мирового посредника невольно наводитъ на мысль: не есть ли оно слѣдствіе пронырства и ходатайства раскольниковъ, въ послѣдніе годы употребляющихъ всѣ средства для окончательнаго и рѣшительнаго отдѣленія отъ православной церкви?.. Если мировой посредникъ хотѣлъ къ здѣшнимъ мѣстамъ примѣнить порядокъ разъѣздовъ по приходамъ въ центральной Россіи, то ему не нужно было забывать, что въ Сибири приходскія деревни разбросаны отъ церквей на 20, на 40, 50 и болѣе верстъ". На основаніи донесенія о. Сухопарова томскій епископъ сообщилъ о дѣйствіяхъ Т—нова оберъ-прокурору св. Сѵнода. Отъ оберъ-прокурора послѣдовалъ губернатору запросъ о личности и направленіи посредника, но послѣдній въ то время былъ уже уволенъ отъ должности, попавши подъ судъ за растрату казенныхъ денегъ [1]).

Крестьяне Бійскаго округа Вяткинскаго прихода д. Романовой въ 1868 г. отказались платить ругу въ пользу причта и при отказѣ утверждали, что къ православію они не принадлежали и не принадлежатъ. Въ дѣло вступился мировой потредникъ XIII уч. г. Яновскій и запросилъ причтъ: на какомъ основаніи съ крестьянъ д. Романовой взимается ружная плата, когда они послѣдуютъ расколу? Причтъ отвѣтилъ, „что до сего времени жители д. Романовой состояли по книгамъ въ числѣ православныхъ, и потому должны нести всѣ обязанности, какія несутъ православные". Яновскій потомъ

---

[1]) Дѣло въ архивѣ Томск. консист. за 1867 г. № 198.

лично говорилъ причту, что романовцевъ отъ руги должно освободить. Послѣ того, названные крестьяне на сходѣ постановили: не имѣть съ церковью никакой связи и съ причтомъ не входить ни въ какія отношенія. Священникъ донесъ о томъ епископу Платону, а преосвященный сообщилъ о дѣйствіяхъ Яновскаго губернатору, обвиняя мирового посредника въ покровительствѣ расколу.

Вслѣдъ за обывателями д. Романовой и по ихъ примѣру рѣшили отказать духовенству въ уплатѣ руги и жители самаго с. Вяткинскаго, къ тому же потребовали, чтобы члены причта участвовали наряду съ ними, крестьянами, въ городьбѣ сельской поскотины, и свой приговоръ по этому предмету представили Яновскому же. Послѣдній написалъ: „при внимательномъ разсмотрѣніи вопроса я нашелъ, что причтъ не можетъ быть освобожденъ отъ городьбы поскотины; при исполненіи причтомъ этой обязанности, прихожане должны будутъ уплачивать ругу исправно". Послѣдовало новое обвиненіе миров. посредника въ униженіи и притѣсненіи духовенства, по законамъ свободнаго отъ исполненія натуральныхъ обязанностей.

На запросъ изъ губернскаго города по возбужденному дѣлу Яновскій далъ объясненіе, что въ дѣйствіи о раскольникахъ онъ основывался на Высочайшемъ повелѣніи отъ 4 ноября 1863 г., а въ дѣлѣ о поскотинѣ тѣмъ соображеніемъ, что члены причта, имѣющіе скотоводство, естественно должны заботиться о поскотинѣ, необходимой при скотоводствѣ. О дѣйствіяхъ Яновскаго преосвященный довелъ до свѣдѣнія св. Сунода и тамъ нашли, что Яновскій не только постановилъ противозаконное рѣшеніе объ освобожденіи прихожанъ отъ ружной платы и др. повинностей въ пользу причта, но и присвоилъ себѣ непредоставленное ему закономъ право войти въ разсмотрѣніе вопроса о принадлежности крестьянъ дер. Романовой къ расколу, что послужило поводомъ къ полному ихъ отступленію отъ церкви. Губернаторъ отстранилъ было Яновскаго отъ должности, но посредникъ успѣлъ затѣмъ оправдаться доказательствомъ, что священникъ с. Вяткинскаго недостаточно точно и полно передалъ смыслъ его распоряженія по расколу [1]).

Свящ. с. Елбанскаго (Бійск. окр.) о. В. Покровскій въ жалобѣ преосвящ. Алексію на усиленіе въ его приходѣ раскола и умноженіе числа самовольныхъ похоронъ между прочимъ доложилъ, что на прописанныя обстоятельства онъ просилъ обратить вниманіе мирового посредника г. Мамонтова, просилъ вообще содѣйствія Мамонтова къ поддержанію православія въ его приходѣ, но получилъ отъ чиновника слѣдующій отвѣтъ:

„На отношеніе Ваше отъ 16 февраля 1868 г. имѣю честь сообщить, что самоуправленіе крестьянамъ дано, узы рабства сняты съ нихъ по волѣ Государя Императора. Составъ волостныхъ правленій и права служащихъ въ нихъ лицъ опредѣлены Положеніемъ также по волѣ Императора. Если раскольники помогаютъ расколу, то это не ново. Поэтому я остаюсь по по-

---

[1]) Дѣло Томск. Общ. Губ. Управл. въ Губ. архивѣ. Св. 105 № 31.

воду Вашей просьбы въ недоумѣніи... Наказывать крестьянъ за противоцерковныя проступки не относится къ обязанности моей, и я не принялъ бы этой обязанности, пока остаюсь христіаниномъ. Волостное правленіе также не въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла вѣры. Оно не носитъ на себѣ званіе миссіонера.

„Я долженъ сказать, что мои служебные интересы мірскіе и мирные, поэтому не дозволю себѣ вмѣшиваться въ область интересовъ церкви и религіи, которые ввѣрены духовнымъ пастырямъ и, хотя не чужды и мнѣ, какъ православному лицу, но изъ этого не слѣдуетъ, что я обязанъ въ дѣйствіяхъ своихъ обнаруживать фанатическое увлеченіе и тѣмъ болѣе физическое насильственное преслѣдованіе заблуждающихся и т. д."

Принципъ невмѣшательства въ дѣла вѣры не помѣшалъ однако г. Мамонтову принять отъ крестьянъ дд. Чарышской Пристани и Красноярской на р. Чарышѣ „отпорныя" отъ православія, что о. Покровскій не замедлилъ поставить на видъ какъ самому Мамонтову, такъ и своему начальству.

Въ результатѣ письменнаго обмѣна между свящ. Покровскимъ и посредникомъ Мамонтовымъ явился цѣлый рядъ отношеній преосвящ. Алексія къ губернатору г. Родзянко. Сущность ихъ содержанія состояла въ указаніи, что по Бійскому округу расколъ растетъ и своевольничаетъ, что мѣстныя власти относятся къ этому явленію болѣе, чѣмъ равнодушно и, въ частности, мировой посредникъ Мамонтовъ не только самъ ни въ чемъ не содѣйствуетъ духовенству въ дѣлахъ церковныхъ, но запрещаетъ то и волостнымъ Правленіямъ.

Въ свою защиту Мамонтовъ писалъ губернатору: Преосвященный обвиняетъ меня, что я не только самъ отказываюсь отъ содѣйствія священнослужителямъ с. Елбанскаго къ пресѣченію между крестьянами раскола, но даже запретилъ это мѣстному вол. правленію. Но со времени поступленія свящ. В. Покровскаго въ Елбанскій приходъ, волостныя правленія Барнаульское и Нижне-Чарышское завалены его жалобами и доносами на раскольниковъ и, въ виду массы бумагъ такого рода, пришли въ большое затрудненіе. Вслѣдствіе сего 1 ноября 1865 г. я разъяснилъ правленіямъ, что дѣла о совращеніяхъ въ расколъ должно вѣдать одно духовное начальство, причемъ имѣлъ въ виду Высочайшее повелѣніе отъ 4 ноября 1863 г.—„Я съ особымъ благоговѣніемъ отношусь къ этому закону, будучи исполненъ вѣры въ его благодѣтельныя послѣдствія. Видимымъ доказательствомъ благотворнаго свойства этого закона служитъ то, что со времени его обнародованія уже не замѣчается случаевъ таскания людей по консисторіямъ и острогамъ за разногласія въ формахъ богослуженія... Теперь можно ожидать, что мирныя занятія сельскихъ обывателей края, обезпечивающихъ своимъ трудомъ матеріальное благосостояніе государства, не могутъ болѣе подвергаться тревогамъ опустошительныхъ наѣздовъ полиціи съ тѣмъ, чтобы подъ предлогомъ защиты вѣры вносить печаль и уныніе туда, гдѣ обитали миръ и спокойствіе. Что же касается до выбора раскольниковъ въ волостныя должности, то вотъ на сей предметъ букваль-

ное примѣчаніе къ 112 ст. Общаго Положенія 19 февраля 1863 г.: въ волостяхъ, гдѣ населеніе состоитъ изъ православныхъ и раскольниковъ, волостной старшина долженъ быть выбранъ изъ православныхъ, а сельскіе старосты и помощники волостныхъ старшинъ могутъ быть и изъ раскольниковъ".

„Вообще мнѣ невозможно присоединиться къ желанію томскаго духовенства при помощи полиціи и сельскаго начальства воздвигнуть гоненіе на раскольниковъ. Къ сему нужно присоединить, что въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Бійскій округъ, въ которомъ большинство населенія состоитъ изъ раскольниковъ, всякое физическое насиліе надъ расколомъ можетъ разрѣшиться кровавыми послѣдствіями. Да плоды миссіонерской дѣятельности со стороны полицейской власти уже испытаны, такъ что обращеніе къ нимъ едва-ли совпадаетъ съ видами Правительства".

Въ частности о дѣйствіяхъ свящ. В. Покровскаго Мамонтовъ писалъ: „Умный и развитый о. Покровскій представилъ епархіальному начальству очень основательную записку о положеніи своего прихода. Въ запискѣ были добросовѣстно изложены всѣ факты, касающіеся развитія раскола въ Сибири. Но такъ какъ выводы Покровскаго клонились къ осужденію дѣйствій духовенства, то такое указаніе дѣйствительности было причиною крайняго неблаговоленія къ нему не только со стороны епархіальнаго начальства, но и представителей мѣстнаго священства. Съ тѣхъ поръ о. Покровскій началъ съ особымъ рвеніемъ свою обширную переписку съ донесеніями на своихъ прихожанъ съ цѣлію принудить гражданскую власть къ преслѣдованію всякихъ уклоненій отъ исполненія церковныхъ обрядовъ, желая тѣмъ загладить свою невольную вину за рѣшимость указать правду".

Дѣло о Мамонтовѣ дошло до Петербурга, откуда томскому губернатору было предписано доставить свѣдѣнія: въ какой мѣрѣ виноватъ чиновникъ въ уклоненіи крестьянъ въ расколъ? Съ своей стороны губернаторъ секретно поручилъ бійскому исправнику сообщить: дѣйствительно ли Мамонтовъ покровительствуетъ расколу,—нѣтъ-ли за нимъ антирелигіозныхъ убѣжденій и не выражаетъ ли онъ ихъ въ какихъ либо служебныхъ объясненіяхъ и дѣйствіяхъ? Исправникъ отвѣтилъ, что въ Елбанскомъ приходѣ числится 3525 душъ, но дѣйствительно православныхъ найдется не болѣе 20 семей и тѣ изъ новоселовъ (переселенцевъ). Всѣ остальные прихожане, хотя числятся православными, на самомъ дѣлѣ вездѣ и во всемъ держатся раскола и если за вѣнчаніями обращаются къ православной церкви, то, по ихъ отзывамъ, только для того, чтобы „не ссориться съ властями и батюшками-священниками". Мамонтовъ, чиновникъ просвѣщенный и дѣятельный, ни въ чемъ излишне либеральномъ замѣченъ никогда не былъ [1]).—Мировой посредникъ вышелъ изъ столкновенія съ духовенствомъ безъ вреда для своего служебнаго положенія.

---

[1]) Дѣло о распространеніи въ Бійскомъ округѣ между раскольниками погребенія безъ отпѣванія. Въ Губ. арх.; св. 105 № 81.

Въ условіяхъ относительно полной и энергичной жизни томскій расколъ заявлялъ себя въ совратительствѣ съ постоянствомъ, при которомъ не опускалъ ни одного благопріятнаго случая для своего количественнаго возрастанія. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что когда по нашимъ документамъ рѣчь идетъ объ отпаденіи отъ православія сотнями, тысячами, какъ, напримѣръ, при многочисленныхъ ходатайствахъ о свободномъ слѣдованіи ученію и обрядамъ раскольническихъ толковъ, здѣсь уже заранѣе понятно, кого нужно разумѣть подъ именемъ уклонившихся или уклоняющихся. Нужно разумѣть такихъ же православныхъ, какими былъ полонъ Елбанскій приходъ, т. е. православныхъ по имени, а сердцемъ и душой, всѣми симпатіями и всѣмъ строемъ своей религіозной жизни издавна принадлежавшихъ расколу. Православные въ такомъ видѣ, связанные съ церковію тѣмъ только, что крестились или вѣнчались въ ней, хватались за всякій мнимый или дѣйствительный поводъ къ оффиціальному отчисленію въ расколъ. Мы уже ознакомились, какое значеніе въ данномъ случаѣ имѣли распространенные въ народѣ подложные указы. Опираясь на нихъ, раскольники разныхъ мѣстъ губерніи и епархіи начали заявлять о своемъ нежеланіи имѣть къ церкви хотя бы то кажущіяся или вообще какія бы то ни было отношенія. Съ 1860-хъ годовъ, т. е. съ того времени, когда въ дѣйствительныхъ законодательныхъ постановленіяхъ были объявлены разныя облегченія послѣдователямъ раскола, домогательства и просьбы со стороны томскихъ крестьянъ объ отчисленіи въ расколъ встрѣчаются тѣмъ чаще, причемъ забывалось, что извѣстная доля самостоятельности въ религіозной жизни предоставлялась только тѣмъ изъ старообрядцевъ, кои не прибѣгали къ православію или единовѣрію ни за какимъ таинствомъ отъ рожденія.

Въ апрѣлѣ 1863 г. крестьяне разныхъ деревень, принадлежавшихъ приходу с. Шипицинскаго (Каинскаго округа), представили причту такое заявленіе. „Мы нижеподписавшіеся крестьяне старообрядческой вѣры въ обшемъ своемъ собраніи имѣли разсужденіе о статьяхъ 60, 62, 67 XIV т. св. законовъ въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и о §§-хъ 3 и 5, изложенныхъ въ наставленіи для дѣйствій съ раскольниками, изданномъ 15 октября 1858 г. по Высочайшему повелѣнію Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ..., и въ сихъ статьяхъ мы нашли, что, по нашему разсужденію, мы можемъ обрядъ свой исполнять сами собой, не касаясь до священно-служителей, именно совершать браки, крестить, хоронить, о чемъ намъ самимъ и должно составлять вѣдомости съ представленіемъ оныхъ по принадлежности. Посему, находя указанныя статьи касающимися до нашего обряда, составили единодушный приговоръ исполнять свои обряды самимъ самостоятельно, о чемъ и даемъ знать священно-служителямъ для свѣдѣнія“ [1]).

Причтъ с. Елбанскаго на пасхальной недѣлѣ 1867 г. отправился со св. иконами по приходскимъ деревнямъ Нижне-Озерной, Усть-Чарышской и

[1]) Арх. Губ. Пр.; св. 105.

Красноярской и въ каждой изъ нихъ отъ обывателей выслушалъ: „не допустимъ молебновъ въ своихъ домахъ, не желаемъ принадлежать православію, а хотимъ слѣдовать поморству", и вскорѣ затѣмъ подали Мамонтову „отпорныя" отъ православія въ количествѣ 1005 душъ об. пола. Такія же „отпорныя" и почти въ то же время представили начальству крестьяне с. Вяткинскаго и причисленной по приходу къ сему селу уже названной деревни Романовой.

„Пришло, наконецъ, время, когда начальство и самъ Царь признали нашу вѣру правою и законною, говорили крестьяне с. Кабановскаго (Бійск. окр.), и поэтому намъ больше не слѣдуетъ обращаться къ церкви и причту за исполненіемъ требъ: есть у насъ свои наставники",—и дѣйствительно прекратили всякое сношеніе съ православіемъ. Прихожане эти, писалъ мѣстный священникъ, и прежде уклонялись отъ исполненія христіанскаго долга исповѣди и св. причастія, но за то слушали наставленія священниковъ о сихъ таинствахъ, не дѣлая возмущеній. Но теперь они выходятъ изъ границъ приличія, такъ что мало изъ нихъ найдется такихъ, которые сознавали бы необходимость вести себя, какъ должно по отношенію къ священнику, не оскорбляя его дерзкими словами и непристойными выходками [1]). Отказали въ общеніи съ церковію и жители д. Боровской Болтовскаго прихода, напитанные поморствомъ, благодаря усиленнымъ стараніямъ расколоучителя Егора Казанцева [2]).

Но особенно громадная масса томскихъ тайныхъ приверженцевъ къ расколу воспрянула съ тѣхъ поръ, когда были распубликованы подробныя правила о метрической въ полицейскихъ и волостныхъ правленіяхъ записи рожденій, браковъ и погребеній *у раскольниковъ отъ рожденія* (19 апрѣля 1874 г.). Съ тѣхъ поръ въ томскомъ расколѣ укоренилось твердое убѣжденіе, что расколъ окончательно признанъ правительствомъ въ качествѣ „вѣры правильной" и переходъ въ него дозволенъ всякому желающему: требуется только заявить о томъ причту или начальству.

„Изъ дѣлъ видно, писала Томская Консисторія губернатору въ 1878 г., что уклоненіе въ расколъ постепенно увеличивается. Уклоненія происходятъ главнымъ образомъ по причинѣ неправильнаго пониманія склонными къ расколу цѣли правительства относительно выдачи по волостнымъ правленіямъ раскольническихъ метрикъ. Эту мѣру въ расколѣ истолковали въ смыслѣ будто-бы данной свободы произвольно переходить изъ православія въ расколъ, каковое толкованіе поддерживаютъ волостные начальники, состоящіе изъ лицъ, склонныхъ же къ расколу. Земская полиція не разъясняетъ заблужденія, а пастырямъ церкви заблуждащіеся не довѣряютъ, подозрѣвая, что не допускаютъ переходовъ въ расколъ изъ своихъ разсчетовъ [3]).

„Многіе изъ православныхъ перестали отдавать дѣтей на крещеніе причтамъ со времени обнародованія закона о метрическихъ книгахъ для раскольниковъ—еще ранѣе писалъ изъ Каинскаго округа благоч. о. Вавиловъ [4]).

---

[1]) Изъ отношенія Томской Дух. Консисторіи отъ 28 февраля 1865 г.—въ Губ. арх., св. 115.
[2]) Дѣло въ Губ. арх., св. 105. Нач. въ 1868 г.
[3]) Дѣло въ арх. Томск. Консист. за 1878 по оп. № 353,
[4]) Д. въ томъ-же арх. № 165, 1876 г.

„Доселѣ мы держались православія только наружно, а теперь хотимъ слѣдовать расколу открыто", заявили въ 1876 г. жители д. Гилевой, указывая, что на открытый переходъ въ расколъ имъ дано право по закону 19 апр. 1874 г. [1]).

„Доселѣ наши отношенія къ церкви ограничивались тѣмъ только, что мы вѣнчались въ церкви, и то по принужденію управителей горнозаводскаго вѣдомства.—Такъ въ своемъ заявленіи объ отчисленіи изъ православія писали крестьяне Бѣлоярской вол. дд. Чесноковой, Новочесноковой, Бажевой, Фирсовой, Глушинской и др., хотя на разслѣдованіи оказалось, что многіе изъ этихъ крестьянъ еще недавно были у исповѣди, а нѣкоторыхъ изъ нихъ священникъ признавалъ искренне-православными [2]).

„Придя въ зрѣлый возрастъ мы нашли обряды православной церкви несогласными съ вѣрою нашихъ отцовъ, и потому не желаемъ ходить въ церковь, молиться щепотью,—желаемъ писать наши требы въ волостномъ правленіи"—съ такою рѣзкостью въ указаніяхъ священнику и исправнику отказались отъ православія хозяева изъ д. Поломошной (Томск. окр.) Чишкинъ, Табаринъ, Кузнецовъ и др. [3]).

И вообще просьбы объ отчисленіи изъ православія для перехода въ расколъ съ одною и тою же ссылкою на законъ 19 апр. 1874 г. идутъ серіею, подробное исчисленіе которой заняло бы у насъ слишкомъ много мѣста.

За 1876 годъ представили такія прошенія: довѣренные Ѳед. Тетюнковъ и Никаноръ Гусевъ отъ лица 70 хозяевъ изъ крестьянъ с. Верхне-Убинскаго [4]).

Крестьянинъ Толстокоровъ по довѣренности отъ 40 семей изъ прихожанъ с. Панкрушихинскаго (Барн. окр.) [5]).

Крестьяне Бійск. окр. Нижне-Чарышской волости д. Верхне-Озерной [6]).

Довѣренный Сысоевъ отъ кр-нъ разныхъ деревень Сибирячихинскаго прихода, Бійск. окр. [7]).

Довѣренный Ѳедотъ Рычковъ отъ 43 семей дер. Огневой Нижне-Чарышской вол. [8]).

Крестьяне дд. Ново-Красиловой и Ново-Глушинской, Барн. окр. [9]).

Кр-не Верхне-Омской вол., Каинскаго окр., с. Угуйскаго [10]).

---

[1]) Дѣло въ арх. Губ. Прав., св. 115, № 40812.
[2]) Арх. Губ. Прав., св. 115 за 1876 г.
[3]) Дѣло въ Губ. арх.; св. 740.
[4]) Д въ арх. Томской Консисторіи № 220 за 1876 г.
[5]) Въ томъ же арх. д. № 161 за 1876 г.
[6]) Въ томъ же архивѣ № 90.
[7]) Тамъ же, д. № 101.
[8]) Тамъ же, д. № 102.
[9]) Тамъ же, д. № 139.
[10]) Тамъ-же, д. № 190.

Довѣренный Ив. Фефеловъ отъ 9 хозяевъ д. Моралихи [1]).

Довѣренный В. Черпаковъ отъ 16 семей д. Больше-Басалатской [2]).

За 1877—1878 гг.:

Довѣренный Степ. Барсуковъ отъ крестьянъ разныхъ деревень Бухтарминской инородной волости [3]).

Крестьяне дд. Шульгина Лога и Платовой (Бійск. окр.) [4]).

Кр—не д. Солоновки чрезъ довѣренныхъ Петра Фефелова и Фаддея Худякова [5]).

Кр—не д. Южаковой Бѣловскаго прихода [6]).

Кр—не д. Солонечной (Бійск. окр.) чрезъ довѣреннаго Ив. Нагибина[7]).

Кр—не д. Санниковой Барн. окр., Бѣлоярской волости въ количествѣ 17 семей [8]).

За 1879—1880 гг.:

Крестьяне д. Черемшанки, Сибирячихинскаго прихода Бійск. окр. [9]).

Кр—не с. Тараханскаго Бійск. окр., принадлежащіе, по ихъ словамъ, Ѳедосѣевскому толку, чрезъ довѣреннаго Карпа Шушенникова [10]).

Кр—не разныхъ деревень Кулундинской волости чрезъ довѣреннаго Чуклина [11]).

Кр—не разныхъ деревень Бурлинской волости [12]) и т. д., т. д.

Разумѣется, дѣятельностью цѣлаго сонма расколоучителей было вовлечено въ расколъ множество лицъ, прежде державшихся православія не по имени только, а слѣдовавшихъ ему въ дѣйствительности. Судебныя мѣста по Томской губерніи за 1850, 1860 и 1870-ые годы были завалены дѣлами о совращеніяхъ то тѣмъ, то другимъ наставникомъ или вѣроучителемъ изъ раскола. Количество такихъ дѣлъ неисчислить, если бы мы захотѣли изложить ихъ списокъ по одному архиву Губернскаго Правленія [13]). О совратительной дѣятельности вожаковъ раскола вродѣ Изосима Медвѣдева, Лубягина, Кс. Гутова, Егора Казанцева, М. Рубцева, Толстокорова и др. вмѣстѣ съ многочисленными бродячими вѣроучителями сказано нами уже достаточно. Признаемъ нужнымъ повторить и пояснить, что раскольники-переселенцы изъ Шадринскаго и Ялуторовскаго окр., разъѣзжавшіе подъ предлогомъ заработокъ и торговли по Бійской и Уксунайской волостямъ, увлекали въ

---

[1]) Тамъ-же, д. № 137.
[2]) Тамъ же, № 438.
[3]) Тамъ-же, д. № 171 за 1877 г.
[4]) Тамъже, д. № 285.
[5]) Тамъ-же, д. № 225 за 1878 г.
[6]) Тамъ же д. № 264.
[7]) Тамъ-же, д. № 279.
[8]) Тамъ-же, д. № 394.
[9]) Тамъ-же, д. № 52. 1879 г.
[10]) Тамъ-же, д. № 112.
[11]) Арх. Губ. Прав. св. 116. 1880 г.
[12]) Тамъ же.
[13]) Насколько обильно возникали дѣла о совращеніяхъ, въ примѣръ можемъ указать на связки дѣлъ Губ. Правленія 122, 745—748-ю. Онѣ полны перепиской о совращеніяхъ.

расколъ людей изъ состава не мнимыхъ, а дѣйствительно православныхъ прихожанъ разныхъ приходовъ [1]). Равнымъ образомъ 76 семей, совращенныхъ каинскими расколоучителями Бородихинымъ и Дорофѣевымъ, и 170 душъ, ушедшихъ въ расколъ по вліянію на нихъ россійскихъ выходцевъ, поселившихся въ деревняхъ Косихинскаго прихода, прежде также принадлежали искренне-православному населенію.

Еще въ концѣ 1830-хъ годовъ неизвѣстный вѣроучитель перекрестилъ въ р. Ордѣ 24 хозяина изъ жителей д. Ординской, доселѣ стойко державшихся православія изстари. Барнаульскій мѣщанинъ Ив. Павловъ, заѣхавши въ дер. Клепикову, перевелъ въ расколъ почти всю ее [2]). Проживавшій въ г. Томскѣ изъ Симбирской губ. поселенецъ Вавила Онуфріевъ взялъ къ себѣ на воспитаніе изъ томскаго при тюремномъ замкѣ пріюта сиротку по имени Ѳеону и перекрестилъ ее съ именемъ Надежды. Затѣмъ онъ добылъ другую воспитанницу—10-лѣтнюю безродную дѣвочку Екатерину и перекрестилъ ее съ именемъ Евфросиніи. Онъ готовъ былъ набирать къ себѣ еще воспитанницъ для ихъ перекрещиванія, если-бы не былъ удержанъ отъ того полиціей и судомъ. Но еще прежде совращенія пріемныхъ дочерей Онуфріевъ перекрестилъ свою сожительницу, поселенку изъ Пензенской губ. Татьяну Микуляеву, въ лицѣ которой съумѣлъ пріобрѣсти самую горячую послѣдовательницу его поморскихъ убѣжденій [3]).

Чрезвычайно любопытенъ способъ убѣжденія, къ коему нерѣдко прибѣгали совратители въ своемъ рвеніи во что бы то ни стало пріобрѣтать новыхъ послѣдователей для своихъ толковъ. Крестьянка с. Дмитріе-Титовскаго Мавра Жданова, выдавшая дочь свою за раскольника деревни Аѳониной (Барнаульскаго округа) Усольцева, разсказывала, что „свекоръ моей дочери Мокей Усольцевъ во время моего пребыванія въ его домѣ, неоднократно увѣщевалъ меня уклониться отъ православія, причемъ увѣрялъ, что, оставшись православной, я непремѣнно погибну въ заблужденіи, а въ его вѣрѣ, даже *не молившись*, получу спасеніе [4]).

Немаловажное значеніе въ дѣлѣ совращеній имѣло то средство обольщенія, которое раскольники примѣняли и примѣняютъ въ приложеніи къ православнымъ, удрученнымъ давнишнею бѣдностью или впадшимъ въ нищету внезапно по какому нибудь несчастію. Разумѣемъ обольщенія путемъ дѣйствительнаго матеріальнаго вспомоществованія бѣднякамъ въ случаѣ ихъ согласія на перемѣну вѣры или только обѣщаній такого вспомоществованія. Такимъ, между прочимъ, способомъ умножали количество своей паствы лжеепископъ Меѳодій и лжепопъ Ѳома Голованов. Передаютъ, что тѣмъ-же спо-

---

[1]) Арх. Губ. Прав., д. о Смѣтанинѣ, св. 113, № 40450.
[2]) Д. Губ, Прав., св. 733 № 111, 744 № 149.
[3]) Д. Томскаго Окружн. Суда № 1018 за 1867 г. въ арх. Томск. Консисторіи.
[4]) Д. о Савватіи въ консисторскомъ архивѣ, л. 225.

собомъ подачекъ широко пользуется въ своей совратительной практикѣ богатый поморскій учитель Ал. Нифонтовъ. „Вспоможеніями или посулами скота и др. подарковъ раскольники весьма часто улавливаютъ въ свои сѣти православныхъ, недостаточно устойчивыхъ въ своей вѣрѣ и бѣдныхъ по состоянію“—писалъ причтъ с. Тауракскаго въ одномъ изъ своихъ приходскихъ отчетовъ [1]).

Въ 1878 г. Томская Казенная Палата, причисляя крестьянскую вдову Симбирской губерніи Настасію Савельеву въ общество крестьянъ Почитанской вол. д. Теплорѣченской, усмотрѣла у Савельевой двухъ незаконнорожденныхъ сыновей съ магометанскими именами. Узнавъ это странное обстоятельство, Палата сообщила о немъ Консисторіи, которая предписала благоч. Н. Соколову дѣтей Савельевой просвѣтить св. крещеніемъ, а ей самой дать духовное назиданіе. Благочинный донесъ затѣмъ:—Савельева показала о себѣ, что по паспорту проживаетъ въ д. Теплорѣченской уже съ 1864 г.; здѣсь сошлась съ магометаниномъ, и отъ этой связи родила двухъ дѣтей, изъ которыхъ одному, Шакиру, нынѣ 13, а другому, Валіулѣ, 11 лѣтъ. Крестить дѣтей она не дастъ, потому что распоряжаться ими не вправѣ.—Въ виду упорства женщины епископъ по дѣлу о крещеніи ея дѣтей просилъ содѣйствія свѣтской власти [2]).

Другой случай. Жена казака Кокпектинской станицы Алексѣя Назарова, Анна, разсорившись съ мужемъ, ушла къ аульнымъ киргизамъ, и, вращаясь среди магометанъ, сама приняла магометанство, которое содержала въ продолженіи 12-ти лѣтъ [3]).

Мы привели эти факты съ цѣлію показать, что значитъ для человѣка окружающая среда, насколько она сильно дѣйствуетъ своимъ подавляющимъ вліяніемъ. Если находились лица, которыя подъ давленіемъ среды тѣсно сближались съ несимпатичнымъ въ глазахъ русскаго человѣка магометанствомъ и даже соглашались принимать татарскую вѣру, то, разумѣется, тѣмъ скорѣе втягивалъ въ себя христіанскій расколъ, когда въ сплошь раскольническое общество или только въ раскольническую семью попадалъ православный. Отставной горно-заводскій рабочій Евсѣй Сергѣевъ Ивановъ говорилъ о себѣ, что, поселившись въ с. Верхне-Убинскомъ, онъ оказался со всѣхъ сторонъ окруженнымъ раскольниками: старики, старухи, женщины, даже дѣти—всѣ въ одинъ голосъ твердятъ, что никоніанская вѣра пагубная и онъ, будучи прежде искренне-православнымъ, сбился съ пути, уклонился въ расколъ самъ и дочь свою выдалъ въ замужество за раскольника сводомъ. Теперь (1868 г.) онъ, Ивановъ, одумался, но, очевидно, одумался только потому, что дочь въ замужествѣ оказалась несчастной:—„мужъ бьетъ ее немилосердно“ [4]).

---

[1]) Приходскій отчетъ причта с. Тауракскаго Бійск. окр. за 1885 г.

[2]) Д. въ Губ. Арх.; св. 111, № 193 за 1880 г. Дер. Теплорѣченская въ большинствѣ жителей состояла изъ татаръ.

[3]) Д. Томск. Консист. за 1872 г., № 9.

[4]) Д. Томск. Консист. за 1868 г. № 69.

Равнодушіе православнаго сибиряка къ своему православному храму, его небываніе за богослуженіями въ храмѣ по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ обусловливали тѣмъ бо́льшую податливость томича-крестьянина вліянію раскольнической среды. Вотъ что передавалъ о своемъ совращеніи въ поморство крестьян. Тарсминской вол. д. Лебедевой Василій Безсоновъ.—„Я и жена моя, равно и родители наши, принадлежали къ православной церкви, но, по бѣдности, мнѣ съ раннихъ лѣтъ довелось проживать въ работникахъ у разныхъ хозяевъ. Попалъ въ работники въ д. Желтоногину къ кр. Ив. Аркашеву и, проживая у него, нерѣдко бывалъ свидѣтелемъ моленій въ моленной Гутова. А какъ я отъ роду въ православной церкви (за исключеніемъ, когда вѣнчали) не бывалъ, то не считалъ грѣхомъ молиться у раскольниковъ и вмѣстѣ съ ними. Вмѣстѣ съ раскольниками я слушалъ божественныя книги, которыя въ моленной читалъ кр. с. Кауракскаго Венедиктъ Сизевъ. Сизевъ давалъ мнѣ наставленія и особо. Я дѣлился ими съ женой и мы оба ушли въ поморство“ [1]). Вспомнимъ, что и жившіе среди раскольниковъ православные д. Новоложниковой бывали въ моленной Чаунина и отъ посѣщенія богослуженій въ ней стали, по отзыву бл. Калугина, въ положеніе очень наклонное въ сторону раскола.

Много ушло и уходитъ въ расколъ подъ общимъ давленіемъ среды, но прежде всего и чаще всего сюда вовлекаются лица, попавшія въ раскольническія семьи путемъ брачныхъ сопряженій. Расколъ страшно нетерпимъ къ разногласію въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и, понятно, при его неистовой нетерпимости положеніе лица, вошедшаго въ раскольническую семью изъ православія и желающаго остаться вѣрнымъ своему исповѣданію, во многихъ случаяхъ бываетъ не только тяжелое, но прямо мученическое. „И рада была бы я крестить дѣтей своихъ въ церкви, говорила женщина Сердцова, вышедшая изъ православной семьи за мужъ за раскольника, но что со мной за это сдѣлалъ бы свекоръ?..„ [2]). Крестьянка д. Чесновки (Барн. окр.) Прасковья Упорова, вовлеченная въ расколъ свекромъ и мужемъ, по смерти ихъ сама вернулась къ православію и привела къ священнику двухъ дѣтей своихъ для довершенія крещенія, приэтомъ указала, что если бы окрестила дѣтей въ церкви раньше, до своего вдовства, ей не было бы житья [3]). Женщины изъ православныхъ, сведенныя бракомъ съ крестьянами д. Ключевой (Тяжинскаго прихода, Маріин. окр.), на увѣщаніе священника возвратиться къ вѣрѣ, въ которой были крещены, отвѣтили, что до тѣхъ поръ, пока живы старшіе въ семьяхъ, ихъ обращеніе немыслимо,—немыслимо въ виду неизбѣжныхъ утѣсненій, побоевъ и мученій [4]). Кр-ка с. Кауракскаго Авдотья Нестерова разсказала Кузнецкому исправнику, что въ 1864 г. послѣ праздника Крещенія она просватала дочь свою Марѳу за кр. д. Разсолкиной Семена Матвѣева Исакова съ тѣмъ условіемъ, чтобы, по неимѣнію церкви въ с. Кауракскомъ

---

[1]) Дѣло о Гутовыхъ.

[2]) Д о Евг. Тердцовой въ арх. Губ. Пр. св. 105 за 1868 г.

[3]) Въ томъ же архивѣ св. 105 № 232.

[4]) Дѣло въ арх. Томск. Консист. за 1871 г. № 4.

за ея разобраніемъ, бракъ былъ повѣнчанъ въ православномъ храмѣ какого либо изъ сосѣднихъ селъ. Въ тотъ же день, когда покончили сговоромъ, Исаковы увезли Мароу со всѣмъ ея приданымъ. Чрезъ семь недѣль Мароа пріѣхала къ ней, матери, и передала, что Семенъ въ церкви съ ней не вѣнчался, лишилъ ее дѣвства и принуждаетъ сожительствовать „такъ, пораскольнически, — безъ вѣнчанія“, и вмѣстѣ требуетъ, чтобы и она приняла его раскольническую вѣру. Узнавши объ этомъ, Нестерова обратно въ Разсолкину дочь свою не пустила, да не хотѣла возвращаться туда и сама глубоко огорченная Мароа. 7 апрѣля явились въ с. Кауракское отецъ Семена Матвѣй Исаковъ съ братомъ Яковомъ и, развѣдавъ, что Мароа съ подругами уѣхала „на попрядушку“ въ д. Конову, выѣхали на дорогу караулить ее, когда будетъ возвращаться. Когда возвращалась съ дѣвицами Дарьей и Анной Пьянковыми, Исаковы выхватили Мароу изъ саней, усадили въ свои сани и увезли въ Разсолкину, гдѣ начали уговаривать, „чтобы оставалась у нихъ, Исаковыхъ, отступила отъ православія и жила съ Семеномъ такъ, какъ живутъ въ расколѣ“. Встревоженная насиліемъ надъ дочерью, Авдотья сама отправилась въ Разсолкину, усиленно просила Исаковыхъ выдать Мароу, но уѣхала ни съ чѣмъ. Послѣ того Мароа рѣшилась на побѣгъ. Бѣжала въ холодную погоду, на босую ногу, въ одномъ сарафанѣ, забывъ страхъ отъ медвѣдей, которые въ то время показывались по лѣснымъ дорогамъ во множествѣ. На дорогѣ остановилась отдохнуть въ д. Сурковой въ домѣ кр. Θаддѣева. Здѣсь настигъ ее братъ Семена Василій,—накинулся на нее, привязалъ ей на шею опояску, опрокинулъ на полъ и потащилъ изъ избы. Боясь убійства, хозяйка, Θаддѣева, послала мальчика за десятникомъ. Десятникъ перевелъ бѣжавшую для бо́льшей безопасности въ домъ старосты. Сюда прибылъ и самъ Матвѣй Исаковъ и въ свою очередь накинулся бить Мароу за волосы, но былъ удержанъ. Чтобы дѣвицу не били дорогой, староста распорядился отправить ее въ Разсолкину подъ карауломъ. Но Мароа расправы не миновала. Исаковы принялись бить ее немилосердно, лишь только она вступила въ ихъ домъ. На крикъ прибѣжалъ односельчанинъ-раскольникъ и далъ совѣтъ: плетью во избѣжаніе знаковъ не стегать, а давить колѣнками и таскать за волосы, „что Матвѣй вмѣстѣ съ совѣтникомъ тутъ-же и дѣлали, причиняя дѣвицѣ безчеловѣчные побои“. На ея вопли пришелъ староста и приказалъ десятскимъ отвезти избитую, „всю въ синевицахъ отъ битья кнутомъ и давленія колѣнками“, въ Тарсминское вол. правленіе, откуда мать взяла ее къ себѣ снова [1].

Крестьянка Бійск. окр. с. Бобровки Ирина Лукьянова заявила начальству, что, бывъ выдана въ замужество за кр. Ефима Лукьянова со свѣнчаніемъ въ Бобровской церкви, въ замужествѣ испытываетъ настоящее гоненіе за свою православную вѣру. Требуя, чтобы перешла въ расколъ, мужъ, свекоръ и свекровь бьютъ ее безъ милосердія; отъ побо-

---

[1]) **Изъ дѣла о Гутовыхъ.**

евъ она часто лишается языка и сознанія. Къ великому ея огорченію, дѣти ея остаются некрещенными въ православной церкви, бывъ окрещены по раскольническимъ обрядамъ. Вскорѣ послѣ этого заявленія Лукьяновы переселились на р. Нарымъ въ Бухтармиіской волости и здѣсь стали бить Ирину еще пуще. Послѣ одной ночной экзекуціи потребовалось вмѣшательство сельскаго начальства, избитую осмотрѣли чрезъ женщинъ и нашли, что вся спина и животъ ея исполосованы синими и широкими полосами. Всѣ знавшіе Ирину утверждали, что она человѣкъ „нарѣдкость"—добраго и кроткаго характера. Измученная просилась къ отцу и, наконецъ, при содѣйствіи власти къ отцу дѣйствительно ее отправили [1]).

Почти одинаковое положеніе въ семьѣ переживала кр. Усть-Тартасской волости Т. Холмогорова. „Бьетъ меня мужъ, жаловалась она роднымъ, смертно, бьетъ за то, что держусь своей вѣры и идти въ расколъ не хочу" [2]).

Объ истязаніяхъ дѣвицы Ванѣевой за попытку убѣжать отъ свода и вмѣстѣ нежеланіе принять поморскую вѣру, о побояхъ за вѣрность православію, какія терпѣла дочь Пищальникова, мы уже говорили. Одной женщинѣ довелось показать, что ушедши въ расколъ послѣ брачнаго заключенія, она пожелала потомъ снова быть въ православіи, но семейные не только всячески утѣсняли ее за такое намѣреніе, но еще хотѣли сбросить съ сопки, т. е. съ утеса на Алтаѣ [3]).

Всяческими мѣрами стараясь притягивать къ себѣ пришельцевъ извнѣ, расколъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, тѣмъ съ большею ревностію охраняетъ цѣлость въ составѣ своихъ издавнихъ послѣдователей. Обращеніе кого-либо изъ нихъ къ православію раскольники-однообщественники переносятъ съ чувствомъ подавленнаго озлобленія только тогда, когда сознаютъ, что ничего не могутъ подѣлать. Въ противномъ случаѣ готовы мстить и мстятъ даже за одну попытку обращенія. Въ рапортѣ преосвящ. Виталію отъ 7 марта 1865 г. свящ. с. Верхне-Каменскаго о. Яковинсковъ писалъ: „при посѣщеніи, въ январѣ мѣсяцѣ 1864 г., отдаленныхъ деревень моего прихода Кок-сы, Верхняго и Нижняго Уймоновъ я призывалъ къ себѣ недавно сошедшихся сводным бракомъ лицъ и убѣждалъ ихъ повѣнчаться въ церкви. Согласились повѣнчаться со сводными женами изъ Верхн.-Уймона Вас. Бочкаревъ и изъ д. Кок-сы Ив. Бахтуевъ. Въ нынѣшнемъ году, въ мой проѣздъ чрезъ тѣ же деревни, пришла ко мнѣ жена Бочкарева Пелагея Иларіонова и объяснила, что за вѣнчаніе въ церкви Уймонское общество съ согласія свекра жестоко наказало розгами ее и ея мужа Василія, и когда сѣкли, общественники приговаривали: „не вѣнчайся; будешь знать, какъ вѣнчаться въ церкви". Мало того, общественники настояли, чтобы Василій

[1]) Дѣло въ Губ. архивѣ, св. 105 № 226. Сн. д. Томск. Консист. за 1868 г. № 115.
[2]) Дѣло въ арх. Консист. за 1877 г. № 165.
[3]) Д. Бѣликовъ. Старообрядческій раск. по судебн. даннымъ, стр. 21, примѣч. второе.

разошелся съ ней, Пелагеей, и снова сошелся съ дѣвицей Анной Лубакиной, съ которой брачно жилъ прежде [1]). Павлодарскій купеческій сынъ Мих. Никол. Шелеховъ, проживавшій съ отцомъ своимъ въ с. Судженскомъ (Томск. губерн. и округа), возымѣлъ съ женой горячее желаніе присоединиться изъ раскола къ православной церкви. Но отецъ, провѣдавшій о намѣреніи дѣтей, началъ тѣснить сына и сноху, „мучить и терзать" ихъ. Изъ опасенія, какъ бы сынъ съ женой все-таки не выполнили своего желанія, отецъ по совѣту съ другими одновѣрцами рѣшилъ насильственно увезти ихъ въ глухой скитъ на рѣкѣ Яѣ [2]). Самовольный пришелецъ изъ Пермской губ. Оханскаго уѣзда Ѳедотъ Ѳедосѣевъ въ прошеніи на Высочайшее Имя писалъ. Онъ, бывшій раскольникъ безпоповщинской секты, пріѣхавъ съ отцомъ къ Томску, поселился въ лѣсу за дер. Бѣлобородовой, гдѣ послѣ того, какъ отецъ исчезъ куда-то безъ вѣсти, проживалъ у пасѣчниковъ на работахъ. Состоя въ работникахъ у одной пасѣчницы, онъ пережилъ большое потрясеніе: на пасѣку напали разбойники, хозяйку зарѣзали, дочь ея въ пыткахъ изжарили на вѣникахъ и его тяжело изранили. По выздоровленіи отъ ранъ, онъ женился, завелъ свое пасѣчное хозяйство и, подъ вліяніемъ пережитаго страшнаго событія, пожелалъ присоединиться къ истинной церкви. Просилъ защиты отъ стѣсненій со стороны раскола за отпаденіе отъ безпоповщинской вѣры [3]).

Родительское предсмертное „заклятіе" въ видѣ родительскаго благословленія за сохраненіе отеческой вѣры и проклятія за уклоненіе отъ нея являлось и не перестаетъ являться однимъ изъ важныхъ средствъ, при помощи котораго расколъ оберегаетъ свою полноту въ виду убылей отъ возможныхъ обращеній Увѣщателямъ о присоединеніи къ церкви постоянно доводилось слышать „присоединиться не могу, потому что нѣтъ на то родительскаго благословенія," или даже „присоединился бы, да страшно нарушить родительское благословеніе". Наприм., кр. д. Ярковой Тальменской вол. Тимофей Казанцевъ говорилъ священнику-увѣщателю: противъ православія или единовѣрія ничего не имѣетъ, но перейти въ то или другое не осмѣлится, ибо отецъ, умирая, не далъ на то благословенія. Въ томъ же духѣ говорили священникамъ: Ѳекла, Вѣра, Анисья Кунгурцевы и мн. другіе, коихъ повлекла къ увѣщанію соприкосновенность къ дѣлу Гутовыхъ [4]).

Въ стремленіяхъ къ распространенію своей вѣры и тщательному обереженію себя со всѣхъ сторонъ своей жизни раскольники въ томскихъ предѣлахъ сильно не любятъ, когда въ ихъ сплошной средѣ, тамъ или здѣсь, остается кто либо изъ „внѣшнихъ," т. е. иновѣрныхъ, или кто нибудь изъ никоніанъ, твердыхъ въ приверженности къ церкви, начальственнымъ распоряженіемъ вновь приписывается къ ихъ обществамъ. Въ этихъ случаяхъ обычны бытовыя и хозяйственныя стѣсненія, практикуемыя кержаками съ разсче-

---

[1]) Дѣло въ арх. Томск. Консист. за 1866 г. по оп. № 175.

[2]) Дѣло о раскольникѣ Шелеховѣ въ губ. архивѣ, св. 115.

[3]) Д. въ губ. архивѣ, св. 113.

[4]) Изъ дѣла о Гутовыхъ.

томъ выжить отъ себя упорныхъ въ никоніанствѣ,—выжить не мытьемъ, такъ катаньемъ. А когда бы никоніанинъ самъ осмѣлился задѣть раскольниковъ со стороны ихъ вѣры и быта, задѣтые готовы къ мѣрамъ болѣе сильнымъ, чѣмъ косвенное утѣсненіе. Когда засѣдатель Сосуновъ отыскивалъ въ д. Тайнѣ и сосѣдней Карагайкѣ раскольническаго попа Ѳому Егорова и скрывавшихся около тѣхъ деревень дезертировъ, причемъ въ домахъ и на пасѣкахъ открылъ нѣсколько потайниковъ, въ розыскахъ принималъ дѣятельное участіе православный крестьянинъ Семенъ Пухаревъ. Онъ помогалъ засѣдателю въ той надеждѣ, что крестьяне православной вѣры, „заселившіеся въ Тайнѣ и Карагайкѣ въ маломъ противу раскольниковъ количествѣ, хотя нѣсколько умѣрятъ раскольничьи злоупотребленія, будутъ среди кержаковъ жить безопаснѣе и меньше терпѣть притѣсненій.“ Вышло наоборотъ. 1 іюня 1856 г. Пухаревъ подалъ въ Бійскій Земскій Судъ прошеніе, въ коемъ объявлялъ:

Имѣлъ онъ съ отцомъ недавно заведенную пасѣку въ 15 верстахъ отъ д. Тайны на берегу р. Иши. Для досмотра за пасѣкой старикъ-отецъ почти постоянно проживалъ на ней, а прочіе члены семьи для свиданія съ нимъ и доставки ему хлѣбнаго запаса навѣщали его только время отъ времени. Онъ, Семенъ, былъ у отца 17 мая, а 20 того же мѣсяца послалъ къ нему съ хлѣбнымъ запасомъ свою сестру Екатерину. За полноводіемъ р. Иши Екатерина не могла пробраться на пасѣку, кричала отца съ противоположнаго берега, но не докричалась. На другой день поѣхалъ братъ Ефимъ и, переплывъ Ишу, отца на пасѣкѣ не нашелъ, а пасѣку усмотрѣлъ разбитою. Ульи были расколоты пополамъ, но медъ не вынутъ. На нѣкоторыхъ сотахъ пчелы съ матками были еще живы. Немедленно о происшествіи было заявлено обществу, которое нарядило людей искать исчезнувшаго старика и виновниковъ жестокаго разбоя. Посланные нашли на берегу Иши зипунъ отца и больше не открыли ничего. Семенъ настоялъ, чтобы произведены были новые поиски, которые на этотъ разъ состоялись при участіи волостного головы Базанова. Базановъ производилъ розыски только „для порядка“. Будучи раскольникомъ самъ, онъ и понятыхъ взялъ изъ одних ъ раскольниковъ. Во время розыскиваній постоянно сердился и выговаривалъ ему, Пухареву: „нечего мучить людей,—ты улья самъ раскололъ, а отецъ твой утонулъ въ Ишѣ или куда нибудь скрылся“... „Видишь какой ты тутъ кляузникъ: какое тебѣ дѣло открывать потайники. Есть на то староста, десятники и вотъ эти хорошіе люди“, причемъ указывалъ на своихъ, т. е. на кержаковъ.

Прописавъ все это въ прошеніи, Семенъ Пухаревъ просилъ Бійскій судъ назначить по изложенному дѣлу слѣдствіе отъ себя и при этомъ выражалъ увѣренность, что его отецъ убитъ и пасѣка разбита никѣмъ инымъ, какъ раскольниками, мстившими за открытіе потайниковъ. Ближайшимъ образомъ виновниковъ преступленій убійства и разбоя потерпѣвшій подозрѣвалъ въ семьѣ кр. О—кова. „Пасѣка О—кова находится всего въ двухъ съ половиной верстахъ отъ моей, и О—ковъ особенно сильно злобился на меня, такъ какъ

я навелъ засѣдателя на потайникъ, въ которомъ укрывался его бѣглый отъ солдатства сынъ". Здѣсь кстати замѣтить, что сынъ О—кова, какъ и другіе парни, отданные въ военную службу изъ Тайны и Карагайки, не хотѣли служить въ ней, бывъ подущены къ побѣгамъ раскольническимъ наставникомъ какимъ-то Петромъ.

Въ іюнѣ розыски были произведены еще разъ, теперь подъ руководствомъ засѣдателя. Прежде всего натолкнулись на сгнившій трупъ убитой пасѣчной собаки, а затѣмъ нашли сильно разложившееся тѣло старика, забитое въ самый глухой трущобникъ. Виновность О—ковыхъ не была доказана, но Пухаревы съ православными односельчанами остались въ непоколебимомъ убѣжденіи, что преступленіе было дѣломъ О—ковыхъ, дѣйствовавшихъ съ помощью др. кержаковъ. Когда Семенъ перевозилъ пасѣчное хозяйство на другое болѣе безопасное мѣсто, встрѣтился съ Мирономъ О—ковымъ и Ѳедотомъ Кр—вымъ. Они кричали ему: „ты полагаешь, что мы у тебя разорили пчелъ и рѣшили отца. Берегись же и самъ ты" [1]).

IX.

Духовное воздѣйствіе на томскій расколъ.—Недостаточность таковаго воздѣйствія со стороны приходскаго духовенства и причины ея.—Тяжелое по дѣламъ о расколѣ обвиненіе томскаго духовенства, дошедшее до свѣдѣнія Высочайшей Власти.—Дѣятельность для ослабленія раскола мѣстныхъ архипастырей.

Воздѣйствіе на томскій расколъ со стороны епархіальнаго приходскаго духовенства чаще всего ограничивалось внѣшнимъ наблюденіемъ за жизнію расколо-сектантовъ съ донесеніями къ духовной и свѣтской власти, когда въ этой жизни допускались какія либо правонарушенія. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, въ дѣлѣ внѣшняго вмѣшательства въ кругъ раскольническихъ дѣйствій сельскіе причты иногда перелишивали, доставляя и расколу лишній поводъ къ его обычнымъ жалобамъ на греко-россійское священство.

Кромѣ сѵнодальныхъ, неоднократно издавались и мѣстныя епархіальныя распоряженія съ указаніемъ необходимости вліять на заблудшихъ въ вѣрѣ путемъ пастырски-кроткихъ разъясненій, наставленій и назиданій [2]). И мы увѣрены, что среди многихъ приходскихъ священниковъ всегда находились лица, относившіяся къ раскольникамъ съ должною сердечною заботливостью о ихъ наученіи и обращеніи. Но если примемъ во вниманіе, что въ томскомъ сельскомъ духовенствѣ образованные священники сравнительно были очень рѣдки и если въ странѣ равнодушія къ православію духовенство, не обезпеченное въ средствахъ существованія,

[1]) Дѣло Губ. Суда, св. 746.

[2]) См. болѣе замѣчательные съ такимъ содержаніемъ указы изъ Томск. Д. Консисторіи: отъ 1840 г. № 772; – отъ 28 окт. 1850 г. № 3670;—13 ноября 1857 г. № 6558;—31 декабря 1858 г. № 10576;—30 мая 1859 г. № 3609.

должно было слишкомъ много полагать заботъ на предметъ своего матеріальнаго содержанія, то поймемъ, почему пастырское вліяніе на томскій расколъ должно было быть и было въ общемъ слабо [1]). По крайней мѣрѣ, въ данныхъ нашего матеріала мы встрѣчаемъ исключительно увѣщанія по особымъ начальственнымъ предписаніямъ или судебнымъ опредѣленіямъ по отношенію къ совратителямъ или уклонившимся въ расколъ. Увѣщанія „по предписаніямъ" съ вызовомъ увѣщеваемыхъ къ увѣщателямъ чрезъ полицію и нерѣдко съ препровожденіями „по этапу" [2]) не давали результата.

Вообще обращеній къ православію было чрезвычайно мало и въ большинствѣ они были вынуждены. Раскольники давали подписки о присоединеніи къ православію въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣнчались въ церкви. На запросъ губернатора о состояніи томскаго раскола за 1873 г. консисторія, между прочимъ, отвѣтила, что въ теченіе означеннаго года изъ раскола было присоединено къ церкви 190 душъ „по причинѣ браковъ" [3]). За 1879 г. присоединившихся „по случаю бракосочетаній" консисторія указывала въ количествѣ 221 души [4]). „Но не было еще случая, говорилъ священникъ с. Чарышскаго о. Моцартовъ, чтобы обратившійся изъ раскола въ православіе изъ за брака покинулъ въ дѣйствительности свои заблужденія и остался вѣрнымъ православію навсегда" [5]).

Со стороны послѣдователей раскола и представителей сибирской свѣтской администраціи и интеллигенціи часто слышались жалобы и обвиненія въ томъ смыслѣ, что сибирское и въ частности томское духовенство не только бездѣйствуетъ въ своей обязанности духовной борьбы съ расколомъ, но недостойнымъ поведеніемъ многихъ изъ своихъ членовъ и требованіемъ высокой платы за требы, въ особенности за браковѣнчанія, способствуетъ поддержкѣ и усиленію расколо-сектанства. Расколоучитель Толстокоровъ въ одномъ изъ своихъ прошеній жаловался губернатору, что священники берутъ за свадьбы очень дорого, берутъ будто бы по 50 и болѣе рублей. „Съ меня за повѣнчаніе причтъ взялъ 60 руб., а погребеніе дѣдушки обошлось мнѣ въ 100 руб. Этимъ священники насъ отъ себя отталкиваютъ,

[1]) Священникъ О. Вас. Покровскій въ своей любопытной запискѣ о состояніи раскола въ Елбанскомъ приходѣ за 1865 годъ указалъ такое существенное обстоятельство: Въ заботливости о поддержаніи и укрѣпленіи православія въ алтайской окраинѣ епархіи преосвященный Парѳеній сформировалъ здѣсь много новыхъ приходовъ и назначилъ для нихъ молодыхъ и образованныхъ священниковъ. Но эти священники оставлены были даже безъ того небольшого жалованья, какое положено причтамъ въ другихъ мѣстахъ и округахъ епархіи и губерніи.— „Жалованья нѣтъ,—прихожане раскольники почти поголовно, значитъ требъ тоже нѣтъ, кромѣ рѣдкихъ свадебъ. Какъ жить?—И вотъ многіе сбились на проложенную дорогу различныхъ сдѣлокъ съ раскольниками, чтобы имѣть что нибудь для пропитанія себя и семьи.

[2]) Въ нерѣдкихъ случаяхъ практиковавшееся препровожденіе увѣщеваемыхъ къ увѣщателямъ „этапнымъ порядкомъ" указано въ представленіи Томск. губернатора г. Красовскаго въ Департаментъ общихъ дѣлъ М. В. Д. отъ 2 февр. 1884 г. См. дѣло по прошенію довѣренныхъ отъ крестьянъ Барнаульск. окр. Паршукова, Шадрина. Л. 242.

[3]) Д. въ арх. Томск. Консист. Нач. 3 ноября 1873 г. № 79.

[4]) Д. въ арх. консист. за 1878 г. № 353.

[5]) Приходскій отчетъ причта с. Чарышскаго за 1885.

тѣмъ болѣе, что курятъ табакъ или нюхаютъ его" [1]). При производствѣ слѣдствія по дѣлу Кс. Гутова слѣдователи до такой степени много наслушались отъ раскольниковъ и людей склонныхъ къ расколу о дорогихъ платахъ, которыя требуютъ и взимаютъ причты, что Барнаульскій земскій судъ составилъ по этому поводу особое постановленіе, которое нашелъ нужнымъ препроводить въ консисторію [2]). Въ запискѣ о состояніи томскаго раскола, представленной губернскому начальству чиновникомъ особ. порученій при губернаторѣ Юрченко, между прочимъ, значится слѣдующій пунктъ: „способствуютъ усиленію раскола и многіе изъ православныхъ священниковъ своимъ несоотвѣтственнымъ поведеніемъ и тѣмъ отсутствіемъ образованія, при которомъ они не въ состояніи отвѣчать раскольникамъ на ихъ возраженія, и, кромѣ того, назначеніемъ высокой платы за браки. Берутъ за браки иногда по 100 руб. и тѣмъ возстановляютъ противъ себя крестьянъ. Но берутъ такъ много по неволѣ, такъ какъ иначе духовенству нечѣмъ содержаться. Руга ничтожна и таковая плохо выплачивается". Въ 1878 г. безымянный корреспондентъ изъ Томской губерніи писалъ въ „Недѣлю": „сельское духовенство въ Западной Сибири далеко не стоитъ на высотѣ своей задачи, оно не изучаетъ раскола, не составило его исторіи; поведеніе священниковъ въ селахъ не всегда безукоризненно, что при трезвыхъ и чистыхъ нравахъ старообрядцевъ и раскольниковъ составляетъ соблазнъ. Наконецъ, многіе священники требуютъ значительныя суммы за свадьбы, иногда до 40 руб., что не располагаетъ къ церковнымъ бракамъ и способствуетъ развитію раскола. Вотъ гдѣ надобно бы поискать губернскому духовенству и начальству причинъ развитія и прочности раскола" [3]).

Обвиненія духовенства въ указанномъ отношеніи были до такой степени ходячи и упорны въ свѣтскихъ сферахъ, что генералъ-губернаторъ Дюгамель

[1]) Дѣло о Толстокоровѣ въ арх. консист. за 1876 г. № 161.

[2]) Постановленіе отъ 27 мая 1865 г. въ дѣлѣ о Гутовыхъ.

[3]) „Недѣля" за 1878 годъ. Статья: „Гоненіе на расколъ въ Западной Сибири" № 38 стр. 1235—1236.—Исторически сложившійся и долго державшійся въ Сибири обычай взиманія сравнительно высокой платы за браковѣнчанія находилъ свое объясненіе въ томъ, что при маломъ количествѣ въ приходахъ другихъ платныхъ требъ причты видѣли въ бракахъ самый главный, а иногда чуть не единственный источникъ для своего содержанія. Тѣмъ не менѣе это не освобождало духовенство отъ постоянныхъ обвиненій по сему поводу. Обвиненія иной разъ порождали на сторонѣ свѣтской администраціи распоряженія курьезныя по содержанію и вмѣстѣ явно клонившіяся къ униженію духовенства. Священникъ с. Безруковскаго (Кузнец. окр.) Петръ Побѣдоносцевъ 1867 г. писалъ преосвящ. Виталію, что по пріѣздѣ въ свой инородческій приходъ онъ нашелъ многихъ давно крестившихся инородцевъ вступившими въ бракъ по языческимъ обрядамъ, безъ вѣнчанія въ церкви. „Боятся вѣнчаться въ церкви съ представленіемъ документовъ, говоря, что послѣ того ихъ запишутъ въ крестьяне и станутъ брать въ солдаты". На свадьбахъ по своимъ обычаямъ и обрядамъ инородцы сильно тратятся на уплату колыма, на битье скота и выгонку въ большомъ количествѣ арыки (водки). Ему, священнику, удалось уговорить брачносошедшихся инородцевъ освятить сожитіе вѣнчаніемъ въ храмѣ. Нужно было обвѣнчать 140 паръ, причемъ съ каждой пары священникъ хотѣлъ взять по 1 руб. въ пользу причта и вмѣстѣ на церковные расходы (за свѣчи, за вино и пр.). Но услышалъ о такомъ требованіи засѣдатель Б—кинъ и приказалъ инородцамъ платить за каждый бракъ только по *5 коп*. Послѣ того, священникъ, не смотря на крайнюю свою бѣдность, перевѣнчалъ всѣхъ даромъ.—Рапортъ священ. Побѣдоносцева отъ 15 ноября 1867 г. въ дѣлѣ консисторіи за 1867 г. № 186.

рѣшился внести ихъ во всеподданнѣйшій отчетъ за 1863 г. „Нельзя умолчать, говорилось въ отчетѣ, хотя о рѣдкихъ, но все же бывающихъ случаяхъ уклоненія крестьянъ въ расколъ изъ православія. Этотъ расколъ поддерживается, между прочимъ, шаткостью нравственныхъ началъ въ священно-служителяхъ, а именно: нерѣдкіе примѣры нетрезвой жизни отнимаютъ всякое уваженіе къ нимъ и служатъ для раскольниковъ поводомъ не признавать въ нихъ истинныхъ служителей православной церкви. Большинство священно-служителей, не обладая высоко-нравственными качествами, нерѣдко назначаютъ неумѣренную плату за совершеніе таинства и обряда и въ особенности прибѣгаютъ къ этому въ дѣлѣ брака. Но какъ не каждый крестьянинъ можетъ удовлетворить подобныя требованія, то, естественно, что это ведетъ къ пренебреженію религіозными обрядами. Въ этомъ случаѣ нельзя не видѣть одну изъ главныхъ причинъ существованія сводныхъ браковъ. А потому, прежде всего, желательно было-бы обратить особенное вниманіе на строгій выборъ въ нравственномъ отношеніи сельскихъ священно-служителей, дабы они могли уничтожать всякій упрекъ раскольниковъ въ безукоризненномъ образѣ жизни и, пріобрѣтя постепенно вліяніе, стараться мѣрами евангельской кротости и путемъ безукоризненнаго исполненія своего долга распространять начала истинной вѣры“.

Государь Императоръ, по разсмотрѣніи отчета, повелѣлъ:—статью о сельскихъ священно-служителяхъ, заключающую въ себѣ объясненія объ уклоненіи сихъ лицъ отъ правилъ, соотвѣтствующихъ достоинству носимаго ими сана, направить въ Сѵнодъ для принятія надлежащихъ по сему предмету мѣръ.

Св. Сѵнодъ указами преосвященнымъ Тобольскому Варлааму и Томскому Виталію предписалъ: войти въ сношенія съ начальниками губерній, прося ихъ сообщить ближайшія указанія случаевъ той нравственной несоотвѣтственности сельскихъ священниковъ достоинству носимаго ими сана, о которой объяснено въ упомянутомъ отчетѣ и, по полученіи надлежащихъ свѣдѣній, принять мѣры противъ лицъ, виновныхъ „въ уклоненіи отъ нравственныхъ началъ, подавшимъ поводъ къ нареканію на большинство духовенства цѣлаго края“.

Томскій преосвященный не замедлилъ запросить по сему важному предмету томскаго губернатора, но отвѣта не получилъ. Между тѣмъ генералъ-губернаторъ, смѣнившій Дюгамеля, отношеніемъ отъ 18 окт. 1867 г. за № 3152-мъ отвѣтилъ, что въ главномъ управленіи генералъ-губернаторства нѣтъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ генералъ отъ инфантеріи Дюгамель внесъ въ отчетъ статью объ уклоненіи отъ нравственныхъ началъ нѣкоторыхъ священниковъ томской епархіи. Поэтому нужно полагать, что онъ руководствовался жалобами, приносимыми ему лично жителями во время обозрѣнія Томской губерніи.

Съ своей стороны Томск. консисторія представила объясненіе съ такими указаніями: изъ всѣхъ священниковъ епархіи, въ количествѣ 357 лицъ, за 1863 г. было отмѣчено не вполнѣ удовлетворительнымъ поведеніемъ только

13, и всѣ эти не вполнѣ одобренные въ поведеніи священники служили въ мѣстахъ, расколомъ не зараженныхъ. Во всѣхъ же приходахъ, гдѣ жители напитаны духомъ раскола, находятся лучшіе священно-служители, въ поведеніи безукоризненные. Они съ надлежащею ревностію исполняютъ свой долгъ, не смотря на то, что жалованья не получаютъ, ругу сбирать не могутъ, и потому бѣдствуютъ. Дѣлъ о вымогательствѣ за 1866 — 1867 гг. было только три по всему горно-заводскому району, расколомъ наиболѣе зараженному, между тѣмъ священниковъ въ этомъ районѣ 166. Расколъ здѣсь поддерживается переселенцами, за которыми по обширности губерніи не можетъ услѣдить ни гражданская, ни духовная власть, тѣмъ болѣе, что главные расколо-учители укрываются въ горахъ и вертепахъ. Поддерживается расколъ и поблажками полицейскаго управленія, которое по дальности отъ управленія центральнаго, губернскаго или не исполняетъ распоряженій губернатора, или обманываетъ его, или даже, какъ это видно изъ многихъ дѣлъ, ходатайствуетъ за расколъ. Кузнецкій исправникъ находилъ, наприм., возможнымъ освободить лжеепископа Савватія не только отъ ареста, но и отъ задержанія при самыхъ ясныхъ доказательствахъ его лжеепископскаго сана. Лже-попы австрійскаго посвященія отправляютъ богослуженіе вполнѣ открыто [1]).

Особымъ образомъ нужно выдѣлить противораскольническую дѣятельность, исходившую отъ томскихъ архипастырей. Каждый изъ нихъ послѣ перваго объѣзда своей засѣянной плевелами и терніями епархіи выносилъ тяжелое впечатлѣніе. Первый Томскій епископъ Агапитъ нашелъ край, которымъ суждено было ему управлять, въ самомъ безотрадномъ религіозно-нравственномъ положеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ пораженъ недостаткомъ лицъ, которыя были бы способны оказать ему помощь при устройствѣ „новой помѣстной церкви“ [2]). Съ особою яркостію выразилъ свое безотрадное впечатлѣніе отъ паствы епископъ Парѳеній. „Храмы Божіи по воскреснымъ днямъ въ сельскихъ приходахъ пусты, съѣзды въ храмы изъ деревень бываютъ не болѣе трехъ разъ въ годъ. Во время обозрѣнія епархіи храмы наполнялись, но для того были предварительные сборы (чрезъ сельскихъ начальниковъ). При моихъ проѣздахъ чрезъ деревни и остановкахъ въ нихъ народа собиралось немного, и то принужденно. Не малая часть не хотѣла принимать благословенія, и тѣ, которые принимали, старались обращать руки ладонями внизъ для того, какъ мнѣ было потомъ объяснено, чтобы имянословное благословеніе не удержалось на ладони. Въ назначенныхъ для меня квартирахъ нѣкоторые изъ хозяевъ выносили изъ комнаты иконы, опасаясь, чтобы остановившійся не отнялъ отъ иконъ благодати своимъ троеперстнымъ моленіемъ. Иконы почти вездѣ раскольническаго писанія. Православные, за немногими исключеніями, совершаютъ крестное знаменіе двуперстіемъ и при моленіяхъ употребляютъ кадильницы, лѣстовицы и подушечки. Всѣ

[1]) Дѣло въ арх. Томск. консист. за 1867 г. по общей описи I ст. № 131.
[2]) Томск. Еп. Вѣд. № 18, 1892 г., стр. 9.

эти обычаи, видимо удаляющіе православныхъ прихожанъ отъ приходскихъ церквей, поддерживаются лжеучителями, которые во множествѣ разъѣзжаютъ тайно и явно по деревнямъ, внушая самыя вредныя мысли объ обрядахъ православной церкви. — Край полонъ наклонными къ расколу и раскольниками“ [1]).

Грустное положеніе подавленной расколомъ епархіи, естественно, заботило мѣстныхъ архипастырей въ самой сильной степени и епископы, признавая борьбу съ церковнымъ разномысліемъ одной изъ самыхъ насущныхъ обязанностей своего архипастырскаго служенія, прежде всего просили, чтобы въ данномъ случаѣ свѣтская власть оказывала имъ свое полное содѣйствіе.

Объ этомъ просили всѣ епископы и въ маѣ 1864 года преосвящ. Порфирій писалъ, наприм., губернатору:

«Считая себя обязаннымъ удерживать развитіе раскола, насколько это возможно, и недопускать его перевѣса надъ православіемъ, нахожу нужнымъ обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой. Не найдете ли Ваше Прев—ство возможнымъ устранить нѣкоторыя причины, особенно сильно содѣйствующія распространенію мѣстнаго раскола,—именно:

а) воспретить волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ принимать списки отъ такъ называемыхъ отписывающихся въ расколъ;

б) воспретить сельскимъ и волостнымъ писарямъ при повѣркѣ раскольниковъ записывать, наряду съ раскольниками, принадлежащихъ св. церкви по принятію отъ нея таинствъ;

в) обратить особенное вниманіе на открыто и свободно совершаемое во многихъ мѣстахъ раскольническое богослуженіе. Преимущественно такое богослуженіе совершается въ волостяхъ Барнаульскаго округа: Тальменской, Боровлянской, Чумышской; 1-ой половины Бійскаго округа: Верхъ-Убинской, Алтайской, Крутоберезовской, Бухтарминской; Кузнецкаго округа— въ д. Желтоножной и селѣ Кауракскомъ;

г) тамъ, гдѣ будутъ ссылаться на мнимые указы и другія бумаги, коими крестьяне руководствуются относительно того, что они свободны не принадлежать св. церкви и могутъ считать себя коренными раскольниками,— требовать эти бумаги и разъяснять кр-намъ точный смыслъ бумагъ дѣйствительныхъ. При этомъ необходимо вразумленіе, что кто самъ или родители его принимали таинства церкви, тотъ не можетъ считать себя раскольникомъ;

д) внушить крестьянамъ, что никто, подавъ прошеніе о дозволеніи совершать раскольническое богослуженіе и требоисправленіе, не можетъ пользоваться просимымъ правомъ, пока просимое не будетъ дозволено формальнымъ извѣщеніемъ;

е) внушить волостнымъ и сельскимъ начальникамъ и писарямъ, чтобы превратно не толковали правительственныхъ распоряженій относительно раскола;

ж) объявить, что не все то, что иногда пишется относительно раскольничествующихъ въ газетахъ, журналахъ отъ имени частныхъ лицъ, одо-

---

[1]) Рукописный отчетъ о состояніи Томск. епархіи за 1855 г.

бряется правительствомъ и что нельзя руководствоваться неосновательными слухами касательно раскола, злонамѣренно распространяемыми расколоучителями изъ корыстныхъ видовъ;

з) напомнить гг. земскимъ засѣдателямъ, исправникамъ и мировымъ посредникамъ, чтобы ни въ какія домогательства со стороны раскольниковъ не вмѣшивались, отзываясь, что дѣла вѣры ихъ власти не предоставлены;

и) безусловно воспретить сводные браки всѣмъ тѣмъ, кои сами или родители ихъ принимали таинства св. церкви, и сводимыхъ немедленно разлучать, а родителей, благословляющихъ на такіе своды, предавать суду, какъ сводителей на блудную жизнь;

і) обязать мѣстныя власти избирать, по мѣрѣ возможности, въ волостные и сельскіе начальники людей изъ православныхъ и, для удостовѣренія ихъ православія, требовать свѣдѣній отъ приходскаго духовенства [1]).

Понятно, что такимъ и подобнымъ обращеніямъ къ свѣтской власти епископы придавали значеніе только косвенной, второстепенной мѣры въ дѣлѣ борьбы съ расколомъ. Существенныя мѣры воздѣйствія на этотъ послѣдній они усматривали въ архипастырскихъ бесѣдахъ съ раскольниками при объѣздахъ епархіи, въ умноженіи по епархіи количества храмовъ и въ развитіи и поддержкѣ единовѣрія.

Епископъ Агапитъ, разославшій по епархіи составленное имъ „Братолюбивое посланіе ко всѣмъ томскимъ старообрядцамъ“, при ежегодномъ посѣщеніи томскихъ селъ и деревень, нигдѣ не опускалъ удобнаго случая поговорить съ раскольниками съ цѣлію призванія ихъ къ союзу съ церковію. Также поступалъ и его преемникъ, преосвящ. Аѳанасій, посѣщавшій раскольническія селенія и бесѣдовавшій съ ихъ обитателями съ тою въ отношеніи къ нимъ деликатностію, что напередъ спрашивалъ раскольниковъ: желаютъ они принять его съ походною церковію и слушать его поученія или нѣтъ? Въ большинствѣ случаевъ получался отвѣтъ, что они, старообрядцы. „священства не отбѣжны. Куда поѣдетъ отецъ владыка, мы повеземъ, гдѣ будетъ служить, мы посмотримъ, будетъ учить—послушаемъ,—почему не послушать?[2])“ Одушевленная миссіонерская рѣчь преосвящ. Парѳенія всегда оставляла сильное впечатлѣніе въ душахъ раскольниковъ-слушателей, но послѣ отъѣзда проповѣдника приходилъ врагъ въ видѣ лжеучителя и похищалъ сѣмя слова, засѣянное архипастыремъ.

При открытіи Томской епархіи, въ 1834 году, на всемъ огромномъ протяженіи томской губерніи имѣлось православныхъ сельскихъ церквей только въ количествѣ 71 [3]). Это было поразительно мало,—меньше даже, чѣмъ въ болѣе отдаленной Енисейской губерніи, гдѣ въ то же время сельскихъ храмовъ состояло 84. Въ справедливомъ убѣжденіи, что храмъ является самымъ надежнымъ оплотомъ для православія и лучшимъ орудіемъ въ противоборствѣ

[1]) Отношеніе преосвящ. Порфирія къ и. д. томскаго губернатора Лерхе отъ 26 мая въ дѣлѣ о принятіи мѣръ къ прекращенію распространенія раскола. Губ. арх. за 1864 г.

[2]) Том. Епарх. Вѣд. за 1884 г. № 21—22 часть неоффиц., стр. 36.

[3]) Дѣло о постройкѣ церквей... Въ губ. арх.; св. 117.

расколу епископы пеклись объ умноженіи церквей, не щадя усилій въ изысканіи для того матеріальныхъ средствъ. Къ апрѣлю 1850 года сельскихъ храмовъ въ предѣлахъ Томской губерніи насчитывалось уже 101, не включая сюда нѣсколькихъ походныхъ церквей и 6 храмовъ единовѣрческихъ [1]). Въ 1850 г. дѣло о постройкѣ церквей въ Сибири вообще и Томской губерніи въ частности разсматривалось въ правительствѣ и нашло заключеніе въ томъ смыслѣ, что въ виду благотворнаго вліянія храмовъ какъ на поселянъ, „охладѣвшихъ въ религіозномъ чувствѣ", такъ и на раскольниковъ, количество храмовъ должно быть умножено при пособіи изъ казенныхъ источниковъ. Государь, вполнѣ одобривъ такое опредѣленіе, повелѣлъ, чтобы генералъ-губернаторы Сибири доносили о построеніи новыхъ церквей во всеподданнѣйшихъ отчетахъ особою статьею [2]). Съ тѣхъ поръ церковное строеніе въ селахъ и деревняхъ Томской губерніи пошло еще энергичнѣе. Въ 1854 г. всѣхъ церквей въ этой губерніи было уже 172 [3]), а чрезъ 12 лѣтъ, т. е. въ 1866 г.: городскихъ 31, сельскихъ 212 и единовѣрческихъ 10,—всего 253. Къ 1871 г. число всѣхъ церквей по нашей губерніи достигало 331-ой [4]).

Естественно, что раскольники относились къ построенію новыхъ церквей съ непріязненнымъ, и даже враждебнымъ чувствомъ. „Въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, по отзыву преосвящ, Парѳенія, церкви строились съ искреннимъ усердіемъ, но въ Горнозаводскомъ вѣдомствѣ, по наклонности прихожанъ къ расколу, приступали къ сему дѣлу не иначе, какъ вслѣдствіе многократныхъ настояній, не смотря на то, что порубка лѣса позволена начальствомъ и отъ епархіальнаго начальства выданы книги для сбора доброхотныхъ даяній. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, гдѣ по проекту объ умноженіи церквей положено воздвигнуть новые храмы съ образованіемъ особыхъ приходовъ, не смотря на неоднократныя увѣщанія духовныхъ лицъ и депутатовъ съ свѣтской стороны, прихожане по наклонности къ расколу рѣшительно отказываются отъ церковнаго строенія. Жители дер. Бурановой не только не хотятъ имѣть церкви у себя, но не желаютъ, чтобы она была гдѣ нибудь и въ смежности" [5]). Такую же жалобу на раскольниковъ, препятствовавшихъ застройкѣ храмовъ тотъ-же преосвященный выражалъ и въ 1860 г. „Среди строющихся церквей, писалъ епископъ Платонъ въ епархіальномъ отчетѣ за 1873 г., есть такія, постройка которыхъ разрѣшена еще въ 1850-хъ годахъ. А нѣкоторыя изъ числа разрѣшенныхъ къ постройкѣ въ тѣхъ-же годахъ остаются доселѣ еще неначатыми. Это зависитъ частію отъ безпечности прихожанъ, частію отъ вліянія раскола. Въ 1871 г. въ одномъ изъ при-алтайскихъ селеній разрѣшено было учредить молитвенный домъ. Поселяне сначала весьма охотно изъявляли согласіе на доставленіе лѣса для построенія сего дома, но, за-

[1]) Тамъ-же.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Томск. Епарх. Вѣд. за 1884 г. № 21—22, стр. 42.
[4]) Памятная книжка Томск. губ. на 1871 г. Томскъ, 1871 г., стр, 52-53.
[5]) Дѣло о постройкѣ церквей.

пуганные отъ раскольниковъ тѣмъ, что на нихъ однихъ будутъ возложены всѣ расходы по постройкѣ, плата сторожамъ и церковному старостѣ, до сего времени не приступаютъ къ заготовленію лѣса. По наклонности же къ расколу жители другого при-алтайскаго селенія Снегиревскаго не хотятъ приступить къ построенію новой церкви вмѣсто обветшалой, не смотря на то, что въ воспособленіе къ мѣстнымъ средствамъ отпущено изъ казны 2000 р. сер.“ [1]). По свидѣтельству причта с. Красноярскаго, Бійскіе раскольники смотрѣли „на умноженіе церквей, какъ на признакъ времени близкой кончины міра, въ каковое время антихристъ долженъ усилить свою власть“. Въ этомъ, кощунственно выраженномъ взглядѣ, заключено признаніе раскольниковъ, что храмъ есть носитель силы, предъ которой всякій и тѣмъ болѣе томскій расколъ рано или поздно долженъ будетъ дрогнуть. Не менѣе важное средство воздѣйствія на расколъ для его ослабленія преосвященные усматривали въ дѣлѣ насажденія и развитія въ епархіи единовѣрія.

X.

Начало единовѣрія въ Томской епархіи.—Первые единовѣрческіе приходы Секисовскій (Бійскаго) и Усть-Янцевскій (Каинскаго окр.).—Образованіе единовѣрческихъ приходовъ, причисленныхъ къ церквамъ Дмитріе-Титовской и Троицкой въ г. Томскѣ.—Обстоятельства, предшествовавшія обращенію въ единовѣрческій храмъ поморской часовни въ д. Шипициной.—Учрежденіе единовѣрія въ деревняхъ Суэнгѣ (Барн. окр.), Шипуновой, Алтайской, Сибирячихѣ (Бійск. окр.) и Батуровской съ построеніемъ храмовъ въ каждой изъ нихъ.—Неудавшаяся попытка учредить мужскій и женскій единовѣрческіе монастыри на Алтаѣ.—Единовѣрческіе приходы, причисленные къ церквамъ сс. Междугорнаго и Орловскаго.

Преосвященный Агапитъ, ужаснувшійся, по прибытіи въ ново-открытую томскую епархію, количеству здѣсь раскола, сразу пришелъ къ мысли о необходимости насажденія и развитія въ томскихъ предѣлахъ единовѣрія. Обстоятельства помогли намѣренію и заботамъ перваго томскаго архипастыря. Еще въ 1831 г. старообрядцы „поляки“ смежныхъ Убинской, Крутоберезовской и Колыванской волостей, стѣсненные нуждою въ попахъ, рѣшили черезъ довѣренныхъ ходатайствовать въ губернскомъ городѣ о дозволеніи имъ безпрепятственно принимать къ себѣ поповъ изъ Иргизскихъ монастырей. Томскій губернаторъ направилъ ходатайство къ Тобольскому архіепископу. Оно, какъ и слѣдовало ожидать, было отклонено и нужда въ попахъ не переставала тревожить раскольниковъ изъ польскихъ выходцевъ.

Въ 1835 г. главный начальникъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ Константинъ Владим. Чевкинъ, обозрѣвая заводы и рудники Алтайскаго округа, обратилъ особенное вниманіе на состояніе „поселенныхъ въ заводскомъ округѣ раскольниковъ“ и заговорилъ съ ними по дѣламъ вѣры. На убѣжденія Его Превосходительства о сближеніи съ православіемъ многіе изъ раскольниковъ изъявили согласіе присоединиться къ церкви съ тѣмъ,

---

[1]) Рукописный отчетъ о состояніи Томск. епархіи за 1873 г.

чтобы они сами, по желанію своему, могли избрать священника, который служилъ бы у нихъ по старопечатнымъ книгамъ и слѣдуя старымъ обрядамъ, сохранявшимся до патріарха Никона“. Обрадованный извѣстіемъ о начавшемся движеніи въ пользу единовѣрія списк. Агапитъ немедленно вошелъ съ тѣми раскольниками въ свое пастырское сношеніе и убѣдилъ не откладывать надолго задуманную подачу прошенія о присоединеніи къ единовѣрію. Чрезъ довѣренныхъ Якова Худякова и Дмитрія Другова прошеніе было подано въ декабрѣ 1835 г. и въ томъ же мѣсяцѣ съ заключеніемъ преосвященнаго было отослано въ св. Сѵнодъ. Довѣренные отъ лица 8899 душъ муж. и жен. пола изъ крестьянъ выше указанныхъ волостей писали въ прошеніи, что готовы построить единовѣрческую церковь въ с. Секисовскомъ и желаютъ, чтобы въ сей церкви по старымъ обрядамъ служилъ священникъ, рукоположенный православнымъ архіереемъ, причемъ обязываются доставлять причту денежное и хлѣбное жалованіе и для всѣхъ членовъ причта устроить своимъ коштомъ церковные дома [1]).

Указомъ св. Сѵнода отъ 21 февраля 1836 г. все прописанное въ прошеніи съ Высочайшаго соизволенія было разрѣшено и принято. Къ октябрю слѣдующаго 1837 г. Секисовскій храмъ, передѣланный изъ прежней раскольнической часовни, былъ уже готовъ къ освященію и въ этомъ мѣсяцѣ освященъ. Преосвящ. Агапитъ назначилъ къ нему во священники протоіерея изъ г. Барнаула Симеона Вавилова, а въ церковники были допущены нѣкоторые изъ прежнихъ раскольническихъ дьяковъ [2]).

Такъ образовался многолюдный единовѣрческій Секисовскій приходъ.

Въ 1839 г. въ помощь протоіерею Сим. Вавилову для служенія въ Секисовскомъ приходѣ былъ назначенъ свящ. Алексѣй Шавровъ. Послѣдній явился ревностнымъ охранителемъ единовѣрія по Бійскому округу и поэтому признаемъ не лишнимъ сообщить, что этотъ не заурядный въ епархіи дѣятель происходилъ изъ Тверской губ.; учился въ Тверскомъ духовн. училищѣ, изъ котораго вышелъ, не докончивъ училищнаго курса, въ 1826 г. Состоялъ затѣмъ пономаремъ Тверской епархіи въ Зубцовскомъ уѣздѣ, откуда, воспользовавшись вызовомъ духовныхъ лицъ въ Пермскую епархію, перешелъ въ 1833 году въ эту послѣднюю. Здѣсь рукоположенъ былъ во діакона въ с. Логиново Екатеринбургскаго уѣзда. Изъ Логинова перемѣстился діакономъ же въ единовѣрческую Скатенскую слободу Камышловскаго уѣзда и вскорѣ для той же слободы былъ посвященъ во священника. По просьбѣ довѣренныхъ отъ единовѣрцевъ Томской епархіи Секисовскаго прихода въ октябрѣ 1839 года перешелъ въ с. Секисовку. Кромѣ настоятельства (послѣ Вавилова) въ этомъ селѣ, о. Шавровъ долгое время проходилъ должность благочиннаго единовѣрческихъ и нѣсколькихъ православныхъ церквей. Въ 1857 г. за особыя заслуги въ пользу церкви былъ награжденъ рѣдкимъ

[1]) Дѣло канцеляріи Горнаго Начальника Въ Барнаульск. арх. Горнаго Управленія. 1856 г. № 924.

[2]) Дѣло о совратившихся изъ единовѣрія въ расколъ. Губ. арх., св. 98 № 387. Сн д. въ томъ-же архивѣ „по прошеніямъ сыновей кр. Колесникова и др.“ Св. 122, № 68.

въ то время для сельскаго и притомъ малоученаго священника орденомъ св. Анны 2 степени. Оберегая единовѣрцевъ отъ уклоненія въ расколъ, Шавровъ былъ грозою для раскольниковъ и въ особенности для расколовождей. Память грозы въ его лицѣ среди старообрядцевъ бійскаго округа живо сохраняется и доселѣ.

По убѣжденіямъ епископа одновременно съ Секисовскими прихожанами подали прошеніе о присоединеніи къ единовѣрію и многіе изъ бѣглопоповцевъ Каинскаго округа, изъявивъ непремѣнное желаніе, чтобы въ единовѣрческій храмъ перестроена была ихъ давняя часовня въ д. Усть-Янцевой. Передѣлка требовалась небольшая; нужно было пристроить только алтарь, и къ 1836 году алтарь былъ уже оконченъ. Указомъ св. Сvнода для служенія въ Усть-Янцевской церкви былъ переведенъ свящ. Екатеринбургской единовѣрческой Спасской церкви Андрей Поповъ. Въ новомъ приходѣ на первыхъ порахъ состояло прихожанъ изъ жителей разныхъ каинскихъ деревень до 1200 душъ обоего пола [1]).

Успѣхъ въ двухъ случаяхъ ободрилъ преосвященнаго Агапита для дальнѣйшей дѣятельности въ разсматриваемомъ направленіи. Въ 1836 г. онъ составилъ и разослалъ по епархіи уже упомянутое нами „братолюбивое посланіе ко всѣмъ томскимъ старообрядцамъ“ и при этомъ предписалъ благочиннымъ и священникамъ, чтобы, читая посланіе по деревнямъ, усиленно старались убѣждать раскольниковъ къ присоединенію если не къ православію прямо, то къ единовѣрію. Въ слѣдующемъ 1837 году послѣдовало еще распоряженіе:—подтвердить священно-служителямъ, подвѣдомымъ Барнаульскому Духовному Правленію, „чтобы въ отношеніи къ раскольникамъ вели себя елико возможно осторожнѣе и благоразумнѣе во всякомъ случаѣ. Если же кто изъ нихъ пожелаетъ или замѣченъ будетъ склоннымъ къ принятію единовѣрія, того располагать къ тому безъ малѣйшаго (со стороны священниковъ) предубѣжденія и опасенія на счетъ умаленія прихода, даже если бы желающихъ единовѣрія вдругъ оказалось въ значительномъ количествѣ“ [2]).

Заявленія о согласіи на единовѣріе отъ разныхъ деревень идутъ затѣмъ цѣлымъ рядомъ.

Въ 1837 г. рѣшили, напр., присоединиться къ единовѣрію жители Бійскаго окр. д. Саушки въ количествѣ 234 душъ [3]), и нѣкоторые изъ д. Дурневой и Красноярской, Устьянской,—43 деревень приходовъ Космалинскаго, Тальменскаго, Бѣлоярскаго, Чарышскаго [4]),—17 другихъ деревень Барнаульскаго окр. и т. д. т. д. [5]).

Кромѣ Секисовскаго и Усть-Янцевскаго приходовъ, преосвященный рѣшилъ открыть еще два единовѣрческихъ прихода съ храмами въ дер. Дмитріе-

[1]) Дѣло въ Губ. арх.; св. 86.

[2]) Ук. Томск. консист. въ Барн. Д. Прав. отъ 22 іюля 1837 г. въ арх. Барнаульскаго Дух. Правленія.

[3]) Рапортъ Брн. Д. Прав. въ Томск. Консист. отъ 7 мая 1837 г.

[4]) Ук. Томск. Консист. отъ 12 ноября 1837 г.

[5]) Ук. Томск, Консист отъ 30 іюня 1837 г.

Титовской Барн. окр. и въ самомъ г. Томскѣ. Построеніе Дмитріе-Титовской церкви разрѣшено было указомъ св. Сvнода отъ 14 мая 1838 г. и въ 1839 г. церковь была уже освящена [1]). Постройка Томскаго единовѣрческаго храма затянулась до 1844 г., хотя приходъ его началъ формироваться еще съ 1836 г.

Умноженіе Томскихъ единовѣрцевъ въ ихъ количествѣ идетъ и при преемникахъ еписк. Агапита, но для того трудились не только сами епископы;—въ семъ церковномъ дѣлѣ принимали горячее участіе, какъ увидимъ, и свѣтскія лица.

Барнаульскіе поморцы, примыкавшіе къ Шипицинской часовнѣ, на свою просьбу объ открытіи ихъ запечатанной часовни получили отъ Государя отвѣтъ, что просьба можетъ быть удовлетворена только въ томъ случаѣ, когда согласятся принять къ себѣ православнаго священника, который, состоя по учрежденному во всемъ государствѣ порядку въ завѣдываніи епархіальнаго начальства, будетъ совершать богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ на правилахъ единовѣрія. При этомъ повелѣно было сдѣлать раскольникамъ приличное случаю внушеніе. По полученіи отвѣта чрезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, управляющій Томской губерніей Іосифъ Петр. Дубецкой командировалъ къ поморцамъ чиновника особыхъ порученій Бабушкина, который долженъ былъ убѣдить прихожанъ Шипицинской часовни поступить такъ, какъ желалъ и какъ указывалъ Государь. Рапортомъ отъ 10 мая 1842 г. Бабушкинъ извѣстилъ Дубецкого, что много ему, Бабушкину, стоило труда убѣдить раскольниковъ къ исполненію монаршаго предначертанія; наконецъ, они согласились и дали въ томъ подписку. Особенно трудно было убѣдить ихъ въ томъ, „что они не будутъ стѣснены священниками при совершеніи браковъ. Не смѣю объяснять здѣсь о причинахъ такого опасенія, но не менѣе того обязанностію считаю доложить вамъ общій отзывъ крестьянъ, что не только люди бѣднаго состоянія (изъ крестьянъ), но даже и средняго и при томъ нисколько непреданные расколу, затрудняются въ бракосочетаніяхъ“.

Подписка, данная безпоповцами, была слѣдующаго содержанія:

„Мы, нижеподписавшіеся Барнаульскаго округа Тальменской волости разныхъ деревень крестьяне, дали сію подписку въ томъ, что объявленную намъ Высочайшую волю Государя Императора Николая Павловича о запечатанномъ домѣ въ дер. Шипициной слышали. И, повинуясь Волѣ всеавгустѣйшаго Монарха нашего, обязуемся исполнять всѣ требы чрезъ православнаго священника Тальменской Михаило-Архангельской церкви, какъ ближайшей, съ тѣмъ однакожъ, чтобы приходскіе священники отнюдь не стѣсняли насъ въ обрядахъ богослуженія при отправленіи всѣхъ требъ и дѣйствовали бы по словамъ священнаго писанія, изложеннымъ въ старопечатныхъ святыхъ книгахъ, писанныхъ до лѣтъ Никона патріарха и чтобы не вводили никакого новаго обряда. Всѣ требы, кромѣ бракосочетанія,

---

[1]) Дѣло Алтайск. Горн. Упр. 1838 г. въ арх, Бар. Д. Правл.

исполняли бы не въ приходской церкви, а въ молитвенномъ домѣ и отнюдь подписокъ при бракосочетанiяхъ о присоединенiи къ православiю отъ насъ священники не требовали". Апрѣля 1 дня 1842 года. Подписали крестьяне дд. Шипициной, Безпаловой, Язовой, Шмакиной, Новояловской, Краюшкиной.

Удовольствовавшись хитросоставленной подпиской, Бабушкинъ Шипицинскую часовню, къ радости ея прихожанъ, распечаталъ. Подписка чрезъ губернское начальство пошла въ Петербургъ, но вскорѣ изъ св. Сvнода вернулась въ Томскъ на разсмотрѣнiе и заключенiе еписк. Аѳанасiя: „въ какой мѣрѣ могутъ быть удовлетворены изъясненныя въ ней условiя?". Преосвященный вынужденъ былъ донести, что, воспользовавшись открытiемъ часовни, раскольники начали исправлять въ ней богослуженiе и требы чрезъ своихъ наставниковъ и о присоединенiи къ единовѣрiю теперь уже не разсуждаютъ, указывая, что достаточно и того, что дозволяютъ себѣ изрѣдка обращаться къ церкви за бракосочетанiями,—что главари безпоповцевъ Фирсъ Харинъ, Петръ Хавкуновъ и др. и слышать не хотятъ о сближенiи съ церковiю, не смотря на то, что дали къ подпискѣ свое рукоприкладство.

Вина пала на Бабушкина: зачѣмъ поторопился распечатанiемъ молитвеннаго дома? Бабушкинъ оправдывался, указывая, во 1-хъ, что раскольники безъ этого рѣшительно отказывались исполнить монаршую волю, во 2-хъ, часовня не разъ самовольно распечатывалась раскольниками и прежде, и „до моего прiѣзда она была распечатана не знаю по чьему распоряженiю засѣдателемъ Крутыхъ, который всѣ находившiяся тамъ книги, образа и колокола взялъ и куда-то увезъ, такъ что помянутая часовня, не имѣя ни колоколовъ, ни утвари, ни книгъ, оставалась похожею на обыкновенную крестьянскую избу и, по моему мнѣнiю, не могла служить средствомъ отправлять запрещенное служенiе".

Томскiй губернаторъ ген.-маiоръ Степ. Петр. Татариновъ препроводилъ объясненiя Бабушкина въ совѣтъ Главн. Управленiя Зап. Сибири, куда оно требовалось ген.-губернаторомъ. Здѣсь было найдено, что Бабушкинъ превысилъ данное ему порученiе, состоявшее только въ томъ, чтобы объявить раскольникамъ Высочайшую волю и, по возможности, расположить къ ея исполненiю, что объясненiе чиновника о распечатанiи часовни показываетъ только одинъ „изворотъ" и, кромѣ того, заключаетъ въ себѣ противорѣчiе: Бабушкинъ говорилъ, что онъ открылъ часовню, открытую до него.

За торопливость, допущенную по отношенiю къ распечатанiю часовни, Бабушкинъ поплатился тяжело. Онъ былъ отрѣшенъ отъ должности съ отдачею подъ судъ. Часовня была опечатана снова [1]).

Дѣло съ Шипицинскими раскольниками этимъ однако не окончилось. Въ концѣ 1843 г. испр. долж. барнаульскаго окружнаго судьи г. Сапѣжковъ донесъ губернатору, что, бывши въ д. Шипициной по служебнымъ обязанностямъ, онъ велъ бесѣды съ тамошними раскольниками поморской секты объ ученiи и объ обрядахъ ихъ вѣры. Раскольники, пораженные моими раз-

[1]) Дѣло въ Губерн. архивѣ о раскольнич. часовнѣ въ дер. Шипициной. Св. 89, № 17, 1842 г.

сказами о чудесахъ отъ мощей святителя Митрофана, снова рѣшились на обращеніе къ единовѣрію съ дачею о семъ обращеніи общественнаго приговора. Донося изложенное, Сапѣжковъ просилъ губернатора „дозволить ему чрезъ единовѣрческаго священника присоединить поморцевъ, приходомъ принадлежащихъ къ Шипицинской моленной и произвести имъ перепись".

„Бесѣдуя съ нами объ истинной вѣрѣ, писали отъ себя поморцы, судья Сапѣжковъ внушилъ намъ чувство на присоединеніе къ единовѣрію,—мы готовы къ сему, но съ тѣмъ, чтобы намъ дозволено было избрать изъ своей среды человѣка, достойнаго въ пресвитеры, коего затѣмъ долженъ рукоположить православный епископъ и чтобы открыта была наша часовня, которую имѣемъ передѣлать въ единовѣрческій храмъ".

Преосвященный Аѳанасій послалъ въ Шипицину Томск. единовѣрческаго священ. Іону Васильева узнать дѣйствительное настроеніе безпоповцевъ и присоединить ихъ къ единовѣрію въ случаѣ искренняго къ нему расположенія. Священникъ вскорѣ извѣстилъ епископа, что желающихъ единовѣрія изъ разныхъ прилегающихъ къ Шипициной деревень нашлось такое малое количество, что при немъ составить особый приходъ невозможно. Поэтому епископъ командировалъ къ Шипициной каѳедральнаго протоіерея Соболева, который вмѣстѣ съ о. Васильевымъ долженъ былъ объѣхать деревни Тальменской и сосѣднихъ волостей для убѣжденія жителей къ принятію единовѣрія. Сапѣжковъ находился при увѣщателяхъ и, состоя при нихъ, настаивалъ на немедленномъ закрытіи зависѣвшихъ отъ соборной Шипицинской часовни молельней въ дд. Шарчиной (Барн. окр.), Солоновкѣ и Калманкѣ (Бійск. окр.). По словамъ Сапѣжкова, ихъ нужно было закрыть для того, чтобы новоприсоединенные лишены были возможности тайно ѣздить къ тѣмъ молельнямъ для исправленія своихъ требъ. Но высоко-достойный томскій епископъ Аѳанасій не одобрилъ предложенной мѣры стѣсненія послѣдователей безпоповщины, находя ее „незаконной, насильственной и опасной".

Состоявшіе при Шипицинской часовнѣ наставники Ѳирсъ Харинъ, Петръ Хавкуновъ и Ксенофонтъ Шишкинъ, указывая оо. Соболеву и Васильеву, что всѣхъ прихожанъ Шипицинской часовни насчитывается болѣе 10.000 чел., изъявляли свою готовность на содѣйствіе къ обращенію всей этой массы въ единовѣріе. По это были льстивыя слова, тѣмъ болѣе странныя, что никто ихъ не требовалъ. На самомъ дѣлѣ наставники не только не содѣйствовали единовѣрію, наоборотъ, всѣми тайными происками противодѣйствовали ему.

Совмѣстный успѣхъ миссіи протоіер. Соболева и свящ. Іоны Васильева состоялъ въ томъ, что присоединились къ единовѣрію (18 декабря 1844 г.) 1667 душъ об. пола [1]). Шипицинская поморская часовня обращена была въ единовѣрческую часовню съ опредѣленіемъ къ ней священника Іоны Васильева для служенія вечерни, утрени, часовъ. Въ храмъ часовня перестроена была сравнительно поздно, именно въ 1856 г., и перестроена не

[1]) Дѣло о присоединеніи къ единовѣрію раскольниковъ прихода Шипицинской моленной. Губ. Арх.; св. 90 № 210.

безъ начальственныхъ понужденій и не безъ пособій изъ казенныхъ средствъ [1]).

Еще епископъ Агапитъ обратилъ особенное вниманіе на дер. Суэнгу, какъ на одинъ изъ важныхъ пунктовъ томской поповщины. Вслѣдъ за изданіемъ братолюбиваго посланія преосвященный далъ предписаніе священнику с. Легостаевскаго о. Андрею Киселеву, чтобы, прочитавъ посланіе суэнгинскимъ и окрестнымъ старообрядцамъ, всеусильно старался склонить ихъ къ единовѣрію. По исполненіи порученія, Киселевъ донесъ: „былъ я въ присутствіи полнаго (старообрядческаго) общества въ Суэнгѣ и занимался увѣщаніемъ къ присоединенію. Между старообрядцами немалое волненіе чинилось. Одни согласны присоединиться, другіе несогласны. Иные и теперь отъ церкви отламываются и не идутъ на исповѣдь,—которые напредь сего по духовнымъ росписямъ значились старообрядцами... Собраться хотѣли еще разъ въ д. Суэнгинскую, и тогда обѣщаютъ рѣшиться. Еще осмѣливаюсь вашему преосвященству доложить, что могъ слышать секретно изъ среды ихъ наставниковъ, не таящихся отъ меня, якобы у нихъ есть переписка или ходатель въ г. Екатеринбургъ; кто-то имъ обѣщаетъ доставить священника изъ Иргизскихъ монастырей или же какого ни есть бѣжавшаго попа. Рукоположенный, говорятъ, намъ не столь нуженъ и не слѣдуетъ“ [2]). Въ бытность на томской каѳедрѣ еписк. Агапита единовѣріе въ Суэнгѣ не устроилось, но устроилось при слѣдующемъ архіереѣ Аѳанасіѣ. При объѣздѣ епархіи въ 1844 г. преосвящ. Аѳанасій, остановившись въ Гурьевскомъ заводѣ (Кузнец. окр.), послалъ отсюда священника въ Суэнгу спросить тамошнихъ стараобрядцевъ: примутъ-ли къ себѣ православнаго архіерея? Старообрядцы отвѣтили, что примутъ, но не какъ святителя, а какъ добраго, почетнаго гостя. Въ старообрядческой деревнѣ святитель вступилъ съ обитателями въ бесѣду и умилилъ сердца слушателей до того, что послѣдніе рѣшили послѣдовать указанію добраго пастыря войти въ ограду церкви, принявъ единовѣріе. За Суэнгинцами захотѣли присоединиться къ единовѣрію и жители другихъ деревень, доселѣ примыкавшіе къ Суэнгинской часовнѣ. Церковь въ Суэнгѣ во имя Живоначальной Троицы была освящена самимъ преосвященнымъ Аѳанасіемъ въ 1845 году.

Секисовскій единовѣрческій приходъ вслѣдствіе того, что къ нему примкнуло нѣсколько новыхъ деревень, кромѣ тѣхъ, изъ которыхъ онъ былъ сформированъ при своемъ первоначальномъ открытіи, вышелъ слишкомъ вели-

---

[1]) Свящ. Іона Васильевъ опредѣленъ былъ къ Шипицинской единовѣрческой часовнѣ съ тѣмъ, чтобы одновременно завѣдывалъ и прежнимъ своимъ единовѣрческимъ приходомъ, причисленнымъ къ градо-Томской Троицкой церкви впредь до назначенія къ сей церкви другого священника. Въ Томскъ Васильевъ долженъ былъ пріѣзжать для служеній только въ самые великіе праздники.

Къ приходу единовѣрч. Шипицинской часовни захотѣли причислиться жители деревень: Шипициной, Безпаловой, Язовой, Усть-Чумышской, Усовой, Шишкиной, Дрянной, Бобровой, Куликовой, Кашгараихи, Зайцевой, Новояловой, Курочкиной, Казанцевой, Воскресенской, Ярковой и нѣсколько семействъ изъ с. Тальменскаго.—Дѣло о присоединеніи къ единовѣрію раскольниковъ прихода Шипицинской моленной. Св. 90.

О построеніи Шипицинскаго храма см. дѣло Губ. арх.; св. 100, № 141. 1856.

[2]) Томск. Епарх. Вѣд. 1884 г., № 8, стр. 4—5.

кимъ особенно въ территоріальномъ отношеніи по раскиданности деревень. Поэтому заботами епархіальной власти изъ него образовались еще два самостоятельныхъ единовѣрческихъ прихода—Шеманаевскій и Шипуновскій съ храмами Преображенскимъ въ с. Шеманаихѣ и Срѣтинскимъ въ с. Шипуновскомъ. Оба храма были отстроены и освящены въ 1846 году. Къ первому были причислены деревни по преимуществу Колыванской, ко второму—Убинской волостей.

Вначалѣ 1857 г. земскій управитель г. Абрамовъ, имѣвшій свое постоянное пребываніе въ с. Енисейскомъ (Бійск. окр.), подалъ въ Алтайское Горное Правленіе рапортъ такого содержанія. Со времени вступленія въ должность управителя Енисейскимъ отдѣленіемъ онъ, Абрамовъ, обращалъ постоянное вниманіе на алтайскихъ раскольниковъ (бѣгло-поповщинской секты) и преимущественнно на тѣхъ, которые, повидимому, были наставниками секты и держали въ заблужденіяхъ тысячи людей. Онъ обращалъ вниманіе на послѣдователей раскола и ихъ руководителей съ тѣмъ, чтобы, по возможности, изучивъ расколъ, его вѣрованія и воззрѣнія, доказать раскольникамъ неправоту ихъ убѣжденій. Въ свои частые проѣзды по селеніямъ Енисейскаго отдѣленія, онъ бесѣдовалъ съ раскольниками, стараясь поселить въ нихъ наклонность относительно присоединенія къ церкви на правилахъ единовѣрія. Труды его не пропали даромъ. Раскольники с. Алтайскаго и др. деревень поняли, что безъ св. церкви и безъ священства они обойтись никакъ не могутъ, и потому въ январѣ сего 1857 г. заявили, что присоединиться къ единовѣрію согласны. Вскорѣ свое согласіе они утвердили подписками, поданными Бійскому земскому исправнику Квятковскому, который направилъ ихъ, куда слѣдуетъ. Дали подписки 254 семьи въ количествѣ 1664 душъ. По заявленію Абрамова, въ дѣлѣ обращенія къ единовѣрію ему помогали урядникъ Ив. Чахловъ, алтайской волости голова Софронъ Казанцевъ и той-же волости помощ. писаря Александръ Зуевъ [1]).

Изъ другихъ извѣстій мы узнаемъ, что ему помогали не только эти лица, но и самъ Бійскій исправникъ Квятковскій съ исправляющимъ должность засѣдателя Алтайской дистанціи Бойко, „которые довели расколоучителей и сильнѣйшихъ по вліянію своему раскольниковъ до того, что они совершенно убѣдились въ противозаконности своихъ дѣйствій и, искренно сознавши свое заблужденіе, изъявили вмѣстѣ съ своими дьяками душевное желаніе присоединиться къ церкви“ [2])

Обрадованный вѣстію объ изложенномъ, томскій епископъ Пароеній немедленно сдѣлалъ распоряженіе о присоединеніи къ церкви новообращенныхъ чрезъ ближайшихъ единовѣрческихъ священниковъ подъ руководствомъ единовѣрческаго благочиннаго Алексѣя Шаврова. Священнодѣйствіе присоединенія состоялось 5 апрѣля въ обширной часовнѣ с. Алтайскаго и, при огромномъ стеченіи народа, вышло очень торжественнымъ. Новообра-

---

[1]) Дѣло канцеляріи Главн. Начальника Алтайскихъ заводовъ 1857 г. № 932

[2]) Тобольскія Губерн. Вѣд, 1858 г., № 27, Часть неоффиціальная.

щенные приписались къ приходамъ Дмитріе-Титовскому и Шипуновскому, но при этомъ выражали желаніе, чтобы у нихъ былъ свой особый храмъ.

Абрамовъ не захотѣлъ удовольствоваться успѣхомъ, котораго достигъ. Объѣхавъ вновь при-алтайскія селенія и деревни, онъ склонилъ къ принятію единовѣрія еще 275 семей, въ которыхъ насчитывалось 1837 душъ. Вызванный попрежнему для совершенія обряда присоединенія благочинный Шавровъ съ своей стороны приложилъ трудъ убѣжденія и увѣщанія къ раскольникамъ, деселѣ упорствовавшимъ въ своихъ заблужденіяхъ. При содѣйствіи засѣдателя Бойко, Шавровъ обратилъ къ единовѣрію 593 души и 15 душъ къ православію.

Теперь присоединенныхъ было уже настолько много, что могли построить не одинъ, а два храма. Они и построили ихъ въ с. Алтайскомъ и дер. Сибирячихѣ. Алтайская единовѣрческая, Іоанно Златоустовская, церковь была завершена постройкою въ 1858-мъ, Сибирячихинская, Николаевская, въ слѣдующемъ 1859-мъ году.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ о массовомъ обращеніи къ единовѣрію бійскихъ старообрядцевъ Государь собственноручно написалъ: „Славу Богу!.." и повелѣлъ сопричислить благочиннаго Алексѣя Шаврова къ ордену св Анны 2 степени. Абрамовъ былъ награжденъ тѣмъ же орденомъ 3 степени и его помощникъ по описанной дѣятельности, урядникъ Чахловъ, серебряной медалью съ надписью „за усердіе" [1]).

Въ томъ же 1857 году, ознаменовавшемся принятіемъ единовѣрія тысячами алтайскихъ крестьянъ, епископъ Парѳеній предложилъ было къ открытію еще единовѣрческій приходъ по Тальменской волости съ храмомъ въ деревнѣ Ново-Краюшкиной. Для храма были уже пріобрѣтены иконы и книги, куплены ризы, подсвѣчники, лампады, кадила и проч. Но его постройка была отмѣнена за тою, несомнѣнно, причиною, что въ прихожане къ нему записывались раскольники, по церковнымъ документамъ состоявшіе въ православіи [2]). Вмѣсто Ново-Краюшинскаго открытъ былъ приходъ Батуровскій съ храмомъ въ с. Батуровскомъ, который былъ построенъ въ 1858 г.

Въ видахъ на сколько возможно большаго распространенія въ епархіи единовѣрія преемникъ Парѳенія еписк. Порфирій имѣлъ намѣреніе учредить въ предѣлахъ Бійскаго округа единовѣрческій миссіонерскій монастырь. Эту мысль поддерживали какіе-то единовѣрцы изъ городскихъ томскихъ жителей и для ея осуществленія предложилъ свои услуги игуменъ единовѣрческаго Златоустовскаго монастыря Оренбургской губерніи Іоаннъ, обратившійся изъ раскола къ единовѣрію въ 1833 г. Вызванный преосвященнымъ въ Томскую епархію въ 1863 г. игум. Іоаннъ взялся устроить на Алтаѣ не только мужскій монастырь, но открыть и женскую единовѣрческую общину, указывая составъ послѣдней изъ инокинь, готовыхъ на

---

[1]) Тамъ-же, стр. 246.

[2]) Д. томск. консисторіи о книгахъ, пожертвованныхъ кр. Краюшкинымъ для единовѣрческой церкви. № 15 за 1869 г.

переселеніе изъ Оренбургской же губерніи. „Въ Оренбургской губерніи Уфимскаго уѣзда, говорилъ игуменъ, на р. Крѣчанѣ въ 1833 г. тайно основался женскій старообрядческій монастырь. Въ 1838 году изъ тайныхъ инокини сдѣлались явными, послѣ чего согласились принять единовѣріе. Большое стѣсненіе въ земельномъ владѣніи заставило сестеръ разбиться на двѣ половины. Одна осталась тутъ-же, на Крѣчанѣ, другая перешла на р. Аю къ дер. Айлинской Троицкаго уѣзда, гдѣ оставалась 22 года. Наводненіе р. Аи въ 1862 г., разоривъ д. Айлинскую, сильно опустошило и обитель, унесши почти всѣ монашескія кельи. Не желая возвращаться въ міръ, монахини перешли бы въ Сибирь, для общинной здѣсь жизни, съ большою радостію, если бы получили на то дозволеніе.

Благосклонно выслушавши игумена, еписк. Порфирій отправилъ его въ Алтай подыскивать подходящія для монастыря и общины мѣста. На Алтаѣ Іоаннъ для мужскаго монастыря нашелъ удобное мѣсто въ 20 верстахъ на западъ отъ с. Сибирячихи, гдѣ въ р. Сибирячиху впадаетъ рч. Калиновка и для женской общины—въ 20 верстахъ къ востоку отъ того-же села, гдѣ находилась заимка кр. Лубягина. На обоихъ мѣстахъ „земля хлѣбородная, лѣсу довольно, луговъ много“. Но можно, доносилъ игуменъ, устроить монастыри и въ другихъ очень удобныхъ во всѣхъ отношеніяхъ пунктахъ, именно мужскій - въ 20 верстахъ отъ дер. Быструхи вверхъ по р. Убинкѣ при впаденіи въ нее р. Какпачихи и женскій—въ 15 верстахъ отъ дер. Малой Убинки по р. Шарапихѣ.

Епископъ вошелъ въ сношеніе съ начальникомъ Алтайскаго округа и просилъ: не найдетъ-ли Алтайское Вѣдомство возможнымъ уступить для проектированныхъ монастырей мѣста около селенія Сибирячихи. Отправленный начальникомъ для осмотра указанныхъ мѣстъ чиновникъ Губинъ нашелъ, что облюбованные игуменомъ земельные участки никому, кромѣ Кабинета его Величества, не принадлежатъ, и что въ пользу мужскаго монастыря безъ особеннаго ущерба для интересовъ Кабинета можно уступить 7 верстъ въ длину и 3, 4 версты въ поперечину. Алтайское вѣдомство рѣшило уступить намѣченный участокъ, о чемъ и дало знать вѣдомству епархіальному. За скоро послѣдовавшею кончиною еписк. Порфирія дѣло объ учрежденіи на Алтаѣ единовѣрческихъ миссіонерскихъ монастырей въ Томскѣ замолкло. Но игуменъ перенесъ его въ Петербургъ.

Въ іюнѣ 1865 г. преемникъ Порфирія, еписк. Виталій, получилъ отъ оберъ-прокурора св. Сѵнода гр. Дм. Андр. Толстого письменное напоминаніе объ этомъ дѣлѣ съ предложеніемъ дать ему движеніе. Преосвящ. Виталій навелъ объ Іоаннѣ справки—насколько благонадеженъ? Благочинный единовѣрческихъ церквей о. Петръ Доброхотовъ далъ объ игуменѣ такой отзывъ. „Іоаннъ—человѣкъ даровитый и можетъ съ большимъ успѣхомъ состязаться съ раскольниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ явиться и опаснымъ для епархіи дѣятелемъ, такъ какъ изъ его словъ нетрудно было уловить его большое сочувствіе къ австрійской Бѣло-Криницкой іерархіи. Кромѣ того, есть основаніе заподозрѣвать, что Іоаннъ подговаривалъ алтайскихъ

раскольниковъ просить у правительства особаго для себя единовѣрческаго архiерея. Черезъ своего спутника, iером. Михаила, игуменъ сбиралъ на свой будушiй на Алтаѣ монастырь деньги и при этомъ обращался не къ однимъ единовѣрцамъ, но и къ раскольникамъ".

Въ свое кратко-временное управленiе Томской епархiей преосв. Виталiй дѣло о задуманныхъ монастыряхъ не подвинулъ.

Запрошенъ былъ изъ Сvнода о положенiи того-же дѣла и епископъ Алексiй, пославшiй въ Петербургъ такой отвѣтъ.—Игуменъ Iоаннъ уже скончался, а другихъ лицъ, способныхъ къ открытiю единовѣрческихъ монастырей, въ виду не имѣется. „Да нахожу невыгоднымъ заведенiе такихъ обителей тѣмъ болѣе, что цѣлью умершаго игумена было не сократить, а распространить расколъ, *кроющiйся подъ личиною единовѣрiя*". Игум. Iоаннъ внушалъ единовѣрцамъ, что ихъ пастыри не удовлетворительны, ибо не знаютъ церковнаго устава, отправляютъ службу нерадиво и небрежно, крестнымъ знаменiемъ ограждаются не въ точности по древнему св. отецъ преданiю. Затѣмъ, изъ разосланнаго игуменомъ посланiя по деревнямъ единовѣрческихъ приходовъ, найденнаго свящ. Знаменскимъ, видно, что Iоаннъ подговаривалъ жителей с. Сибирячихи составить просьбу Государю Императору о дарованiи старообрядцамъ особыхъ старообрядческихъ епископовъ изъ природныхъ старообрядцевъ. Наконецъ, священники указываютъ, что одно появленiе Iоанна въ с. Сибирячихѣ сопровождалось отпаденiемъ единовѣрцевъ въ расколъ и презрѣнiемъ, ихъ, священниковъ, рукоположенныхъ православными архiереями [1]).

Въ концѣ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ количество единовѣрческихъ приходовъ въ епархiи увеличилось сформированiемъ еще двухъ новыхъ: Межугорнаго съ храмомъ въ с. Межугорномъ, Кузнецкаго округа, окончательно отстроенномъ въ 1879 году, и Орловскаго—съ церковью въ с. Орловскомъ (близъ Секисовки), освященной въ 1892 г.

Всѣхъ единовѣрцевъ въ предѣлахъ нашей губернiи и епархiи было за 1836 г.—12496 [2]), за 1850-й—19068 душъ обоего пола [3]) и въ настоящее время насчитывается 26635 д. об. п. [4]).

---

1) Дѣло Томской Консист. по общ. оп. I стола за 1867 № 133.

2) „Томск. Епарх. Вѣд." 1884, № 21—22, часть неоффиц., стр. 12.

3) Д. о постройкѣ церквей въ Томск. епархiи. Въ губ. арх. Св. 117

4) Эту цифру мы извлекли изъ данныхъ, приведенныхъ въ „Справочной книгѣ по Томской епархiи за 1898—1899 г.". Томскъ, 1900 г.

XI

Отпаденія отъ единовѣрія.—Ихъ причины.—Старообрядческіе дьяки—возмутители противъ единовѣрія.—Единовѣріе принято наружно безъ его внутренняго усвоенія.—Крупное отпаденіе отъ единовѣрія въ Секисовскомъ приходѣ немедленно послѣ освященія церкви въ с. Секисовскомъ.—Послѣдующія отпаденія въ томъ-же и сосѣднихъ Шипуновскомъ и Шеманаевскомъ единовѣрческихъ приходахъ.—Отпаденія въ единовѣрческихъ приходахъ: Сибирячихинскомъ, Алтайскомъ, Дмитріе-Титовскомъ.—Безнадежное состояніе единовѣрія въ приходѣ, причисленномъ къ Шипицинской церкви.—Закрытіе этой церкви.—Общая характеристика современнаго единовѣрія по Томской епархіи.

Вслѣдъ за присоединеніями къ единовѣрію идетъ длинный рядъ случаевъ отпаденія отъ него.

Присоединенія часто происходили слишкомъ скороспѣшно безъ надлежащаго предшествовавшаго подготовленія, и потому заключали въ себѣ мало гарантій на счетъ ихъ надежности.

Одни изъ присоединенныхъ признавались затѣмъ, что приняли единовѣріе изъ соображеній разныхъ удобствъ открыто слѣдовать старообрядью и, въ частности, удобствъ въ дѣлѣ бракосочетаній или найма рекрутъ изъ людей православнаго исповѣданія. Другіе утверждали, что перемѣнили свою вѣру изъ угожденія начальникамъ, или изъ страха предъ ними, взявшими на себя миссію обращенія.

Дальнія разстоянія, какія весьма часто отдѣляли единовѣрческія деревни отъ приходскихъ храмовъ, лишая присоединеныхъ возможности бывать въ храмахъ, привыкнуть къ своимъ законнопоставленнымъ священникамъ и черезъ нихъ пользоваться таинствами исповѣди и причащенія,—тѣ дальнія разстоянія въ свою очередь служили причиною, почему единовѣрцы слабо проникались или совсѣмъ не проникались духомъ единовѣрія. Въ первое время послѣ открытія градо-томскаго единовѣрческаго прихода, къ нему, за недостаткомъ единовѣрческихъ церквей, причисляли иногда старообрядцевъ, жившихъ верстъ за 800 отъ г. Томска „Прихожанъ было много, писалъ священникъ этого прихода, они жили въ разныхъ мѣстахъ разныхъ округовъ и, не бывая въ церкви съ своими христіанскими нуждами, ставили священника въ необходимость для ихъ посѣщенія разъѣзжать на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ [1]). Естественно, прихожане иногда не видѣли своего батюшку цѣлыми годами“. Впослѣдствіи границы приходовъ съуживались, но разбросанность деревень была всетаки слишкомъ велика. Въ 1850—хъ годахъ Секисовскій единовѣрческій приходъ включалъ въ себѣ, между прочимъ, деревни Бухтарминской волости Богатыреву и Соловьеву. Первая отстоитъ отъ Секисовки въ 244-хъ, вторая въ 253-хъ верстахъ. Дер. Кононирская въ тѣхъ-же годахъ отстояла отъ своей приходской церкви (въ с. Шеманаихѣ) въ 200-хъ, д. Красноярская—отъ церкви въ с. Шипуновскомъ въ 140. верстахъ, Причисленныя по приходу къ церкви с. Усть-Янцева д. Сибирцева удалена отъ послѣдняго на 100 и д. Кузовлева на

[1]) Томск. Епарх Вѣд. 1884 г., № 8 стр. 6.

130 верстъ. Изъ 27 деревень единовѣрческаго Сунгинскаго прихода д. Устинова, Косминской волости, находится въ разстояніи отъ своего храма на 100 верстъ. Словомъ, небыло и нѣтъ по Томской епархіи единовѣрческаго прихода, который былъ бы сконцентрированъ на тѣсномъ районѣ. Разбросанностію единовѣрческихъ деревень и ихъ отдаленностію отъ храма и нужно объяснить то обстоятельство, что нѣкоторые изъ единовѣрческихъ священниковъ исполненіе требъ крещенія поручали иногда мірянамъ, какъ это дѣлали, напр., священники с. Секисовки въ концѣ 1830-хъ и началѣ 1840-хъ годовъ [1]).

Единовѣрцы во многихъ случаяхъ рѣдко видѣли своего священника, но за то при нихъ, въ качествѣ ихъ духовныхъ пѣстуновъ, постоянно находились старообрядческіе начетчики или, по болѣе употребительному наименованію (по крайней мѣрѣ, въ Бійскомъ округѣ), дьяки—эти заправила всего церковнаго быта въ поповщинскомъ расколѣ. Хотя многіе изъ дьяковъ и сами согласились принять единовѣріе, тѣмъ не менѣе не переставали вздыхать о возможной отъ единовѣрія пагубы и, въ случаѣ замѣченной какой-нибудь и сколько-нибудь напоминающей „никоніанство" новизны, они уже кричали, что пагуба наступила и криками возбуждали руководимую толпу. Виновниками массовыхъ отпаденій отъ единовѣрія были всегда дьяки. Въ единовѣрческомъ селѣ Сибирячихѣ во время говѣнія Великимъ постомъ 1886 г., когда говѣвшіе наканунѣ причащенія выслушали вечернее правило, предъ ними торжественно выступилъ дьякъ Степанъ Черепановъ съ такою рѣчью: „ваше говѣніе и исповѣдь—ничто; вы не достойны причащенія, потому что во время говѣнія пили никоніанскій напитокъ—чай, подлежащій десятиричному проклятію". Рѣчь до такой степени смутила слушателей, что нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно отказались отъ принятія св Тайнъ [2]). Общеніе съ православными Черепановъ и дьяки въ другихъ приходахъ разсматривали какъ самый тяжкій грѣхъ единовѣрія, ради коего грѣха единовѣрческая „церковь вся въ аду и только развѣ одинъ осмиконечный крестъ на верху" [3]).

Не изъ однихъ только убѣжденій возставали дьяки противъ единовѣрія. Ихъ непріязненное къ нему отношеніе сильно обострялось изъ побужденій отстоять и охранить свое прежнее положеніе въ селеніяхъ и деревняхъ, положеніе—въ роли духовныхъ руководителей и требоисправителей—видное и выгодное. Въ борьбѣ за свой авторитетъ дьякамъ естественно хотѣлось показать воочію народа, что они больше знаютъ духовное и церковное дѣло, лучше его понимаютъ, чѣмъ „попы", присланные епархіальнымъ начальствомъ, при этомъ самолюбіе дьяковъ разгоралось до предѣловъ крайней ненависти къ законнопостановленнымъ священно-служителямъ единовѣрческихъ храмовъ. „Несъ бы окрестить

---

1) Дѣло Губ. Прав. съ приговоромъ объ удалившихся изъ единовѣрія крестьянъ Ив. Путинцева и др.; св. 733, по генеральной описи № 1301, листъ 10—тый,

2) Томск. Епар. Вѣд. 1887 г., № I, стр. 5.

3) Тамъ-же, стр. 6.

младенца ко мнѣ, окрестилъ-бы съ поворотомъ—правильнѣе и святѣе, чѣмъ попъ"—говорилъ одному крестьянину дьякъ дер. Быструхи[1]). Намъ довелось прочитать частное письмо свящ. с. Шеманаихи Іоанна Преображенскаго къ о. Ал. Шаврову, помѣченное 10-мъ января 1867 года. Преображенскій дружески передавалъ Шаврову разныя новости своего единовѣрческаго района и, между прочимъ, сообщилъ, что въ с. Секисовкѣ умеръ священникъ (кажется, заштатный) о. Корнилій и при похоронахъ дьякъ Мих. Худяковъ настоялъ, чтобы покойнаго отпѣвали не священническимъ, а мірскимъ чиномъ погребенія. Благоч. Доброхотовъ оспаривалъ дьяка, но, наконецъ, вынужденъ былъ уступить.—„Худяки", т. е. дьяки изъ фамиліи Худяковыхъ—„это само властолюбіе и гордость неистовая" [2]). Видимо, отъ нихъ много доставалось священникамъ, какъ въ с. Секисовкѣ, такъ и въ сосѣднемъ—Шаманаихѣ.

При недостаточной искренности въ обращеніи къ единовѣрію и постоянныхъ внушеніяхъ противъ него, шедшихъ со стороны дьяковъ, единовѣрцы въ огромномъ большинствѣ оставались по своимъ убѣжденіямъ прежними старообрядцами съ прежними взглядами на православную церковь, какъ на никоніанскую, еретическую. Поэтому при оффиціально-внѣшнемъ сближеніи съ православіемъ принявшіе единовѣріе постоянно опасались, какъ-бы не произошло у нихъ и сближенія внутренняго, т. е. какъ-бы изъ православія не вошло какого—нибудь новшества въ ихъ обряды, уставы,—въ кругъ ихъ жизненнаго строя. Отсюда чрезвычайно ревнивое наблюденіе за священниками: не допустили-бы какого-либо уклоненія отъ „отеческихъ преданій" при служеніяхъ въ церкви и при требоисправленіяхъ на домахъ. „Случалось, говорится въ одномъ изъ нашихъ документовъ, что единовѣрцы останавливали священника во время самаго богослуженія, заставляя его служить не по тѣмъ обрядамъ, по какимъ онъ желалъ, а по ихъ безсмысленнымъ указаніямъ" [3]).

Въ 1844 г. Секисовскіе единовѣрцы не допустили священника къ служенію благодарственнаго молебна по случаю бракосочетанія великой княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимиліаномъ [3]).

Въ 1855 году тѣ-же Секисовскіе прихожане возстали противъ того, чтобы въ ихъ церкви была отслужена панихида о почившемъ государѣ Николаѣ Павловичѣ и, въ случаѣ отправленія таковой, грозились поголовно уйти въ расколъ [4]).

Въ началѣ января 1868 г. свящ. Ал. Шавровъ донесъ, что единовѣрцы Секисовскаго прихода изъ самаго села Секисовки и деревень составивъ на истекшихъ святкахъ большой сходъ для избранія причетниковъ, трапезниковъ и для раскладокъ по доставкѣ дровъ на отопленіе церкви

---

[1]) Дѣло Губ. Прав. объ уклоненіи въ расколъ кр-въ Крутоберезовской вол. Св. 744 № 305

[2]) Письмо о. Преображенскаго въ дѣлѣ Д. Консист. за 1868 г. № 1.

[3]) Дѣло Губ. Прав. Св. 735 за 1844 г.

[3]) Дѣло Канцеляріи Главн. Начальника Алтайскихъ заводовъ (въ Барнаулѣ) за 1856 г. № 924.

[4]) Д. о единовѣрцахъ с. Секисовскаго.. въ Губ. арх., св. 120.

и причтовыхъ домовъ, между прочимъ, занялись обсужденіемъ предмета о произнесеніи священниками за богослуженіями на ектеніяхъ Высочайшей фамиліи. Они произносятъ ее, рѣшили обсуждавшіе „несогласно нашему желанію, а по какой-то утвержденной Высочайшей формѣ;—какіе-то (по царскимъ днямъ) молебны отправляютъ и поминаютъ въ день Рождества Христова, императора Александра I,—на молебнѣ поютъ ему «вѣчная память». Все это мы считаемъ пагубнымъ дѣломъ,—пропастію паче хлѣбнаго глада“ [1]). Въ поясненіе степени недовольства единовѣрцевъ поминовеніемъ государя Александра Павловича на Рождественскомъ молебнѣ о. Шавровъ въ другомъ рапортѣ извѣстилъ: когда въ праздникъ Рождества Христова послѣ молебствія я провозгласилъ вѣчную память императору Александру I-му, на клиросѣ встрѣтили провозглашеніе молчаніемъ, такъ что пропѣть „вѣчную память“ я долженъ былъ одинъ. Вмѣстѣ съ другими пѣвцами на клиросѣ стояли „Худяки“, т. е. Михаилъ (старшій головщикъ), Борисъ и Иларіонъ Алексѣевы Худяковы [2]). Раздоръ изъ за поминовенія царской фамиліи дошелъ до размѣровъ, при которыхъ Шавровъ долженъ былъ на время выйдти изъ Секисовски. Послѣ его отъѣзда Секисовскіе священники Ив. Смирновъ и Ст. Воронцовъ, по настоянію прихожанъ, перестали поминать Высочайшую фамилію по изданнымъ св. Сѵнодомъ формамъ и на сугубой ектеніи провозглашеніе Августѣйшихъ Особъ и свят. правительствующаго Сѵнода замѣнили моленіемъ о духовныхъ отцахъ[3]).

Такія-же явленія мы видимъ и въ другихъ единовѣрческихъ приходахъ. Наприм., Сибирячихинскіе прихожане рѣшительно отказались идти на молебенъ по случаю избавленія государя Александра II отъ опасности въ Парижѣ 25 мая 1867 г. [4]). Можно подумать, что такое настойчивое уклоненіе отъ вѣрноподданическаго долга молитвы за государей и прочихъ представителей царствующаго дома было выраженіемъ неблагожелательныхъ чувствъ по отношенію къ царственной власти или даже принципіальнаго отверженія ея. На самомъ дѣлѣ это объясняется гораздо проще. Будучи старообрядцами поповщинскаго толка, алтайскіе „поляки“ привыкли отправлять богослуженіе по извѣстной, отцами установленной, формѣ и хотѣли неуклонно держаться за ту-же форму и послѣ того, какъ перешли въ единовѣріе [5]). Все, чего не находили старообрядцы въ своихъ старыхъ

[1]) Дѣло Томск. Консист. за 1868 г. № 26.

[2]) Д. Томск. Консист. 1868 № 17.

[3]) Д. Томск. Консист. 1868 № 1.

[4]) Д. Т. Консист. № 259—1867 г.

[5]) Такъ сопротивленія при-алтайскихъ единовѣрцевъ церковнымъ службамъ и молитвамъ за представителей царской фамиліи истолковалъ и высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ Московскій. Когда до свѣдѣнія св. Сѵнода дошло дѣло объ отказѣ Секисовскихъ прихожанъ отслужить благодарственный молебенъ по случаю бракосочетанія Вел. Княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ высокопреосвященный выразилъ такое мнѣніе:—„единовѣрцы не исполнили должнаго, безъ сомнѣнія, не по духу противленія, а по недоразумѣнію и погрѣшительному опасенію, чтобы не нарушить старыхъ обычаевъ“.—Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митр. Московскаго. Т. III, стр. 1—3. Спб. 1885 г.

Впрочемъ, среди отдѣльныхъ лицъ изъ старообрядцевъ Секисовскаго прихода встрѣчалось и намѣренное противленіе. Наружно принявшіе единовѣріе кр—не д. Малой Убинки Ан—ны

требникахъ и что хотѣли или даже должны были ввести единовѣрческіе священники,—все это ихъ прихожане отвергали, какъ новизну, равносильную въ ихъ глазахъ ереси, и притомъ „злой ереси". Придирчивость къ священникамъ изъ ревности о цѣлости старообрядческой вѣры и обряда возникала и разгоралась иногда изъ самыхъ мелочныхъ поводовъ. Сотоварищъ Шаврова по служенію въ Секисовкѣ о. Доброхотовъ вынулъ изъ Потребника, напечатаннаго въ Московской единовѣрческой типографіи, послѣдованія таинствъ крещенія и напутствованія больныхъ и вынутые листы отдалъ для переплета въ особый корешокъ. Онъ сдѣлалъ это изъ соображенія большаго удобства имѣть при себѣ, въ разъѣздахъ для требъ по приходскимъ деревнямъ, малый переплетъ, чѣмъ возить большую громоздкую книгу. Единовѣрцы взволновались и послѣ вечерни въ первый день Пасхи (1865 г.) произвели въ церкви „цѣлый бунтъ" крича: „зачѣмъ порушилъ св. книгу"?.. [1]) Распоряженіемъ епархіальной власти, въ 1867 г., единовѣрческіе священники сс. Шипуновскаго и Секисовки должны были произнести въ своихъ храмахъ по пяти проповѣдей въ годъ собственнаго составленія, хотя Шавровъ предупреждалъ епископа Алексія, что единовѣрцы чтеніе такихъ проповѣдей у себя не допустятъ. Они и не допустили, указывая, что въ церкви можно читать проповѣди только изъ старинныхъ поучительныхъ книгъ [2]).

Мало того, что единовѣрцы назойливо слѣдили за священниками на богослуженіи и при требоисправленіяхъ, они простирали свой строгій надзоръ по отношенію къ внѣшнему виду своихъ іереевъ и ихъ быту въ частной, домашней жизни. Секисовцы потребовали, чтобы протоіерей Сим. Вавиловъ снялъ камилавку и болѣе не носилъ ее нигдѣ и никогда до тѣхъ поръ, пока священствуетъ у нихъ, единовѣрцевъ,—чтобы онъ всегда одѣвался такъ, какъ одѣваются дьяки [3]). Прихожане церкви с. Сибирячихи въ 1863 г. составили общественный приговоръ съ жалобой на своего священника Вас. Знаменскаго. Въ приговорѣ писали, что Знаменскій позволяетъ приготовлять просфоры не такимъ лицамъ, какія для сего требуются, древнею апостольскою церковію и уставомъ первыхъ пяти россійскихъ патріарховъ, что имѣетъ соединеніе въ пищи съ православными и даже нерѣдко у православныхъ креститъ дѣтей, имѣетъ въ своемъ домѣ иконы „не по нашему обряду"—жена его повязываетъ голову такъ, что видно волосы и носитъ платье, а не сарафанъ. Онъ, Знаменскій,—держитъ въ домѣ собачку,—книгъ древняго изданія у себя не имѣетъ и не съ должнымъ уваженіемъ отзывается о св. книгѣ „Маргаритъ" [4]).

---

20 ноября 1853 г. „находясь при молебномъ пѣніи, отправлявшемся въ Секисовской церкви, не хотѣли вмѣстѣ съ прочими встать на колѣни во время чтенія молитвы". На вопросъ почему не встали? —отвѣтили, что не хотятъ молиться за царя и „даже увѣщаній", вызванныхъ этимъ упорствомъ, „не хотѣли слушать".—Дѣло о совратившихся изъ единовѣрія въ расколъ кр. Бійск. округа. Въ Губ. архивѣ, св. 98 № 421.

[1]) Дѣло Томск. Консист. 1865 г. № 230.

[2]) Д. Т. Консист. № 17, 1868 г.

[3]) Д. Канцеляріи Главнаго Начальника Алтайскихъ заводовъ по арх. оп. № 924

[4]) Д. Томск. Консист. за 1867 № 163.

При отрицательномъ взглядѣ на православіе, единовѣрцы сторонились и православныхъ. Они сторонились православныхъ мірянъ, отказываясь отъ общенія съ ними въ пищѣ и питіи,— чуждались православныхъ пастырей и вмѣстѣ съ ними даже своего епархіальнаго архіерея. Въ половинѣ Сентября 1865 года прибылъ въ с. Сибирячиху томскій епископъ Виталій. Жители ни за что не хотѣли принять его въ своей церкви и приняли съ большимъ неудовольствіемъ и ропотомъ только по настоянію засѣдателя Судовскаго. Никто изъ прихожанъ не только не подошелъ подъ благословеніе архипастыря, но и не хотѣлъ приложиться къ кресту, бывшему въ его рукахъ. А когда преосвященный сталъ говорить поученіе, крестьян. Іоанникій Черепановъ пресѣкъ рѣчь при первыхъ словахъ подачею прошенія. Преосвященный понялъ, что его не хотятъ слушать и поспѣшилъ выйдти изъ храма [1]).

Изъ устныхъ разсказовъ мы слышали, что по временамъ также принимали преосвященныхъ и въ другихъ единовѣрческихъ приходахъ. Что касается православныхъ священниковъ, то наименованіе „еретики“ въ устахъ дьяковъ было самымъ обычнымъ титуломъ. За дьяками тоже говорили и прочіе единовѣрцы. Секисовскіе прихожане сильно роптали по тому поводу, что ихъ священникъ, Шавровъ, по должности благочиннаго, завѣдывалъ не только единовѣрческими, но и нѣсколькими изъ православныхъ причтовъ. Съ большимъ недовѣріемъ по вопросу о правотѣ вѣры единовѣрцы относились и къ своимъ собственнымъ священникамъ. „Прихожане не допускаютъ меня, писалъ сибирячихинскій священникъ Знаменскій, въ свои домы, не хотятъ подходить ко кресту и въ глаза не стѣсняются заявлять: „ты родился въ никоніанской ереси и поставленъ епископомъ—никоніаниномъ, и потому не слѣдуемъ тебѣ“ Въ то время Знаменскій, кромѣ Сибирячихинскаго, завѣдывалъ еще приходомъ с. Алтайскаго. Въ свою очередь жители и этого селенія говорили ему: „ты—никоніанинъ и нуженъ намъ только на то, чтобы вѣнчать браки, но, однако, на обрачепныхъ тобою, послѣ вѣнчанія, за оскверненіе отъ тебя, мы налагаемъ 6-недѣльную епитимію“ [2]).

Словомъ, единовѣріе было принято только наружно,—въ сущности оно было прикрытымъ расколомъ. Но очень часто принявшіе единовѣріе не хотѣли слѣдовать ему даже наружно. Еще не освящена была церковь въ с. Секисовкѣ, какъ многіе изъ изъявившихъ согласіе на причисленіе къ ней, въ качествѣ ея прихожанъ, открыто объявили, что въ церковь не будутъ ходить, что въ своей рѣшимости на присоединеніе раскаиваются. Послѣ освященія храма отпадшихъ отъ единовѣрія оказалось больше. Ихъ насчиталось всего 1331 д. муж. и 1433 д. жен. пола. Началось огромное судебное дѣло. Обнаружилось, что главными виновниками отпаденія или совращенія были дьяки с. Секисовки Ив. Путимцевъ и дер. Шеманаихи

[1]) Дѣло Т. Консист. 1868 г. № 150.
[2]) Д. Т. Консист. 1868 г. № 95.

Сидоръ Степановъ, дѣйствовавшіе вмѣстѣ съ крестьянами разныхъ деревень Михаиломъ Сѣровымъ, Севастьяномъ, Савватіемъ и Вас. Мазницинымн, Акиндиномъ Ларіоновымъ, Даніиломъ Еремѣевымъ, Григоріемъ Ѳеоктистовымъ, Максимомъ Крюковымъ, Михаиломъ Борисовымъ, Полик. Жулинымъ, Вас. Щаповымъ и мн. другими. Всѣ они самымъ усиленнымъ образомъ отговаривали односельчанъ отъ единовѣрія, указывая на него, какъ на „крайнюю гибель". Савватій Мазницинъ, кромѣ того, нанесъ оскорбленіе ругательствомъ протоіер. Сим. Вавилову и. въ злобѣ, проявилъ намѣреніе убить свою жену и новорожденнаго младенца за то, что первая согласилась окрестить младенца въ единовѣрческомъ храмѣ, а послѣдняго за то, что былъ здѣсь окрещенъ. Изъ мѣстныхъ судебныхъ инстанцій крупное дѣло объ отпаденіи отъ единовѣрія Секисовскихъ прихожанъ перешло въ Кабинетъ Министровъ и нашло тамъ слѣдующее рѣшеніе.—Крестьянъ И. Путимцева, Мих. Сѣрова, Севастьяна, Савватія и Вас. Мазнициныхъ, Акиндина Ларіонова, Дан. Еремѣева, Егора Ѳедорова, Сидора Степанова, Григорія Ѳеоктистова и Максима Крюкова, хотя не сознавшихся въ преступленіи совращеній изъ единовѣрія, но обличенныхъ въ томъ цѣлыми обществами, —годныхъ отдать въ солдаты в отдаленные отряды Сибирскаго корпуса, а неспособныхъ къ военной службѣ сослать въ отдаленный край Сибири для поселенія ихъ тамъ по усмотрѣнію Главнаго Начальника Восточной Сибири.

Крестьянина Михаила Борисова, также виновнаго въ отклоненія другихъ отъ единовѣрія, во уваженіе его престарѣлыхъ лѣтъ (91 годъ), выдержать при волостномъ правленіи двѣ недѣли и поручить полиціи имѣть за нимъ самый строгій надзоръ.

Кр—нъ Поликарпа Жулина и Вас. Щапова, изобличенныхъ въ дѣлѣ совращенія изъ единовѣрія менѣе другихъ, выдержать въ тюремномъ замкѣ одинъ мѣсяцъ.

Но приговоръ надъ всѣми поименованными лицами привести въ исполненіе лишь въ томъ случаѣ, когда не захотятъ снова обратиться къ единовѣрію, почему и подвергнуть ихъ усиленному, духовному увѣщанію. Савватія же Мазницина во всякомъ случаѣ выдержать въ тюрьмѣ одинъ мѣсяцъ.

Вообще всѣхъ соприкосновенныхъ къ настоящему дѣлу и всѣхъ лицъ, отпадшихъ отъ единовѣрія, поручить духовному увѣщанію, внушивъ имъ, что такъ называемые священники съ Иргизскихъ монастырей и Рогожскаго кладбища суть бѣглые, которые, оставивъ свою церковь, нарушили присягу, и потому законно священствовать не могутъ,—не могутъ въ силу этого быть допущены и къ нимъ—жителямъ при-алтайскихъ волостей.

Приступившее къ исполненію приговора мѣстное начальство всѣхъ крестьянъ, виновныхъ въ совратительствѣ изъ единовѣрія и приговоренныхъ къ высшей мѣрѣ наказанія, препоручило увѣщанію секисовскихъ священниковъ Вавилова и Шаврова. Но увѣщателей они не послушались, единовѣрія принять не захотѣли, и потому въ оковахъ были препровождены въ Барнаулъ въ Алтайское Горное Правленіе для отдачи въ военную службу, или, за

негодностію къ ней, для отсылки на поселеніе. Какъ престарѣлыхъ людей, въ солдаты ихъ взять было нельзя,—потребовалась ссылка. Горный начальникъ, однако, пожалѣлъ осужденныхъ, бывшихъ исправными и зажиточными хозяевами и еще разъ испробовалъ мѣру духовнаго увѣщанія чрезъ самаго опытнаго увѣщателя, Барнаульскаго протоіерея Петра Васильева. Послѣ того Ив. Путимцевъ, Мих. Сѣровъ, Севастьянъ и Савватій Мазницины, Максимъ Крюковъ рѣшили присоединиться къ единовѣрію и отъ наказанія были освобождены, а прочіе, именно: Вас. Мазницинъ, Акиндинъ Ларіоновъ, Дан. Степановъ, Егоръ Ѳедоровъ, Ст. Сидоровъ и Григорій Ѳеоктистовъ остались „безъ отмѣны своего мнѣнія" и изъ Барнаула черезъ Томскъ пошли въ кандалахъ для поселенія въ отдаленныхъ мѣстахъ Восточной Сибири.

Къ труду духовнаго увѣщанія остальной массы отпадшихъ отъ единовѣрія, кромѣ упомянутыхъ Вавилова и Шаврова, привлеченъ былъ еще священникъ Колыванскаго завода Антоній Слопцовъ. Слопцову многіе заявили, что ничего не хотятъ знать и слышать о единовѣріи и желаютъ оставаться въ прежней „отеческой вѣрѣ" [1]).

Не успѣло окончиться это дѣло, какъ возникло другое.—Отношеніемъ отъ 9 янв. 1840—го года преосвящ. Агапитъ сообщилъ томскому губернатору Ѳедору Ѳедоровичу Бегеру, что Секисовскій священникъ Алексѣй Шавровъ, проѣздомъ по своему приходу въ концѣ 1839 г., узналъ объ усиленной совратительной дѣятельности проживавшаго въ д. Старо-Алейской дьяка Андрея Іосифова Суслякова: „Сусляковъ исповѣдуетъ, причащаетъ, по умершимъ чинитъ отпѣтіе, вообще открыто совершаетъ требы и богослуженіе" и при этомъ со всѣмъ пыломъ фанатизма призываетъ односельчанъ не покидать вѣры, завѣщанной отцами. Вслѣдствіе его внушеній староалейцы, прежде согласившіеся на принятіе единовѣрія, теперь прекратили съ единовѣрческимъ духовенствомъ и храмомъ всякое общеніе. Это преосвященный узналъ изъ донесенія Шаврова. Но послѣдній вскорѣ увѣдомилъ еще, что подъ вліяніемъ дьяковъ, въ свою очередь открыто совершающихъ раскольническое богослуженіе и требы, Савелія Бодрягина и Савелія Каверина отпали отъ единовѣрія не только жители Старо-Алейской, но и многія семьи въ с. Секисовкѣ, дер. Екатерининской и др. поселкахъ Секисовскаго и сосѣднихъ приходовъ. Среди вновь отпадшихъ былъ и Мих. Сѣровъ [2]).

Опять начались уговоры и увѣщанія. Окончательный исходъ этого второго дѣла послѣдовалъ въ 1848 г. Андрею Суслякову, Сав. Бодрягину и Сав. Каверину вмѣнено было въ наказаніе предшествующее тюремное заключеніе съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ малѣйшаго съ ихъ стороны оказательства ереси они неминуемо будутъ сосланы въ отдаленный край Вост. Сибири [3]). М. Сѣровъ былъ наказанъ болѣе строго. На допросахъ онъ

[1]) Дѣло Губ. Правл.; св. 733 № 1301.
[2]) Отношеніе еписк. Агапита къ губернатору Бегеру отъ 9 янв. 1840 г. Въ Губ. арх.
[3]) Дѣло о раскольникахъ Савеліи Бодрягинѣ, Андреѣ Сусляковѣ и проч. Губ. арх. св. 122 № 22.

говорилъ что, въ Барнаулѣ, послѣ увѣщаній протоіер. Васильева. согласился на возвращеніе въ единовѣріе неискренно—изъ боязни ссылки, но теперь одумался и готовъ за отеческую вѣру пострадать Однако, пострадать невольной ссылкой не захотѣлъ. Въ самомъ началѣ вторичнаго о немъ слѣдствія съ дороги въ волостное правленіе онъ бѣжалъ. Послѣ тщательныхъ поисковъ бѣглеца обрѣли въ дер. Тургусунской въ амбарѣ кр. Валова; при немъ было найдено три пары вьючныхъ суммъ и въ нихъ до 6 пудовъ сушеныхъ и толченыхъ сухарей, 1 пудъ азіатской соли, до 30 фун. пороху и листокъ бумаги, гдѣ печатнымъ почеркомъ были обозначены пункты, чрезъ которые нужно было слѣдовать. Куда? Въ нашемъ источникѣ не сказано, тѣмъ не менѣе не трудно догадаться, что Сѣровъ готовился къ сокрытію въ счастливомъ Бѣловодьѣ. Ссылки въ предѣлахъ Восточной Сибири онъ не миновалъ [1]).

Оставляя безъ перечня длинный рядъ уклоненій отъ единовѣрія единичными лицами и семьями, ограничимся указаніями совращеній массами и сначала по селеніямъ и деревнямъ Секисовскаго и сосѣднихъ съ нимъ Шеманаевскаго и Шипуновскаго приходовъ Въ концѣ 1847 г. кр. с. Шеманаихи Дм. Друговъ заявилъ въ Алтайскомъ Горномъ Правленіи, что въ декабрѣ сего года ушло въ расколъ изъ среды единовѣрцевъ его села 202 д. муж. и 184 ж. пола и дер. Выдрихи—58 д. м. и 160 д. ж. пола. Употреблены были всѣ кроткія и сильныя мѣры для возвращенія заблудшихъ, но всякія мѣры помогали дѣлу слабо. [2]) Особенно часто отпаденія происходили за 1850-ые годы и каждый разъ въ большихъ размѣрахъ. Въ 1852 г. сразу уклонилось въ расколъ въ д. Поперечной 222, въ Старо-Алейской 220 и Екатерининской 160 д. об. пола. Бійскій исправникъ, проѣхавъ по Убинской и Крутоберезовской волостямъ въ 1853 г., замѣтилъ и установилъ фактъ, что всѣ единовѣрцы этого района наклонны къ отпаденію въ расколъ и отпаденія въ деревняхъ являются постояннымъ событіемъ. Брачущіеся перестали вѣнчаться въ церкви, они обращались за вѣнчаніями къ дьякамъ или сходились по одному родительскому благословенію. Въ 1854 г. въ самомъ селѣ Секисовкѣ открыто отказалось отъ единовѣрія около сотни душъ и вообще по двумъ приходамъ Секисовскому, и Шипуновскому, въ продолженіе отъ 1852 до 1855 г., открыто ушло изъ единовѣрія до тысячи душъ[3]).

---

[1]) Дѣло Губ. Прав., св. 733 № 1301.

[2]) Д. въ Губ. арх.; св. 98 № 81.

[3]) Замѣчательно, что крестьяне, уклонявшіеся отъ единовѣрія группами, составляли приговоры объ уклоненіи, въ своемъ родѣ „отпорныя“ отъ единовѣрія, которыя вручали свѣтскимъ начальникамъ. Вотъ, наприм., приговоръ кр—нъ дер. Старо-Алейской. – „1853 года сентября 26 дня. Мы нижеподписавшіеся Томск. губ. Бійскаго окр. Алтайскаго Горнаго Правленія Убинской волости дер. Старо-Алейской крестьяне, будучи въ общемъ собраніи, постановили сей приговоръ польскаго старообрядческаго согласія въ томъ, что находились мы приходомъ со своими семействами села Шипуновскаго единовѣрческой Срѣтенія Господня церкви, но какъ нынѣ мы въ оной принадлежать несогласны, а желаемъ остаться въ старомъ положеніи, какъ прежде дѣды и прадѣды наши состояли безъ принятія таковой церкви и священника, въ чемъ постановляемъ нашъ приговоръ и представляемъ его въ Убинское Вол. Правленіе. А потому покорнѣйше просимъ оное правленіе

Когда объ отпаденіяхъ сообщено было въ Петербургъ управляющему владѣніями Кабинета Его Величества графу Перовскому, послѣдній возложилъ на главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ порученіе изслѣдовать, насколько возможно тщательнѣе, причины печальнаго обстоятельства. Начальникъ заводовъ командировалъ въ при-алтайскіе единовѣрческіе приходы полковника Соколовскаго съ тѣмъ, чтобы принялъ всѣ закономъ дозволенныя мѣры къ раскрытію лицъ, виновныхъ въ распространеніи раскола и въ подстрекательствахъ къ уклоненіямъ отъ единовѣрія.

Въ рапортѣ начальнику Соколовскій писалъ:—По собраннымъ мною свѣдѣніямъ и сообщеніямъ разныхъ свѣдущихъ людей я убѣдился, что главнѣйшую причину уклоненія крестьянъ изъ единовѣрія въ расколъ нужно усматривать въ громадномъ вліяніи на обывателей лже-учителей или дьяковъ, которые руководствуются въ этомъ случаѣ личными разсчетами и побужденіями... Отпаденія будутъ продолжаться и впредь до тѣхъ поръ, пока не будутъ приняты строгія мѣры противъ раскольническихъ дьяковъ, возбуждающихъ присоединившихся къ церкви поселянъ и „составляющихъ настоящую язву“ тѣхъ крестьянскихъ обществъ, „среди которыхъ они еще, къ несчастію, остаются на мѣстѣ постояннаго жительства...“ „Необходимо совокупными усиліями свѣтской и духовной власти неутомимо и дѣятельно изобличать и преслѣдовать этихъ лжеучителей, чтобы достигнуть дѣйствительныхъ послѣдствій по отношенію къ спокойствію въ населеніи трехъ крупныхъ волостей“. Всѣ главнѣйшіе дьяки поименованы въ особомъ дѣлѣ, производящемся въ Алтайскомъ Горномъ Правленіи, а потому не можетъ встрѣтиться затрудненій въ ихъ изобличеніи, тѣмъ болѣе, что они и сами не скрываютъ своего званія.

Вмѣстѣ съ строгимъ и неутомимымъ преслѣдованіемъ распространителей раскола нужно позаботиться, чтобы единовѣрческіе священники своимъ духовнымъ и нравственнымъ вліяніемъ, по возможности, просвѣщали этихъ заблудшихъ и фанатическихъ людей, изъ которыхъ, многіе, въ случаѣ ихъ законнаго преслѣдованія, думаютъ и говорятъ, что они страдаютъ за вѣру, какъ страдалъ за нее Іисусъ Христосъ. Требуя отъ единовѣрческихъ священниковъ просвѣтительнаго воздѣйствія на прихожанъ, начальство должно обратить вниманіе на ихъ матеріальное положеніе.

„Единовѣрцы сначала согласились давать священникамъ небольшое, но безбѣдное содержаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ содержать и самыя церкви, но, по отпаденіи значительнаго числа прежде присоединившихся, священники поставлены въ самое затруднительное и бѣдственное положеніе. Не полу-

---

представить оный, куда слѣдуетъ по начальству“. Слѣдуютъ подписи.—Дѣло о совратившихся изъ единовѣрія въ расколъ и пр Губ арх.; св 98 № 421. л. 15.

Крестьяне д. Екатеринской, указывая, что желаютъ состоять въ вѣрѣ своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, признались, что вынуждены были присоединиться къ единовѣрію по причинамъ: а) „бракосочетаній нашихъ законныхъ браковъ, б) найма рекрутъ въ военную и заводскую горную службу“. Тамъ-же, л. 12.

Такіе же приговоры представили засѣдателю Улянитскому кр—не дер. Малой Убинки, Быструхи, Черемшанки.—Тамъ-же.

чая никакого содержанія отъ казны, нуждаясь въ самомъ необходимомъ, находясь въ постоянной борьбѣ съ невѣжествомъ и изувѣрствомъ раскольниковъ, они просятъ, какъ милости, перевести ихъ въ другія мѣста... Принимая въ соображеніе тѣ услуги, которыя оказываютъ поселенныя въ приалтайскихъ мѣстахъ крестьяне, какъ по снабженію заводовъ провіантомъ, такъ и по доставкѣ въ заводы рудъ и различныхъ припасовъ, удѣленіе небольшой суммы отъ Алтайскаго Горнаго Правленія въ пользу единовѣрческихъ причтовъ было бы справедливымъ воспособленіемъ крестьянамъ за тѣ выгоды, какія доставляютъ они казнѣ".

„Небольшое жалованье отъ казны для единовѣрческихъ священниковъ я считаю тѣмъ болѣе необходимымъ, что содержаніе ихъ на счетъ мірскихъ сборовъ крестьяне вообще признаютъ для себя обязанностію очень обременительною, составляющую предметъ ихъ постоянныхъ жалобъ".

Послѣ тщательныхъ разслѣдованій заглавными подстрекателями въ указанныхъ отпаденіяхъ были признаны дьяки: с. Секисовскаго—Емельянъ Гусляковъ и Савелій Путимцевъ; д. Верхъ-Убинской—Платонъ Гусляковъ, Илья Екимовъ; д. Малой Убинки—Мартынъ Власовъ; д. Быструхи—Ѳома, Филиппъ и Борисъ Головановы; д. Черемшанки—Архипъ Денисовъ, Власъ Колесниковъ и Миронъ Антроповъ; д. Бобровки—Яковъ Худяковъ и Мартиміанъ Шуваловъ; д. Большой Рѣчки—Василій Рязановъ и Андрей Шешуковъ; д. Поперешной—Егоръ Ѳедоровъ.

Понятно, что при такомъ множествѣ совратителей единовѣріе въ трехъ приходахъ (Секисовскомъ, Шеманаевскомъ и Шипуновскомъ) было поставлено въ критическое положеніе. Это сознавало епархіальное начальство, и потому для усиленнаго увѣщанія отпадшихъ, въ помощь мѣстнымъ увѣщателямъ, командировало еще каѳедральнаго протоіерея Павла Соболева. Увѣщаваемые говорили, что внутренно никогда не принадлежали единовѣрію и не сочувствовали ему, что принадлежали ему „тѣломъ, а не душой", находя его выгоднымъ для себя въ смыслѣ удобствъ брачныхъ заключеній и найма рекрутъ изъ православныхъ семей. Теперь-же раскаиваются въ присоединеніи и хотятъ, несмотря ни на какіе страхи, оставаться въ вѣрѣ по завѣту отцовъ. Въ виду выраженнаго упорства въ Секисовку прибылъ самъ преосвящ. Парѳеній. Послѣ многихъ и долгихъ бесѣдъ преосвященнаго съ уклонившимися многіе изъ послѣднихъ «образумились и согласились снова принадлежать церкви», при чемъ нѣкоторые изъ Секисовскихъ единовѣрцевъ просили перечислить ихъ въ какой-либо другой приходъ, чтобы избѣжать докучливаго своимъ надзоромъ и доношеніями о. Шаврова[1]).

---

[1]) Въ свою очередь единовѣрческіе священники селъ Секисовскаго и Шипуновскаго усиленно упрашивали преосвященнаго объ увольненіи ихъ отъ невыносимой тягости служенія въ единовѣрческихъ приходахъ среди постоянныхъ непріятностей отъ единовѣрцевъ, „тѣмъ болѣе, что въ содержаніи себя съ семействами они терпятъ большой недостатокъ, такъ что еслибы не получали вспомоществованія отъ собственныхъ (хозяйственныхъ) трудовъ, то не могли-бы содержать семействъ своихъ".—Рукописный отчетъ еписк. Парѳенія о состояніи Томской епархіи за 1855 годъ.

Судебное дѣло по поводу отпаденій шло своимъ чередомъ и заключилось приговоромъ Томскаго Губернскаго Суда 31 іюля 1856 г. Одни изъ совратителей были оставлены только въ подозрѣніи совратительной дѣятельности, другіе поплатились за нее тюремнымъ заключеніемъ на 3 мѣсяца, третьи должны были идти въ ссылку для поселенія въ Якутской области, «гдѣ они среди подобныхъ себѣ раскольниковъ не могутъ быть вредными». Къ ссылкѣ приговорены были дьяки: Ѳома Головановъ, Трофимъ Климовъ, Мартынъ Власовъ, Архипъ Денисовъ, Власъ Колесниковъ Савелій Путимцевъ, Савелій Бодрягинъ, Андрей Сусляковъ и Якимъ Худяковъ[1]).

Многочисленные совратители не переставали дѣйствовать и отпаденія продолжались. Вмѣстѣ съ новыми лицами уходили въ свой „первобытный“ расколъ и тѣ, которые уклонялись въ него раньше и послѣ уклоненія давали обѣщанія и даже подписки быть стойкими въ единовѣріи. Дьяки Гусельниковъ, Теплухинъ и одинъ изъ Головановыхъ присоединяли уходившихъ изъ единовѣрія по ночамъ особымъ чиномъ и кого присоединили, о томъ говорили, что «выручили изъ ада“. Указывая на единовѣріе, какъ на пагубу душъ и тѣлесъ, они внушили раскольникамъ не имѣть съ единовѣрцами общенія въ пищѣ и питіи, отчего произошло рѣзкое раздѣленіе въ старообрядствѣ трехъ волостей и разъединеніе даже въ отдѣльныхъ семьяхъ[2]). Подъ вліяніемъ упомянутыхъ и имъ подобныхъ наставниковъ въ концѣ 1857 года ушло въ расколъ по Секисовскому и Шипуновскому приходамъ до 400 душъ, а за1860 г. отпали отъ единовѣрія въ дд. Выдрихѣ 500 душъ и въ Большой Рѣчкѣ 42 д.[3]).

Въ 1862 г. въ с. Секисовкѣ огромная толпа отпадшихъ ночью подошла къ дому священника и съ азартомъ кричала: „мы не желаемъ быть при церкви и въ единовѣріи, а обращаемся, какъ прежде жили наши предки, къ бѣглому священству“ [4]).

Не замедлило явиться еще новое неблагопріятное для единовѣрія обстоятельство. Разумѣемъ путешествія въ предѣлахъ Томской губерніи раскольническаго архіерея Савватія. Вездѣ, гдѣ побывалъ лжеепископъ, расколъ оживалъ, единовѣріе и безъ того слабое расшатывалось еще болѣе и, въ частности, въ Секисовскомъ, Шеманаевскомъ и Шипуновскомъ приходахъ единовѣрцы почти окончательно прекратили свои отношенія къ церкви. По словамъ преосвящ. Алексія, приходы эти пришли совсѣмъ въ жалкое состояніе. Намъ уже извѣстно, что изъ крестьянъ дер. Выдрихи Савватій

---

[1]) Дѣла Том. Общ Губ. Упр.: св. 98 № 421 и Губ. Пр. св. 744 № 305 Сн. д. Канцеляріи Главн. Начальника Алтайскихъ заводовъ (въ Барнаулѣ) № 924.

[2]) Дѣло Губ. арх.; св. 122 по прошенію сыновей кр. Колесникова.

[3]) Д. Губ. арх., св. 744 и св. 115.

[4]) Д въ Губ. архивѣ св 107 № 1529 Какъ и за эго время смотрѣли единовѣрцы на свое единовѣріе, краснорѣчиво характеризуетъ такой еще фактъ. Крестьян. изъ единовѣрцевь дер. Поперешной Егоръ Яковлевъ поженилъ сводомъ сына своего Аѳанасія на крестьянской дочери дер. Черемшанки Перасковѣ Изотовой и затѣмъ говорилъ односельчанамъ, что „хотя за дозволеніе устроить брачный сводъ онъ и заплатилъ засѣдателю А—ну 60 руб., но за то помиловалъ своихъ, души ихъ изъ ада преисподняго выручилъ, охранивъ дѣтей отъ вѣнчанія въ еретичествѣ“. —Дѣло Губ. Правл. св. 748 № 60. Нач. въ 1862 году.

поставилъ въ попы Михайла Екимова, который разъѣзжалъ затѣмъ по всѣмъ единовѣрческимъ деревнямъ Убинской и сосѣднихъ волостей, перечисляя единовѣрцевъ къ своему приходу и совершая у нихъ всякія требы. Волостные и сельскіе начальники тщательно укрывали дѣятельность Екимова, но все-таки совсѣмъ укрыть не могли. Тѣмъ не менѣе Екимовъ отвѣтственности за многочисленныя совращенія съумѣлъ избѣжать[1]).

Кромѣ того, въ 1866-мъ году вернулись изъ ссылки прежде осужденные дьяки—совратители и принялись по прежнему дѣйствовать во вредъ единовѣрію, но теперь еще съ большимъ авторитетомъ, такъ какъ въ глазахъ старообрядцевъ сіяли ореоломъ мученичества. Въ маѣ 1868 г. священникъ Шипуновской церкви о. Богрянскій писалъ, что въ его приходѣ поддерживаютъ и развиваютъ расколъ Савелій Бодрягинъ и Ив. Давыдовъ, открывшіе богослуженіе въ своихъ домахъ и внушающіе своимъ многочисленнымъ слушателямъ, что церковь уже давно потеряла свою чистоту, не можетъ спасать, а потому не для чего къ ней обращаться [2]). Почти одновременно указывалъ и свящ. Ал. Шавровъ, что въ Секисовкѣ единовѣрцевъ увлекаютъ въ расколъ дьяки: Савватій Путимцевъ, Даніилъ и Николай Бабушкины, а по деревнямъ единовѣрцевъ отторгаютъ на свою раскольническую сторону: въ Бобровской — Якимъ Худяковъ, Мартиміанъ Шуваловъ; Большой Рѣчкѣ—Корнилій Шешуковъ и Петръ Рязановъ; Верхъ-Убинской—Платонъ и Вас. Гусляковы; Быструхѣ—Филиппъ Головановъ, Илья Бояриновъ и Мих. Кузнецовъ; Малой Убинкѣ—Мартынъ Горбатовъ и Архипъ Нѣмцовъ; Черемшанѣ—Панфилъ Антроповъ и Архипъ Денисовъ и въ д. Поперешной — Егоръ Ѳедоровъ[3]).

Изъ нихъ С. Бодрягинъ и Сав. Путимцевъ, Як. Худяковъ и Арх. Денисовъ принадлежали къ числу вернувшихся изъ 10-лѣтней Якутской ссылки, потому пользовались почитаніемъ старообрядцевъ, какъ „св. мученики“.

Такимъ образомъ болѣе, чѣмъ ясно, что въ предѣлахъ Секисовскаго, Шипуновскаго и Шеманаевскаго единовѣрческихъ приходовъ единовѣріе существовало только формально, поддерживаясь преимущественно внѣшней принудительной силой. Не лучше обстояло дѣло и по другимъ единовѣрческимъ приходамъ,

Въ приходѣ, причисленномъ къ церкви с. Сибирячихи, многіе изъ единовѣрцевъ ушли въ расколъ въ самомъ концѣ 1850-хъ годовъ и началѣ 1860-хъ. Внушали отпаденіе и подущали къ нему раскольническіе требоисправители изъ дер. Топольной Маркъ Максимовъ, Лука Денисовъ и дер. Петропавловской Марина Черепанова и Ѳедоръ Максимовъ. За противодѣйствіе единовѣрію и вмѣстѣ публичное оказательство раскольническаго богослуженія они заключены были въ Бійскую тюрьму, откуда подали на

[1]) Дѣло того-же арх.; св 113.
[2]) Дѣло Томск. Консист № 31 за 1768 г.
[3]) Д. Томск. Консист. № 70 за 1871 г.

Высочайшее Имя такое прошеніе. „Вышедшіе изъ Польши родители наши крѣпко держались старообрядческой вѣры и, въ случаѣ опасности для нея, всегда готовы были предпочесть смерть жизни. И намъ они оставили завѣтъ держаться ихъ древней вѣры безъ всякихъ колебаній и тѣмъ болѣе безъ измѣны. Но въ 1856 г. вслѣдствіе разныхъ намъ угрозъ мы рѣшились принять единовѣріе, не по душевному убѣжденію, а только единственно изъ страха и послѣ того пришли въ сильное раздумье, что своею слабостію нарушили родительское завѣщаніе, навлекли на себя ихъ проклятіе и вмѣстѣ справедливый гнѣвъ Божій. Насъ стали постигать разныя несчастія: падежъ скота, хлѣбные неурожаи и другія бѣды, подрывающія наши хозяйства, и мы отъ единовѣрія отпали“. Въ заключеніе просители молили, чтобы дозволено было пересмотрѣть ихъ дѣло для освобожденія ихъ изъ острога. Просьба имѣла успѣхъ. Начальство нашло возможнымъ выпустить просителей на свободу, вмѣнивъ имъ въ наказаніе предшествующее тюремное заключеніе[1]).

Въ 1873 г. въ дер. Топольной произошло еще разъ открытое уклоненіе отъ единовѣрія. Уклонилось до 200 человѣкъ подъ вліяніемъ убѣжденій того-же Марка Максимова, который явно или тайно никогда не переставалъ противодѣйствовать единовѣрію, агитируя при пособничествѣ своихъ помощниковъ—Фил. Максимова и Ив. Архипова[2]).

До какой степени были устойчивы въ единовѣріи прихожане Алтайской церкви это мы отчасти уже видѣли и видимъ изъ слѣдующаго „отзыва“, поданнаго священнику 1 дек. 1866 г.—„Послѣ Рождества Христова прадѣды и отцы наши исповѣдывали старообрядческую вѣру, и мы, по ихъ благословенію, исповѣдывали ту-же самую вѣру. Но по распоряженію высшаго начальства, въ 1857 году, бійскій земскій исправникъ Квятковскій и засѣдатель Бойко чрезъ пристрастіе принудили насъ присоединиться къ единовѣрію, и въ случаѣ нашего несогласія, угрожали намъ заключеніемъ въ острогѣ и нѣкоторыхъ (до 6 человѣкъ) дѣйствительно держали въ острогѣ двѣ недѣли и даже говорили намъ, что насъ сошлютъ на поселеніе. Христосъ-Господь, пострадавый за насъ грѣшныхъ, невольно къ Себѣ никого не принуждалъ и неволію никого не пріемлетъ. И мы, не желая отступать отъ родительской вѣры, хотимъ слѣдовать старообрядью, бывшему до Никона патріарха и просимъ Ваше Іерейство представить нашъ отзывъ гражданскому и духовному начальству“[3]). Но и относительно остальныхъ прихожанъ церкви с. Алтайскаго свящ. Василій Знаменскій въ 1867 г. свидѣтельствовалъ, что они „совершенные раскольники. Ихъ дьяки, по спискамъ присоединенные къ единовѣрію, Ив. Тим. Аѳанасьевъ и Вонифатій Леонтьевъ, служатъ молебны, ходятъ съ иконами по полямъ въ полной независимости отъ единовѣрческой церкви и единовѣрческаго духовенства“[4]).

[1]) Дѣло Губ. арх; св. 105 № 20— о крестьянахъ Максимовыхъ, Денисовѣ и др., обвиняемыхъ въ совращеніи единовѣрцевъ.
[2]) Д. Томск. Консист. № 79, 1873.
[3]) Д. Томск. Консист. 1866, № 82
[4]) Д. о Томск. Консистор. 1868 № 95.

Въ приходѣ Дмитріево-Титовскомъ уклоненіе отъ единовѣрія массою произошло было, какъ и въ Секисовскомъ, сразу послѣ присоединенія, но было пріостановлено усиліями нарочито командированныхъ увѣщателей. Тѣмъ не мѣнѣе это мало помогло внутренней связи Дмитріе-Титовцевъ съ принятымъ единовѣріемъ. И впослѣдствіи они почти не разнились отъ раскольниковъ. Храмъ не посѣщали, у исповѣди и св. причастія бывали въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ. Характеризуя своихъ прихожанъ, Дмитріе-Титовскій священникъ, между прочимъ, указывалъ, что они, «какъ самые истые старообрядцы держатся чашки. „Чашка" имѣетъ у нихъ громадную важность. Считая православныхъ нечистыми, оскверненными щепотью, они не пьютъ и не ѣдятъ съ ними, какъ „мірскими". Если кто изъ единовѣрцевъ „измірщится", т. е. смѣшается съ православными въ ѣденіи и питіи, то требуется, чтобы получилъ отъ священника очищеніе чрезъ проценую молитву (падаетъ къ ногамъ священника, произнося: благослови и прости, елика согрѣшихъ...), иначе семейные не позволяютъ ему участвовать въ ихъ чашкѣ, хотя бы онъ былъ и глава семьи. Если единовѣрецъ повѣнчается съ дѣйствительно православною, то семейные требуютъ отъ вновь пришедшей женщины, чтобы не различалась съ ними въ обрядахъ, чтобы не была „мірской". Я не дозволяю такихъ перехожденій, добавилъ священникъ, и на меня прихожане за то сердятся, угрожая открытымъ переходомъ въ расколъ" [1]).

Но въ сущности большая часть изъ нихъ открыто и перешла въ расколъ, когда въ многочисленныхъ деревняхъ Дмитріе-Титовскаго прихода стали постепенно появляться попы австрійскаго рукоположенія и прежде всего Ив. Борисовъ и Николай Черновъ, отправлявшіе здѣсь требы съ такою смѣлостію, что точно единовѣрческія деревни составляли ихъ закономъ признанный удѣлъ [2]).

Нужно сказать, что Дмитріе-Титовскіе прихожане въ нерѣдкихъ случаяхъ оправдывали свое отчужденіе отъ православной церкви указаніемъ, что и духовныя власти смотрятъ на единовѣріе, какъ на то, что стоитъ ниже православія, что по сравненію съ православіемъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторую недостаточность или даже погрѣшительность. Иначе почему, говорили Дмитріе-Титовцы, епархіальное начальство запрещаетъ причисленіе къ единовѣрческимъ приходамъ православныхъ, если послѣдніе сами желаютъ этого? [3]). Особенно были недовольны не только

---

1) Изъ рапорта свящ. Доброхотова еписк. Алексію отъ 16 сент. 1867 г. въ арх. Том. Консист.

2) Тотъ-же рапортъ Сн. отношеніе еписк. Алексія губернатору Родзянко. Ноябрь, 1867 г. № 3672 въ дѣлѣ о Ст. Левшинѣ.

3) Крестьян. Барнаул. окр. д. Овчинниковой Шадринъ въ прошенія епископу Алексію писалъ, что, принадлежа къ единовѣрію по Дмитріе-Титовскому приходу, онъ самъ женился на православной и на православныхъ дѣвицахъ женилъ и сыновей своихъ, но его жену, дѣтей и снохъ Дмитріе-Титовскій священникъ отказывается внести въ число своихъ прихожанъ, почему онъ, Шадринъ и проситъ архипастырскаго распоряженія преосвященнаго о причисленіи семейныхъ къ единовѣрію, чтобы не раздѣляться въ вѣрѣ и приходахъ. Преосвященный наложилъ резолюцію: „отказать просителю въ причисленіи жены и дѣтей къ единовѣрческой церкви, но буду радъ, если самъ проситель перейдетъ къ церкви, къ коей принадлежатъ его семейные". Д. Томск. Консист. 1867 г., № 225.

Дмитріе-Титовскіе, но и единовѣрцы Усть-Янцевскаго и Троицкаго въ г. Томскѣ приходовъ тѣми распоряженіями епархіальной власти (при епископѣ Алексіѣ), по которымъ: а) православные священники могли вѣнчать единовѣрцевъ въ своихъ церквахъ только при условіи, когда согласятся принять православіе съ дачею въ подтвержденіе этого согласія подписки; б) чтобы дѣти, родившіяся отъ смѣшанныхъ браковъ единовѣрцевъ съ православными, были воспитываемы въ духѣ и обрядахъ православной церкви съ причисленіемъ ихъ къ православнымъ приходамъ [1]). Вскорѣ послѣ распубликованія этихъ распоряженій Дмитріе-Титовскіе единовѣрцы составили съѣздъ, на которомъ рѣшили просить „вышнее" начальство о возвращеніи прежнихъ правъ единовѣрію [2]), и, дѣйствительно, подали такое прошеніе Вел. Князю Владиміру Александровичу въ его проѣздъ по губерніи. Прихожане Усть-Янцевской церкви грозили, что всѣ уйдутъ въ расколъ, если указанныя распоряженія не будутъ отмѣнены, такъ какъ имъ, Усть-Янцевцамъ, стало очень прискорбно, когда священникъ отчислилъ изъ ихъ семействъ къ православнымъ приходамъ до 500 душъ [3]). Они волновались до тѣхъ поръ, пока не выхлопотали у св. Сѵнода особое для себя разрѣшеніе относительно воспитанія въ духѣ единовѣрія дѣтей и отъ смѣшанныхъ браковъ. По поводу тѣхъ же распоряженій ни какъ не хотѣли успокоиться и единовѣрцы Томской Троицкой церкви, написавшіе два прошенія: одно на Высочайшее Имя въ 1877-мъ, другое—въ св. Сѵнодъ въ 1878 году [4]). Текстъ обоихъ прошеній сходенъ почти до полнаго тожества и нѣкоторыя изъ изложенныхъ въ немъ указаній, по нашему мнѣнію, не лишены историческаго интереса.

Въ нашемъ приходѣ, говорили просители весьма часто повторяются прискорбные случаи отпаденій прихожанъ „въ глаголемый расколъ разныхъ толковъ". Отпаденія вызываются слѣдующими причинами.

1) „Отъ насъ, единовѣрцевъ, при вступленіи въ бракъ съ невѣстами православными требуются и берутся подписки, чтобы мы дѣтей своихъ отъ такихъ браковъ крестили и воспитывали въ духѣ и обрядахъ православія, въ противномъ случаѣ такіе браки воспрещаются вовсе". Это требованіе мы находимъ невыполнимымъ въ силу особыхъ условій нашей сибирской жизни. Большинство прихожанъ нашей единовѣрческой церкви проживаетъ отъ нея въ разстояніи на 100, 200, 300 и болѣе верстъ, причемъ живемъ разъединенно между собою и не зная другъ друга. „Это обстоятельство и поставляетъ насъ, единовѣрцевъ, въ естественную необходимость вступать въ бракъ съ православными невѣстами и своихъ дочерей выдавать за православныхъ. Мы не чуждаемся такихъ браковъ,—видимъ, что не чуждаются и насъ. Но печально то, что каждый повѣнчавшійся на православной дѣвицѣ, давъ

---

[1]) Указы Томск. Консисторіи отъ 3 октября 1867 г. и 13 февр. 1868 г.

[2]) Дѣло Томск. Консист. № 118 за 1868 г.

[3]) Д. той-же Консисторіи № 59 за 1869 г.

[4]) Дѣло Томской Консисторіи по прошенію довѣреннаго отъ прихожанъ г. Томска Троицкой церкви томск. мѣщанина № 100 за 1877 г. Сн. Д. той-же Консисторіи „по указу св. Сѵнода съ прошеніемъ довѣреннаго отъ тѣхъ же прихожанъ мѣщанина Марка Пермякова"... № 298 за 1878.

обязательство о воспитаніи своихъ дѣтей въ православіи, въ большинствѣ случаевъ — по необходимости, неискренно, долженъ сознавать, что онъ и его семья не одно и тоже". Отсюда въ семьяхъ недовольство и безпокойство, побуждающія нѣкоторыхъ къ уклоненіямъ въ сторону „жалкаго заблужденія". Кромѣ того, воспитаніе дѣтей въ семьяхъ, гдѣ мать изъ православія, въ дѣйствительности не можетъ быть ведено въ духѣ и обрядахъ православія какъ частію потому, что родители не умѣютъ найти въ своей душѣ причинъ неуваженія и нелюбви къ единовѣрческой церкви, такъ съ другой стороны по непониманію сути дѣла самими родителями и по внутреннему влеченію отца сохранить свое".

2) Указомъ Томской Дух. Консисторіи отъ 26 мая 1875 г. за № 1728-мъ запрещено вѣнчать по обрядамъ единовѣрія единовѣрокъ съ православными женихами. Указъ этотъ, по нашему мнѣнію, не согласуется съ 14-мъ пунктомъ правилъ о единовѣріи, Высочайше утвержденныхъ 1800 г. октября 26 дня. И потому въ этомъ распоряженіи Консисторіи мы не можемъ не усматривать горькаго униженія нашей церкви предъ православіемъ.

3) Женамъ единовѣрцевъ, по происхожденію православнымъ, не дозволено исполнять свои христіанскія нужды при нашей единовѣрческой церкви. Это, по нашему мнѣнію, также „печальное недоразумѣніе", вслѣдствіе котораго многія изъ женщинъ на всю жизнь. по бракосочетаніи, остаются лишенными таинствъ св. церкви: покаянія и причащенія, и нерѣдко безъ сихъ таинствъ и умираютъ. „Здѣсь нельзя не сказать, что большинство православнаго населенія Сибири и до настоящаго времени привязано къ двуперстосложенію, а потому жены единовѣрцевъ, взятыя изъ православныхъ семей, проживая въ сожительствѣ съ мужемъ — единовѣрцемъ, скоро и легко привязываются къ церкви единовѣрческой".

4) „Одинаково грустному запрещенію подпадаютъ и тѣ крещенные при православныхъ храмахъ, которые не исполняли ни одной обязанности въ православной церкви въ продолженіи 20 и болѣе лѣтъ, какъ бываетъ съ лицами, непроизвольно попавшими въ кругъ старообрядчества и глубоко сжившимися съ его обрядами и обычаями. Желаніе таковыхъ людей соединиться съ единовѣрческою церковью и отказъ въ этомъ (со стороны епархіальной власти) также нерѣдко вызываетъ великую душевную боль и даже отчаяніе".

„Соображая всѣ эти ограниченія правъ нашего единовѣрія и видя ихъ печальныя послѣдствія, просимъ, примѣнительно къ нашимъ мѣстнымъ условіямъ, милостивѣйше разрѣшить: а) браки единовѣрцевъ съ православными совершать, согласно 14 пунк. правилъ Высокопреосвященнѣйшаго Платона, митрополита Московскаго, безразлично въ церкви единовѣрческой и православной; б) дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ крестить и воспитывать въ духѣ и обрядахъ единовѣрія согласно указу св. Сvнода отъ 13 сентября 1874 г. за № 2545-мъ, данному единовѣрцамъ—прихожанамъ Томской губ. Каинскаго окр. с. Усть-Янцева,—равнымъ образомъ воспитывать также въ единовѣріи и тѣхъ младенцевъ отъ родителей—единовѣрцевъ, которые, за

отсутствіемъ единовѣрческаго священника, бываютъ крещены священникомъ православнымъ; в) женамъ единовѣрцевъ, по происхожденію православнымъ, свободно исполнять свои христіанскія нужды по внутреннему влеченію души: или по обрядамъ единовѣрія, или православія, и разрѣшить таковыхъ женъ отпѣвать при единовѣрческой церкви и г) лицамъ, много лѣтъ уклонявшимся отъ православія, дозволить вступать подъ кровъ единовѣрческой церкви [1]).

Желанія томскихъ единовѣрцевъ встрѣтили удовлетвореніе съ тѣхъ поръ, какъ было объявлено Высочайше утвержденное, 4 іюля 1881 г., опредѣленіе св. Сѵнода о дополненіи нѣкоторыхъ пунктовъ правилъ единовѣрія. Въ этомъ опредѣленіи а) найдено возможнымъ дополнить 14 пун. правилъ единовѣрія дозволеніемъ „дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ православныхъ съ единовѣрцами, смотря по общему желанію ихъ родителей, крестить въ православной или единовѣрческой церкви, равно сподоблять и прочихъ св. таинствъ въ церкви православной или храмѣ единовѣрческомъ"; б) разрѣшено присоединяться къ единовѣрію тѣмъ изъ записныхъ православными, кои по надлежащемъ разслѣдованіи окажутся издавна, не менѣе пяти лѣтъ, уклоняющимися отъ исполненія таинствъ православной церкви; в) не встрѣчено препятствій къ дозволенію единовѣрцамъ, если пожелаютъ, исповѣдываться и причащаться св. Таинъ въ православной церкви, равнымъ образомъ и православнымъ быть у исповѣди и св. причастія въ единовѣрческой церкви и у единовѣрческаго священника. Впрочемъ, православнымъ это дозволено только въ исключительныхъ случаяхъ—„съ тѣмъ притомъ, чтобы подобное обращеніе отнюдь не служило поводомъ къ перечисленію православнаго въ единовѣріе [2]).

Единовѣріе, сгруппированное около церкви въ с. Шипицинѣ, въ качественномъ отношеніи было до того слабо, что прихожане съ полною готовностію давали довѣренности Гутовымъ на предметъ ходатайства предъ властями объ обращеніи Шипицинскаго храма въ поморскую часовню. Перспектива видѣть приходскій храмъ поморскою часовнею, какой онъ былъ прежде, по словамъ свящ. Конусова, сильно волновала и радовала Шипицинскихъ прихожанъ [3]). Бывъ увѣрены, что ихъ желаніе сбудется, они заранѣе отказали во всякихъ отношеніяхъ къ причту. Но и послѣ окончанія дѣла Гутовыхъ единовѣріе въ мѣстностяхъ по р. Чумышу оказалось настолько въ безнадежномъ положеніи, что къ пустовавшей богомольцами Шипицинской церкви епархіальное начальство уже не назначало священ-

---

[1]) Дѣло съ прошеніемъ Марка Пермякова.

[2]) Высочайше утвержденное опредѣленіе св. Сѵнода о дополненіи нѣкоторыхъ пунктовъ правилъ единовѣрія. Церковный Вѣстникъ, 1881 г., № 37.

[3]) Шипицинскимъ раскольникамъ, согласившимся на принятіе единовѣрія, сильно не хотѣлось отдавать свою часовню для перестройки ея въ единовѣрческій храмъ. Они, какъ писалъ преосвящ. Парѳеній въ одномъ изъ своихъ епархіальныхъ отчетовъ, выискивали всевозможные предлоги, чтобы затормозить дѣло передѣлки. „Соглашались даже на постройку церкви въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, лишь-бы не касаться любимой часовни".

ника. Нѣкоторое время она находилась въ завѣдываніи причта довольно отдаленнаго единовѣрческаго селенія Батуровскаго. Отсутствіемъ ближайшаго и постояннаго надзора за храмомъ раскольники воспользовались для того, чтобы открыть въ немъ свое собственное безпоповщинское богослуженіе. Къ богослуженію, отправляемому по очереди расколоучителями и расколоучительницами Ѳед. Казанцевымъ, Андреемъ Шишкинымъ, Ѳеклой Казанцевой и Анисьей Шишкиной, собирались поморцы не только изъ ближайшихъ мѣстъ, но и изъ дальнихъ деревень, причисленныхъ къ приходамъ Волчанскому, Сорокинскому и Чистюньскому (дер. Фунтикова). Послѣ того распоряженіемъ епархіальной власти Шипицинскій храмъ былъ закрытъ; вся его утварь перешла въ достояніе православной церкви, построенной въ сосѣднемъ селѣ Язовскомъ [1]).

Во многихъ изъ единовѣрческихъ приходовъ состояніе единовѣрія почти не улучшилось и къ 1880-мъ годамъ. Въ одной изъ оффиціальныхъ бумагъ, посланныхъ еписк. Петру въ 1879 г., священникъ Алтайской Златоустовской церкви Григорій Серебрянскій скорбно жаловался на свою недавно порученную ему паству въ такихъ словахъ:—„Со дня моего поступленія въ приходъ, я встрѣтилъ оный до крайности разстроеннымъ, - погрязшимъ въ расколъ *до безумія*. Однихъ сводныхъ браковъ я нашелъ въ приходѣ 90, некрещенныхъ младенцевъ до 200. Въ настоящемъ, 1879 г., похоронено со священническимъ отпѣваніемъ и занесено въ метрики покойниковъ: 3 муж. и 11 женск. пола, тогда какъ, по моему соображенію, всѣхъ умершихъ по приходу было болѣе 60-ти. Такое положеніе прихода меня ужаснуло и заставило заняться обузданіемъ главнѣйшихъ, расколоучителей, именно крестьянъ Алтайской волости: Григорія Климова Казызаева, Антона Михайлова Губина, Михаила Осипова Архипова, Вахромея Карпова Орлова, Еремея Евгр. Паутова и Іосифа Селиверстова Панова, развратившихъ приходъ до того, что вѣрныхъ церкви въ приходѣ имѣется только ничтожная часть" [2]). Въ свою очередь преемникъ Серебрянскаго свящ. Кандауровъ писалъ: почти половина моихъ прихожанъ въ самой сильной степени наклонна къ расколу и въ этой половинѣ до 400 человѣкъ не хотятъ имѣть съ церковію рѣшительно никакихъ сношеній. Но и тѣ, которые не чуждаются храма, слушаются не столько меня, ихъ пастыря, сколько отдаются вліянію дьяковъ, напитывающихъ ихъ всяческими суевѣріями. Въ оффиціальной запискѣ о состояніи Томскаго раскола за 1895—1896 г. засвидѣтельствовано, что единовѣрцы Сибирячихинскаго прихода „по прежнему продолжаютъ быть раскольничествующими единовѣрцами, причащающимися древними запасными дарами у своихъ дьяковъ и наставниковъ Никифора и Епифана Черепановыхъ" [3]).

---

[1]) Рапортъ причта с. Язовскаго отъ 15 авг. 1879 г. въ дѣлѣ Консисторіи „о необходимости запечатанія Шипицинской единовѣрческой церкви"—№ 380 за 1879 г.

[2]) Дѣло Томск. Консист. за 1879 г. № 381. Сн. отчетъ о состояніи прихода Алтайской Іоанно-Златоустовской единовѣрческой церкви за 1885 г

[3]) „Расколъ въ Томской епархіи за 1895—96 г.". Томск. Епарх. Вѣд. за 1897 г. № 17, стр. 35

Въ Секисовскомъ приходѣ за 1885 годъ насчитывалось единовѣрцевъ, наклонныхъ къ расколу, мужскаго пола 2875 и женскаго 2939 душъ, въ Шипуновскомъ—въ томъ же году—мужск. пола 1831 и женскаго—1795 душъ[1]). Прихожане с. Суэнги, говорилъ о нихъ священникъ Поспѣловъ, въ церковь не ходятъ, къ исповѣди являются рѣдко. Исповѣдавшихся и причастившихся въ 1885 г. было по всему приходу 11 душъ, не исполнившихъ христіанскаго долга говѣнія 1840 душъ. Всѣ не бывшіе у таинствъ заражены расколомъ[2]). По той же причинѣ, зараженности расколомъ, въ Дмитріе-Титовскомъ приходѣ за 1880-ые годы къ таинству исповѣди являлась едва десятая часть прихожанъ, въ средѣ которыхъ до 1000 человѣкъ можно было смѣло назвать настоящими раскольниками. И въ глазахъ Дмитріе-Титовскихъ единовѣрцевъ авторитетъ уставщиковъ дьяковъ не переставалъ стоять выше авторитета единовѣрческаго священника. Болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ епархіи и губерніи, единовѣріе привилось въ приходахъ селъ—Шеманаихи и Усть-Янцева. Свою устойчивость въ единовѣріи Усть-Янцевскіе прихожане ставили себѣ даже въ заслугу, указывая, что ихъ „храмъ процвѣтаетъ противу не только другихъ единовѣрческихъ, но и православныхъ церквей". Тѣмъ не менѣе на Томскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ 1898 г. общее состояніе единовѣрія въ Томской епархіи охарактеризовано слѣдующими чертами. Изъ всѣхъ единовѣрцевъ только 5-ая часть можетъ быть названа по своимъ дѣйствительнымъ убѣжденіямъ и настроенію истинными единовѣрцами, остальные же въ этомъ отношеніи не отличаются отъ раскольниковъ. Они обособляютъ себя отъ православныхъ, полагая, что одна только ихъ вѣра истинная и древле-православная; православные же, въ представленіи такихъ единовѣрцевъ, еретики—„никоніане". Сообщеніе единовѣрцевъ съ православными считается „измірщеніемъ", требующимъ особаго очищенія чрезъ епитимію. Вообще значительная часть единовѣрцевъ Томской епархіи лишь оффиціально числится при единовѣрческихъ церквахъ, а на самомъ дѣлѣ болѣе тяготѣетъ къ расколу, нежели къ православію, а въ иныхъ случаяхъ послѣдователи единовѣрія какъ напримѣръ, Сибирячихинскіе, относятся къ православной церкви болѣе нетерпимо и фанатично, чѣмъ раскольники. „Не мало есть и такихъ единовѣрцевъ, которые, какъ, напримѣръ, въ д. Третьяковой Тисульскаго прихода, д. Черемшанкѣ Сибирячихинскаго прихода, с. Верхъ-Тяжинскомъ Маріинскаго окр. открыто перешли изъ единовѣрія въ расколъ" [3]).

---

[1]) Приходскіе отчеты сс. Секисовскаго и Шипуновскаго за 1885 г.
[2]) Приходскій отчетъ свящ. с. Суэнги Павла Поспѣлова за 1885 г.
[3]) Первый Епархіальный Миссіонерскій съѣздъ въ г. Томскѣ. Томскъ 1900 г., стр. 188—189.

XII.

Раціоналистическое и мистическое сектанство въ Томской губерніи.—Причины его появленія здѣсь.—Духоборчество.—Молоканство.—Постепенное развитіе молоканства въ предѣлахъ губерніи.—Субботники и Іудействующіе.—Субботники Гуляевы въ с. Кійскомъ (нынѣш. г. Маріинскъ) и Іудействующіе въ г. Каинскѣ.—Скопчество.—Первые скопцы въ г. Томскѣ. Послѣдующіе скопцы—поселенцы и скопцы—добровольные пришельцы изъ внутреннихъ губерній Россіи.—Скопческая пропаганда.—Дѣла объ оскопленіяхъ въ Томской губерніи.—Общее количество скопцевъ въ губерніи за разные годы—Появленіе хлыстовщины.

Въ многочисленномъ Томскомъ расколѣ издавна явились послѣдователи раціоналистическаго и мистическаго сектанства въ видѣ духоборчества, молоканства, субботничества и скопчества. Первые представители сектанства названныхъ толковъ, признанныхъ нашимъ законодательствомъ особенно вредными, состояли почти исключительно изъ поселенцевъ, сосланныхъ въ Сибирь за преступныя проявленія ихъ религіозныхъ убѣжденій, а иногда и за самыя эти убѣжденія.

Нѣкоторые изъ болѣе ярыхъ и фанатическихъ послѣдователей духоборчества были наказаны сибирскою ссылкою еще въ царствованіе Екатерины II. Тогда попалъ въ Сибирь и самый главный учитель и распространитель духоборчества Ил. Побирохинъ. Но особенно строго отнесся къ духоборцамъ, преимущественно за ихъ ученіе объ отверженіи власти, императоръ Павелъ I. 28 августа 1799 г. были отосланы въ Екатеренбургъ для работъ въ рудникахъ Новгородскіе духоборцы въ числѣ 31 человѣка. Здѣсь велѣно было содержать ихъ скованными, „употребляя въ наитягчайшія работы, дабы сіи духоборы, отвергающіе вышнюю власть на землю, предѣломъ Божіимъ поставленную, возчувствовали чрезъ сіе, какъ слѣдуетъ, то, что суть на земли власти, Богомъ опредѣленныя на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ же подобнымъ на страхъ и наказаніе" [1]). Менѣе чѣмъ черезъ годъ, именно 30 марта 1800 г., было объявлено Высочайшее распоряженіе:—духоборовъ, упорствующихъ въ своихъ заблужденіяхъ подвергать „всей тягости законнаго наказанія" [2]), куда, конечно, включалось и наказаніе ссылкою въ отдаленныя части Россійской Имперіи.

Извѣстно, что Императоръ Александръ Павловичъ не одобрялъ крутыхъ мѣръ въ приложеніи къ расколо-сектанству. „И разумомъ и опытомъ давно уже дознано", писалъ государь въ своихъ указахъ по дѣламъ сектантовъ, „что умственныя заблужденія простого народа... добрымъ примѣромъ и терпимостію мало-по-малу изглаждаются и исчезаютъ... Просвѣщенному-ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и потому подобнымъ? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскать

---

[1]) Собраніе постановленій по части раскола, состоявшихся по вѣдомству св. Сѵнода. Ч. 1. 1860. Спб. стр. 771—772.

[2]) Тамъ же, стр. 783—784.

и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствомъ и казнями... Жестокость не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ“ [1]). При такомъ воззрѣніи Императора расколу въ его царствованіе жилось сравнительно легко. Относительно легко чувствовали себя сектанты, за исключеніемъ развѣ субботниковъ и скопцевъ. Въ частности духоборамъ и молоканамъ правительство дозволило переселенія на хлѣбородныя земли по берегамъ рѣки Молочной (Молочныя Воды) въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, при этомъ еще до 1805 г. переселенцамъ выдавались значительныя денежныя ссуды и вообще были оказываемы разныя льготы. Дозволены и облегчены были переселенія въ томъ разсчетѣ, чтобы, сведеніемъ сектантовъ въ одно опредѣленное мѣсто, „пресѣчь ихъ вліяніе на другихъ“ [2]). Снисходительное къ названнымъ сектантамъ отношеніе не исключало однако постановленій, въ силу которыхъ духоборы и молокане, виновные въ явныхъ соблазнахъ должны были быть, какъ нарушители общаго благочинія, подвергаемы суду и наказанію,—въ случаяхъ особой виновности, и наказанію ссылкой [3]).

Со времени воцаренія Николая I правительственное отношеніе къ сектантамъ дѣлается снова строгимъ. 10 Апрѣля 1826 г. Комитетъ министровъ, между прочимъ, постановилъ: помѣщичьихъ крестьянъ, предавшихся духоборческой ереси, отдавать въ военную службу, а въ случаѣ неспособности къ оной ссылать въ Сибирь на поселеніе[4]). Распоряженіемъ отъ 20 октября 1830 г. было опредѣлено: всѣхъ послѣдователей особенно вредныхъ сектъ, въ частности духоборовъ и молоканъ, изобличенныхъ въ распространеніи ереси и привлеченіи къ ней другихъ, а также въ соблазнахъ, буйствѣ и дерзостяхъ противъ церкви и духовенства, отдавать въ военную службу съ обращеніемъ въ Кавказскій корпусъ, а неспособныхъ къ службѣ и женщинъ отсылать для водворенія въ Закавказскія провинціи [5]). Въ 1839 году въ Закавказскія провинціи были переведены и всѣ мелитопольскіе духоборы, вынужденные оставить насиженныя мѣста и нажитыя хозяйственныя заведенія. Но еще раньше состоялось не разъ затѣмъ повторенное постановленіе, по которому сектанты Закавказья, впадшіе въ новыя преступленія противъ вѣры подлежали неизбѣжной отсылкѣ въ Сибирь [6]).

Въ общемъ духоборцевъ и молоканъ въ ссыльномъ элементѣ Сибирскаго населенія должно было накопиться очень не мало. Правда, сектанты эти большею частію препровождались въ Восточную половину Сибири, но попадали и въ Западную.—Въ 1835-мъ году ген.-губернаторъ Восточной Сибири Сулима доносилъ Государю, что духоборцы отличаются неудержимою ревностію въ распространеніи своего ученія, такъ что, гдѣ появится сектантъ, то тотчасъ начнутся уклоненія въ ересь, будь то на каторжныхъ работахъ, или въ мѣстахъ самыхъ нелюдимыхъ и глухихъ [7]).

---

[1]) Собран. постановленій по ч. раскола. Спб. 1875, стр. 47.
[2]) Тамъ же, стр. 18.
[3]) Тамъ же, стр. 54—55.
[4]) Тамъ же, стр. 87.
[5]) Тамъ же, стр. 104.
[6]) Тамъ же. стр. 213,529—531. Сн. Варадиновъ. Исторія М. В. Д. кн. 8, стр. 359, 501.
[7]) Собр. постан. по ч. раск., стр. 154—156.

Не приминули заявить себя совратительствомъ и духоборы изъ поселенцевъ Томской стороны. Въ 1812 г. Томскій губернаторъ оффиціальной бумагой извѣстилъ Тобольскаго Преосвященнаго, что нѣкоторые изъ Томскихъ крестьянъ начинаютъ уклоняться въ духоборческую ересь [1]). Вскорѣ затѣмъ крестьяне Красноярскаго округа нынѣшней Енисейской губерніи, деревень Дмитріевской и Усть-Сертинской Федотъ Миловановъ и Карпъ Стародубцевъ отказались на сходѣ отъ участія въ построеніи ограды для своей приходской церкви, не стѣснившись откровеннымъ заявленіемъ, что они иконамъ не молятся, такъ какъ ихъ дѣлали люди, въ церковь не ходятъ, потому что церкви не признаютъ. Послѣдовало дознаніе: откуда и отъ кого крестьяне заимствовали такія мысли? Миловановъ и Стародубцевъ отвѣтили, что вѣру свою, съ которою ни за что неразстанутся, получили отъ *разума* своего и отъ толкованій томскаго мѣщанина Ѳедора Бурнашева [2]).

Почти въ-то-же время духоборецъ оказался еще въ одной изъ ближнихъ къ Томску деревень, именно въ дер. Лучановой (Спасской вол.). Это былъ крестьянинъ Аверьянъ Матвѣевъ, совратившійся въ духоборство самъ и начавшій притѣсненіями совращать жену и дочь. Жену онъ довелъ притѣсненіями до жалобы начальству и дочь до того, что вмѣсто иконъ она стала кланяться стѣнамъ и печи. Это дѣлала она по внушенію отца, наставлявшаго, что стѣны въ домѣ защищаютъ насъ отъ воздушныхъ перемѣнъ, а печь и согрѣваетъ, и въ ней готовится пища, потому стѣны и печь нужно уважать больше, чѣмъ иконы.

Учителемъ Матвѣева былъ все тотъ-же Бурнашевъ, дѣйствовавшій въ совратительствѣ съ своимъ собратомъ по вѣрѣ, томскимъ-же мѣщаниномъ изъ ссыльныхъ Ефимомъ Ѳедоровымъ.

Разумѣется, о совратителяхъ возникло судебное дѣло. На допросахъ Бурнашевъ и Ѳедоровъ говорили: церковь Божію, сотворенную руками человѣческими, не признаемъ истинною, въ нее ходятъ только язычники; „церковь признаемъ и почитаемъ только ту, которая въ нашихъ сердцахъ. Причащаемся духовно. Исповѣдаемся духовно же только одному Царю небесному". На предложеніе священника Бурнашеву осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ послѣдній отвѣтилъ: „ни въ пророческихъ книгахъ, ни въ евангеліи не велѣно креститься, — напротивъ, въ 28 главѣ евангелія Матѳея прямо возбраняется это. Самъ Христосъ не заповѣдалъ креститься ученикамъ, а научилъ молиться такъ: Отче-нашъ... Начитавшись Писанія, я вѣрую во единаго Бога, въ церковь не хожу, образамъ не молюсь..."

Среди этихъ и подобныхъ заявленій Бурнашевъ признался, что въ первый разъ наученъ былъ духовному христіанству ссыльными духоборцами,

---

[1]) Ук. Тоб. Консист. 20 сент. 1812 г. Въ арх. Барнаул Дух. Правл.
[2]) Ливановъ. Раскольники и Острожники, т. II, стр. 527—528.

которыхъ знаетъ въ числѣ 14 человѣкъ [1]). Но онъ зналъ ихъ значительно больше. Во время производства слѣдствія Ѳедоръ Бурнашевъ и Матвѣй Стародубцевъ, въ качествѣ довѣренныхъ отъ лица 46 духоборцевъ, жившихъ въ деревняхъ нынѣшняго Маріинскаго округа: Дмитріевской, Чеманской и Верхне-Чебулинской подали прошеніе о дозволеніи переселиться имъ въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи. Въ прошеніи было отказано, а по суду Бурнашевъ за совратительство былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Иркутскую губернію [2]). Духоборческая община, къ которой принадлежалъ Бурнашевъ, представителемъ которой онъ былъ, не развилась. Впослѣдствіи въ Томскомъ населеніи духоборовъ мы встрѣчаемъ рѣдко и притомъ разсѣянными поодиночкѣ въ разныхъ частяхъ губерніи. Упомянутый нами, отвергавшій всякую обрядность поселенецъ Игнатій Михѣевъ [3]), коего благочинный Невскій называлъ не просто раскольникомъ, но сектантомъ худшимъ, чѣмъ раскольникъ, былъ, несомнѣнно, духоборцемъ. Одинъ изъ поселенцевъ, причисленный къ д. Долгоозерной Казанской вол. Каинскаго окр., до такой степени проникся духоборческимъ ученіемъ о возможности вселенія Христа, какъ Божественнаго Разума, въ избраннаго человѣка, что въ концѣ концевъ усмотрѣлъ самъ въ себѣ такого избранника, почему рѣшался называть себя то царемъ, то даже Богомъ, за что понесъ наказаніе 60 ударами розогъ [4]). Въ 1880 хъ годахъ старался распространять духоборство въ Бійскомъ округѣ выходецъ изъ Россіи Ив. Емельяновъ, но его усилія не встрѣтили успѣха и самъ онъ административнымъ порядкомъ бымъ высланъ изъ предѣловъ губерніи [5]).

Прочнѣе и обильнѣе укоренилось въ губерніи молоканство. По нашимъ матеріаламъ, первымъ молаканиномъ, явившимся въ 1800 году на положеніи

---

[1]) До какой степени Бурнашевъ былъ обрадованъ тѣмъ, что наученъ былъ „духовному христіанству“ и вмѣстѣ насколько фанатизировало его послѣдованіе ереси—видно изъ надписей, сдѣланныхъ имъ на могильномъ памятникѣ умершаго роднаго брата. На одной сторонѣ памятника Ѳедоръ написалъ:

„Пробудись братецъ, Степанъ Ильичъ! Посмотри имя мое новое, яко есть чудно имя мое по всей земли. Вооружаюсь словомъ Божіимъ. Со славою въ вѣкъ вѣка зоветъ меня Господь ко спасенію... Позналъ я Господа Іисуса Христа—истинна. Путь предстоять желаю, за истину путь Его страдаю На стезяхъ Господа утверждаюсь“.

На другой сторонѣ того-же памятника:—

„Словомъ Божіимъ свидѣтельствую. Іисуса Христа благодарю—Господа Бога своего за Его даръ великій, что просвѣтилъ очи мои, яко ризы сіяющія, яко одѣяніе нетлѣнное и неоцѣненное. Благодарю Господа Бога за великое Его наставленіе. Блаженъ изгнанный правды ради, того есть царствіе небесное.

Здѣсь селеніе прекрасно,
И мученіе мнѣ не ужасно.
Я отраду буду зрѣть,
А гонитель покою не имѣть

Дѣло въ губ. арх.; св. 2132.

[2]) Дѣло въ архивѣ Томскаго Губернскаго Управленія св. 2132 за 1819 г. Нынѣ въ архивѣ этого дѣла нѣтъ. Мы пользовались выписками изъ него, сдѣланными въ 1880-хъ годахъ о. законоучителемъ Томской Гимназіи Л. А. Мисюревымъ.

[3]) См. выше, стр. 14.

[4]) Дѣло въ губ. архивѣ съ реестромъ дѣлъ о раскольникахъ; св 128 за 1854—1855 г.

[5]) Первый Епарх. Миссіонерскій Съѣздъ въ г. Томскѣ..., стр. 74.

ссыльнаго въ Томскій округъ былъ Григорій Кустовъ, вскорѣ, по приходѣ на мѣсто поселенія, приписавшійся къ томскому мѣщанскому обществу и проживавшій въ губ. городѣ со всею семьею своимъ домомъ. Кустовъ былъ присланъ съ товарищами—одновѣрцами, но куда дѣлись послѣдніе—осталось неизвѣстнымъ. Затѣмъ сосланные къ Томску молокане были водворяемы по волостямъ Уртамской [1]), Спасской и Дмитріевской [2]). Въ 1815 году нѣсколько поселенческихъ молоканскихъ семей основали въ глуши Пѣтуховской тайги дер. Емельянову, ставшую потомъ гнѣздомъ Томскаго молоканства. Въ 1841 и 1856 годахъ къ Емельяновой примкнули цѣлыя партіи молоканъ, сужденныхъ за принадлежность къ сектанству въ Тамбовской губерніи. Въ 1860 г. изъ Емельяновой добровольно ушло на Амуръ 188 душъ[3]), но, за этою большою убылью, въ молоканской деревнѣ все-же осталось 156 душъ обоего пола [4]). Въ 1850 и 1860-хъ годахъ молокане группировались еще около г Маріинска, гдѣ въ большой дружбѣ жили съ субботниками. Рано появилось молоканство и въ Барнаульскомъ округѣ, но особенно сильно сторонники его начали заявлять себя здѣсь въ послѣд-

[1]) Изъ молоканъ Уртамской волости по архиву мы узнали только объ одномъ—поселенцѣ дер. Еловки Меркуріѣ Пшонкинѣ, бывшемъ на увѣщаніи Консисторіи въ 1846 году. На увѣщаніяхъ онъ говорилъ, что уклонился въ сектанство самъ собою, купивъ въ Томскѣ на рынкѣ Библію и начитавшись въ ней, что покланяться иконамъ не слѣдуетъ. Увѣщанія на него не подѣйствовали. Въ ереси Пшонкинъ остался упорнымъ. Дѣло Губ. Прав; св 741 о Меркуріѣ Пшонкинѣ.

[2]) Ливановъ. Раскольники и Острожники, т. III, стр. 538.

[3]) Молоканство выродилось изъ духоборчества, и потому въ своемъ ученіи близко подходитъ къ этому послѣднему. Наиболѣе важное различіе одной ереси отъ другой заключается въ слѣдующихъ пунктахъ. Главнымъ источникомъ вѣроученія послѣдователи духоборчества признаютъ „Книгу Животную", дошедшую къ нимъ, духоборамъ, отъ Христа. Въ полнотѣ и цѣлости „Книга Животная" сохраняется во всемъ духоборческомъ обществѣ, а не въ памяти и сознаніи какого-либо отдѣльнаго духоборца. „Книга Животная" сбивчиво трактуется и какъ преданіе, и какъ слово Божіе внутреннее, живущее въ человѣкѣ. Книгамъ свящ. Писанія духоборы мало придають значенія, хотя любятъ цитовать изъ нихъ мѣста, по ихъ мнѣнію, благопріятствующія ихъ воззрѣніямъ Молокане признаютъ въ Библіи святѣйшій и исключительный авторитетъ. Духоборы отвергаютъ догматъ о св Троицѣ. Лица св. Троицы они изъясняютъ въ качествѣ проявленій отдѣльныхъ силъ единаго Божества: Отецъ—память, Сынъ—разумъ, св. Духъ—воля. Молокане въ св. Троицу вѣруютъ, но Сына и св. Духа почитають ниже Отца. Въ ученіи о Спасителѣ міра—Іисусѣ Христѣ среди духоборцевъ не было устойчиваго и единодушнаго признанія. Одинъ изъ раннихъ и самыхъ вліятельныхъ вождей духоборчества Илар. Побирохинъ училъ, что Христосъ есть Божественный разумъ, который переселяется изъ однихъ избранныхъ людей въ другихъ. Къ такимъ избранникамъ Побирохинъ, конечно, причислялъ и себя, и поэтому дерзалъ прилагать къ себѣ титло преимущественнаго Сына Божія. Вслѣдъ за Побирохинымъ и прочіе духоборцы считали Іисуса Христа Божественной силой, проявляющейся въ природѣ и людяхъ праведныхъ пророкахъ, апостолахъ и въ духоборахъ. „Христосъ страдаетъ и умираетъ въ сердцѣ каждаго вѣрующаго" (свящ. Н. Кутеповъ. Краткая исторія и вѣроученіе русскихъ раціоналистическихъ и мистическихъ ересей.. Изд. второе. Новочеркасскъ 1899 г., стр. 11). Закавказскіе духоборы со второй половины XIX в. начали признавать евангельскаго Христа, воплотившагося отъ св. Маріи и Духа св. на истребленіе грѣха и разрушеніе царства діавола.—Въ вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа, какъ Сына Божія, Спасителя и Искупителя міра молокане были всегда единодушны, но при этомъ въ прежнее время утверждали, что Господь принялъ не дѣйствительную человѣческую плоть, а такую, какую имѣлъ архангелъ Рафаилъ, сопутствовавшій Товіи. Въ иносказательномъ, хотя не одинаковомъ пониманіи таинствъ церкви и въ отверженіи обрядовой стороны православной вѣры, духоборцы и молокане сходятся (духоборецъ духомъ Богу служитъ, отъ духа беретъ, духомъ утверждается, духомъ бодрствуетъ, отъ духа мечъ получаетъ, симъ мечемъ воюетъ. – Ливановъ. Раскольники и Острожники. Т. II, изд. второе, стр. 383). Въ большинствѣ тѣ и другіе не разнятся другъ отъ друга и въ принципіальномъ отверженіи земной власти и различныхъ гражданскихъ установленій, но принципы далеко не всегда рѣшаются доводить до ихъ практическихъ слѣдствій.

[4]) Дѣло Томск. Консист. за 1866 г. № 2.

нія десятилѣтія XIX стол., когда сектанты изъ россійскихъ переселенцевъ почти цѣликомъ заняли деревни Тютюнскій Куставъ (Ново-Покровка тожъ) и Ащегулъ прихода Боровскаго Форпоста и пріютились еще въ с. Черемновскомъ, с. Павловскомъ, дд. Ново-Обинцевой Ильинскаго прихода, Маломъ Плесѣ и Велижаниномъ Лугу Хабаровскаго прихода, Грамотиной Черно-Курьинскаго прихода, Полойкѣ и Травныхъ озерахъ Карасукскаго прихода, Высокой Гривѣ, Кривыхъ Озерахъ и Зыковой Панкрушихинскаго прихода, с. Крутихинскомъ, д. Долговой Мармышинскаго прихода, въ Ярославскомъ Лугу Ново-Покровской волости и проч. [1]).

Какъ вездѣ, такъ и въ Томской губерніи молокане не хотѣли и нехотятъ удерживаться отъ завлеченій въ свою секту людей постороннихъ. Кустовъ за пропаганду своего ученія въ самомъ городѣ Томскѣ попалъ подъ судъ и былъ освобожденъ отъ наказанія только за силою одного изъ милостивыхъ манифестовъ [2]). Въ 1847 г. молоканинъ Ив Ивановъ, проживавшій въ деревнѣ Турунтаевой, совратилъ въ свою вѣру жену „пропитаннаго" Марію Дорофѣеву, старался совращать и другихъ [3]). Въ свою очередь Ивановъ былъ вовлеченъ въ молоканство поселенцемъ, оставшимся неизвѣстнымъ. [4]) Нерѣдко уличались въ преступленіи совращеній и жители дер. Емельяновой, старавшіеся переводить въ свою вѣру преимущественно тѣхъ изъ поселенцевъ и переселенцевъ, которые заходили къ нимъ или для временныхъ работъ, или же приставали къ ихъ деревнѣ для причисленія на постоянное жительство. Въ 1854 году были преданы суду за уклоненіе въ молоканство проживавшіе въ Емельяновой поселенцы Маркелъ Дорофѣевъ и Маркелъ Шкрабаревъ, по рѣшенію суда оставленные въ подозрѣніи, такъ какъ увѣряли, что пришли въ Сибирь уже молоканами [5]). Въ 1856 и 1857 годахъ Емельяновцы успѣли перевести на свою сторону ссыльныхъ Иванова, Шараборова, Наталью Петрову, Савву Каледина, Александра Преснякова [6]) и, спустя нѣсколько лѣтъ, переселенку изъ Самарской губерніи вдову Разуваеву со всѣми ея старшими и младшими дѣтьми. Разуваева послѣ того отдала дочь свою, Аксинью, за Емельяновскаго молоканина съ вѣнчаніемъ по молоканскому обряднику. Аксинья вскорѣ заскучала о православіи и горько плакалась, что мужъ и сосѣди не дозволяютъ ей бывать въ церкви и окрестить въ церкви дитя [7]). Совратительная дѣятельность, какъ преступная, обыкновенно замалчивается и утаивается въ расколосектанствѣ самымъ тщательнымъ образомъ и если по какимъ-либо обстоятельствамъ доходитъ до суда, то, разумѣется, далеко не во всей своей полнотѣ. Это правило примѣнимо и къ совращеніямъ, практиковавшимся въ Емельяновой. Въ 1855 г. по обвиненію въ кражѣ шкатулки съ деньгами у Омскаго

---

[1]) Первый Епархіальный Миссіонерскій съѣздъ въ г. Томскѣ. Томскъ. 1900, стр. 74.

[2]) Дѣло Губ. Прав.; св. 734 № 35.

[3]) Дѣло Губ. Пр.; св. 736 № 606 за 1846 г.

[4]) Дѣло Губ. Пр. св. 122.

[5]) Д. Губ. Пр.; св. 744 № 105.

[6]) Д. Томск. Конст. 1866 г. № 2.

[7]) Д. въ Губ. арх., св. 114. Сн. д. Томск. Консист. 1874 г. № 70.

мѣщанина Черепанова заключенъ былъ подъ стражу кр—нинъ д. Емельяновой Ив. Веденѣевъ Прокловъ. На допросахъ во время слѣдствія и на судѣ Прокловъ съ настойчивостію указывалъ, что односельчане возводятъ на него обвиненіе изъ мести—изъ за того, что выразилъ желаніе оставить съ семьею молоканскую секту и обратиться къ православію и, кромѣ того, проговорился волостному писарю Стефановскому, что односельчане сильно заманиваютъ въ молоканство всякаго, посторонняго, что недавно ими совращены поселенецъ Алексѣй Ив. Воробьевъ, женившійся на молоканкѣ Пелагеѣ Дмитріевой и женщины Акулина и Лукерья Квасовы, вышедшія, послѣ совращенія, въ замужество за молоканъ Филиппа Максимова и Мартиміана Сергѣева. Браки, по молоканскимъ обрядамъ, вѣнчали наставники Осипъ Виноградовъ и Иванъ Владиміровъ [1]).

Проживавшіе въ пустомъ мѣстѣ, въ степи на границѣ Барнаульскаго и Омскаго округовъ, молокане Сорокины, хотя прикрывали свое молоканство личиною единовѣрія, тѣмъ не менѣе отличались огромною ревностію въ распространеніи ереси, которой держались въ дѣйствительности. Тойже ревностію они воодушевили своего ученика и послѣдователя кр. д. Чулымской Вас. Колмакова. Колмаковъ въ приходѣ с. Чумашевскаго (Омскаго окр.) въ короткое время успѣлъ увлечь къ молоканству 106 д. муж. и 120 женскаго пола [2]). Дѣятельно занимаются пропагандой своей вѣры и прочіе Барнаульскіе молокане, и тамъ, гдѣ молоканъ въ недавнее время, какъ наприм., въ с. Черемновскомъ было только двѣ, три семьи,—тамъ въ настоящее время ихъ имѣется уже почти сотни душъ [3]). Впрочемъ, нужно пояснить, что Барнаульскіе сектанты улавливаютъ въ свою сторону крестьянъ не столько изъ сибиряковъ—старожиловъ, сколько изъ пришельцевъ въ Сибирь—изъ переселенцевъ.

Всѣхъ по епархіи молоканъ насчитывалось къ 1898 году 1332 д. об. пола [4]).

Представители субботничества[5]) явились въ Сибири почти сразу-же, какъ правительству стала извѣстной эта секта, въ концѣ XVIII в. оказавшаяся въ разныхъ пунктахъ Европейской Россіи. Около 1817 года въ

---

[1]) Дѣло Губ. Прав. св. 741 № 47.

[2] Д. въ губ. арх. св. 110.

[3]) Первый Епархіальный Миссіонерскій съѣздъ въ г. Томскѣ.—Записка священ. Мих. Соколова о молоканской сектѣ въ приходѣ Черемновской Покровской церкви, стр. 249—259.

[4]) Тамъ—же, стр. 248.

[5]) Секта субботниковъ распадается на двѣ партіи. Послѣдователи одной ближе стоятъ къ іудейству, сторонники другой дальше отъ него. Субботники-талмудисты, принимая еврейскій законъ вмѣстѣ съ талмудомъ, соблюдаютъ всѣ еврейскіе праздники, молятся съ символическими ремешками, имѣютъ ряски, скуфейки и раввина изъ природныхъ евреевъ. Въ домахъ, въ переднемъ углу, имѣютъ деревянный треугольникъ, въ которомъ полагаются свящ. книги и который задергивается пеленой. На косякахъ дверей вырѣзываютъ десять заповѣдей"., Сторонники другой партіи субботниковъ, слѣдуя исключительно Ветхому Завѣту и отвергая талмудъ, ждутъ духовнаго царства Мессіи, какъ царства разума, правды и свободы. Хотя дѣтей обрѣзываютъ по еврейски, но въ другихъ обрядахъ болѣе солидарны съ молоканами, чѣмъ съ іудеями.—Въ Томской губерніи Каинскіе субботники подходили къ типу первой партіи,—Маріинскіе приближаются къ типу второй.—О субботничествѣ см. Кутеповъ. Краткая исторія и вѣроученіе русскихъ раціоналистическихъ и мистическихъ сектъ. Сн. Русскіе раціоналисты въ „Вѣстн. Евр.". 1881 г., февраль.

Иркутской губерніи уже ревностно знакомилъ поселянъ съ ученіемъ субботничества ссыльный Тульскій мѣщанинъ и съумѣлъ пріобрѣсти себѣ послѣдователей настолько крѣпкихъ и ревностныхъ, что не хотѣли оставить своего заблужденія, не смотря ни на какія увѣщанія и наставленія [1]). Чаще іудействующіе стали заявляться въ губерніяхъ и округахъ Сибири съ 1825 года, когда состоялось распоряженіе: „взять въ селеніяхъ, гдѣ секта сія находится, начальниковъ оной и ихъ помощниковъ и отослать немедленно для опредѣленія въ военную службу годныхъ къ оной, а неспособныхъ къ военной службѣ—на поселеніе въ Сибирь. Такимъ образомъ поступать впослѣдствіи съ тѣми, которые окажутся начальниками и распространителями секты. Начальниками секты почитать тѣхъ, кто совершаетъ какіе-либо обряды, или занимаетъ первое мѣсто въ богослуженіи, или даетъ наставленія въ правилахъ іудейскихъ [2]). Слѣдовательно, ссылкѣ въ Сибирь подлежали первыя величины субботничества,—его учители и руководители.

По архивнымъ извѣстіямъ, какими располагаемъ мы, первыми субботниками въ Томской губерніи были Ив. Вас. Колпаковъ и Григорій Непомнящій. Оба были сосланы въ 1825 году—первый изъ Саратовской губерніи посада Дубовки, второй изъ Воронежской губерніи. Первый, по прибытіи въ Сибирь, былъ причисленъ къ Спасской—второй къ Нелюбинской волости Томскаго округа. Но тотъ и другой вскорѣ перечислились, приписавшись къ томскому мѣщанскому обществу,—обзавелись въ г. Томскѣ семьями и жили въ немъ своими домами, занимаясь мелочною торговлею [3]).

Въ концѣ 1820-хъ годовъ въ Ставрополѣ Кавказскомъ былъ преданъ суду за отступленіе отъ православной вѣры въ „жидовскую“ секту и за переведеніе въ нее-же всѣхъ своихъ дѣтей Ставропольскій 3-ей гильдіи купецъ Ив. Гуляевъ съ женою Татьяною. По опредѣленію Комитета министровъ отъ 16 сентября 1830 г., родители—Гуляевы были сосланы въ Сибирь, а ихъ младшія дѣти отданы на попеченіе Ставропольскаго Сиротскаго Суда „для воспитанія въ правилахъ православной вѣры“. Въ Сибири Ивана и Татьяну Гуляевыхъ поселили Енисейской губ. Ачинскаго округа въ Балахтинской волости, гдѣ поселенцы взялись за пропаганду своихъ субботническихъ воззрѣній настолько серьезно, что очутились въ томскомъ тюремномъ замкѣ, хотя не надолго. Къ родителямъ захотѣли прибыть и дѣти. Старшій изъ нихъ, Егоръ Гуляевъ, захвативъ младшихъ братьевъ и сестеръ: Іосифа, Давида, Марію, Сару и Рахиль, направился съ паспортомъ, выданнымъ изъ Ставропольскаго Казначейства, въ Томскую губернію и остановился въ селѣ Кійскомъ (впослѣдствіи г. Маріинскъ), хотя самъ приписался въ купеческое общество по г. Томску. Въ Кійскомъ онъ завелъ торговлю шелковыми и бумажными товарами и сюда-же перевелъ и родителей своихъ изъ Ачинскаго округа. Имѣя въ виду запрещеніе субботникамъ отлучаться изъ мѣстъ ихъ причисленія, Томская городская дума не

---

[1]) Варадиновъ. Исторія М. В. Д. кн. 8, стр. 93.

[2]) Собр. постанов. по ч. раскола, стр. 74—74.—Распоряженіе 3 февраля 1825 г.

[3]) Дѣла Г. Пр св. 734 №№ 34, 36.

разъ требовала, чтобы Егоръ Гуляевъ проживалъ не въ Кійскомъ, а въ самомъ Томскѣ. Но Егоръ уклонялся отъ требованій отзывами, что съ переѣздомъ въ Томскъ должно рухнуть все его торговое дѣло и разориться все хозяйство, причемъ каждый разъ увѣрялъ, что „съ братьями и сестрами имѣетъ непреклонное желаніе быть въ православіи.“. Между тѣмъ въ 1839 году началось слѣдствіе по дѣлу о совращеніи Егоромъ Гуляевымъ изъ православія въ субботническую секту людей разныхъ званій, что, впрочемъ, повредило изворотливому сектанту только въ томъ, что лишенъ былъ возможности ѣхать на Ирбитскую ярмарку для закупки новыхъ товаровъ. Къ Гуляевымъ въ Кійское понемногу начали стекаться ссыльные субботники изъ другихъ мѣстъ, такъ что въ 1840-хъ годахъ въ этомъ селѣ образовалась уже прочно организованная субботническая община съ Гуляевыми во главѣ [1]). Еще въ концѣ 1840 года кр—нъ с. Кійскаго Вас. Борисовъ донесъ преосвящ. Агапиту, что въ названномъ селѣ „между христіанами съ каждымъ почти днемъ размножаются скопцы, молокане и *субботники*, захватившіе въ свои руки почти всю торговлю, не исключая продажи харчевыхъ припасовъ, и что къ сектантамъ то и дѣло являются собратья по вѣрѣ изъ другихъ волостей и селеній. Кромѣ того, Борисовъ извѣстилъ, что у субботниковъ имѣется въ селѣ неизвѣстный человѣкъ, занимающійся обученіемъ дѣтей грамотѣ „по еврейскому закону“. По дознаніи оказалось, что учителемъ „по еврейскому закону“ былъ поселенецъ Красноярскаго округа Частоостровской волости Абрамъ Яковлевъ Горемыкинъ. Онъ обучалъ вмѣстѣ съ поселенческими и дѣтей мѣстныхъ крестьянъ и между ними сыновей кр. Тимофея Важдаева, перешедшаго потомъ въ субботничество открыто [2]).

Въ другой—западной части губерніи субботничество возникло въ г. Каинскѣ. Кто именно занесъ его сюда въ первый разъ, сказать не можемъ, но въ развитіи и поддержкѣ сектанства здѣсь принимали дѣятельное участіе многочисленные Каинскіе евреи. Въ начальныхъ 1830-хъ годахъ въ Каинскѣ совратились въ секту іудействующихъ: пришедшій въ Сибирь по фальшивому отпуску отъ помѣщика Кушелева—Безбородко и причислившійся въ каинскіе мѣщане Василій Ермиловъ Шишлянниковъ съ матерью сестрою, женою, всѣми своими дѣтьми и внуками и поселенцы, приписанные къ Каинскому и Тарскому округамъ, Василій Платоновъ съ женою Василисой, Гавріилъ Суровыхъ съ женой Аграфеной и дѣтьми, Степанъ Кузнецовъ и Иванъ Ицокъ.

Всѣ уклонившіеся перемѣнили имена, и Шишлянниковъ пережениль своихъ сыновей на еврейкахъ: Осипа (по еврейски Іесель) на еврейкѣ Холѣ, Василія (по евр. Ицка) на Сарѣ Моисеевой, Симеона (Симонъ) на Ехавелѣ Чернаковой,—сестру Анну Ермилову выдалъ замужъ за еврея Менделя Ицыксона и дочь Анну за еврея-же Ивана Маркина. Нечего и говорить, что дѣти

---

[1]) Д. Губ. Прав. св. 733 № 34.
[2]) Д. Губ. Прав., св. 733 № 152.

отъ этихъ браковъ не были крещены, но за то младенцы мужск. пола были всѣ обрѣзаны. Вообще совратившіеся примкнули къ еврейству по вѣрѣ почти до полнаго безразличія: они чтили еврейскіе праздники, ходили на ряду съ евреями въ синагогу и посѣщали другія еврейскія молитвенныя собранія. Когда, во время слѣдствія по поводу ихъ совращенія, заключены были въ тюрьму, здѣсь съ посѣтителями евреями совершили еврейскую пасху. За время продолжительнаго содержанія въ тюрьмѣ Василій Ермиловъ Шишлянниковъ и его внукъ Израиль умерли.—Евреи выхлопотали изъ острога ихъ тѣла и погребли по своимъ еврейскимъ обрядамъ.

Старшіе изъ совращенныхъ на слѣдствіи утверждали, что пришли въ Сибирь, будучи уже послѣдователями іудействующей секты. Упорное отстаиваніе давней принадлежности къ сектанству заставило слѣдователей навести справки: какого вѣроисповѣданія держались подсудимые въ мѣстахъ, откуда они пришли или были сосланы въ Сибирь? Отвсюду получились отвѣты, что держались православной вѣры. Затѣмъ слѣдствіе заподозрило совратителей въ лицѣ еврейскихъ рѣзниковъ скота и обрѣзователей: Берки Зусманова Левина, Аврама Айзикова Датлина, Шмуля Любомірскаго и др., хотя и не въ состояніи было установить ихъ преступленіе со всею очевидностію, Долго, съ 1841 года, тянувшееся дѣло о Шишлянниковыхъ съ товарищами рѣшилось такимъ приговоромъ Комитета Министровъ отъ 10 августа 1847 года: 1) „Жидовствующихъ: Матрену, Анну (Ермилову), Осипа, Василія и Семена Шишлянниковыхъ, Василія и Василису Платоновыхъ, Гавріила и Аграфену Суровыхъ со взрослыми дѣтьми и Степана Кузнецова [1]), по распоряженію мѣстнаго архіерея, подвергнуть самому тщательному назиданію въ правилахъ истинной вѣры, увѣщанію о присоединеніи къ оной и объ окрещеніи ихъ малолѣтнихъ дѣтей по церковному чиноположенію и, буде люди сіи оставятъ свои заблужденія, то, освободивъ ихъ отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности, учредить за образомъ ихъ жизни строгій надзоръ духовнаго и полицейскаго начальствъ, внушивъ имъ, что каждое ихъ дѣйствіе, клонящееся къ распространенію жидовской ереси будетъ наказано по всей строгости законовъ. Но если вышепоименованные сектаторы останутся упорными въ своихъ заблужденіяхъ, то, какъ особенно вредныхъ,—мужчинъ, годныхъ къ военной службѣ, отдать въ солдаты въ отдаленные отряды Сибирскаго корпуса, а неспособныхъ къ оной и женщинъ сослать въ дальніе уѣзды Якутской области подъ строгій надзоръ полиціи. Малолѣтнихъ дѣтей сихъ сектаторовъ, вовлеченныхъ въ жидовство примѣромъ и дѣйствіями родителей,—сыновей, способныхъ, отослать въ баталіоны или полубаталіоны военныхъ кантонистовъ, неспособныхъ же, равно и дочерей обратить на казенныя фабрики по усмотрѣнію министра финансовъ. 2) Евреевъ наиболѣе способствовавшихъ вышеозначеннымъ жидовствующимъ къ утвержденію ихъ въ сектаторскомъ заблужденіи чрезъ вступленіе въ браки и вообще чрезъ сближеніе

[1]) Дѣло объ Ив. Ицокѣ, какъ причисленномъ къ Тарскому округу, разсматривалось особо – въ Тобольскомъ судѣ.

съ ними, по допущенію ихъ къ себѣ въ молитвенные дома и въ услуженіе, а главное, по совершенію разныхъ обрядовъ жидовствующей секты: Менделя Ицыксона, Израиля Маркина, Мовшу Шмуклера, Мовшу Лейбу, Авраама Датлина, Давида Прейса, Давида Мовшовича, Янкеля Манусовича, Берку Ицковича и Мовшу Варкина отдать способныхъ рядовыми въ отдаленные отряды Сибирскаго корпуса, а неспособныхъ къ военной службѣ, равно евреекъ: Хаю Ильину, Сару Моисееву, Ехевель Чернакову и жену Давида Прейса Еську Іоселеву, сослать въ Якутскую область, гдѣ подчинить неослабному надзору полиціи.

3) Шмулю Любомірскому и прочимъ причастнымъ къ настоящему дѣлу евреямъ внушить на будущее время, что малѣйшее съ ихъ стороны покушеніе къ распространенію между православными ихъ религіозныхъ понятій будетъ наказано по всей строгости законовъ".

Іудействующіе отправлены были въ Томскъ для увѣщаній въ Консисторіи. Именно, сюда препровождены были: Матрена Шишлянникова и сыновья ея: Осипъ съ дѣтьми: Даніиломъ, Азаріею, Ривкой и Рахилью,— Василій съ дочерью Рахилью;—Семенъ съ дѣтьми: Абрамомъ, Ильей, Яковомъ; Анна Ермилова Шишлянникова, Василій Платоновъ съ женой, Гавріилъ Суровыхъ съ женой и дѣтьми: Исаіею, Яковомъ, Натальею и Хавою и Степанъ Кузнецовъ. 24 мая 1849 г. Консисторія дала знать Губернскому Правленію, что 1 Февраля сего года присланные изъ Каинска въ присутствіи Консисторіи, при депутатѣ съ гражданской стороны, подвергнуты были самому тщательному назиданію въ правилахъ истинной вѣры и затѣмъ, по порученію Его Преосвященства, были убѣждаемы въ продолженіи 40 дней протоіереемъ Завадовскимъ и священникомъ тюремной церкви Лавровымъ, но за всѣми убѣжденіями и вразумленіями остались въ жидовской ереси упорно нераскаянными. Послѣ того упорные, найденные всѣ годными къ военной службѣ, переданы были въ военное вѣдомство—старшіе для зачисленія въ Сибирскіе гарнизоны, а малолѣтніе ихъ сыновья (Яковъ Суровыхъ, Даніилъ и Азарій Осиповы, Абрамъ Семеновъ Шишлянниковы)— въ кантонисты. Женщины съ дочерьми были отосланы въ Якутскую область, куда впослѣдствіи перешли и сыновья, выключенные изъ состава Томскаго полубаталіона кантонистовъ.

Въ процессѣ разслѣдованій, вызванныхъ настоящимъ дѣломъ, открылось, что многіе изъ Каинскихъ евреевъ держали въ своихъ домахъ русскихъ людей православнаго исповѣданія преимущественно изъ ссыльно-поселенцевъ и поселенокъ. Евреямъ за это сдѣлано было строгое внушеніе. А русскіе, найденные у евреевъ, въ числѣ 23 человѣкъ, „въ предупрежденіе могущей оказаться въ нихъ нетвердости въ догматахъ истинной вѣры, по бывшемъ ихъ сношеніи съ жидовствующими и евреями, предоставлены особому наблюденію и назиданію мѣстнаго духовенства" [1]).

---

[1]) Дѣло Губ. Прав. по отношенію Томск. Губ. Суда объ исполненіи приговора и положенія Комитета Министровъ объ іудействующихъ въ г. Каинскѣ. Св. 748. Нач. въ 1848 г.

Независимо отъ дѣла Шишлянниковыхъ съ товарищами въ томъ-же Каинскѣ за 1844 годъ возникло такое-же другое—о совращеніи въ іудейство поселенца Петра Мевіуса, неоднократно выражавшаго попытки къ завлеченію въ тоже іудейство и другихъ людей. Къ сожалѣнію, намъ извѣстна только незначительная канцелярская переписка по этому дѣлу безъ обозначенія его сущности и безъ передачи его, несомнѣнно, интересныхъ подробностей [1]). Въ послѣдующее время случаевъ совращенія въ секту іудействующихъ, по Каинскому округу, мы невстрѣтили, за исключеніемъ двухъ, изъ которыхъ одинъ относится къ сравнительно позднему времени. Около 1850 г. уклонился въ ересь іудействующихъ каинскій обыватель Андрей Андреевъ съ семействомъ [2]). Въ 1877 году подъ вліяніемъ какихъ-то учителей ушелъ въ тоже сектанство крестьян. Каинскаго округа с. Усть-Тартасскаго Ив. Степановъ, начавшій затѣмъ стѣснять семейство принужденіемъ къ работамъ въ воскресные дни, хулившій имя Христово и производившій въ селѣ большой соблазнъ открытымъ исполненіемъ іудейскихъ обрядовъ [3]).

Въ Каинскѣ и его округѣ іудействующаго или субботническаго сектанства въ настоящую пору нѣтъ. Но въ г. Маріинскѣ и частію въ самомъ Томскѣ оно держится и доселѣ. Въ 1865 году въ приходѣ градо-Маріинскаго Николаевскаго собора субботниковъ обоего пола насчитывалось 138 человѣкъ. Старшіе изъ нихъ удерживали въ оффиціальныхъ спискахъ еще христіанскія имена, а младшіе всѣ именовались по еврейски [4]). Въ настоящее время всѣхъ субботниковъ, въ Маріинскѣ и Томскѣ, до двухъ сотъ душъ обоего пола [5]).

---

[1]) Дѣло Губ. Прав. св. 735 № 546.

[2]) Дѣло съ реестромъ дѣлъ по расколу; св. 128.

[3]) Дѣло въ Губ. арх., св. 110—о Степановѣ

[4]) Напримѣръ:—Николай Козминъ, жена его Агрипина Тимофеева,—дѣти: Есфирь, Іосифъ, Моисей, Сарра, Давидъ и Даніилъ.—Василій Петровъ, 81 г., жена его Анна Петрова, 77 л., внуки ихъ: Есфирь Марія, Сарра, Лія, Рахиль.

[5]) Маріинскіе субботники, почти поголовно торговцы, сильно роптали на то ограниченіе въ ихъ торговой дѣятельности, которое вытекало изъ постановленій, запрещавшихъ имъ отлучки далѣе предѣловъ Западной Сибири. Въ началѣ марта 1871 г. субботники подали томскому губернатору прошеніе, въ коемъ писали:—„Многочисленный народъ ожидалъ пріѣзда Вашего Прев—ства въ г. Маріинскъ, въ его числѣ и мы принимаемъ смѣлость поздравить Васъ со счастливымъ пріѣздомъ. Ваше Прев—ство! Позвольте намъ, вѣрноподданнымъ Всероссійскаго престола, высказать крайнее наше стѣсненіе, а именно: правительство разрѣшило намъ приписаться съ семействами въ купцы и мѣщане г. Маріинска съ выдачею намъ паспортовъ по Западной Сибири. Но мы ведемъ обширныя торговли разными товарами, и потому встрѣчаемъ надобность ежегодно, хотя на короткое время, бывать для закупки товаровъ на ярмаркахъ Ирбитской и Крестовой, происходящихъ въ пунктахъ, расположенныхъ невдалекѣ отъ границы Зап. Сибири. Осмѣливается всепочтительнѣйше Вашу особу просить о разрѣшеніи намъ отлучекъ въ указанныя мѣста“. Марта 7-го 1871 г.

Губернаторъ разрѣшенія не далъ, ссылаясь на то, что дѣло по такой-же просьбѣ тѣхъ-же сектантовъ въ 1868 г. доходило до Министерства Вн. Д., откуда былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ. На основаніи Высочайше утвержденнаго, 25 дек. 1862 г., постановленія Сибирскаго Комитета удовлетворить просьбѣ нельзя, тѣмъ болѣе, что маріинскіе субботники принадлежатъ къ самымъ фанатическимъ выразителямъ ученія своей секты и при разъѣздахъ могутъ имѣть вредное вліяніе на жителей православнаго исповѣданія. Западная Сибирь по своему объему достаточна для развитія торговой дѣятельности просителей—сектантовъ.

Въ 1868 г. Маріинское Полицейское Управленіе распорядилось отобрать отъ субботниковъ подписки въ слышаніи ими запрещенія касательно поѣздокъ внѣ предѣловъ Зап. Сибири. Субботники подписокъ не дали. Особенно противъ запрещеній возсталъ богачъ-купецъ Петровъ, „уже неоднократно и прежде замѣченный въ сопротивленіяхъ и грубостяхъ властямъ“. Дѣло въ Губ. арх.; св. 105 № 203.

Съ послѣдователями скопчества Сибирь познакомилась еще въ 1790-хъ годахъ, когда въ Иркутскѣ проживалъ самъ „батюшка-искупитель“ Кондратій Селивановъ. Къ искупителю заявлялись добровольные пришельцы изъ его почитателей, но многіе изъ его сторонниковъ должны были идти въ отдаленную сторону подъ конвоемъ.

Чаще скопцы начали прибывать въ разныя части Сибири со времени изданія распоряженій отъ 1816, 1817, 1821, 1825 гг. о ссылкѣ на службу въ Сибирскихъ гарнизонахъ, а неспособныхъ къ военной службѣ на поселеніе въ Сибири оскопителей или оскопившихъ себя самихъ [1]). Въ 1826 году эти распоряженія были усилены повелѣніемъ наказывать отсылкою въ Сибирскіе гарнизоны или на поселеніе и тѣхъ скопцовъ, кои будутъ показывать, что они а) оскоплены неизвѣстными людьми, б) что оскопленіе произведено надъ ними во время сна или во младенческихъ лѣтахъ, в) что лишились дѣтородныхъ членовъ или отъ ушиба, или отъ болѣзни, или отъ другихъ „выдуманныхъ подобныхъ сему случаевъ“.—Таковыхъ считать за людей, умышленно произведшихъ надъ собою оскопленіе [2]).

Къ самымъ раннимъ поселенцамъ изъ скопцовъ, присланныхъ въ Томскую губернію, принадлежали бр. Ѳедоръ и Харлампій Лебедевы—изъ крѣпостныхъ крестьянъ Калужской губерніи, Тарусскаго уѣзда, князей Волконскихъ. Оба оскопились по собственному желанію около 1802 г., и за это суждены были въ Калугѣ въ 1805 и 1806 годахъ. Посланы въ Сибирь первый съ наказаніемъ 50 ударами плетьми, второй безъ наказанія. Вскорѣ по прибытіи въ Томскую губернію братья переселились въ самый Томскъ и потомъ причислились здѣсь къ купеческому обществу по 3-й гильдіи [3]).

Съ 1820-хъ гг. появленіе скопцовъ въ Томской губер. повторяется заурядно. Обыкновенно сосланные, если только они ссылались не для зачисленія въ сибирскіе баталіоны или инвалидныя команды, были приписываемы, какъ и всѣ ссыльные, къ волостямъ той части томскаго района, гдѣ было дозволено водвореніе поселенцевъ. Но, замѣчательно, что изъ волостей скопцы стремились въ самый городъ Томскъ, часто добивались здѣсь причисленія къ мѣстнымъ купеческому или мѣщанскому обществамъ, обзаводились домами, хотя въ большинствѣ проживали не въ самомъ городѣ, а въ окрестныхъ мѣстахъ—на заимкахъ и пасѣкахъ.

Перечислимъ нѣкоторыхъ скопцовъ, нашедшихъ пристанище въ г. Томскѣ за 1830-ые и начальные 1840-ые годы.

Денисъ Андреевъ Мусатовъ изъ крестьянъ Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда. Оскопленъ въ Севастополѣ въ 1819-мъ и сосланъ въ Сибирь въ слѣдующемъ 1820-мъ году. Въ Томскѣ занимался столярной работой [4]).

Ѳедотъ Евтѣевъ Кузнецовъ изъ кр—нъ Калужской губ. Лихвинскаго уѣзда. Оскопленъ въ 1823 году скопцомъ Аѳанасьевымъ и въ томъ же году

---

[1]) Собр. постан. по части раскола. Стр. 44, 51, 67, 81.
[2]) Тамъ-же, стр. 82—83.—Распоряж. отъ 30 янв. 1826 г.
[3]) Дѣло Губ. Прав., св. 734 № 39.
[4]) Д. Губ. Прав., св. 734 № 15.

сосланъ въ Томскую губернію, гдѣ причисленъ къ Семилужной волости. Въ Томскѣ проживалъ по билету [1]).

Арефій Григорьевъ изъ кр—нъ Орловской губ.—Оскопленъ въ 1799 г. Судился за оскопленіе въ г. Серпуховѣ, и по суду въ 1823 г. отправленъ въ Енисейскую ссылку, откуда перечислился въ Спасскую волость Томскаго округа. Въ Томскѣ проживалъ по билету [2]).

Сергѣй Романовъ Духинъ изъ Тульской губерніи. Оскопленъ неизвѣстными людьми въ 1823 г. и чрезъ два года былъ сосланъ въ Томскую гунію, гдѣ приписанъ къ Спасской волости. Въ Томскѣ проживалъ въ собственномъ домѣ, занимаясь выдѣлкою восковыхъ свѣчъ [3]).

Михаилъ Николаевъ Николаевъ—изъ матросовъ Черноморскаго флота. Оскопился въ Севастополѣ въ 1819 г. Военнымъ судомъ сосланъ въ Енисейскую губернію, отсюда перечислился въ Спасскую волость Томск. окр. Въ Томскѣ проживалъ по билету [4]).

Астафій Ив. Громовъ изъ Костромской губ. Нерехтскаго уѣзда. Оскопленъ въ 1816 г. Судился за оскопленіе въ Костромѣ и былъ сосланъ въ Томскую губ. съ причисленіемъ къ Семилужной волости. Въ Томскѣ съ женой и дочерью, оскопленными на родинѣ, проживалъ по билету [5]).

Василій Ив. Громовъ, братъ Астафія. Оскопленъ родителями своими въ „сущемъ малолѣтствѣ". Въ Сибирь посланъ въ одно время и въ одно мѣсто съ братомъ. Въ Томскѣ занимался извозомъ, въ большихъ размѣрахъ, купеческихъ товаровъ.

Василій Андреевъ изъ Калужской губ. Оскопилъ самъ себя въ 1807 г. Сосланъ въ 1827 г. въ Енисейскую губ., откуда перечислился въ Семилужную волость [6]).

Кузьма Павловъ изъ Оренбургской губ. Оскопленъ въ 1809 г. неизвѣстными людьми. Сосланъ въ Томскую губ. въ 1827 г. и причисленъ къ Семилужной волости [7]).

Иванъ Яковлевъ Денбровскій изъ кр—нъ Черниговской губ. Новозыбковскаго уѣзда. Взятъ былъ въ солдаты и состоялъ на службѣ матросомъ въ Черноморскомъ флотѣ. Оскопился по собственному желанію въ 1812 году и чрезъ десять лѣтъ былъ сосланъ въ Томскую губ., гдѣ причисленъ къ Богородской волости. Въ Томскѣ занимался шапочнымъ издѣльемъ. [8])

Егоръ Андреевъ Андреевъ и Петръ Игнатьевъ Гусевъ изъ крѣпостныхъ кр—нъ Орловской губ., Кромскаго уѣзда, графини Головиной. Оскоплены въ 1815—1816 годахъ. Сосланы въ Томскую губ. въ 1826 г. и причислены къ Нелюбинской волости. Андреевъ занимался въ Томскѣ портнымъ ремесломъ[9]).

---

[1]) Д. Губ. Прав. св. 734 № 38.
[2]) Д. Губ. Пр., св. 734 № 16.
[3]) — № 17.
[4]) — № 18.
[5]) — № 19.
[6]) — № 20.
[7]) — № 21.
[8]) — № 23.
[9]) — № 24—27.

Ѳедоръ Логиновъ Рожковъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ Тульской губ. Веневскаго уѣзда помѣщика Новосильцева. Оскопился въ 1817 году. Сужденъ въ Москвѣ и сосланъ въ Томскую губернію въ 1826 году. Въ Томскѣ занимался работами у разныхъ хозяевъ [1]).

Семенъ Еѳимовъ Комовъ изъ Симбирской губ., Алатырскаго уѣзда, купеческій сынъ. Оскопился въ 1808 году. Сосланъ въ Томскую губернію и причисленъ къ Нелюбинской волости. Въ Томскѣ занимался выдѣлкою сырыхъ кожъ [2]).

Сергѣй Тарасовъ изъ крѣпостныхъ кр—нъ Орловской губ., Кромскаго уѣзда, помѣщицы Коноплевой. Оскопился въ 1825 г. и въ томъ же году приговоренъ къ ссылкѣ въ Томскую губернію. Причисленъ къ Нелюбинской волости. Въ Томскѣ проживалъ по билету и занимался плотничествомъ [3]).

Василій Агаѳоновъ Букрѣевъ изъ однодворцевъ Курской губ. Щигровскаго уѣзда. „Скопчество приключилось отъ болѣзни". Сосланъ въ Томскую губернію въ 1822 году и причисленъ къ Боготольской волости. Въ Томскѣ проживалъ по билету [4]).

Иванъ Лукьяновъ изъ Рязанской губ. Скопинскаго уѣзда. Оскопился въ 1825 г. Сосланъ въ Каинскій округъ Томск. губерніи [5]).

Корнѣй Даниловъ изъ мѣщанъ Кіевской губ. г. Чигирина. Оскопился „самопроизволительно", состоя на военной службѣ въ Бутырскомъ полку. По суду, въ 1822-мъ году, отправленъ для зачисленія въ Сибирскіе гарнизоны. Причисленъ былъ къ Томской инвалидной командѣ, откуда перешелъ сторожемъ при Томской Казенной Палатѣ [6]).

Илья Ив. Ефремовъ изъ однодворцевъ Тамбовской губ. Оскопленъ „обманомъ двумя прохожими неизвѣстными людьми". Сосланъ въ Томскую губер. въ 1825 году и причисленъ къ Колыванской волости. Отсюда перечислился въ мѣщане г. Томска и занимался здѣсь мелочною торговлею.

Дѣти его: Никифоръ и Варвара—оскоплены съ согласія матери роднымъ дядею, солдатомъ Аѳанасіемъ Ефремовымъ въ 1823 г. Съ матерью сосланы въ Сибирь въ 1830 году. Мать умерла на дорогѣ около г. Тюмени, а они, дѣти, дошедъ до Томской губ., были причислены къ Спасской волости, откуда перешли въ Томскъ для „совокупной жизни съ отцомъ".

Ихъ тетка Авдотья Ив. Ефремова сослана въ Сибирь за оскопленіе одновременно съ мужемъ въ 1830 г. и, по ходатайству родственника своего Ильи Ефремова, причислена къ Томскому мѣщанскому обществу [7]).

Вавило Варѳоломѣевъ—изъ Рязанской губерніи. Оскопленъ неизвѣстнымъ солдатомъ. Сосланъ въ Томскую губернію въ 1823 г. и причисленъ къ Не-

---

[1]) Дѣло Губ. Пр.; св. 734, № 25
[2]) — № 28.
[3]) — № 26.
[4]) — № 29
[5]) — № 30.
[6]) — № 32.
[7]) — № 11.

любинской волости. Отсюда перечислился въ томскіе мѣщане. Въ Томскѣ занимался мелочною торговлею [1]).

Константинъ Борисовъ изъ кр—янъ Калужской губ. Тарусскаго уѣзда. Оскопленъ „нѣкіимъ коноваломъ" въ 1812 г. Сужденъ былъ въ Москвѣ и сосланъ въ Сибирь въ 1822 г. Приписанъ былъ къ Нелюбинской волости, откуда перечислился въ томскіе мѣщане, и, проживая въ Томскѣ, состоялъ въ услуженіи у купца Харлампія Лебедева [2]).

Ив. Степановъ Марковъ изъ мѣщанъ г. Одессы. За оскопленіе себя въ малолѣтствѣ сосланъ въ Томскую губ. въ 1827 г. Приписанъ былъ къ Семилужной вол., отсюда перечислился въ томскіе мѣщане [3]).

Прокопій Васильевъ изъ Саратовской губ. за оскопленіе въ малолѣтствѣ сосланъ въ Енисейскую губ. въ 1827 г. Причислился въ купцы г. Канска. Изъ Канска переѣхалъ въ Томскъ для торговли [4]).

Акимъ Өедоровъ Четвертаковъ изъ мѣщанъ г. Тамбова. За оскопленіе сосланъ въ Енисейскую губ. въ 1824 году. Приписался въ купцы по г. Ачинску. Изъ Ачинска перечислился въ купеческое общество г. Томска [5]).

Өедосья Өомина Макова изъ Орловской губ. Кромскаго уѣзда. Оскоплена въ 1823 г. солдаткою Акулиною. Была суждена въ Орлѣ и сослана въ Томскую губернію. Причислена была къ Семилужной волости, откуда перешла въ Томскъ и обзавелась въ немъ собственнымъ домомъ [6]).

Матвѣй Өед. Крушковъ изъ крѣпостныхъ кр—нъ Тульской губ., Веневскаго уѣзда, помѣщ. Новосильцева. Оскопленъ въ 1822 г. неизвѣстными людьми, напоившими его пьянымъ. Былъ сужденъ въ Москвѣ и сосланъ въ 1823 г. въ Нелюбинскую волость. Перешелъ въ мѣщане г. Томска, гдѣ завелъ собственный домъ [7]).

Иванъ Михѣевъ изъ московскихъ мѣщанъ. За собственное оскопленіе и за оскопленіе имъ самимъ мальчика, взятаго въ пріемыши, сосланъ въ Сибирь, съ наказаніемъ 40 ударами плетью. Приписанъ былъ къ Спасской волости, затѣмъ перечислился въ томскіе мѣщане. Въ Томскѣ женился „собственно для домашности" на солдатской дочери Екатеринѣ Ивановой. Имѣлъ собственный домъ, двѣ каменныя лавки въ гостинномъ дворѣ, кромѣ обширной пчеловодной пасѣки [8]).

Лука Касаткинъ изъ Тамбовской губ. Моршанскаго уѣзда. Оскопленъ въ 1824-мъ году своимъ роднымъ дѣдомъ. Сосланъ въ Сибирь въ томъ же году и причисленъ къ Нелюбинской волости, откуда перечислился въ томскіе мѣщане. Въ Томскѣ велъ торговое дѣло [9]).

---

[1]) Д. Губ. Пр.; св. 734, № 37.
[2]) — № 8.
[3]) — № 7.
[4]) — № 6.
[5]) — № 3.
[6]) — № 2.
[7]) — № 10.
[8]) — № 4.
[9]) — № 39.

Никифоръ Батуринъ изъ кр—нъ Тобольской губ. Ялуторовскаго уѣзда. Оскопился по собственному желанію въ 1831 году. Сосланъ въ Томскую губ. съ причисленіемъ къ Нелюбинской волости. Въ Томскѣ имѣлъ свой домъ, гдѣ проживалъ со всею семьею, въ которой никто оскопленъ не былъ [1]).

Ѳедоръ Семеновъ Голубковъ изъ Костромской губ. Перемышльскаго уѣзда. Оскопился въ Петербургѣ въ 1813 г. Въ Томскѣ имѣлъ собственный домъ [2]).

Петръ Борисовъ Корюковъ изъ Пермской губ. г. Екатеринбурга. Оскопился въ 1825 году. Въ Томскѣ проживалъ съ семьею [3]).

Всѣхъ скопцовъ, пріютившихся въ Томскѣ, найдено было за 1843 г. 75 человѣкъ. Тяготѣніе ихъ къ этому городу является знаменательнымъ. Ближе всего его должно объяснить соображеніями сектантовъ о матеріальныхъ выгодахъ, связанныхъ съ мѣстопребываніемъ и дѣятельностью въ торговомъ центрѣ Сибири. Но очень возможно, что съ этими соображеніями связывались и другія. Очень возможно, что скопцы усмотрѣли въ Томскѣ удобное мѣсто въ своихъ вѣроисповѣдныхъ интересахъ, хотя бы для заведенія гдѣ нибудь въ окрестныхъ лѣсахъ, на какой-либо пасѣкѣ, скопческаго большого корабля. Находимъ подтвержденіе для своей догадки еще въ томъ обстоятельствѣ, что къ Томску часто являлись изъ Россіи и добровольные пришельцы изъ послѣдователей того-же сектанства.

Такъ къ 1840-мъ годамъ сюда явились:

Василій Григорьевъ Григорьевъ. Онъ происходилъ изъ воспитанниковъ Московскаго Воспитательнаго Дома, по выходѣ изъ коего причислился въ с.-петербургскіе мѣщане. Былъ оскопленъ купцомъ Ѳедоромъ Евсѣевымъ „Масоновымъ“ [4]) въ 1813 году. Въ 1834 г. за вину собственнаго скопчества и по прикосновенности къ дѣлу объ оскопленіи кр. Абрама Егорова состоялъ подъ судомъ, но былъ оставленъ безъ наказанія. Въ Томскъ прибылъ съ паспортомъ изъ Петербургской городской Думы для временнаго проживанія, тѣмъ не менѣе завелъ здѣсь собственный домъ и занимался мелочною торговлею [5]).

---

[1]) Д. Губ. Пр., св. 734, № 36.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Здѣсь разумѣется московскій купецъ Ѳедоръ Евсѣевъ Колесниковъ, по прозвищу „Масонъ“. Реутскій, со словъ Надеждина, говоритъ о немъ, что нѣкогда состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ Новиковымъ и былъ лично извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ II и вел. кн. Павлу Петровичу и пользовался ихъ довѣріемъ. Прозвище „Масона“ онъ получилъ отъ императрицы, назвавшей его такъ за связь съ масонами. Состоя на службѣ у богатаго московскаго купца—скопца Жигарева, ведшаго обширную оптовую торговлю съ Сибирью, Ѳед. Колесниковъ часто ѣздилъ въ Сибирь и при такихъ поѣздкахъ въ дальнюю сторону получалъ иногда порученія отъ Высочайшаго Двора. Бывая въ Иркутскѣ за то время, когда въ Иркутской ссылкѣ изнывалъ Кондратій Селивановъ, „Масонъ“, несомнѣнно, видѣлся съ нимъ, „утѣшалъ и ободрялъ его надеждою на лучшія времена“. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ восшествія Павла Петровича на престолъ, Масонъ исхлопоталъ освобожденіе Кондратія изъ ссылки и даже устроилъ свиданіе его съ императоромъ, послѣ чего „искупитель“ надолго оставался въ Петербургѣ. Вообще Масонъ былъ весьма крупнымъ дѣятелемъ въ скопчествѣ и вмѣстѣ неистовымъ оскопителемъ, не пренебрегавшимъ даже мѣрою насильственнаго оскопленія.—Н. В. Реутскій. „Люди Божіи и скопцы.“ М. 1872, стр. 116, 122, 157—158. Сн. Ливановъ. Раскольники и Острожники. Т. IV, стр. 482—483.

[5]) Дѣло въ Арх. Губ. Прав., св. 734 № 12.

Аѳанасій Космынинъ съ женою Аѳанасіей изъ кр—нъ Тамбовской губ. Моршанскаго уѣзда. Первый былъ оскопленъ отцомъ своимъ „въ сущемъ малолѣтствѣ“,—вторая оскоплена на 20-мъ году отъ роду кр. Татьяною Трифоновой. Поселились въ Томскѣ, предварительно приписавшись къ Спасской волости [1]).

Яковъ Михайловъ Михайловъ изъ матросовъ Черноморскаго флота. Оскопленъ въ 1813 г. „по наущенію“. Пришедъ въ Томскъ добровольно, остановился здѣсь на постоянное жительство [2]).

Бродяга Даніилъ Борниковъ, пришедшій неизвѣстно откуда [3]).

Иванъ Сампсоновъ съ женой Натальей Степановой съ дѣтьми Иваномъ, Татьяной и со внуками. По ихъ словамъ, они всѣ оскоплены были въ Тобольской губерніи трапезникомъ церкви с. Шишкина и какою-то монахиней, ѣздившею для сбора подаяній. Изъ Тобольской губ. пришли въ Томскъ добровольно [4]).

Настасья, Василиса, Аграфена и Пелагея Невѣровы. Онѣ явились изъ Тамбовской губ. Моршанскаго уѣзда къ брату своему, сосланному за скопчество и основавшемуся хозяйствомъ въ недалекой отъ Томска д. Пѣтуховой. Проживъ съ братомъ нѣкоторое время, женщины Невѣровы захотѣли приписаться къ мѣщанскому обществу г. Томска, о чемъ и подали просьбу въ Томскую Казенную Палату. Послѣдняя вошла въ сношеніе съ Тамбовской Палатой по вопросу: не принадлежатъ ли просительницы къ скопческой ереси? Въ отвѣтъ была прислана изъ Тамбова копія съ приговора по разбиравшемуся большому дѣлу о скопцахъ Ив. Дробышевѣ, Панфилѣ Урюпинѣ, купцѣ Егорѣ Ив. Плотицинѣ, кр. Максимѣ Назаровѣ Плотицинѣ, Анисьи и Ѳеодосіи Невѣровыхъ и прочихъ, въ числѣ коихъ была и Наталья Невѣрова, оставленная, однако, безъ наказанія. Василиса, Аграфена и Пелагея Невѣровы къ сему дѣлу не были прикосновенны, и потому Томская казенная палата не увидѣла никакихъ препятствій къ причисленію ихъ къ городскому мѣщанскому обществу, хотя къ скопчеству онѣ принадлежали несомнѣнно [5]).

Ерастъ Березинъ съ сестрами Епистиміей, Варварой и теткой Ириной Яковлевой,—пришедшіе изъ Костромской епархіи и успѣвшіе приписаться къ обществу томскихъ мѣщанъ [6]).

Авдотья Шаликова съ дочерью Анной—изъ Рязанской губерніи и Александръ Филипповъ Дудкинъ изъ Пензенской губерніи [7]).

21 августа 1840 года полиція взяла въ Томскѣ бродячихъ скопцовъ Алексѣя Гуляева, Никанора Налѣтова, Анисима Раева и Зиновію Бѣляеву.

---

[1]) Тамъ-же, № 14.
[2]) —№ 33.
[3]) Д. Губ. Пр. св. 736, № 594.
[4]) Д. св. 737 № 639.
[5]) Д. Губ. Пр., св. 736, № 515.
[6]) Д. Губ. Пр. св. 736, № 465.
[7]) Д. Губ. Пр., св. 743, № 63.

На допросахъ взятые показали: 1) Гуляевъ, 19 лѣтъ, изъ Нижегородской губерніи Ардатовскаго уѣзда д. Инской крѣпостной человѣкъ кн. Вѣры Волконской. 2) Налѣтовъ. 18 л., Костромской губ. Нерехтскаго уѣзда д. Мокрой крѣпостной кн. Вѣры Голицыной. 3) Раевъ, 17 л., той же губерніи и уѣзда деревни, братъ Налѣтова, но почему имѣетъ другую фамилію—незнаетъ. Всѣ оскоплены неизвѣстными людьми. По ихъ увѣреніямъ, они съ отпускными отъ помѣщицъ шли пѣшкомъ въ г. Иркутскъ для поклоненія святителю Иннокентію. Но, видимо, путешественники достигали Томска и не успѣли устроиться въ немъ только за скорымъ, послѣ прихода, полицейскимъ задержаніемъ [1]).

Кромѣ самаго Томска, скопцы изъ поселенцевъ проживали въ деревняхъ близкихъ къ губернскому городу и въ особенности въ Кузовлевой и Бѣлобородовой. Ихъ много находилось въ Боготольской волости нынѣшняго Маріинскаго округа и въ одиночку „бѣлые голуби“ встрѣчались въ городахъ: Колывани, Барнаулѣ, Кузнецкѣ, а скопецъ Ожогинъ пробрался какимъ-то образомъ въ дер. Верхъ-Катунскую среди Алтайскихъ горъ. Сверхъ того, послѣдователей того-же сектанства не мало имѣлось въ инвалидныхъ командахъ, расположенныхъ въ разныхъ пунктахъ Томской губерніи. Въ 1837 году всѣхъ скопцевъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ въ инвалидныхъ командахъ по Томской губерніи насчитывалось: въ Томскѣ 7, въ Барнаулѣ 4, въ Каинскѣ 6, въ Кузнецкѣ 2, въ Бійскѣ 4, въ Колыванѣ 8, всего 31 чел. Всѣ они за скопчество были присланы въ Сибирь изъ войскъ центральной Россіи, преимущественно изъ полковъ, квартировавшихъ въ Малороссіи [2]).

Скопцы, сосланные въ Восточную половину Сибири, поддерживали дѣятельныя сношенія съ своими собратьями, остававшимися въ Россіи, время отъ времени получая отъ богатыхъ представителей сектанства крупныя вспомоществованія [3]). Думаемъ, что такія сношенія съ одновѣрцами не прерывали и скопцы Западной Сибири и, въ частности, томскіе, не смотря на ихъ увѣренія предъ начальствомъ, что съ приходомъ въ Сибирь они порвали со скопчествомъ всякія связи. Во всякомъ случаѣ, не смотря на увѣренія о всецѣломъ разрывѣ съ ересью и неуклонномъ послушаніи православной церкви, скопцы Томской губерніи не покидали съ усиліемъ искать новыхъ послѣдователей своего сектанства, но дѣятельность въ этомъ направленіи вели съ чрезвычайной осторожностію и осмотрительностію. Дѣла о но-

---

[1]) Д. Губ. Пр.; св. 733 № 134.

[2]) Дѣло по предписанію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ о мѣрахъ къ прекращенію распространенія скопчества. Въ Губ. арх. св. 86, № 384.

[3]) Напримѣръ, петербургскіе купцы—скопцы Солодовниковъ и Агѣевъ въ 1824 г. прислали собрату по вѣрѣ Нижнеудинской Инвалидной Команды рядовому Потапову 400 руб. „на помощь по скопческой вѣрѣ“. Объ этомъ было узнано и доложено Государю, который повелѣлъ: „внушить скопцамъ Солодовникову и Агѣеву, чтобы впредь не осмѣливались присылать къ соумышленникамъ деньги для распространенія зловредной ихъ ереси, въ противномъ случаѣ будутъ высланы (изъ столицы), не взирая ни на какія ихъ услуги“. Но, разумѣется, денежныя вспомоществованія отъ россійскихъ скопцовъ въ пользу сибирскихъ—продолжались.—Дѣло въ губ. арх. св. 130.—О корреспонденціи скопцовъ.

выхъ оскопленіяхъ возникали часто, однако, виновники операцій почти всегда оказывались или давно умершими, или неизвѣстными людьми.

Еще въ 1825 г. начальникъ штаба сибирскаго корпуса гвардіи полковникъ Броневскій писалъ бригаднымъ командирамъ 27 дивизіи: „послѣ того, какъ на основаніи постановленій правительства, начали высылаться сюда (въ западныя части Сибири) изъ Россіи на службу скопцы изъ нижнихъ чиновъ, ересь скопческая въ короткое время начала появляться здѣсь не только въ полкахъ, баталіонахъ и командахъ, но и среди казаковъ и кантонистовъ военно-сиротскихъ отдѣленій. „Скопцы пропагандируютъ свое зло обманами и подарками". Главное управленіе Западной Сибири, подтвердивъ указаніе военнаго начальника, съ своей стороны добавило, что скопчество появляется не только въ войскахъ, но и среди коренныхъ обитателей Сибири [1]).

Что касается, въ частности, нашихъ томскихъ послѣдователей скопчества, то въ заботахъ о расширеніи своей секты они главнымъ образомъ притягивали къ ней своихъ домашнихъ людей и лицъ изъ поселенческаго класса, какъ такихъ, на которыхъ сравнительно легче было дѣйствовать обольщеніями матеріальной поддержки. Впрочемъ, въ совратительномъ усердіи они не забывали задѣвать и сибирскихъ старожиловъ.

Въ 1831 г. въ Томскѣ оказался оскопленнымъ пріемышъ томскаго купца Прокопія Васильева Ѳедоръ Булатовъ. Булатовъ увѣрялъ, что оскопленъ поселенцемъ—отцомъ, усланнымъ дальше въ Сибирь. Судъ не повѣрилъ этому показанію, но все-таки же не былъ въ состояніи обнаружить истиннаго виновника преступнаго дѣянія [2]). Почти въ то-же время предъявлено было обвиненіе въ оскопленіи семейныхъ къ скопцу-поселенцу, приписанному къ дер. Кузовлевой, Петру Корюкову [3]). Обвиненіе осталось недоказаннымъ. Равно не было раскрыто: кто оскопилъ и крестьянина Каинскаго окр. дер. Крутыхъ Логовъ Ив. Елисѣева Ѳедорова, настойчиво утверждавшаго, что въ 1832 г. оскопилъ самъ себя „въ безпамятствѣ", хотя состоялъ въ тѣсной дружбѣ со скопцами поселенцами той-же деревни Спиридономъ Непомнящимъ и Нестеромъ Сидоровымъ [4]).

Въ концѣ 1830-хъ годовъ между скопцами, причислившимися къ томскому мѣщанству, находились Ив. Карабановъ и Ѳедоръ Власовъ. Возникъ вопросъ: кѣмъ и когда были оскоплены? Сами они показывали, что сосланы были за оскопленіе послѣ суда за это преступленіе—Карабанова въ Вологдѣ въ 1820 г., Власова въ Ревелѣ въ 1817 г. Наведены были справки въ Экспедиціи о ссыльныхъ и по справкамъ оказалось, что оба лица суждены и сосланы были по убійствамъ, первый изъ Вологодской губерніи съ наказаніемъ 30 ударами кнутомъ, второй—розгами. Послѣ того допрашиваемые признались, что сосланы за убійства, но при этомъ не переста-

---

[1]) То-же дѣло.

[2]) Дѣла Губ. Пр. св. 734 № 13, св. 736, № 465.

[3]) Д. Губ Пр., св. 736 № 465.

[4]) Дѣло въ Губ. архивѣ, св 86, № 384, л. 49.

вали утверждать, что суждены были одновременно и за оскопленіе. Для окончательнаго выясненія дѣла начальство вошло въ сношеніе съ Вологодскимъ и Петербургскимъ судами. Изъ Вологды отвѣта не послѣдовало, а изъ Петербурга присланъ былъ отвѣтъ Эстляндскаго Губерн. Правленія, что Власовъ былъ осужденъ „за участіе съ другими крестьянами въ ограбленіи на дорогѣ близъ г. Нарвы проѣзжавшихъ людей и убійство одного изъ нихъ, за что Виръ-Грвенскимъ магистратомъ приговоренъ былъ къ наказанію 30-ю парами прутьевъ и отсылкѣ въ Нерчинскъ въ каторжную работу вѣчно". Въ Томскѣ изумились такому отвѣту относительно лица, принятаго въ томское гражданство. Власовъ заключенъ былъ въ тюрьму, но отсюда скопцы взяли собрата на поруки, настаивая, что въ данномъ случаѣ кроется какое-то недоразумѣніе. Скопцы тѣмъ не менѣе не устранили подозрѣнія, что Карабановъ и Власовъ были оскоплены въ Сибири и даже гдѣ-то близъ Томска [1]).

Въ продолженіе 1840-хъ годовъ обвинялись въ оскопленіи поселенцы Михаилъ Герасимовъ [2]), Ив. Ильинъ, Елистратъ Никаноровъ, Андрей Егоровъ съ женой Лукерьей Еремѣевой, бродяга Захаръ Ѳокинъ, пропитанный Ѳедоръ Сухихъ, Тимофей Алексѣевъ и Степ. Варичевъ.

Иванъ Ильинъ и Елистратъ Никаноровъ въ 1848 г. показывали, что оскоплены были назадъ тому десять лѣтъ скопцомъ изъ поселенцевъ Боготольской волости, уже умершимъ, Емельяномъ Моголинымъ или, иначе, Гамолинымъ. Ильинъ, принявъ оскопленіе, пересталъ пускать жену и дѣтей въ православную церковь [3]).

Захаръ Ѳокинъ сначала утверждалъ, что оскопился, проживая у скопца поселенца Боготольской волости Петра Шахотина и что къ оскопленію его склонили этотъ Шахотинъ и Алексѣй Захаровъ, который способствовалъ и „самому дѣйствію оскопленія", но затѣмъ „утвердился въ показаніи", что оскопился уже давно, еще проживая на родинѣ въ Тамбовской губерніи [4]).

Пропитанный Ѳедоръ Сухихъ на судѣ разсказалъ, что скопцы уговаривали его къ принятію „печати" цѣлый годъ и, наконецъ, уговорили. Въ частности совратителей онъ указывалъ въ лицѣ поселенцевъ Боготольской волости: Парѳена Горяинова, Мих. Шахотина, Мих. Старкова, Сем. Несмашкова, Нелюбинской волости Корнѣя Суглова и Спасской вол. Петра Абросимова и Прокопія Алексѣева. Всѣ оговоренные не сознались въ возведенномъ на нихъ обвиненіи, но оставлены были судомъ въ сильномъ подозрѣніи [5]).

Поселенцы изъ каторжныхъ Андрей Егоровъ съ женой Лукерьей были, по ихъ словамъ, убѣждены къ оскопленію и оскоплены въ 1838—1839 гг.

---

[1]) Д. Губ. Пр., св. 736, № 465.
[2]) То-же дѣло.
[3]) Д. Губ. Пр., св. 737, №№ 645, 620.
[4]) Д. Губ. Пр., св. 737 № 644.
[5]) Д. Губ. Пр., св. 733—о пропитанномъ Сухихъ и крестьянкѣ Шульгиной за 1842.

поселенцемъ Кійской волости Никитою Аѳанасьевымъ уже умершимъ [1]). Относительно Тимофея Алексѣева и Степ. Варичева прочно было установлено только то, что оскоплены были гдѣ-то въ предѣлахъ Томской губерніи.

Время отъ времени оскопленія повторялись и въ продолженіи 1850 и 1860-хъ годовъ.

Въ 1854 г. возникло дѣло объ оскопленіи поселенцевъ Нелюбинской волости Викентія Филипповича (изъ шляхтичей Минской губ.) и Гавріила Васильева. Оба увѣряли, что оскопились въ Россіи, но изъ статейныхъ списковъ было усмотрѣно, что сосланы были въ Сибирь не за скопчество, а за бродяжество. Отсюда судъ вывелъ заключеніе объ ихъ оскопленіи уже по ихъ приходѣ на сибирское или даже томское поселеніе [2]).

Въ томъ же году поселенецъ дер. Бѣлобородовой Василій Андреевъ подпалъ обвиненію въ оскопленіи воспитанника своего Гавріила Васильева [3]).

Въ 1855 г. очутились подъ судомъ за оскопленіе поселенцы Дмитрій Терновскій и Алексѣй Захаровъ. Дѣло о нихъ было выкрадено изъ канцеляріи Томскаго окружнаго суда. Потребовалось новое разлѣдованіе, результатъ котораго намъ остался неизвѣстнымъ [4]).

Чрезъ годъ найденъ вновь оскопленнымъ воспитанникъ скопца Татаринова Никита Яковлевъ—неизвѣстнаго происхожденія. Обвиненіе пало на самого Татаринова, умершаго незадолго предъ временемъ судебнаго рѣшенія дѣла. Никита, коему было 19 лѣтъ, заключенъ былъ въ смирительный домъ на два съ половиною года [5]).

Въ 1859 г. сельскій старшина Бійскаго окр. Смоленской волости д. Верхъ-Катунской Аксеновъ донесъ Смоленскому вол. Правленію, что проживающій въ названной деревнѣ скопецъ-поселенецъ Томскаго окр. Спасской вол. дер. Пѣтуховой Ѳедоръ Ожогинъ оскопилъ крестьянскихъ дочерей дѣвицъ Домну Емельянову Невѣрову и Афимью Тим. Жданову. По лѣкарскому освидѣтельствованію, дѣвицы оказались не оскопленными и обвиненіе возникло потому, что Невѣрова и Жданова слишкомъ часто навѣщали Ожогина, вѣроятно, для душеспасительныхъ бесѣдъ [6]).

Скопцы, проживавшіе на пасѣкахъ около дер. Кузовлевой Ив. Громовъ, Петръ Корюковъ, Ив. Никифоровъ, Ив. Денбровскій преданы были суду за оскопленіе поселенца Козмы Лобачева, жены его Домны Егоровой и поселенки Дарьи Непомнящей. Приговоромъ суда отъ 9 февраля 1862 г. Никифоровъ, Громовъ, Денбровскій и Корюковъ были оставлены на свободѣ, какъ въ преступленіи неуличенные.—Лобачевъ съ женою сосланы въ Туруханскій край. Непомнящая оказалась неоскопленной, и потому изъ приговора была исключена [7]). Одновременно съ этимъ производилось еще дру-

---

[1]) Д. Губ. Пр., св. 745, № 54.
[2]) Д. Губ. Пр., св. 738, № 683.
[3]) Д. Губ. Прав., св. 744, № 10.
[4]) То-же дѣло.
[5] Д. Губ. Пр. св. 744, № 8.
[6]) Д. Губ Пр. св. 748, № 265.
[7]) Д. Губ. Пр. св. 738, № 847.

гое дѣло:—объ оскопленіи кѣмъ-то крестьянина Семилужной волости Владиміра Ив. Григорьева [1]).

Пріютившіеся въ д. Пѣтуховой скопцы Невѣровы въ свою очередь были сильно заподозрѣны въ искалѣченіи сектантской операціей своего родственника Самойла Невѣрова, отправленнаго за принятіе скопчества въ Туруханскій край [2]).

По цифровымъ даннымъ, собраннымъ въ трудѣ Варадинова, всѣхъ скопцовъ въ Томской губерніи было за 1826 годъ 26 душъ муж., пола, за 1827—80 муж. и 14 жен., за 1837—172 муж. и 32 жен. за 1846—100 муж. и 10 ж. п. [3]) Изъ другого источника узнаемъ, что за 1869 годъ всѣхъ послѣдователей скопческой ереси въ губерніи проживало по Томскому округу въ д. Пѣтуховой 31, д. Бѣлобородовой 17, Семилужной вол. 14, въ Боготольской волости Маріин. окр. 4, въ Верхне-Каинской вол. Каинск. окр. 2, въ городахъ: Бійскѣ 2, Колывани 2, Кузнецкѣ 1,—всего 73 д. об. пола [4]).

Всѣ цифры едва ли точны,—по нашему мнѣнію, онѣ ниже дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ достовѣрно ихъ общее показаніе, что съ 1840-хъ годовъ количество скопцовъ въ предѣлахъ губерніи постепенно уменьшается. Уменьшеніе прежде всего было слѣдствіемъ естественнаго вымиранія сектантовъ-кастратъ. Кромѣ того, томское начальство съ указаннаго времени стало строже слѣдить за скопцами, наблюдая, чтобы новые поселенцы изъ послѣдователей скопчества были направляемы на жительство именно въ тѣ мѣста Сибири, которыя были указаны для ихъ водворенія закономъ отъ 7 іюля 1835 г.[5]) и послѣдующими распоряженіями правительства, т. е. въ мѣста около Березова, Туруханска и затѣмъ въ Якутскую область. Къ Туруханску были препровождаемы и тѣ изъ сторонниковъ насъ занимающаго сектанства, которые такъ или иначе пріютившись въ Томской губерніи, навлекли на себя подозрѣніе или какъ оскопители, или какъ оскопившіеся вновь здѣсь—въ Сибири.

На Томскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, бывшемъ въ августѣ 1898 г., установлено, что „скопчество въ самомъ незначительномъ количествѣ существуетъ въ г. Томскѣ и близъ него по заимкамъ. О какой-либо пропагандѣ или новыхъ случаяхъ оскопленія ничего не слышно“ [6]).

---

[1]) Д. Губ. Пр., св 748 № 91.

[2]) — св. 748, № 83. Само собою понятно, что возникавшія дѣла объ оскопленіяхъ нами исчислены далеко не всѣ. По архивамъ прослѣдить ихъ во всей совокупности было-бы въ высшей степени трудно. Намъ извѣстно, что за 1850-ые годы въ производствѣ томскихъ судебныхъ мѣстъ состояли еще дѣла: объ оскопленіяхъ крестьянъ Спаской волости Самойла Чивера, Ивана Павловскаго, Самойла Невзорова и бродяги Нестерова. См. дд. въ губ. арх. въ свв. 121 (переписка о движеніи раскольническихъ дѣлъ) и 128 (реестръ дѣлъ о рескольникахъ).—Какихъ-либо подробностей относительно этихъ оскопленій мы отыскать не могли.

[3]) Варадиновъ. Ист. М. В. Д. кн. 8, стр. 167, 375, 449.

[4]) Донесеніе о состояніи раскола чин. особ. поруч. Юрченко.

[5]) Собран. пост. по ч. раскола, стр. 148.

[6]) Первый Епарх. Миссіонер. съѣздъ въ г. Томскѣ, стр. 81.

По Высочайшему повелѣнію были препровождены въ 1867 г. для водворенія въ Томской губ. образовавшіе, „новую сильно вліяющую на другихъ секту", казаки Кубанскаго казачьяго полка: Савиныхъ, Щербинъ, Лабовской, Отюсскій и урядникъ Несмашковъ съ ихъ семейными. Выборъ мѣста для ихъ поселенія предоставленъ былъ личному усмотрѣнію начальника губерніи. Послѣдній „въ виду значительнаго развитія раскола по Томской губерніи" далъ распоряженіе поселить присланныхъ въ малолюдномъ Нарымскомъ краѣ.

Присланные были хлысты съ какимъ-то уклоненіемъ отъ обычнаго типа сектантовъ этого рода [1]).

Не знаемъ въ зависимости или внѣ зависимости отъ названныхъ поселенцевъ тамъ же, въ сѣверной окраинѣ губерніи, по теченію р. Шегарки, за послѣдніе годы образовалось тайное общество послѣдователей „апостольской вѣры", о которыхъ извѣстно, что собираются на молитву босыми и въ бѣлыхъ одеждахъ, мяса въ пищу не употребляютъ, питаясь молочной и растительной пищей, т. е. несомнѣнно хлыстовское общество [2]).

Въ недавнее же время хлыстовщина появилась еще въ противоположномъ южномъ углу нашей губерніи, именно на заимкѣ Дрязговитой Бійскаго окр. прихода с. Солонеченскаго. Сюда ересь скакуновъ занесли переселенцы изъ Вологодской губерніи [3]).

---

[2]) Дѣло въ арх. Томск. Консист. за 1868 г. № 103.

[2]) Первый Епарх. миссіон. съѣздъ въ г. Томскѣ, стр. 81.

[3]) Тамъ-же, стр. 79—80.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы исполнили предположенное дѣло, руководствуясь цѣлію показать, насколько укорененъ расколъ въ населеніи Томской губерніи, какая онъ сила въ немъ. Въ коренномъ, сторожильскомъ, населеніи распространенъ преимущественно расколъ старообрядческій; среди пришлыхъ насельниковъ края держится и старообрядчество, и сектантство. Губернія и епархія заполнены всякимъ ученіемъ или, точнѣе, лжеученіемъ. Это глубоко печальное явленіе требуетъ неизбѣжной борьбы съ нимъ.

Каждое религіозное заблужденіе, всякая ересь ближе всего касается церкви, какъ носительницы истины, призванной насаждать и утверждать въ мірѣ вселенскую истину. Естественно, что тяжесть борьбы съ религіознымъ разномысліемъ должна падать на представителей церкви,—она должна быть дѣломъ всѣхъ учительствующихъ отъ имени и отъ лица церкви. Но прежде всего и больше всего она есть обязанность, неразрывно связанная съ долгомъ пастырскаго служенія. Никто не стоитъ ближе къ приходу, какъ его пастырь, никто не знаетъ такъ духовныя потребности прихожанъ, ихъ недостатки, ихъ болѣсти, какъ ихъ духовный руководитель и духовный врачъ,—никто такъ непосредственно, такъ живо и существенно не можетъ проникнуться нуждами словеснаго стада, какъ тотъ, попеченію коего ввѣрено оно.

Тамъ, гдѣ есть расколъ,—тамъ величайшая нужда наученія, и удовлетвореніе этой нужды должно исходить отъ приходскаго священника. Наѣзжій миссіонеръ можетъ быть только помощникомъ священнику, какъ постоянному блюстителю прихода,—помощникомъ въ какихъ-либо особо затруднительныхъ случаяхъ, требующихъ спеціальныхъ знаній. Но въ такихъ случаяхъ не откажется пособить пастырю и его собратъ по служенію гдѣ-либо въ сосѣднихъ мѣстахъ. Думается, что за нынѣшнее время (нынѣ расколъ и его обличеніе преподаются въ семинаріяхъ, какъ особый предметъ) всегда найдется въ благочиніи или въ каждой отдѣльной части епархіи священникъ, свѣдущій въ раскольнической или противораскольнической литературѣ, лишь-бы установились, непремѣнно установились, братскія между пастырями сношенія во имя дѣла, во имя общихъ задачъ святого званія.

Не сомнѣваемся, что, по временамъ, въ приходахъ встрѣчается надобность бесѣдовать съ раскольниками и сектантами по тѣмъ обрядовымъ или догматическимъ вопросамъ, ради которыхъ расколъ и сектанство спорятъ

съ православіемъ, по поводу которыхъ отдѣляются отъ него. Но, съ другой стороны, полагаемъ, что бесѣды съ преніями далеко не единственный способъ убѣжденія. Положительный призывъ къ единенію съ церковію словомъ отъ всего сердца и любви, — растворенным глубоко-искреннимъ исканіемъ спасенія заблудшаго во многихъ случаяхъ подѣйствуетъ нисколько не слабѣе, но еще успѣшнѣе и благотворнѣе, чѣмъ доводы, приводимые въ полемикѣ. — Добрый примѣръ жизни всѣхъ членовъ въ составѣ причта, истовое, рачительное, благоговѣйное богослуженіе въ храмѣ и при требоисполненіяхъ на домахъ довершатъ силу учительнаго слова въ смыслѣ воздѣйствія на заблудшія души. Могучимъ средствомъ того-же воздѣйствія должна явиться и, надѣемся, явится церковно-приходская школа, еще неокрѣпшая, но имѣющая окрѣпнуть въ предѣлахъ Томской губерніи и епархіи. Изъ школы, окруженной всѣми вѣяніями св. церкви, внѣдряющей въ дѣтскія души православныя понятія и воззрѣнія, должны выходить питомцы, устойчивые въ приверженности къ церкви и послушаніи ея завѣтамъ, ея указаніямъ.

Самое существо дѣла, самое званіе священника со всею положительностію и твердостію устанавливаютъ, что для послѣдняго дозволителенъ только одинъ способъ борьбы со всѣмъ тѣмъ, что противорѣчитъ православію или разнорѣчитъ съ нимъ, именно способъ борьбы мечемъ духовнымъ. Всякое внѣшнее со стороны священника давленіе на расколо-сектанта прежде всего не свойственно ему, какъ духовному борцу; во-вторыхъ, не достигая желательнаго результата, оно поселяетъ раздраженіе въ расколо-сектанствѣ, вызываетъ въ его сферѣ нарочито преувеличенныя жалобы на стѣсненія отъ духовенства, при чемъ жалующіеся такъ любятъ цитировать слова изъ нашего законодательства: „вѣра Христова порождается благодатію Господнею, поученіемъ, кротостію и добрыми примѣрами“... [1]).

Мы не забываемъ, что томскій расколъ во всѣхъ своихъ видахъ и сектахъ вноситъ много нестроеній какъ въ церковную, такъ въ гражданскую и общественную жизнь своими враждебными заявленіями и выходками противъ православія, своимъ утѣсненіемъ православныхъ, когда чувствуетъ силу для этихъ утѣсненій, своими „сводными“ браками (часто безъ записи этихъ браковъ въ волостныя метрическія книги) и частыми разводами, своимъ слишкомъ снисходительнымъ, во многихъ толкахъ, отношеніемъ къ разврату, чѣмъ въ значительной мѣрѣ объясняется распространенность легкаго взгляда на грѣхи прелюбодѣянія и любодѣянія во всемъ старожильскомъ населеніи въ Томской губерніи [2]). Но пусть эти и подобныя нестроенія

---

[1]) Св. Зак. т. XIV. Уст. о предупрежд. и пресѣч. преступленій ст. 70.

[2]) Для ознакомленія съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ общаго населенія Томской епархіи за его недавнее прошлое мы прочитали болѣе двухъ сотъ экземпляровъ изъ приходскихъ отчетовъ, представленныхъ въ консисторію сельскими причтами въ 1884—1885 гг. При этомъ были поражены массою священническихъ указаній на укоренившійся среди населенія порокъ легкаго отношенія къ тому, что воспрещено седьмою заповѣдію. Мы встрѣтили такія указанія болѣе, чѣмъ въ половинѣ просмотрѣнныхъ отчетовъ и преимущественно въ отчетахъ о приходахъ, зараженныхъ расколомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пастырскія сѣтованія по настоящему дѣлу

самостоятельно вѣдаетъ своимъ надзоромъ, предупреждаетъ и останавливаетъ своими мѣрами свѣтское начальство, обязанное поддерживать и защищать православіе, какъ одну изъ главнѣйшихъ основъ нашего православнаго государства, и охранять жизнь отъ всякаго безпорядка. Миссія духовнаго пастыря преподнимать и оздоравливать жизнь на святыхъ началахъ церкви завѣщанными апостоломъ стредствами вразумленія, умоленія,—всяческаго назиданія.

Если неумолимая житейская практика можетъ все—таки вынудить священника къ обращенію, въ узаконенномъ порядкѣ, къ содѣйствію властей по дѣламъ раскола, такъ это, по нашему мнѣнію въ двухъ только случаяхъ:—въ случаѣ какого-нибудь особаго кощунственнаго неистовства расколо-сектанта,—неистовствомъ возмущающаго всю окружающую православную среду и не встрѣчающаго удержанія со стороны ближай-

---

выражены очень силь о. Напримѣръ, священникъ прихода с. Крохалевскаго писалъ въ отчетѣ: «Среди прихожанъ развиты пороки: *распутство* и обманъ. Первый порокъ поддерживается слабостію родителей при воспитаніи дѣтей. Многіе изъ родителей до такой степени потворствуютъ распутству дочерей своихъ, что сами, воспитывая дѣтей, прижитыхъ дочерьми незаконно, утѣшаются такими внучатами,—лишь-бы дочери не выходили замужъ,—по выраженію родителей, не оставляли ихъ при старости и болѣзняхъ. Уговаривая дочерей не выходить замужъ, родители указываютъ: „такой-то Богъ далъ ума—разума, состарилась въ дѣвкахъ и отца съ матерью не покинула", хотя у всѣхъ такихъ примѣрныхъ дѣвицъ были и есть незаконныя дѣти».—«Пьянству и блуду предаются многіе изъ прихожанъ—писалъ священникъ с. Корниловскаго,—порокъ половой распущенности укоренился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ распространеннаго между наклонными къ старообрядству мнѣнія, по которому блудъ есть *птичій* грѣхъ, каковымъ называютъ его въ смыслѣ грѣха легкаго».—«Главные пороки въ приходѣ—грѣхъ противъ седьмой заповѣди и пьянство. Распутство поддерживается самымъ складомъ жизни сибиряковъ (?) и равнодушнымъ взглядомъ на любодѣяніе» (отчетъ приходскаго причта с. Ординскаго Барн. окр).—„Есть въ приходѣ не мало вдовъ и дѣвицъ, которыя, нисколько не стыдясь, имѣютъ по нѣскольку незаконно-прижитыхъ дѣтей. Есть мужья, которые, удаливъ отъ себя женъ, живутъ открыто съ любовницами, равнымъ образомъ не рѣдки и жены, покинувшія мужей и живущія зазорно" (отчетъ о приходѣ с. Риддерскаго Бійск. окр.)—„Плотской грѣхъ—господствующій среди прихожанъ. Ужасно даже сказать, какъ сильно угнѣздился онъ. Уже съ 13 лѣтъ мальчики и дѣвочки начинаютъ жить вольно... Блудники творятъ дѣло не только съ чужими, но и съ племянницами, снохами и другими даже болѣе близкими по крови" (отчетъ о приходѣ с. Локтевскаго Барн. окр.)—„Пороки въ приходѣ—пьянство и главнымъ образомъ развратъ. Развратъ коренится издавна, переходя изъ рода въ родъ. Сынъ, смотря на дѣянія отца, поступаетъ также. Обличеніемъ порока священники наживаютъ себѣ непріятности" (приход. отч. с. Маслянинскаго) —Приходскіе отчеты въ архивѣ Томск. консисторіи.

Въ частности относительно распущенности въ самомъ Томскомъ расколѣ—вотъ что, между прочимъ, писалъ А. Принтцъ о жизни раскольниковъ Бухтарминской волости.—Нравственность Бухтарминцевъ, „по легкости взгляда ихъ на прелюбодѣйныя связи вообще, стоитъ весьма низко. Не смотря на ближайшее кровное родство, любовныя связи брата съ сестрой, отца съ дочерью и т. под. считаются дозволительными и называются просто „птичьимъ грѣхомъ", по уподобленію птицамъ, вышедшимъ изъ одного гнѣзда. Дѣвицѣ не ставится въ укоръ, если она до замужества жила съ кѣмъ-нибудь, но, по выходѣ же замужъ, она обязывается быть вѣрна (?) своему мужу"—А. Принтцъ. Статья: „Каменьщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губерніи" въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическ. Общества (по общей географіи). 1867, Т. I, стр. 587.

Въ свою очередь г. Чудновскій въ выдержкахъ изъ своего дневника, напечатанныхъ въ Сѣверномъ Вѣстникѣ передаетъ... „старикъ Сахаровъ (видное лицо въ стариковщинѣ), что сидѣлъ съ нами (въ с. Айскомъ), на видъ такой почтенный старикъ, а за одинъ мясоѣдъ трехъ женъ прогналъ"...

— «Отправляюсь въ дер. *Платово*.. Ямщикъ мой разболтался на счетъ „распутства" стариковщины. Блудъ въ средѣ послѣднихъ, по его словамъ, слыветъ подъ именемъ „птичьяго грѣха", грѣха совершеннаго ничтожнаго, за который Богъ легко проститъ: „ежели мужикъ соблазнился бабой, они—пара, и говорятъ: „это паденіе Богъ проститъ"... У нихъ не рѣдкость, что поживутъ промежъ себя мѣсяцъ—другой, не приглянется мужику баба, ищетъ другую"..., Сѣверн. Вѣстн. 1890, кн. 9-я.

шихъ сельскихъ начальниковъ, и въ томъ разѣ, когда рѣшительно некому стать въ заступничество за жертву раскольнической нетерпимости, изнывающей подъ бременемъ кровныхъ обидъ, или даже отъ побоевъ и истязаній.

Тяжело положеніе священника въ приходѣ, зараженномъ расколомъ и оставленнаго съ одними духовными средствами борьбы съ нимъ. Но, съ другой стороны, гдѣ легко пастырю, въ той или иной мѣрѣ проникнутому сознаніемъ высокой идеи своего служенія для ея исполненія по совѣсти и по долгу? Для такого дѣятеля вездѣ дѣланіе на порученной нивѣ есть безпрерывный трудъ и постоянное терпѣніе.

ДОПОЛНЕНІЯ.

К ъ с т р а н и ц а м ъ о р а с к о л ь н и ч е с к и х ъ с к и т а х ъ (81—93).

Въ 1836 году въ лѣсахъ Кузнецкаго округа былъ открытъ скитъ, въ которомъ главенствовалъ крестьянинъ Кузнецкаго-же окр. Терентій Петровичъ Титовъ. Подъ его настоятельствомъ „въ черни“ проживало до 20 человѣкъ—изъ раскольниковъ „самыхъ фанатичныхъ, не стѣснявшихся самыми дерзкими выраженіями противъ Особы Государя даже въ присутствіи слѣдователей“ на допросахъ, когда были пойманы. Особымъ фанатизмомъ изъ скитниковъ заявилъ себя кр. Никонъ Никитинъ Киселевъ, грозившій, послѣ поимки, умертвить своихъ малолѣтнихъ дѣтей.

Дѣло Губ. Прав. въ св. 741, № 389.

За 1840-ые годы были взяты «въ таежномъ лѣсу Томскаго округа» укрывшіеся для пустыножительства: Аѳимья Осипова—безъ фамиліи, Анна Безотчества, Аксинья Данилова и Аксинья Петрова Руколеевы, Татьяна и Пелагея Поповы, Вѣра и Надежда Козьмины, Маланья Шевелева, Иванъ Васильевъ Неизвѣстный, Еремія Бородинъ, Ермолай Непомнящій, Варвара Васильева, Ѳеона, Агафья и Ирина—безъ фамилій. Прежде поимки изъ скита отлучились и остались неразысканными: Осипъ Митрофановъ, старецъ Павелъ,—Марія, Василій и Власъ Безотчества, вѣроятно, дѣти умершаго въ скиту старика Ѳомы Безотчества. Всѣ были изъ бродягъ и всѣ держались „грубаго и вреднаго раскола самой злой секты“.

Дѣло Губ. Прав. въ св. 733, № 51.

Въ настоящее время въ тайгѣ, тянущейся по р. Чети и ея притокамъ (Маріин. окр.), имѣется скитъ, управляемый Матвѣемъ Гусевымъ. Въ скиту проживаетъ до 40 человѣкъ изъ раскольниковъ часовеннаго согласія. Догадываются, что скитъ этотъ перенесенъ сюда изъ Томско-Чулымской тайги, гдѣ находится подъ настоятельствомъ монаха Израиля.

Въ той-же, Четской, тайгѣ недалеко отъ заимки Сидоровой вновь собралъ на скитское житіе мужчинъ и женщинъ страннического толка „главный наставникъ Четскихъ бѣгуновъ“ Иларіонъ Степановичъ, по фамиліи, Викуловъ—тотъ самый, который упомянутъ нами на 26 и 83 стран. предшествующаго изложенія. Нынѣ въ его скиту, въ качествѣ постоянныхъ обитателей, находится 19 человѣкъ.

Томскіе Епар. Вѣдомости. 1900 г., № 22. Миссіонерскій отдѣлъ, стр. 9.

— Ко второму примѣчанію на 127 страницѣ.—Крестьянинъ д. Нижней Каянчи Трофимъ Шипицинъ, принявъ на себя ходатайство о свободномъ слѣдованіи раскольнической вѣрѣ отъ лица раскольниковъ Смоленской волости Бійскаго окр., побывалъ съ прошеніями въ Москвѣ и Петербургѣ. На расходы, по предмету ходатайства, довѣрители собрали между собой и вручили Шипицину 4000 руб. сер.—Вернувшись, Трофимъ, „представилъ отчетъ, въ которомъ итоги подведены были такъ гладко, что расходы пришлись копѣйка въ копѣйку съ приходомъ, т. е. всѣ врученныя Шипицину деньги были цѣликомъ израсходованы...“ На другой годъ „Шипицинъ поставилъ себѣ новый домъ, да двумъ сыновьямъ своимъ поставилъ по дому, между тѣмъ никакихъ другихъ средствъ у Шипицина, кромѣ остатковъ изъ тѣхъ денегъ, быть не могло... Теперь (въ 1890 г.) раскольники опять собираютъ по 50 коп. съ души (сборъ поголовный—со всѣхъ возрастовъ обоего пола) и опять для Шипицина-же, который долженъ отвезти своего сына въ Москву для поставленія его тамъ въ попы (австрійскіе). На этотъ разъ возбуждаются опасенія и сомнѣнія, какъ-бы Шипицинъ—по возвращеніи—вновь не принялся ставить дома своимъ приснымъ“...

С. Л. Чудновскій. Раскольники на Алтаѣ (выдержки изъ дневника). Въ Сѣверн. Вѣстникѣ, 1890 г. Сентябрь, стр. 48 (областной отдѣлъ).

Къ страницамъ 168—174.—„Въ предѣлахъ трехъ отдѣленій Алтайской противоязыческой миссіи—Урсульскомъ, Кебезенскомъ и Макарьевскомъ находятся, писалъ благочинный въ благочинническомъ отчетѣ за 1884 годъ, раскольники въ количествѣ 168 муж. 171 жен. пола. Но число это приблизительно, ибо точныя свѣдѣнія о количествѣ раскольниковъ установить трудно. Кромѣ того, заражены расколомъ жители селеній Улалинскаго отдѣленія: Тайны, Зыковой и Чайнинской сопки... Лжеучителями и справщиками требъ у раскольниковъ Макарьевскаго отдѣленія состоятъ: кр—нинъ Бійск. окр., Сростинской вол., д. Кутобай Тимофей Долговъ изъ поповцевъ австрійскаго согласія и переселившійся изъ Самарской губ. кр. той-же волости дер. Кажи Трофимъ Рогожниковъ—безпоповецъ. Изъ раскольниковъ Кебезенскаго отдѣленія—проживающіе въ заселкѣ Шпанакъ—принадлежатъ къ Поморской сектѣ, а тѣ, которые живутъ въ аилѣ Тондошъ, именуются „немоляками“. Главною особенностію вѣроученія послѣднихъ служитъ то, что отрицаютъ иконы, крестъ и наружную молитву.... Всѣ вообще раскольники, поселившіеся между алтайскими инородцами, фанатичны. Они затыкаютъ уши отъ одного звука колокола съ православнаго храма, запираютъ ставни домовъ при одномъ видѣ церковныхъ процессій. Православныхъ раскольники чуждаются, и если сходятся съ ними, то развѣ только на гулянкахъ. Говорить съ раскольниками православному священнику нѣтъ возможности,—не слушаютъ. Число раскольниковъ въ предѣлахъ дѣйствія миссіи не уменьшается, а увеличивается чрезъ прибытіе къ нимъ новыхъ переселенцевъ. Пришлые послѣдователи раскола страшно стѣсняютъ инородцевъ тѣмъ, что, заводя пчеловодство, занимаясь хлѣбопашествомъ, путемъ насилія отбираютъ у инородцевъ земли, оста-

вляютъ ихъ безъ хлѣба и сѣна и, что особенно горько, смущаютъ новокрещенныхъ насмѣшками надъ православными обрядами и надъ троеперстнымъ сложеніемъ для крестнаго знамени. Раскольники развращаютъ даже некрещенныхъ. Подъ вліяніемъ внушеній съ ихъ стороны *язычникъ, не зная о Христѣ, вѣдаетъ уже объ антихристѣ.* Кромѣ того, зная слабость инородцевъ къ вину, раскольники спаиваютъ ихъ и эксплоатируютъ въ своихъ выгодахъ“ [1]).

Изъ отчета благочиннаго церквей Алтайской миссіи свящ. о. Константина Соколова за 1884 годъ.

Къ стр. 208-й (строка сверху 20).—Среди взятыхъ въ острогъ крестьянъ, на которыхъ здѣсь указывали единовѣрцы, находился очень знатный въ алтайскомъ расколѣ поморскій наставникъ Иванъ Егоровъ Каменщиковъ, умершій въ тюрьмѣ отъ простуды вскорѣ послѣ заключенія. Каменщиковъ слылъ за человѣка „гласнаго, отвѣтнаго, хорошо знавшаго св. отецъ и писаніе“. И доселѣ раскольники окружаютъ его ореоломъ мученика, „вспоминаютъ о немъ съ благоговѣніемъ, рисуютъ его большимъ грамотѣемъ, человѣкомъ бывалымъ, ходившимъ въ самый Даниловъ монастырь (Олонецкій губ.), побывавшимъ и въ Москвѣ и Петербургѣ“.

С. Л. Чудновскій.—Раскольники на Алтаѣ. Въ Сѣвер. Вѣстн. 1890. Сентябрь, стр. 66—67.

Къ стр. 214. До какой степени расколъ и расколоучительство были изобильны въ единовѣрческихъ приходахъ Бійскаго окр. и за 1880-ые годы, видно изъ списка наставниковъ и справщиковъ требъ, изложеннаго въ благочинскомъ отчетѣ за 1885 г. благочиннаго единовѣрческихъ церквей, свящ. о. Алексія Ливанова.

Наставниками и справщиками были—по Секисовскому приходу—въ с. Секисовкѣ: Алексѣй Григорьевъ и Ѳедоръ Бѣлоусовъ;—въ с. Бобровскомъ Гурій Кузминъ;—въ д. М. Убинкѣ Пименъ Климовицкій, Мартынъ Горбатовъ, Ив. Нѣмцевъ;—въ с. Верхне-Убинскомъ Вас. Дмитріевъ, Павелъ Даниловъ, Ѳедоръ Гусевъ, Тимофей Шатыгинъ;—д. Большой Рѣчкѣ Ѳед. Батенковъ и Корнилій Шешуковъ;—дер. Быструхѣ лже-попы Ив. Головановъ, Максимъ Головановъ и дьяки: Мина Рыльскій, Спиридонъ Ѳедоровъ;—дер. Александровкѣ—лже-попъ Ефимъ Поляковъ, лже-инокъ Арсеній, наставникъ Егоръ Звонцевъ;—д. Черешманкѣ Сергѣй Антроповъ, Ѳедоръ Антроповъ, Евтропій Денисовъ и Мартынъ Денисовъ; въ д. Пихтовкѣ Семенъ Путимцевъ, лже-священноинокъ Евфимій; въ д. Поперечной Кузьма Сѣровъ.

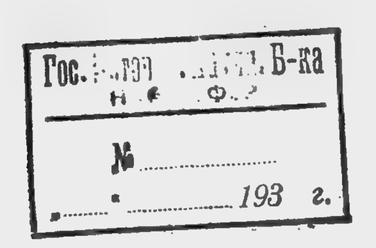
2) По Шеманаевскому приходу:—въ с. Шеманаихѣ, у безпоповцевъ, Ив. Ивановичъ Васильевъ; въ д. Выдрыхѣ лже-епископъ Меѳодій, лже-діаконъ Харлампій Тепловъ и сынъ его Трофимъ, выбранный для поставленія въ попы;—д. Вавилонкѣ дьякъ Климентъ Подкорытовъ.

3) По Шепуновскому приходу:—въ д. Старо-Алейской у безпоповцевъ—Ѳедоръ Кушнаревъ и помощникъ его нижегородскій крестьянинъ Григорій Шестаковъ; у раскольниковъ австрійскаго согласія—Евграфъ Трофимовъ и донской казакъ Степанъ Тимофеевичъ Корохтинцевъ;—въ д. Екатери-

нинской Петръ Тим. Корохтинцевъ, привлекавшій къ себѣ раскольниковъ знаніемъ устава и умѣніемъ отправлять службу съ внятнымъ чтеніемъ и пѣніемъ по крюкамъ.

4) По Сибирячихинскому приходу:—въ с. Сибирячихѣ—Никифоръ Степановъ и Вас. Михайловъ Черепановы;—д. Топольной Маркъ и Зотикъ Максимовы;—д. Черемшанкѣ Өедоръ Родюковъ и др.;—д. Петро-Павловской Порфирій Ивановъ Пахомовъ и др.

5) По Алтайскому приходу—въ с. Алтайскомъ—Абрамъ Козаковъ и Ив. Архиповъ;- д. Тауракъ Ив. Шадринъ;—д. Куэганѣ Леонтій Пятковъ;—д. Нижне-Каменкѣ Өедоръ Казанцевъ.

Гос. ... Б-ка
№ ....
.... 193 г.

БОЛѢЕ ВАЖНЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
25	5 снизу	и въ ихъ числѣ сочиненіе Аѳ. Пр. Щапова,—„Земство и расколъ".	и въ ихъ числѣ оказались: сочиненіе Аѳ. Пр. Щапова „Земство и расколъ"
32	15 снизу	Марко	„Марко"
33	5 сверху	Семенъ Долговъ, кажется, былъ	Семенъ Долговъ былъ
60	5 сверху	къ православному приходу	къ единовѣрческому приходу
64	10 сверху	Съ 1845 г. Шипицинская часовня была обращена въ единовѣрческій храмъ	Съ 1845 г. Шипицинская часовня была обращена въ единовѣрческую часовню
71	13 снизу	Кромѣ молельнь	Кромѣ молелень
73	19 снизу	для избѣжанія	для укрытія
115	1 снизу	Смягченное къ сводамъ отношеніе	Смягченное ко всѣмъ сводамъ отношеніе.
137	8 сверху	Дмитріе-Титовскую	Озерно-Титовскую

